

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. В. И. АБАЕВА

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО КАВКАЗОВЕДОВ

КАВКАЗ СПУСТЯ 20 ЛЕТ: ГЕОПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Труды международной научной конференции
(Владикавказ–Цхинвал, 20–30 июня 2011 г.)

Владикавказ, 2011

ББК 66.2
К 12

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

З. В. Канукова, А. Б. Крылов, А. Г. Кусраев

Кавказ спустя 20 лет: геополитика и проблемы безопасности: тр. междунар. науч. конф. (Владикавказ–Цхинвал, 20–30 июня 2011 г.) / Отв. ред. З. В. Канукова, А. Б. Крылов, А. Г. Кусраев.—Владикавказ: ЮМИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2011.—326 с.

В настоящий сборник вошли материалы Международного научного форума «Кавказ спустя 20 лет: проблемы геополитики и безопасности», посвященного памяти известного общественного деятеля и организатора науки Сергея (Солтанбека) Петровича Таболова (Владикавказ, 20–30 июня 2011 г.). Материалы форума распределены по четырем разделам: 1. Памяти С. П. Таболова. 2. Истоки современных этнополитических процессов. 3. Геополитика. Угрозы и риски. 4. Проблемы постсоветского развития науки и культуры.

ISBN 978-5-904695-10-1

© Владикавказский научный центр
РАН и РСО-А, 2011
© СОИГСИ им. В. И. Абаева, 2011
© Научное общество кавказоведов, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 21 по 30 июня 2011 г. во Владикавказе проходил научный форум, посвященный памяти видного общественного и политического деятеля, талантливого организатора науки Сергея (Солтанбека) Петровича Таболова. Организаторами форума выступили Правительство Республики Северная Осетия-Алания и Владикавказский научный центр Российской академии наук и Правительства РСО-А при участии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева и Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева. Активное участие в работе форума приняло Научное общество кавказоведов (НОК) — общественное, независимое, добровольное объединение ученых, специализирующихся на изучении Кавказа и приграничных с ним регионов, начавшее свою деятельность в декабре 2010 г.

Начало научному форуму положил Вечер памяти Сергея Таболова. С. П. Таболов занимал многие руководящие должности в высшем руководстве республики. В сложные 1990-е гг. он возглавил Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. За два с небольшим года Таболов сумел кардинально изменить направление научной деятельности института и включить его в активную общественную жизнь не только Северной, но и Южной Осетии. Народ этого нового независимого государства, с которым Сергей Петрович был рядом в самые тяжелые времена, всегда будет помнить его вклад в борьбу за свободу и независимость, в прорыв информационной блокады.

«Без планетарного мышления нельзя понять национальную идею», — считал Таболов. Он видел ее в перспективе объединения двух Осетий. С присущим ему даром прогнозирования Сергей Петрович еще двадцать лет назад разрабатывал концепцию социально-экономической и культурной интеграции Севера и Юга. Эти идеи сохраняют острую актуальность и сегодня. В первый раздел сборника включено его последнее интервью, воспоминания коллег о его многогранной деятельности.

Следующим мероприятием форума стала международная научная конференция «Кавказ 20 лет спустя: проблемы геополитики и безопасности». Геополитика Большого Кавказа, формирование концептуальных контуров развития научной мысли по кавказской проблематике — эти и другие вопросы были в центре внимания участников конференции. Стабильность Кавказа как единой геополитической системы может быть обеспечена только политическим единством всех народов региона. Достигнутое в рамках Российской империи и бывшего СССР, оно оказалось в значительной мере утраченным в современной действительности, что подтверждается наличием конфликтных узлов и слабостью интеграционных механизмов. Этническое многообразие на территории Кавказа — давняя особенность региона, но как свидетельствует история, далеко не всегда этот край был ареной острых межэтнических столкновений. С глубокой древности на территории Кавказа проживали представители разных культур, выработавшие особую систему межэтнического общения. Поиск ресурсов политической интеграции, укрепления общероссийской идентичности, межнационального и межконфессионального согласия, профилактики экстремизма и обеспечения безопасности актуализирует изучение исторического опыта, связей народов Кавказа с Россией, Западной и Восточной Европой, Турцией, Ираном, закономерностей коммуникационных процессов, природы и

механизмов их динамики, которые должны быть осмыслены в контексте современных вызовов. Этим вопросам посвящен второй раздел сборника «Истоки современных этнополитических процессов».

После распада Советского Союза Кавказ оказался самым сложным, нестабильным и конфликтным пространством во всем бывшем СССР. Активизация геополитических интересов и конфликтов мировых держав и региональных групп в этом регионе приводит к усилению религиозного экстремизма, сепаратизма, международного терроризма и позволяет прогнозировать реализацию определенных военно-стратегических и геоэкономических планов в перспективе. Существующие сегодня конфликты и противоречия способны оказать негативное влияние не только на социально-экономические и общественно-политические процессы к северу и югу от Большого Кавказского хребта, но и на страны, расположенные за пределами Кавказа. Особенностью Кавказа является своеобразная изолированность новых кавказских независимых государств и российских республик, что обусловлено экономической, политической и военно-стратегической зависимостью от транзита через территории соседних стран. Главный геополитический интерес России на Кавказе — сохранение своей целостности и предотвращение угрозы межнациональных конфликтов, оказывающих сильное дестабилизирующее влияние на весь юг России. Именно поэтому столь пристальное внимание участников конференции уделялось таким активно дискутируемым вопросам, как определение границ региона, его геополитическая роль, проблема наличия или отсутствия общерегиональной идентичности, предпосылки мирного решения конфликтов. Значимость этих вопросов актуализируется появлением новых вызовов и угроз российской безопасности. Доклады, посвященные обозначенным проблемам, включены в третий раздел сборника «Геополитика. Угрозы и риски».

Ситуация осложняется процессами, происходящими в массовом сознании. В условиях постсоветской реальности на людей обрушился поток исторической информации, а зачастую и дезинформации, обнажившей давние противоречия и проблемы, когда чуть ли не каждый экскурс в историю содержит в себе потенциал конфликтности, сопровождается новым мифотворчеством и явными фальсификациями. Известное негативное влияние оказывает вмешательство в науку «большой политики», идеологизация исследований, так называемая «война этнических историй». На рубеже XX–XXI вв., в связи с политическими и социокультурными переменами в нашей стране, произошло изменение методологических векторов, пересмотр концепций и идей в области гуманитаристики в целом. Рассмотрение эволюции и форм научной деятельности, истории формирования и функционирования интеллектуального пространства, современного состояния регионоведения являются исключительно важной историко-научной и социокультурной задачей. Участники конференции предприняли попытки активного осмысления истории науки, ее основных проблем и направлений, выявления особенностей и общих закономерностей развития современного кавказоведения. Этим аспектам проблемы посвящен заключительный раздел сборника «Проблемы постсоветского развития науки и культуры».

Отмечая активную деятельность НОК, которое придает большое значение установлению максимально широких связей с исследователями-кавказоведами, проводит научные конференции, а также, учитывая важность и актуальность обсуждаемых на них вопросов, редколлегия сочла возможным включение некоторых материалов конференций НОК в настоящий сборник. Надеемся, что научный форум «Кавказ 20 лет спустя: проблемы геополитики и безопасности» способствовал преодолению разрыва научных связей, консолидации ученых и экспертов со всего Кавказа в интересах мира, стабильности и развития гуманитарной науки в регионе.

З. В. Канукова, А. Б. Крылов, А. Г. Кусраев

РАЗДЕЛ I

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА ТАБОЛОВА

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ СЕРГЕЯ ТАБОЛОВА¹

Зачастую, когда речь заходит о межнациональных столкновениях, мы получаем и воспринимаем информацию на эмоциональном, эмпирическом уровне. Как правило, действия, не поддающиеся логическому объяснению, оцениваются людьми именно так. Тем не менее сфера межнациональных отношений нуждается сегодня в самом детальном и тщательном изучении. Именно этой проблемой занимается на профессиональном уровне Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований.

Наша беседа с директором СОГСИ Сергеем Петровичем Таболовым началась, естественно, с оценки развития ситуации вокруг так называемого осетино-ингушского конфликта за последние месяцы.

— Сергей Петрович, отсутствие политико-правовой оценки событий октября-ноября 1992 г. формирует весьма неблагоприятный для осетинской стороны фон. Ведь сегодня редко кто вспоминает о том, кто развязал войну, кто пал первыми жертвами, кто первым начал брать заложников. В расчет берется только один факт — наличие в Ингушетии большого количества беженцев из Владикавказа и Пригородного района.

— К сожалению, это действительно так. Причем центральные газеты, телевидение и радио практически не дают информации об активизации террористической деятельности со стороны ингушских экстремистов или подают ее таким образом, что трудно составить реальное представление о том, что происходит в зоне так называемого осетино-ингушского конфликта.

В результате создаются условия обвинения осетинской стороны в депортации ингушей, проведении этнической чистки или, выражаясь понятным международному сообществу языком, в нарушении прав человека.

¹Газета «Южная Осетия». 26 октября 1993 г.

При этом для некоторых международных организаций, как межправительственных, так и негосударственных, совершенно безразлично, тридцать или шестьдесят тысяч ингушей лишились жилища, работы. Для них важен сам факт.

Американское телевидение, например, по имеющимся у нас данным, дает однозначно проингушские материалы из зоны конфликта. Кроме того, следует помнить, что и в самой России есть достаточно влиятельные силы, которые не могут простить Осетии ее «просоветских настроений» и поэтому пытаются представить дело таким образом, что конфликт есть результат столкновения сторон, одна из которых цепляется за сохраняющиеся устои тоталитарного режима и противостоит им, боровшимся с тоталитаризмом еще в годы сталинизма, демократически настроенным силам. А поскольку СМИ в значительной мере контролируются именно этими силами, мы и столкнулись с односторонней проингушской позицией. Хотя ингушская сторона и твердит при каждом удобном случае об информационной блокаде. Особо следует отметить и собственно региональный фактор. Соседи Осетии по региону не всегда относятся с пониманием к проблемам, с которыми она сталкивается, что может привести к усилению изоляционистских тенденций по отношению к ней.

Вдобавок серьезно осложняется внутривнутриполитическая и криминогенная обстановка в Осетии как на Севере, так и на Юге, представляя нашим оппонентам новые аргументы в формировании неблагоприятного для Осетии имиджа. Наконец, бесперспективно пытаться убедить как своих коллег, так и оппонентов в собственной последовательности, когда выдвигаешь и отстаиваешь идею воссоединения Осетии, пытаешься реализовать право народа на самоопределение и нерушимости границ (принцип территориальной целостности) в осетино-ингушском конфликте. Такого рода коллизия, имея в виду их международно-правовой аспект, практически трудно преодолимы, если ставка делается на силу. Мировая практика, свидетельствует, что только создание весьма гибкой, сложной договорной системы, обеспечивающей баланс интересов конфликтующих сторон на базе широких и прочных гарантий со стороны регионального или мирового сообщества, может помочь в преодолении своеобразного замкнутого круга, в котором мы оказались. В противном случае, потери от затягивания и урегулирования конфликта способны подорвать силы народа или пробудить в нем такие качества, которые свергнут его в еще более страшные испытания.

— *Сказанное Вами заставляет задуматься: а верна ли та стратегия, которой мы руководствовались в разрешении конфликтных ситуаций на Юге и на Севере? И вообще, была ли эта стратегия разработана ясно, четко, с учетом наших сегодняшних и будущих интересов?*

— Ответ вряд ли может быть однозначным. Несмотря на достигнутые в военном отношении успехи и на Юге и на Севере, издержки сохраняющегося напряжения, дающего довольно острые рецидивы внутriosетинского противостояния, слишком велики, чтобы оценить предпринятые действия однозначно как позитивные. Можно сослаться на выступление Г. Козаева в «Северной Осетии» (от 27 июля 1993 г.) заявление тридцати народных депутатов и т. д.

Если же иметь в виду чисто экономические потери, вызванные нестабильностью в регионе, то сомнения в правильности избранной стратегии только усиливаются. Два фактора способны существенно повлиять на динамику событий в

регионе. Первый — прекращение огня в Абхазии и, прежде всего, позиция России, декларировавшей стремление к сохранению территориальной целостности Грузии и обеспечение гарантий автономной Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии. И второй — заключение Договора о дружбе и сотрудничестве между Чечней и Ингушетией с декларацией стремления создать единое Вайнахское государство, заявление ингушской стороны, в которых подписание Федеративного Договора ставится в зависимость от решения проблемы ингушских беженцев.

Одно из возможных последствий первого фактора — углубление противоречий внутри юго-осетинского сообщества между умеренными и радикалами, что так или иначе способно повлиять на обстановку на Севере Осетии. Это может послужить поводом для российского руководства, которое, прикрываясь такими мотивами, как предотвращение осложнения обстановки на Севере, локализация напряженности, ужесточит свои действия вплоть до полного контроля над Рокским тоннелем. Причем, не согласовывая свои действия с руководством северной Осетии, как это уже не раз делалось.

Допускать серьезную дестабилизацию на Юге — означает поставить под сомнение легитимность существующих там властных структур со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ускорив реализацию программы экономической и культурной интеграции Севера и Юга Осетии, заключение Договора о дружбе и сотрудничестве, основные положения которого разработаны, можно успешно противодействовать проявлению вышеуказанной тенденции.

Значение второго фактора состоит в следующем: проясняется истинная позиция ингушской стороны. В очередной раз декларировано позитивное отношение к идее создания Вайнахского государства. Активизация террористической деятельности наблюдалась именно в преддверии подписания Договора. Расчет мог быть весьма прост: предстать в глазах чеченской стороны как достаточно сильный партнер, который, несмотря на значительное количество российских войск в зоне ЧП, способен в военном отношении действовать эффективно. в этой связи было упрощением воспринимать последовавшие заявления Президента ИР и съезда народа ИР о неподписании Федеративного Договора, о возможном выходе из РФ только как попытку давления на российское руководство. Игра заходит слишком далеко. Сведения о подготовке ингушских боевиков (не только грузинскими, но, возможно, американскими и пешаварскими инструкторами), контакты с прибалтийскими государствами с целью нейтрализации действий России по защите прав русскоязычного населения в Прибалтике, наличие как на Западе, так и на Востоке сил, заинтересованных в ослаблении позиции России на Кавказе — все это свидетельствует не только о потенциальном, но и происходящем расширении числа «актеров» в разыгрываемом сценарии.

С другой стороны, при нынешнем состоянии российского руководства, в котором наблюдаются самые причудливые переплетения настроений и устремлений, но вместе с тем отсутствует главное: осознание собственно российских интересов и в соответствии с ними проведение последовательной политики, можно ожидать в очередной раз поспешных, непродуманных шагов. Например, ускорить возвращение беженцев, с чем уже увязывают выделение необходимых средств из российского бюджета на республиканские нужды, или попытки ввести режим ЧП на всей территории Северной Осетии.

— Уже давно замечено, что в периоды смуты, всеобщего кризиса или даже хаоса больше страдают наиболее законопослушные. Почему российское руководство может позволить себе по отношению к Северной Осетии то, на что по отношению к Чечне и Ингушетии, Татарстану или еще какой-либо бывшей автономии оно не решится?

— Основная причина того, что именно по отношению к Северной Осетии допускаются такие действия, — ее предсказуемость. Необходимо найти приемлемую форму, чтобы дать понять российскому руководству, что в «игре», в которой участвует или вынуждена участвовать Осетия, у нее могут быть свои собственные интересы.

Древние говорили: «Хочешь быть свободным, становись сильным». Сегодня, говоря о силе, речь должна идти о не только о способности противостоять вооруженным провокациям, но прежде всего об экономической мощи. Экономическое же положение Северной Осетии, даже с учетом общей кризисной ситуации в России, не оставляет сколь-либо серьезных надежд на лучшее. Тем не менее производственный потенциал и его эффективное использование, проведение экономической политики, ориентированной в большей степени на местные ресурсы, позволили бы заметно сократить республиканскую зависимость от центрального российского бюджета.

Кстати, мировая практика знает немало примеров того, как крупные державы в своем стремлении обеспечить собственные интересы в том или ином регионе «педалировали» на субэтнических противоречиях. Нужно быть готовыми к нейтрализации таких попыток. Спекуляции на диалектных различиях, усиление напряженности на осетино-кабардинской границе, актуализация проблемы Моздокского района — вот только некоторые из вероятных направлений действий сил, заинтересованных в еще большей дестабилизации обстановки в Северной Осетии и вокруг нее.

Отдавая инициативу в разрешении осетино-ингушского конфликта, осетинская сторона лишает себя возможности обрести именно ту силу, которая позволила бы Осетии, сохранив достоинство, ответить на вызовы времени. Ведь одно дело, когда ты фактически наносишь поражение (и не только военные), и тем не менее, проявляя добрую волю, идешь навстречу своему оппоненту. Это и есть проявление реальной силы. Совсем другое дело, когда третья сторона вынуждает тебя пойти на уступки, доказывая тем самым, кто в действительности «правит бал».

В первом случае, это была бы демонстрация не только российскому, но и международному сообществу, способности осетинской стороны осуществлять цивилизованную, ориентированную на перспективу политику, базирующуюся на осознании своих долгосрочных интересов и проводимую не за счет внешнего принуждения, а на основе внутренних побудительных стимулов.

Во втором случае, учитывая контекст событий не только северо-кавказских, но и общероссийских и других регионов СНГ, вполне вероятной может стать перспектива утраты какой бы то ни было самостоятельности.

В первом случае станет возможным вернуться к разработанному пакету документов о свободной экономической зоне, к заключению соответствующих договоров с соседними республиками и краями, что позволит улучшить шансы стаби-

лизации в регионе в геополитическом отношении, с расширением возможностей эффективного использования природного и социально-культурного потенциала Осетии (с совершенно естественным вовлечением в эти процессы Южной Осетии).

Во втором случае не исключено, что Осетию ждет президентское правление. Серьезные коррективы, вероятно, будут привнесены в ситуацию в случае, если будет принят документ, лежащий сегодня на столе президента США Клинтона, оправдывающий более активное вмешательство в конфликты на территории бывшего СССР со стороны США и международного сообщества (в Грузии это уже имеет место, наблюдатели, агентурная сеть ЦРУ и т. д.).

— *Сергей Петрович, выбор стратегии, адекватной сложившимся реалиям, конечно, задача первостепенной важности. Но, наверное, не менее важно и актуально сегодня стоит вопрос о формировании соответствующего общественного мнения.*

— Да, это так. А для этого нужно провести глубокие социологические исследования общественного мнения. Причем выяснить позицию граждан в каждом регионе республики. И уже после этого необходимо определить каналы наиболее эффективного воздействия на общественное мнение. В качестве такового может быть использована предстоящая предвыборная кампания, кое-чем уже давно начатая, электронные средства массовой информации. Кстати, я считаю, что местное наше телевидение, его уровень в удручающем состоянии, что должно стать предметом серьезного рассмотрения правительством республики.

Необходимо также сосредоточить усилия на скорейшем оформлении общественного движения, способного выступить на политической арене в роли центра лучших представителей различных социальных групп. Такого рода движения призвано было бы выработать конструктивную программу действий и предложить ее народу.

Кроме всего, что я перечислил, назвал бы еще ряд конкретных мер, которые имело бы смысл предпринять в ближайшее время:

1. Совершенно неэффективно используются возможности посредства Северной Осетии в Москве. Серьезной подготовки требуют как его кадровый состав, так и техническая оснащенность.

2. События в Пригородном районе Северной Осетии российским обывателем воспринимаются как осетинно-ингушский конфликт. Используя возможности национально-культурных центров, провести пресс-конференцию в г. Москве, чтобы позиция их звучала не только во Владикавказе. Тем более, что ингушская сторона в последнее время тиражировала информацию о надуманности проблемы русскоязычного населения в ИР, обвиняя в разыгрывании русской карты осетинской стороны.

3. Используя имеющиеся возможности, материал (видео или иной) о проживании в нескольких населенных пунктах СО ингушей, что даст возможность общественному мнению разобраться в том, кто его дезинформирует, называя цифры 64–70 тыс. ингушских беженцев из Пригородного района.

4. Северо-осетинские средства массовой информации постоянно обвиняются в нагнетении напряженности, в разжигании национальной вражды. Провести

контентанализ ТВ-программ и газетных публикаций в Северной Осетии и Ингушетии и сделать его достоянием общественности.

— *Появившийся недавно проект Закона Российской Федерации «О разграничении полномочий между РФ и субъектами Федерации в вопросах международных и внешне-экономических связей» дает еще один повод задуматься над проблемой межосетинских взаимоотношений.*

— Если подходить к оценке указанного законопроекта с точки зрения текущей политической борьбы в Российской Федерации, то очевидно, что он является отражением стремления значительной части руководства России к усилению позиции центральной власти за счет существенного ограничения закрепленных в Федеративном Договоре прав и полномочий республик. По всей вероятности, в предстоящий период можно ожидать и других попыток законодательного выхолащивания позитивного содержания Федеративного Договора, имеющих целью трансформацию государственного устройства Российской Федерации в нечто среднее между унитарной моделью и «жесткой» федерацией. Хотя победа централистских унитаристских тенденций в России представляются как в ближней, так и в отдаленной перспективе крайне сомнительной, республикам, входящим в РФ, очевидно, придется затратить немало усилий и времени для отстаивания того уровня самостоятельности и суверенитета, который декларирован действующим Федеративным Договором. При этом на определенной стадии не исключено значительно сужение реального объема прав республик и фактическое сосредоточение в Центре основных рычагов регулирования важнейших сторон их жизни (это, разумеется, лишь одна из альтернатив, на деле не менее вероятен и полный развал Федерального центра). Естественно предположить, что в этом случае область внешних связей субъектов Федерации станет предметом особенно пристального и заинтересованного контроля со стороны центральных органов.

Для Осетии, однако, подобные тенденции имеют совершенно особое значение. Если для большинства российских республик даже самое неблагоприятное развитие событий может означать лишь более или менее длительную, но в целом отнюдь не катастрофическую задержку в их постепенном и поэтапном продвижении к обретению реального государственного суверенитета, то для Северной Осетии, имеющей жизненно важные национальные интересы за пределами современных границ РФ — в Южной Осетии, любое законодательное оформление ущемленности ее полномочий в международной сфере, любое дальнейшее «отлучение» от процесса принятия внешнеполитических и внешнеэкономических решений грозит обернуться тяжелыми последствиями, могущими выразиться в окончательном закреплении юридического разделения осетинского народа при сохранении двум его частям возможностей взаимного общения лишь в объеме, сочтенном позволительным Россией и Грузией. В этом смысле появление вышеупомянутого законопроекта является весьма тревожным симптомом, высвечивающим крайне серьезную проблему правовой незащищенности идеи осетинского единства.

В данной связи невозможно отметить, что нынешнее положение является в определенной степени расплатой за пассивность и нерешительность, проявленные руководством Северной Осетии на этапе крушения советской и конституирования «независимой» российской государственности. Явно недооценив поначалу деста-

билизационный (для Северной Осетии) потенциал южноосетинского конфликта и отдав проблему его регулирования на откуп центральным (сперва союзным, а затем федеральным) органам власти республики по меньшей мере дважды — в период роспуска СССР зимой 1991–1992 гг. и при разработке и подписания ФД весной 1992 г. — упустили возможность предельно жесткой и принципиальной постановки перед новым российским центром вопроса о недопустимости государственного расчленения Осетии и необходимости нахождения приемлемой формулы включения Южной Осетии в российское политико-правовое и социально-экономическое пространство (то же касается и позиции руководства адыгских республик в отношении Абхазии).

Результатом отсутствия разумного давления североосетинских официальных и неофициальных структур на федеральные власти стало признание без каких-либо условий и оговорок международной правосубъективности Республики Грузия (естественно, в ее существующих границах) Россией, а затем и мировым сообществом и превращение, таким образом, административной северо-осетино-южноосетинской границы в государственную российско-грузинскую.

— *Всякий раз, когда речь заходит о межосетинских взаимоотношениях, мы не можем не говорить о некоторой противоречивости подхода Северной Осетии к этим вопросам. В чем причина?*

— По сути дела безропотно признав (вслед за Российской Федерацией) факт государственного обособления от Южной Осетии, по крайней мере не выразив по этому поводу официального протеста и не декларировав какой-то особой, отличной от кремлевской, позиции, Владикавказ в то же время не хочет отказываться (во многом под давлением с Юга) от стремления поддерживать достаточно тесные экономические, культурные и даже политические связи с Цхинвалом фактически на принципах единого государственного поля и при этом довольно болезненно реагирует на решения и действия федеральных органов, произвольно и непроизвольно ограничивающие возможности автономного, «внутриосетинского» регулирования взаимоотношений Севера и Юга. Между тем подобные решения и действия центральных властей не только абсолютно правомерны (разумеется, при условии их соответствия Федеральному Договору) с точки зрения внутри-российского законодательства, но и вполне логичны и ожидаемы, ибо исходят из юридически не вызывающего сомнения факта согласия СОССР с верховенством суверенитета России в области политических и экономических отношений с иностранными государствами (а именно таковыми Северная Осетия признает Грузию вместе с Южной Осетией). Более того, даже полное приведение всех принимаемых в данной сфере федеральных актов в соответствие с положениями Федеративного Договора не устанавливает четких пределов полномочий центра в международных вопросах, но зато однозначно обуславливает участие республик во внешних связях требованиям координации и согласования их шагов с федеральными органами.

Таким образом, даже в случае неукоснительного следования букве Федерального Договора в компетенции центра останется немало рычагов для блокирования при необходимости «нежелательных» межосетинских контактов.

В подобной ситуации со всей актуальностью встает в повестку дня вопрос о правовом обеспечении стремления осетин к национальному единству. Посколь-

ку возможность осуществления данной задачи посредством объединения двух частей Осетии в конституционных рамках одного государства ныне упущена (вероятно, надолго), остается единственный путь продвижения к названной цели — достижение такого объема прав и полномочий и такой степени суверенности Северной и Южной Осетии (пусть даже в составе других государств), который надежно гарантировал бы беспрепятственный ход интеграционных процессов между ними и самостоятельное решение всех вопросов внутриосетинских взаимоотношений.

В частности, руководство республики вполне могло бы действовать, исходя из соображения единства нации, обратиться к соответствующим федеральным органам с предложением о заключении специального двухстороннего протокола приложения к Федеративному Договору, особо оговаривающего как статус и уровень межосетинских отношений, так и условия и пределы участия в их урегулировании федеральных властей.

— *Какие конкретные пункты, по Вашему предположению, могли бы войти в приложение к Договору?*

— Мне кажется, принципы, заложенные в этот документ, должны быть сведены к следующему:

1. Власти РФ признают существование у Северо-Осетинской ССР особых национально-государственных интересов в Республике Южная Осетия и право осетинского народа на беспрепятственную политическую, экономическую и культурную интеграцию.

2. Политические и экономические отношения Российской Федерации с Республикой Грузия, договоры между ними, вопросы войны и мира, сотрудничество в области обороны и торговля вооружением, статус и защита границ относятся к совместному ведению федеральных органов государственной власти России и органов государственной власти Северной Осетии.

3. Отношения Северной и Южной Осетии не могут быть ограничены положениями федеральных правовых актов, регулирующих условия и порядок осуществления международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, единственным правовым основанием для ограничения отношений Северо-Осетинской ССР с Республикой Южная Осетия могут являться (естественно, помимо норм внутри российского уголовного и гражданского законодательства) обязательства, совместно (согласно предыдущему пункту) взятые на себя РФ и СОССР по договору с Грузией.

Такое расширение сферы полномочий отдельной республики за счет передачи в ее ведение вопросов, непосредственно затрагивающих ее интересы, не только нисколько не противоречит букве и духу Федеративного Договора, но и имеет прецеденты в современной законотворческой практике РФ (к примеру, Республика Башкортостан на основании особого приложения к ФД пользуется дополнительными правами, гарантирующими ее экономический суверенитет). Кроме того, в сегодняшних условиях, когда конституционный процесс в России находится в развитии, а проблемы разграничения полномочий между центром и субъектами Федерации, разработки механизма реализации ФД и т. п. не нашли еще своего окончательного разрешения и поэтому продолжают оставаться в центре внимания политиков и общественности, подобный демарш Северо-Осетинской

ССР был бы вполне уместен и своевременен и наверняка встретил бы понимание у большинства республик РФ. Очевидно также, что эффективность данного шага значительно повысилась бы, если бы одновременно (или совместно) с Северной Осетией с аналогичной инициативой выступили адыгские республики и, возможно, Дагестан, имеющие сходные интересы соответственно в Абхазии и Южном Лезгианстве.

— Тем не менее с учетом известных настроений в российском центре можно предположить, что политическую и моральную обоснованность указанных требований осетинской стороны отнюдь не будет достаточной для их положительного восприятия официальной Москвы.

— Нужны решительные меры давления на федеральные власти. По всей видимости, одновременно с выдвижением предложения о частичном пересмотре распределения полномочий между центром и СОССР высшему законодательному органу республики целесообразно было бы пойти на принятие комплекса конституционно-правовых актов, большая часть которых представляет собой реализацию предложений, содержащихся в утвержденной ВС СОССР в марте 1993 г. концепций социально-экономической и культурной интеграции Северной и Южной Осетии. Данный комплекс должен включить в себя следующие акты:

а) признание ВС СОССР государственного суверенитета Республики Южная Осетия (а не просто признание республики, что двусмысленно);

б) подписание и ратификация договора об основных межгосударственных отношениях между СОССР и РЮО;

в) внесение в ныне действующую Конституцию СОССР дополнения о существовании у нее особых отношений с РЮО с конкретизацией юридического смысла данной «особости», заключающейся, помимо прочего, в верховенстве положений Конституции и законов Северной Осетии над противоречащими Конституции и законов РФ в вопросах регулирования отношений СОССР с РЮО, включая верховенство межосетинских договоров и соглашений над российско-грузинскими (формулировка конституционной поправки может быть разной, но суть должна быть одна — все правовые акты РФ, препятствующие поддержанию полноценных политических, экономических, культурных и прочих отношений между севером и Югом Осетии на территории СОССР, признаются недействительными и исполнению не подлежат);

г) принятие новой редакции Декларации о государственном суверенитете Северо-Осетинской Республики, в которую наряду с иными необходимыми изменениями будет включено положение, идентичное по содержанию конституционной поправке, указанной в предыдущем пункте (данное обстоятельство будет иметь особое значение для «легализации» требований СОССР, поскольку Декларации о государственном суверенитете республик признаны действующим Федеративным Договором);

д) официальное заявление руководства Северной Осетии о том, что договоры и соглашения между РФ и РГ, подписанные после обращения СОССР к властям РФ (с предложением о заключении вышеупомянутого приложения к ФД) без соглашения с властями СОССР, не признаются последней.

Безусловно, такие решения не вполне вписываются в существующие конституционные нормы, но зато они достаточно хорошо укладываются в логику дей-

ствий суверенного государства (каковым является Северная Осетия), отстаивающего приоритет своих национальных интересов и заботящегося о том, чтобы его взаимоотношения с этнически родственным государственным формированием являлись полностью легитимными и обоснованными хотя бы с точки зрения внутриреспубликанского (если уж не федерального) законодательства. Даже если эти решения будут отменены федеральной инстанцией, их следует вновь подтвердить на республиканском уровне, ибо только это дает возможность СОССР подвести правовую базу под свои усилия по обеспечению фактического единства Осетии.

— *Каков Ваш прогноз относительно дальнейшего развития ситуации?*

— Оно возможно по трем основным вариантам:

1. Федеральные российские органы по прошествии более или менее длительного времени соглашаются с требованиями осетинской стороны и признают за Северной Осетией особые права во взаимоотношениях с Южной Осетией и Грузией.

2. Центр отвергает предложения о каком бы то ни было изменении ныне установленного распределения федеральных и республиканских полномочий, однако в силу определенных причин не в состоянии или не желает противодействовать фактически самостоятельному осуществлению отношений между Северной и Южной Осетией.

3. Федеральные власти эффективно пресекают незаконные с их точки зрения межосетинские контакты, вследствие чего принятые ВС СОССР вышеупомянутые акты остаются в основном на бумаге, однако даже в этом случае Северная Осетия сможет по меньшей мере «заразервировать» до более благоприятных времен свою твердую позицию по южноосетинской проблеме.

Беседу вел Э. Токаев

В ПАМЯТЬ О С. П. ТАБОЛОВЕ

Сегодня исполняется 65 лет со дня рождения Солтанбека (Сергея Петровича) Таболова (1946–1993). Почти 18 лет назад он покинул нас, и без него в любимой им Осетии уже выросло целое поколение.

Имени Сергея Петровича никогда не грозило забвение. Его помнят и вспоминают, на него ссылаются, с ним мысленно советуются. Память о нем собрала нас в этом зале, и, конечно, смыслом всех воспоминаний и безнадежных попыток перечислить его бесчисленные заслуги и сегодня, и впредь останутся два главных чувства: благодарности и восхищения.

День памяти — более чем достойный повод для того, чтобы попытаться осмыслить историческую роль Сергея Таболова, определить значение его деятельности, оценить то выдающееся место, которое он занимал в строю современников и оставил за собой в памяти потомков.

Двадцатилетнее наблюдение политического процесса в условиях демократических реформ, свободы слова и собраний, телевизионных трансляций и желтой прессы, наконец, подготовило нас к тому, чтобы вполне оценить политические таланты и харизму Сергея Петровича, который во имя общего дела умел противников превратить в союзников, для каждой партийной группировки находил безотказные аргументы, в любой аудитории говорил на понятном языке и при этом был искренен: не лгал, не притворялся.

Улица Таболова есть в обеих осетинских столицах, его бюст стоит на Аллее славы, но еще убедительнее нерукотворные памятники, воздвигнутые им самим. Их много, в их числе и легализация традиционных национальных праздников, и ежегодный день Коста в Наре, и экспедиция Via Alanica, которая продолжается в разных форматах, и агентство Иринформ, и Республика Южная Осетия, одним из создателей которой был, несомненно, Сергей Таболов.

Яркие способности и выдающиеся личные качества, отпущенные ему природой, безупречно соответствовали маршруту, которым он прошагал по истории своей родины через эпохи «оттепели», «застоя», «перестройки» и «перестрелки» (если пользоваться глуповатой газетной терминологией). Оставим будущим биографам вопрос о том, что он выбрал сам, что подарила или навязала ему судьба. Нет сомнения: Сергей Таболов был точным выразителем состояния и устремлений осетинского общества. Он — один из очень немногих — оказался на высоте духовных, национально-культурных и национально-государственных задач, вставших перед Осетией на исходе XX в. Его органическая погруженность в жизнь народа и душевная гармония, его непоказной патриотизм и абсолютная интернациональная открытость, отсутствие эгоизма, корыстолюбия и пустых амбиций позволили этому человеку безоговорочно следовать общественным целям, которые он искренне считал собственными, личными жизненными задачами.

Комсомольский лидер, партийный чиновник, министр культуры, первый секретарь горкома, секретарь обкома КПСС, директор Института гуманитарных исследований — не место красит человека. Некоторые из этих мест и запомнились только потому, что там побывал Сергей Таболов.

Его роль в интеграции Южной и Северной Осетии заслуживает специального научного изучения и поэтического описания.

Его роль в культурном строительстве — а если быть точным: в возвращении к технологиям и лозунгам Национального возрождения — так же невозможно переоценить.

Его вклад в информационную безопасность Осетии навсегда останется непревзойденным, потому что нельзя превзойти Колумба.

Вспоминая Сергея Петровича, без шутки не обойтись. Таболовы, как известно, принадлежат к колену Цæразонтæ. Если бы мы жили в средневековье, и Сергею повезло стать царем, он, конечно, носил бы прозвище Объединитель. Если же серьезно, то он виртуозно владел самой редкой, самой тонкой социальной квалификацией — умением соединять расходившиеся швы. Он объединял поколения и социальные группы, старших с младшими, партийную номенклатуру с рядовыми коммунистами, партию с народом, город с деревней, горы с равниной, западную Осетию с восточной, южную с северной. Видно, не случайно он родился в Ставд-Дурте, где объединились выходцы из разных горных обществ, то есть именно там, где никогда не было провинциального местничества.

Чтобы удержаться от личных воспоминаний, назову главный вывод из них: Сергей Петрович был бы чрезвычайно полезен и счастлив сегодня, нам очень его не хватает.

Он никогда не уместался в прокрустово ложе примитивных определений, в кем-то назначенные рамки, придуманные догмы и схемы. Если поискать соответствия в Нартовском эпосе, придется признать: Сергей Таболов совмещал в себе черты каждого из великих нартов. И все же в осетинской традиции есть два образа, два профессиональных амплуа, в которых соединены характерные для него личные и даже биографические черты. Он был одновременно мудрым Строителем и бесстрашным Полководцем.

Как осетинский строитель старого времени, он становился зодчим, чтобы разработать проект будущего здания, затем геологом и горняком — чтобы найти в природе необходимые материалы и организовать их добычу, потом инженером — чтобы заложить фундамент под непробиваемые стены, и, наконец, прорабом, подбирая людей себе в помощь и руководя их работой.

Как полководец, он чертил маршрут далекого похода и собирал надежные отряды, приглашая проверенных командиров и опытных воинов; он заключал необходимые союзы и возводил крепости на границах, рассылал своих разведчиков и снабжал дезинформацией агентуру противника, почему и одерживал победы — и в решающих битвах, и в долгой позиционной войне.

По масштабу личности, ясности целей и адекватности политических взглядов, по конструктивности культурных и политических программ, энергии созидания и таланту объединять людей, по твердости патриотических позиций (имея в виду в равной степени Осетию и Россию), по уровню общественного признания и, в конце концов, народной любви Сергей Петрович Таболов навсегда останется ключевой политической фигурой осетинской истории переломной эпохи — тяжелейшего и ответственного периода объединения родины, отечественной войны на два фронта, осознания национальных интересов и возрождения государственности.

Сергей Таболов строил новую Осетию и боролся за ее будущее. «Нет большей любви, как если кто положит душу свою за други своя», — сказано в священной книге. Ему удалось положить душу на алтарь Отечества и в коротком 47-летнем походе завоевать жизнь вечную.

Дзæнæты бад, Солтанбег!

Ирыстоны хуыздæртæ кæм сты, уыцы бæстæйы хорзæх дæ уæд.

Бзаров Руслан

ÆНУСМÆ МЫСИНАГ

Таболты Сергейы тыххæй ам бирæ арфæйаг ныхæстæ загъд æрцыд. Цы хорз хъуыддæгтæ сарæзта, уыдон рох никуы уыдзысты Иры дзыллæтæй. Мæн цалдæр ныхасы зæгъын фæнды йæ бинонты тыххæй, æргомдæр дзургæйæ та, йæхи бинонты æхсæн куыд дардта, уый тыххæй.

Сергейы хæлæрттæ æмæ зонгæтæн амонын нæ хъæуы, йæ бинойнаг Ирае уырыссаг кæй у. Амонын сын нæ хъæуы, сæ цот Сергей æмæ Тамарæ, иронау куыд хорз зонынц, уый дæр. Хо æмæ æфсымæр сæ мадæлон æвзагыл, — чи зоны, ам фыдæлон æвзагыл зæгъын растдæр уыдзæн, — кæй нæ сыстырзæрдæ сты, уый комкоммæ баст у Сергей æмæ йæ хотимæ. Сергей æмæ Тамарæйыл куы амбæлын, уæд мемæ æдзухдæр фæдзурынц иронау. Ахæм заман мæ цæстыты раз Сергей-Солтанбеджы фæлгонц ауайы, мæрдтæм ын арфæтæ кæнынмæ фæвæййын.

Ацы залы бады Тугъанаты Ларисæ — республикæйы фæллой æмæ социалон рæзты министр. Уый, уырыссаг уæвгæйæ, иронау бирæ ирæттæй хуыздæр дзуры. Йæ ныхас ын куы фехъусын, уæд мын цыма стыр хорздзинады бацæуы, афтæ мæм фæкæсы. Иннæ ахæм Къусраты Анатоли — Дзæуджыхъæуы наукон центры разамонæг, физикон-математикон наукагты доктор. Уый наукайы сгухт адæймагыл нымад у, фæлæ ма уымæй уæлдай у ирон æвзаджы дæсны дæр. Уымæн хорз æвдисæн у, нæ мадæлон æвзагмæ зын тæлмацгæнæн наукон куыстытæ кæй раивта, уый дæр.

Ацы хабæрттæ уый тыххæй кæнын, цæмæй, йæ мадæлон æвзагмæ æцæгæлон цæстæй чи кæсы, уыдон фæзмой Таболты Сергей æмæ йæ бинонты, Тугъанаты Ларисæ æмæ Къусраты Анатолийы.

Уæлдæр куыд загътон, афтæмæй Сергей бирæ хорз хъуыддæгтæ сарæзта. Саразынмæ хъавыд бирæ фылдæр, стæй аразгæ дæр скодтаид, фæлæ йын нал бантыст. Таболы-фырт кæмфæнды ма куыстаид, æдзухдæр уыди аразæг, ногдзинадтæм тырнæг. Мыхуыры æмæ рауагъдæтты комитеты хицауæй йæ куы сæвæрдтой, уæд сæ кусæн агъуыст æдзæллаг уавæры уыди, фæлæ йæ Сергей цыбыр рæстæгмæ ахæм цалцæг скодта, æмæ абон дæр æрттывдтытæ калы. Хъавыд чингуыты типографийы фарсмæ стыр бæстыхай саразынмæ. Хъавыд, зæгъгæ, йæ аразын дæр райдыдта. Йæ цыппар уæладзыджы амад дæр фесты, фæлæ хъысмæтмæ æндæр уынаффæтæ уыд: æрцыд æвирхъау хабар æмæ хæдзар абон дæр æрдæгарæзтæй лæууы.

Уæдæ аланты фæндæгтыл цы экспедиции сарæзта, уый дæр адæмæй никуы ферох уыдзæн, фæлæ та уыцы къуыддаг дæр дарддæр хæццæгæнæг нæ фæци æмæ, Сергеймæ цы фæндтæ уыд, уыдон æрдæгкондæй баззадысты.

Сергейы хъæпæрисæй бирæ азты фæстæ уагъд æрцыдысты Миллер Всеволоды «Осетинские этюды». Зындгонд уырыссаг ахуыргонды фæллæйттæй æппæты стырдæр ахадзындзинад кæмæн ис, уыдоны æхсæн аккаг бынат ахсы йæ æртæгомон «Ирон-уырыссаг-немыцаг дзырдæт». Уымæн йæ фыццаг чиныг дунейы рухс федта 1927 азы, дыккаг — 1929, æртыккаг — 1934 азы. Уæдæй абонмæ цал азы рацыд, уый зын банымайæн нæу, фæлæ йæ ногæй рауадзыныл ничима батыхсти. Афтæ мæм кæсы, уыцы хæс йæхимæ чи райсид, уый, иуæй, арфæйаг хъуыддаг бакæнид, иннæмæй, Сергейы бæллицтæй иу царды рауадзид.

Адæм се'ппæт иу бон æмæ иу аз нæ райгуырынц, фæлæ кæрæдзийы зæрдæтæм фæндæгтæ кæй ссарынц, иу зондылхæст кæй вæййынц, уый сæ скæны æмгæрттæ æмæ кæд ивгъуыд рæстæджы куыд кодтой, афтæ æдзух ард нал хæрынц, уæддæр нымæд вæййынц æрдхæрдтыл. Таболты Сергейæн бирæ уыдис æмгæрттæ дæр æмæ æрдхæрдтæ дæр, уымæн æмæ йæхæдæг дæр хорз æмгар æмæ хорз æрдхорд уыд. Сергейы риуы тæлфыди, адæммæ уарзондзинадæй дзаг чи уыд, ахæм зæрдæ. Йæ бон кæм æмæ цæмæй уыд, уым йæхи иуфарс никуы никæмæй аласта. Йе'ххуысы хай кæмæн бакодта, æз мæхæдæг дæр дæн уыцы адæмы номхыгъды.

1996 азы сфæнд кодтон мæхи хардзæй (мæхи хардзæй цы мæ бон уыд, фæлæ ме'мгæртты фæрцы) ме'мдзæвгæты æмбырдгонд рауадзын. Чи мын баххуыс кодта, уыдонимæ уыдысты мæ хорз æрдхæрдтæ Хъулаты æхсар æмæ Таболты Сергей дæр. Хъыгагæн, чиныджы рацæуыны агъоммæ сæ иу дæр нал фæцард. Мæ чиныг «Уыцы боны фарн» мыхуыры фæзынд мæ райгуырды æртиссæдз азы бонмæ. Уым ныффыстон ахæм ныхæстæ: «Мæрдтæм хъæр кæм хъуысы, уым сæм хъуамæ хъуыса арфæ дæр. Арфæ кæнын мæ уарзон æмгæрттæ — рухс дзæнæты бадинаг Хъулаты æхсар æмæ Таболты Сергейæн (Солтанæн) — ацы чиныджы рацыдмæ йæ фæллойы хай чи бахаста».

Æмгæрттимæ куыд хæларæй цард, уымæн хорз æвдисæн уыд йæ уазæгуарзондзинад. Таболты хæдзар уазджытæй цух никуы уыд. Сæ цæхх æмæ кæрдзын рæдауæй лæвæрдтой æмæ дæттынц сæ уарзон адæмæн. Мæ зæрдыл иу ахæм хабар æрлæууыд. Сæрибары фæзы цавæрдæр бæрæгбоны фæдыл Сергеимæ цалдæрæй лæууыдыстæм. Таболы-фырт æваст афтæ куы фæкæнид: «Цомут-ма ацы æмбырдæй нæхимæ, ног ахст кæсæгтæ нæм ис...»

Цыбыр дзырдæй, цал уыдыстæм, уалæй (къордæй фылдæрæй лæууыдыстæм) Таболты кæрты балæууыдыстæм æмæ уæрæх кæрты сæнæфсиры бын дæлæмæ сидт уæлæмæ рæгъытæ фæуагътам... Авд æмæ дыууиссæдз азы йеддæмæ нæ рантыст Таболты Сергейæн хъысмæтæй, фæлæ уыцы цыбыр рæстæджы йæ къухы уыйбæрц хорздзинæдтæ саразын бафтыд, æмæ сæ йæ райгуырæн Ирыстон никуы фæрох кæндзæн, йæ ном ын мысдзысты, чи йæ зыдта, уыдон иууылдæр.

Дзасохты Музафер

С. П. ТАБОЛОВ: ЖИЗНЬ КАК СЛУЖЕНИЕ

Время, в которое мы живем, характеризуется быстрыми, глубокими и часто драматическими изменениями хода событий. На наших глазах распался Союз Советских Социалистических Республик — страна, где мы выросли. Это была большая, светлая, добрая и чистая страна, наша необъятная многонациональная Родина. Ее распад повлек за собой тяжелые последствия для подавляющего большинства ее населения; но, разумеется, наибольшие потери понесли те народы, которые оказались вовлечены в межнациональные, этнополитические конфликты.

Таким народом стали и осетины. На Юге Осетии на нас ополчились соседи грузины, на Севере — соседи ингуши. Заполыхали войны, полилась кровь, разрушалось все, созданное трудом предыдущих поколений. В эти кризисные годы начала 90-х, к счастью, в народе нашлись люди, сумевшие выступить выразителями его интересов, взявшие на себя ответственность за принятие нужных решений, удержавшие развитие ситуации на краю обрыва.

Этих людей было немного — много их и не бывает — но их оказалось достаточно для совершения спасительных усилий. Одним из таких атлантов стал для нас Сергей (Солтанбек) Петрович Таболов.

Он шел обычным для своего времени должностным путем, от рабочего до номенклатурного работника партийно-государственного аппарата. Сейчас нам навязана чуть ли не политическая мода на охаивание тогдашнего управленческого слоя. Известная доля истины в критических оценках, конечно, есть — иначе бы не развалился СССР; но все же надо помнить и о том, что к началу 90-х гг. в союзных и республиканских эшелонах власти, в недрах вползавшей в кризис номенклатуры вызревали и принципиально новые общественные силы, закалялись люди нового типа, нацеливающиеся на свершение дел колоссальных масштабов. С. П. Таболов был одним из них — из той шеренги работников, которые выходили на позиции лидеров.

Распад СССР (нет худа без добра) устранил недееспособную часть руководящего слоя, и наступившие времена не только осложнили жизнь растущим лидерам, но и открыли для них новые возможности. Сергей Петрович понимал это и избрал своим кредо не личное благоустройство — для человека его масштаба такая задача слишком мелкая, — а подвижническую работу во благо народа. Для такой работы у него имелись все необходимые человеческие качества: острый и глубокий ум, непреклонная воля и жесткий, бойцовский характер, открытое и благородное сердце, опыт конструктивно-организующего общения с людьми. Эти качества в полной мере проявились в конце 80-х — начале 90 гг. прошлого века, он стал известен, популярен, любим.

Для себя я считаю важным обратить внимание коллег на одно *исключительно важное его качество: дар стратегического мышления.*

Это — очень редкий и ценный дар. Многие руководители, сполна наделенные вышеуказанными и многими другими положительными, полезными качествами,

тем не менее не бывают способны на подлинное лидерство, потому что только по-настоящему большое, реальное, близкое уму и сердцу масс дело может выдвинуть руководителя на высшую ступень народного признания.

При этом Сергей Петрович, как это можно видеть, владел не только непосредственно способностью такого мышления, но и располагал всеми необходимыми качествами и умениями для реализации, «материализации» своих масштабных мечтаний. То есть для нас всех этот человек был буквально находкой, это хорошо понимали и мы, его друзья, и, как водится, его завистники тоже.

Перед глазами и на слуху обычно бывают его культурологические проекты — «Виа Аланика», словарь Миллера и др. В самом деле, они ярко проявляют эту его уникальную способность — способность к деятельности крупными проектами, органично соотносящимися с коренными жизненными интересами народа.

Но мне представляется необходимым привлечь внимание, может быть, к менее бросающейся в глаза, но неизмеримо более важной стороне его созидательной деятельности — общественно-политической, причем речь идет о взгляде на С. П. Таболова с Юга.

Мы, дерзко провозгласив 20 сентября 1990 г. Республику как собственное государство южных осетин, сделали это не в силу случайного стечения обстоятельств или повинаясь чьей-то волюнтаристской выходке. Нет, это было осознанное, вынужденное и единственно спасительное для нас решение — взяться за создание своего государства как инструмента выживания южной ветви осетинского народа.

Это не было и не могло быть всенародным политическим решением: наоборот, очень многие среди нас, южан, тогда скептически и критически высказывались о политическом курсе на строительство национального государства южных осетин. Но в военно-политическом ядре зарождавшегося государства *люди, ступившие на этот путь, сожгли за собой мосты: предстояло или победить, или погибнуть*.

Что и говорить, если уж на Юге Осетии идея своего государства с таким трудом овладевала массами, то на Севере наших единомышленников в то время была буквально горстка. Сергей Петрович, и это я сегодня заявляю с гордостью за своего старшего соратника, был одним из тех немногих братьев-северян, кто понял глубинные причины провозглашения Республики Южная Осетия, отдал себе отчет в неизбежности такого действия как единственной защиты народа от угрозы порабощения и деидентификации и подставил свое сильное плечо под тяжесть ноши государственного делания, которую мы на себя взвалили. *Он поверил в югоосетинский политический проект*, принял его как свой кровный и взялся за его реализацию, действуя на Севере Осетии, в России.

Мне довелось не раз в те годы с ним встречаться, обсуждать те или иные вопросы, и каждый раз я вновь и вновь оставался под глубоким впечатлением личности этого человека: его пронизательного ума, его огромной жизнеутверждающей энергии, его обаяния. Поддержка, которую он оказал в те месяцы и годы нам, южанам, поистине бесценна. При его участии, порой по его инициативе делались исключительно значимые для нас дела, о которых еще должны написать историки; и сейчас, оглядываясь назад, поневоле задаешься извечным вопросом: а как сложилась бы новейшая история южных осетин, если бы на Севере Осетии возрос лидер такого калибра?

Здесь мы беремся за так называемую альтернативную историю — жанр, не признаваемый до самого последнего времени в академической среде историков. Но тем не менее, все более серьезных авторов, с использованием строго научных методов разрабатывают тему вариативности исторического процесса, и уже видно, что этот метод позволяет значительно глубже и вернее понять происшедшие события, попытаться спрогнозировать события грядущие. Так, например, доказано точными методами, что распад СССР был менее вероятным событием, чем его сохранение и трансформация: значит, мы все еще не знаем чего-то важного о том, как разваливали великую сверхдержаву.

Как и чем измерить и рассчитать роль личности в истории? Гипотетическую роль С. П. Таболова в судьбах Осетии (а следовательно, в российской политике на Кавказе), в том счастливом случае, если бы он остался жив, не погиб бы в той автокатастрофе? И вновь вспоминается вопрос, который мы тогда задавали друг другу: не слишком ли удачно для врагов Осетии прервалась жизнь человека, способного к совершению исторических дел для своего народа? Да, у победы бывает много отцов, а поражение — всегда сирота. Давайте на одну страшную минуту представим себе, что Республика южных осетин потерпела поражение, и осталось от нас «чистое поле». О, сколько тех, кто сейчас славословит наше признанное государство, пристегивая себя к его победительной биографии — сколько их громогласно выступало бы с гневным обличением «авантюристов, приведших Южную Осетию к гибели»?!

И лишь Сергей Петрович Таболов (и немногие с ним) мог бы сегодня с полным правом, с использованием местоимения «мы», повторить известные слова: «Наше дело правое. Мы победили!».

Наша признанная Республика Южная Осетия — это и твоя победа, Сергей.

Пусть знает его замечательная супруга Ирина, которую боготворят на Юге, пусть знают его замечательные дети, его родственники, его друзья и сослуживцы — все, кто помнит Сергея Петровича доброй памятью: знайте, что его имя уже вписано большими буквами в короткую, но столь героическую историю нашей Республики, Республики южных осетин.

Таболов Сергей Петрович навсегда остался с нами.

Дзугаев Коста

С. П. ТАБОЛОВ: СЫН НАРОДА, УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Знакомству с С. П. Таболовым я обязан двум своим старшим товарищам — Э. К. Каргиеву и В. В. Дегоеву. Несомненно, общественно-политическая деятельность Солтанбека — Сергея Петровича — нуждается в серьезной монографической оценке. В ее основе живительные истоки семейного воспитания, тепло домашнего очага, любовь к людям и уважение людей. Это те непреходящие ценности, которые позволили выходцу из маленького осетинского селения Ставдурт стать достойным сыном великой России, человеком, которого во всей Осетии считают выразителем народных надежд и стремлений.

Несколько слов хочется сказать о политической деятельности С. П. Таболова. На рубеже XX и XXI столетий жители Осетии стали наблюдателями, а то и участниками политического противостояния таких видных общественных деятелей, как А. С. Дзасохов, А. Х. Галазов, С. П. Хетагуров. Оно было вызвано существующей в те годы практикой прямых выборов глав субъектов федерации. Мне кажется, что если бы в сентябре 1993 г. трагически не оборвалась жизнь С. П. Таболова, политическая история Осетии развивалась бы несколько иначе. Трудно сказать однозначно, удалось бы избежать некоторых драматических моментов в Осетии или нет, но очевидно, что С. П. Таболов был не только самым молодым в этой четверке народных лидеров, но и главным фаворитом молодежи.

Да, политическая карьера Таболова феноменальна, она трудно объяснима с точки зрения правил аппаратных игр, как прошлого, так и настоящего. Сыграло определенную роль и то обстоятельство, что С. Таболов являлся сыном известного партийного работника Петра Таболова, рано ушедшего из жизни, не скопившего, как и многие советские руководители, никаких богатств, но оставившего о себе добрую память в сердцах всех тех, кто его знал. Определенную роль сыграл так называемый «социальный лифт», позволяющий выпускникам школ получить образование в престижных вузах страны. Семья Таболовых не накопила никаких капиталов. Сергей и две его сестры всего добивались сами, не чурались непрестижных работ. Его путь от старшего пионервожатого до первого секретаря Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ занял менее десяти лет. Вряд ли мы найдем в истории советской действительности еще одну аналогичную биографию.

Однако представлять жизнь Таболова чередой сплошных везений было бы величайшей ошибкой. На его пути встречались порой досадные недоразумения и фатальные неудачи. Он по натуре был яростный боец, но при этом был лишен агрессии и злобы. Его умению найти политический компромисс позавидовал бы опытный дипломат. Получив высшее политическое образование в СССР и Болгарии, блестяще защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук и имея опыт работы руководства всей молодежью Осетии и заведующего отделом науки и учебных заведений Северо-Осетинского обкома КПСС, С. П. Таболов отказывается от предложенной ему должности министра просвещения Северо-Осетинской АССР. Причина этого поступка трудно объяснима логикой карьерного роста. Скорее всего, в основе этого решения лежало

благоговение перед школой, желание не навредить, хотя в вопросах развития образования в Осетии он играл одну из ведущих ролей. Именно благодаря его инициативе вернувшийся из Москвы молодой историк Руслан Бзаров, ранее блестяще защитивший кандидатскую диссертацию в МГУ, приступил к написанию принципиально нового учебника по истории Осетии для младших школьников.

Творческое сотрудничество в вопросах образования да и в иных общественно значимых делах связывало С. П. Таболова с заместителем Председателя Правительства нашей республики Э. К. Каргиевым, ректором Северо-Осетинского госуниверситета им. К. Л. Хетагурова, академиком А. А. Магометовым. Хочется отметить инновационные методы работы тогдашнего министерства народного образования, которые проводили в жизнь министр Э. М. Мецаев, его заместители Л. Х. Цаликова, Е. П. Дмитриева, Л. В. Бигулова. Одной из ярких страниц этого явилось создание на базе средней школы № 4 г. Владикавказа Северо-Осетинского акмеологического лицея. Большую роль в этом сыграл сплоченный педагогический коллектив во главе с директором Л. М. Ахполовой, завучами И. Г. Бесединой и А. А. Черджиевой. Между СОГУ и Лицеем был заключен договор о научном сотрудничестве, согласно которому был разработан план совместных действий, а в штатное расписание лицея была введена должность заместителя директора по науке. Мне довелось работать первым представителем этой новой для школ штатной единицы, совмещая эту должность с должностью доцента СОГУ. За учительским столом в классах часто можно было увидеть профессоров и доцентов университета: Г. Н. Александрова, М. М. Блиева, Р. С. Бзарова, А. Р. Джигоеву, А. В. Исаенко, З. К. Каргиеву, Т. Б. Кодзаева, А. В. Райцева, В. А. Станкевича, Х. А. Токазова, Х. Х. Хадикова, В. Х. Худалова и многих других.

Успех Лицея был определен во многом тем обстоятельством, что его негласным попечителем был живший неподалеку С. П. Таболов. Здесь учились его дети, и сюда направлялись все новинки научной литературы, которые выходили не только в Осетии, но и за ее пределами. Мало какая школа тогда, да и сейчас, когда существуют специальные попечительские советы, может похвастаться таким искренним и каждодневным патронажем.

Именно С. Таболову принадлежит пальма первенства в деле выведения осетинской гуманитарной науки на международный уровень. Ныне эта благодатная тема находит свое воплощение в деятельности ряда вузов Осетии. Ежегодно на базе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева проводятся международные конференции, в том числе и в память человека, который, будучи его директором, в дождливый полдень сентября 1993 г. навсегда ушел из своего института, но которого будут помнить все те, кто знал Сергея Петровича, и те, кто профессионально занимается изучением проблем истории и культуры в Осетии.

Чеджесов С. Р.

ЛИЧНОСТЬ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО МАСШТАБА

Сергей Петрович Таболов, 65-летие со дня рождения которого отмечает вся Осетия, был явлением в нашей жизни. Он был любимцем осетинского народа, неповторимой, уникальной личностью. Со времени его ухода из жизни прошло 18 лет. Между тем, вакуум в нашем обществе, образовавшийся с его кончиной, до сих пор не восполнен.

Породившая нас природа отдельных избранных награждает кого талантом писателя, кого — ученого, кого — художника. Сергея Петровича сполна наградила самым ценным, редко встречающимся даром-талантом быть Человеком. Он был необыкновенно талантлив во всем.

Находясь в последние два года с ним в тесном контакте, я наблюдал за его неутомимой деятельностью, восхищался им, завидовал белой завистью, поражался его удивительной способности располагать к себе людей, его умению благотворно влиять на ход событий. Даже простым телефонным звонком он мог решить проблему, которую многие из нас не могли бы решить вообще.

Разумеется, я был наслышан о нем, о его деятельности, но лично познакомился с ним поздно.

В один из летних дней 1992 г., когда я был ректором Юго-Осетинского госпединститута им. А. Тибилова, меня пригласили на встречу с С. П. Таболовым. В основном на встрече оказались представители научной интеллигенции. Поводом для встречи оказались знаменитые «Осетинские этюды» В. Ф. Миллера. По инициативе Сергея Петровича (он же — ответственный за выпуск) они были переизданы репринтным изданием, и, забрав часть тиража из типографии, он приехал к нам в Цхинвал с таким бесценным подарком. К тому времени в библиотеках Севера и Юга «Этюдов» осталось всего несколько экземпляров, и мы лишь по очереди пользовались ими. Потому мечтой каждого ученого-осетиноведа было иметь в семейной библиотеке эту уникальную книгу. И эта мечта, благодаря Сергею Петровичу, сбылась.

Весной и летом 1992 г. наш институт попал в эпицентр вооруженного противостояния. Здание института оказалось на линии фронта: оттуда обстреливался противник, в нем укрывались ополченцы и защитники города. Потому вся материально-техническая база была частью разграблена, частью уничтожена.

Но осенью того же года институту исполнялось 60-лет со дня основания. И, чтобы поддержать дух и патриотический настрой студентов, населения в целом, ректорат решил отметить юбилейную дату. Провели юбилейное заседание в органном зале Дома Советов. С докладом выступил сам. На наш праздник прибыла представительная делегация Республики Северная Осетия во главе с Председателем Правительства С. В. Хетагуровым. Глава правительства поздравил нас с юбилеем и преподнес нам в подарок (в чем мы особо нуждались) учебный инвентарь. Вслед за Хетагуровым слово попросил директор СОИГСИ С. П. Таболов. Говоря о том, как пострадал институт материально, какие большие жертвы понес коллектив, Сергей Петрович с кафедры указал на серенький дипломат и сказал мне: «В этом дипломате 100 тыс. рублей. Соберите завтра членов пострадавших

семей, студентов и преподавателей и раздайте им эти деньги». Делегация вернулась в тот же день, но по моей просьбе С. П. Таболов остался на второй день, переночевав у нас. На следующий день мы постарались согреть вниманием сердца пострадавших; к тому времени количество погибших в конфликте из числа нашего коллектива уже достигло 80 человек.

После этих двух встреч мы быстро сошлись. По приезду всегда были вместе, ночевал исключительно у меня. Часто приезжал с В. М. Лагкуевым. Однажды даже выразил сожаление, почему так близко он меня не узнал раньше. Один штрих мне вспоминается чаще других. У меня свой способ завязывания галстука: примеряю его на голове, а затем завязываю. В одно утро, собираясь по делам, он застал меня за процедурой завязывания галстука и, обращаясь к Лагкуеву, покатился со смеху: посмотри, посмотри, как он завязывает галстук. С этой манерой завязывания галстука я не распрощался по сей день, и когда каждое утро занимаюсь этой процедурой, перед глазами встает Сергей Петрович.

Очередной важный случай встречи и совместной работы имел место в начале марта 1993 г. Перед этим по договоренности руководств республик были разработаны проекты трех важных документов: Акта о независимости Республики Южная Осетия, Концепции Социально-экономической и культурной интеграции и Соглашения о дружбе и сотрудничестве между нашими республиками. К тому времени я уже стал депутатом парламента и возглавил депутатскую группу, которая выезжала на сессию парламента во Владикавказ. С северо-осетинской стороны депутатскую группу возглавил С. П. Таболов. На 6 марта было назначено заседание парламента.

В ходе согласования вопроса с МИД и руководством России, А. Х. Галазову посоветовали воздержаться от подписания Соглашения. Известие о том, что Соглашение не будет подписано, так взорвало некоторых моих эмоциональных коллег, что только усилиями Сергея Петровича их удалось успокоить. При обсуждении вопроса выступали С. П. Таболов и я. В итоге были приняты первые два документа. Их подписание имело большое значение. Это были первые официальные документы между нашими двумя братскими республиками. Их принятие имело большое политическое и психологическое значение. В дальнейшем их значимость увеличилось, когда принимались конституции республик. В обеих конституциях подчеркивается особый характер взаимоотношений между двумя политическими образованиями, обусловленный единством этнической территории, исторической, культурной и духовной общностью. Что касается Соглашения, то в последующем не раз ставился вопрос о его подписании. Вопрос ребром встал и на 11 съезде осетинского народа в 1996 г. Участвовавший в работе съезда председатель правительства РСО-А. Ю. Г. Бирагов заверил съезд, что соглашение будет подписано в течение трех месяцев. Так и случилось. Процедура подписания документа произошла в Цхинвале накануне Президентских выборов в ноябре 1996 г. При этом было подписано, не Соглашение, а Договор о дружбе и сотрудничестве между правительствами РСО-А и РЮО.

Незаурядная личность Сергея Таболова накладывала отпечаток на все, к чему он прикасался. Это в полной мере относится и ко времени его руководства СОИГСИ. При нем кардинально поменялось многое, начиная с постановки и

решения проблемных вопросов по научному осетиноведению до облика самого здания института.

Начало 90-х гг. было временем крутых перемен в стране в целом. И в такое трудное и сложное время задумать и осуществить научную экспедицию по изучению исторического наследия мог только человек в высшей степени одухотворенный. С его именем навсегда войдет в историю экспедиция «Виа-Аланика» (Дорогами алан), первый этап которой успешно завершился при его жизни и под его непосредственным руководством.

К экспедиции шла тщательная подготовка. Ездили до Венгрии автобусом, затем самолетами до Парижа и Москвы. Руководитель экспедиции предусмотрел все до мелочей. Всего один штрих. За неделю до начала экспедиции мы с Ю. С. Гаглойти прибыли во Владикавказ. Беседуя с нами в рабочем кабинете, Сергей Петрович обозрел нас с ног до головы и потом спросил: в этих ли костюмах мы собираемся в экспедицию. Услышав утвердительный ответ, он нас отправил на одну из промтоварных баз города (указал куда), чтобы мы смогли подобрать себе те костюмы, в которых было бы не стыдно показаться на Западе.

Непосредственно к экспедиции он присоединился на французском ее этапе. В Париже состоялись встречи с учениками Ж. Дюмезиля — Кристофом, Казанским, Цукерманом, с начальником департамента по научным экспедициям ЮНЕСКО, было подписано несколько протоколов о намерениях научного и культурного сотрудничества в Будапеште, Париже и в Италии, куда он вылетел под конец экспедиции. За этой первой, разведывательного характера экспедицией, должны были последовать вторая, третья. В душе теплилась надежда, что договоренности сбудутся, благодаря стараниям такого незаурядного организатора науки и талантливого руководителя каким был Сергей Петрович.

Однако вместе с трагической гибелью Сергея Петровича, произошедшей сразу по возвращении из Италии, оказались похороненными все наши научные планы в западном направлении.

Его жизнь — классический пример роли и значения личностного фактора в нашей жизни.

Память Сергея Петровича увековечена. Есть улицы Таболова в столицах обеих осетинских республик. Имеется мемориальная доска в Цхинвале и замечательное скульптурное изваяние на Алее славы. Остались и его произведения (научные труды, публицистика, выступления).

Однако, образно говоря, самыми лучшими произведениями Таболова оказались его замечательные сын и дочь, вышедшие на широкую дорогу жизни и идущие по тропам своего знаменитого отца. Свято чтят имя своего любимого брата сестры Сергея Петровича Зинаида и Земфира.

Особо лестных слов заслуживает верная спутница и соратница Сергея Петровича Ирина Алексеевна. Возглавив агентство «Иринформ», она на практике осуществляла идею мужа по прорыву информационной блокады вокруг событий Южной Осетии, постоянно давая передачи с линии вооруженного противостояния. За исключительные заслуги в годы тяжелейших испытаний супружескую чету Таболовых буквально боготворит вся Южная Осетия.

В день прощания с Сергеем Таболовым вспомнились строки известного стихотворения Николая Некрасова, посвященного памяти Добролюбова, которые в

полной мере можно отнести к личности Сергея Петровича:

*Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно
Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Прошло 18 лет со времени его ухода, но с каждым годом все ощутимее потеря, которую понесло наше общество.

Чем больше времени будет проходить, тем ярче будет сиять его светлое имя!

Чибиров Л. А.

РАЗДЕЛ II

ИСТОКИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

А. Г. Арешев

ДЖАВАХК В АРМЯНО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ И В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Проблема Джавахка, или Джавахетии, традиционно занимает важное место в армяно-грузинском диалоге вне зависимости от степени ее актуализации представителями государственного руководства двух стран. Области компактного проживания армянского населения в Грузии имеют ключевое значение в вопросе обеспечения национальной безопасности Армении, одновременно являясь стратегически важным регионом, обеспечивающим проникновение на Южный Кавказ Турции, а также стыковым пунктом реализации имеющих важное политическое значение коммуникационных проектов. Все это делает ситуацию в Джавахке и вокруг него чем предметом пристального интереса региональных и внерегиональных игроков.

Результатом бурных событий начала XX в. стала зафиксированная в начале 1920-х гг. граница между Армянской и Грузинской ССР, автоматически признанная после 1991 г. межгосударственной. Посол Армении в Грузии Аршак Джамалян писал в конце 20-х о решении имевшегося между республиками земельного спора: «...Южная часть Армянского Борчалу, которая называется Лори и где в декабре 1918 г. армянское крестьянство подняло оружие против грузинской власти, сейчас с небольшим исправлением северной границы присоединена к Армении. Вместо этого армянские коммунисты объявляют неоспоримой собственностью Грузии северную часть Армянского Борчалу — от Лори до реки Храм, что охватывает территорию площадью порядка 3000 кв. верст с населением 35–40 тыс. человек и всю Ахалкалакскую провинцию».

На сегодня армяне составляют 54,6 процента населения Самцхе-Джавахети — сопредельного с Арменией и Турцией региона Южной Грузии, образованного с особо нескрываемой целью: разбавить компактное армянское население, на которое приходилось, по данным на 2002 г., 96% населения района Ниноцминда, 94,3% — Ахалкалаки, 37% — Ахалцихе и 17,5% — Аспиндза. Численность армян в Самцхе-Джавахетии, согласно данным официальной переписи населения 2002 г., составляла 113347 человек, в том числе и собственно в Джавахетии (Ахалкалак и Ниноцминда) — около 90,4 тыс. Разумеется, на эти цифры влияет тяжелая морально-психологическая ситуация, фактор сезонной миграции и в целом

ухудшившиеся после вывода российской военной базы социально-экономические условия. Таким образом, результаты очередной переписи, первоначально намеченной на январь 2010 г., но перенесенной на два года по причине недостатка средств, могут существенно отличаться от данных 2002 г.

Исторически край является местом компактного проживания армянского населения. Однако, как и в других районах Восточной и Западной Армении, установление турецкого владычества в Джавахке существенным образом видоизменило его этноконфессиональную структуру. В XIV–XVIII вв. христианское население края (в первую очередь армянское) постепенно уменьшалось, а вместо этого возрастала доля мусульманского населения — за счет курдов, лазов, черкесов, различных тюркских переселенцев, а также части местных грузин, насильственно обращаемых в ислам. К концу XVIII в. Джавахк лишился значительной части коренного армянского населения, часть которого переселилась в другие края, а часть была просто уничтожена. Турецкие власти значительно укрепили Ахалкалакскую и Ахалцихскую крепости, территория края вошла в состав Ахалцихского пашалыка, являвшегося важной стратегической позицией на северо-восточных границах Османской империи.

По мере успешного продвижения России в Закавказье стратегическое значение Джавахка еще больше возрастает. В 1801 г. вместе с Восточной Грузией в состав России входит армянская Лорийская область, в значительной мере опустошенная в ходе предшествующих войн. Важнейшее значение Джавахка для всего Кавказа прекрасно осознавались в Петербурге. 16 августа 1828 г. в результате решительного и кровопролитного штурма русские войска захватили Ахалцихскую крепость. По Адрианопольскому мирному договору край входит в состав России. В 1830–1831 гг. из Эрзерума, Ардагана и других районов Западной Армении в Джавахк переселяются отдельные группы «турецких» армян. В результате была восстановлена численность армянского населения Джавахка, которое в результате бесконечных войн, бедствий и лишений значительно сократилось.

В последующие десятилетия Джавахк не раз становился ареной межэтнической напряженности или даже кровавых столкновений, что неизменно происходило в условиях ослабления российского присутствия на Кавказе или полного его обрушения, как, например, в 1917–1918 гг. Уже первый эксперимент по созданию грузинской государственности в 1918–1921 гг. сопровождался в различных районах этой страны массовыми нарушениями прав граждан и установлением слабого этнократического и олигархического режима.

Советская власть принесла в регион хрупкий межнациональный мир, однако чем дальше, тем явственнее очертания будущих конфликтов можно было разглядеть под флером интернационалистской риторики. После распада Советского Союза некогда процветающая республика, новые лидеры которой бросили в массы лозунг «Грузия для грузин», погружается в череду внутренних потрясений, что непосредственным образом сказывается и на положении в Джавахке. Уже в 1992 г. грузинское правительство воссоздает в крае режим приграничной зоны, что, в сочетании с развалом худо-бедно действовавших в советское время инфраструктур, вынуждает многие семьи эмигрировать, главным образом в Армению и Россию.

Пребывая в составе более обширного государства, Армения и Грузия не обладали собственной политической субъектностью. Средневековый опыт казался неактуальным, а период существования независимых Грузинской и Армянской Республик — слишком неоднозначным, ведь в 1918 г. на протяжении нескольких недель между двумя странами шла настоящая война. Это был первый, и, будем надеяться, последний раз за многовековую историю сотрудничества и соперничества двух народов, никогда ни до, ни после не проявлявшегося в форме вооруженной борьбы. По мысли А. Джамалаяна, удивительным образом многочисленные грузино-армянские споры и разногласия «никогда не приобретали характера национального противостояния между армянским и грузинским народами». После 1991 г. Тбилиси и Ереван попытались выстроить отношения во многом заново, однако дело серьезно осложняла внутривнутриполитическая борьба в Грузии, помноженная на проблемы Южной Осетии и Абхазии, в которых последовательно сменявшие друг друга грузинские лидеры неизменно видели «руку Москвы». Подобное отношение автоматически распространялось и на представителей других «нетитульных» наций, особенно на тех, которые проживали компактно и имели границу с «материнскими» государствами. К сожалению, в грузинской историографии армяне, а также представители иных народов, проживающие на территории Грузии, зачастую представляются «чужаками» и российской «пятой колонной». Приведем характерную, хотя и несколько длинную цитату из книги, изданной в середине 90-х гг.: «Одним из основных направлений колониальной политики царизма была демографическая экспансия, имеющая целью переселение в Грузию инородных племен и изменение демографической ситуации в ущерб грузинам. Проводники такой политики прекрасно понимали, что обосновавшиеся в Грузии инородцы всегда будут опорой России. Еще в 1803 г. главнокомандующий Грузии из Ереванского ханства переселил в Квемо Картли и в Тбилиси 11 тысяч армян. В 1811 г. после взятия русскими Ахалкалаки жившие в Джавахети две тысячи армян переселились в Тбилиси... После победы в войне с Турцией в 1828–1829 гг. в состав России вошло Самцхе-Джавахети. Жившие там грузинские мусульмане, испытывая невыносимый гнет со стороны русских чиновников, вынуждены были покинуть родную землю и переселиться в Турцию. Российские власти не разрешили грузинам из Западной Грузии переселиться в Самцхе-Джавахети, зато из Турции сюда было переселено 30 тысяч армян. Заселение армян в различные уголки Грузии продолжалось и в последующие годы. В частности, в 1829–1831 гг. в Земо Картли обосновалось 14 тысяч греческих и армянских дымов. Переселение в Грузию инородных племен и изменение демографической ситуации в ущерб грузинам создавало России твердую опору для борьбы с грузинским национальным движением. Хотя, следует отметить, что благодаря природной толерантности грузин между коренным населением и новыми поселенцами серьезных столкновений не происходило».

Переселение армян из Эрзерума и сопредельных районов, как уже отмечалось выше, лишь восстановило прежний этнический облик края. О том, что армяне столетиями проживали на территории края, свидетельствуют, помимо армянских, также грузинские, турецкие, арабские и другие источники.

Вот уже почти 20 лет основным важным, зачастую преобладающим элементом риторики сменяющих друг друга грузинских лидеров по отношению

к Джавахку является постоянное разыгрывание карты так называемой «российской угрозы» и стремление консолидировать общество на почве противостояния «угрозе с Севера». Подобная политика негативно отражается не только на ситуации в самой Грузии, но и за ее пределами, внося дополнительный элемент дестабилизации на Южном Кавказе. Между тем межнациональное согласие, уважение прав всех проживающих на территории Грузии народов является немаловажным фактором будущего грузинской государственности, тем более в условиях нынешней непростой внутривнутриполитической ситуации в республике, что явственно показали события вокруг Южной Осетии и Абхазии. Разыгрывание националистической карты грузинскими властями сыграло крайне пагубную роль в конце 80-х — начале 90-х гг., а целенаправленный разогрев ситуации вокруг Южной Осетии привел к известным событиям 2008 г. Зыбкая видимость стабильности, достигаемой путем распродажи остатков госсобственности, за счет масштабных внешних заимствований (которые обязательно придется возвращать, притом с процентами) и держащейся на силовом контроле над некоторыми регионами, отнюдь не гарантирована. Она тем более не может быть прочной, если не соблюдаются элементарные права на национально-культурную самобытность, а ксенофобская риторика являет разительный контраст ритуальным заверениям о верности западной демократии. Среди актуальных проблем края — утверждение статуса грузинской епархии Армянской Апостольской церкви, освобождение политзаключенных (в частности, общественного политического деятеля Ваагна Чахалияна), решение вопроса с преподаванием армянского языка в школах региона, приостановка болезненно воспринимаемого населением переименования названий населенных пунктов. Армяне Джавахка вправе настаивать на обеспечении равных прав с «титულიной» нацией Грузии, присоединившейся к «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод».

По мере приближения к парламентским выборам 2012 г. все большие сомнения будут вызывать их открытость, честность и прозрачность — в том случае, если на джавахкцев будут и дальше смотреть как чуть ли не на потенциальных государственных изменников. Итоги предыдущих «волеизъявлений», когда в селах Джавахка и населенного преимущественно азербайджанцами Квемо-Картли за правящее «Единое национальное движение» «голосовали» 100% списочного состава при том, что более половины из этих людей де-факто там не проживали, могут быть признаны законными и справедливыми только по причине откровенной политической целесообразности. Корректировать сложившуюся практику, обеспечивая адекватный механизм контроля, в том числе укрепляя контакты населения этих регионов с политическими партиями Грузии, рано или поздно придется. В конце концов, неужели подобные контакты противоречат интересам сохранения государственного единства страны, а вот массовые вбросы бюллетеней — не противоречат?

Не менее важен и региональный аспект происходящего вокруг Джавахка, за которым пристально следят не только в Тбилиси и Ереване, но и в Баку и Анкаре, Тегеране и Вашингтоне. Пытаясь позиционировать свою страну в качестве некоего геополитического и культурно-исторического центра Кавказа, Тбилиси пытается привлечь Армению разнообразными щедрыми посулами. В течение нескольких последних месяцев Армению посетили президент Грузии М. Саакашвили,

премьер-министр, министры МВД и обороны Грузии, в ходе которых обсуждался широкий круг вопросов, касающихся расширения сотрудничества и развития армяно-грузинских отношений. В ходе недавнего визита министра обороны Грузии Бачо Ахалая в Ереван, судя по некоторым сообщениям, речь шла о программах, призванных переориентировать вектор оборонной политики Еревана на Тбилиси и, возможно, НАТО. Одновременно грузинский парламент принимает закон о денонсации российско-грузинского договора от 2006 г. о транзите военных грузов по территории страны на территорию Армении, где расположена российская военная база. Вряд ли подобное решение способно ощутимо повлиять на безопасность Армении, однако внести существенный недоверия со стороны Еревана оно вполне способно — равно как и коммуникационные проекты, обходящие стороной территорию Республики Армения (но не Джавахк). Турецко-азербайджанская торгово-экономическая экспансия в Грузии ни для кого не является секретом, и многие эксперты говорят о существовании неформальной стратегии официального Тбилиси, направленной против одного из регионов страны, а заодно и против соседней страны. Опасений прибавили сообщения о планируемой репатриации в Джавахк турок-мехетинцев, что может разжечь подспудно тлеющие межэтнические и межконфессиональные конфликты, а в перспективе — создать у северных границ Армении еще одну проблемную зону. «...Грузия...должна прояснить кое-какие вопросы, так как, в конце концов, эта страна тоже должна стараться быть более предсказуемой в отношениях с Арменией», — отмечает армянским Интернет-ресурсом, который, мягко говоря, сложно назвать про-российским. И далее: «...напыщенность, наблюдающаяся в действиях Грузии, которая, наверно, исходит из ее географического положения, в конечном итоге отнюдь не способствует армяно-грузинским отношениям, и если они войдут в тупик, то это будет тяжелым ударом не только для Армении, но и для Грузии тоже. И будет настолько тяжело, что по большому счету не будет иметь значения то, кому же пришлось тяжелее».

В настоящее время становится все более очевидной неэффективность тактики, направленной на исключение Армении из региональных коммуникационных проектов. Уже осенью 2011 года стартует поддержанный Азиатским банком развития первый этап строительства транспортного коридора Север-Юг (Иран — Армения), имеющей немаловажное значение для экономического развития республики. Сегодня протяженность автомагистрали составляет 545 км, и в результате строительства транспортного коридора Север-Юг прямая автодорога Мегри до Батуми сократится примерно на 190 км. По словам секретаря Совета безопасности Армении Артура Багдасаряна, транспортный коридор протянется также по армянонаселенным населенным пунктам Грузии Самцхе-Джавахетии (в частности Ахалцихе). Возможно, это послужит стимулом для инвесторов из Армении, которые пока не очень активны в Джавахке (в отличие от турецких и даже азербайджанских «коллег»), что имеет как объективные, так и субъективные основания. К сожалению, в ряде случаев внешняя политика Армении вынуждена лишь реагировать на внешние вызовы вместо того, чтобы пытаться активно влиять на региональную «повестку дня». Между тем, дестабилизация Ближнего Востока и Передней Азии, становящаяся важным фактором региональной политики, делает еще более актуальным вопрос формирования дополнительных транспортных

коридоров, поиска оптимальных вариантов перевозки товаров и сырья. Равноправное и взаимовыгодное армяно-грузинское сотрудничество в коммуникационной сфере, в числе прочего, ощутимо снизит риски возникновения конфликтных ситуаций.

Джавахкская проблема остается предметом интенсивных обсуждений в Армении. 23–24 апреля состоялось факельное шествие джавахкской молодежи, приуроченное памяти жертв геноцида 1915–1923 гг. Позиция, суть которой заключается в том, что «сохранение армянского облика Джавахка не менее важно, чем сохранение армянского Арцаха», является общей для политических партий и организаций гражданского общества, которые могут радикально расходиться во взглядах на другие вопросы. Следует признать, что в предшествующие годы грузинским властям удалось внести элемент раскола и дезорганизации среди общественных организаций Джавахка, однако практика показывает, что национальная политика не может основываться на провокациях, подкупе и запугивании. Это бесперспективный путь, особенно в ситуации, когда помимо сдержанной позиции официального Еревана существуют и структуры гражданского общества, менее склонные к дипломатическому политу — особенно в ситуации, когда грузинскими властями проводится политика вытеснения джавахкских армян с их исторической родины.

Нынешние представления тбилисских правящих кругов о ситуации в крае сводятся к банальным обвинениям в «сепаратизме» и в странных измышлениях относительно мнимого стремления армян «отколоть» этот край от Грузии. В грузинских СМИ стали нормой публикации откровенно националистического и ксенофобского характера. Любая информация о мероприятиях, в ходе которых упоминается само слово «Джавахк», встречает резко негативные комментарии ангажированных грузинских СМИ. К сожалению, в своей зачастую дискриминационной политике власти Грузии опираются на поддержку США, играющих серьезную роль не только во внутренней, но и во внешней политике государств южнокавказского региона. В докладе госсекретариата США относительно прав человека за 2010 г. в части, касающейся Грузии, по мнению Координационного совета по защите прав армян Джавахетии, факты вновь были представлены неполно и искаженно. В частности, игнорируются факты тотального контроля над общественно-политической жизнью армянства Джавахка со стороны грузинских силовых структур; фальсификации в ходе парламентских выборов 2010 г. в пользу правящей партии; практика форсированного насаждения грузинского языка в ущерб армянскому; слабая представленность местных уроженцев в органах местного самоуправления и т. д. Можно только согласиться с грузинским политиком Кахой Кукава, в специальном заявлении от имени своей партии напомнившим властям Грузии о том, что «у населения данного региона есть полное право принимать участие в общественно-политической жизни страны».

Оппозиционные грузинские политики время от времени делают реверансы в сторону армянской общины. По словам Ираклия Аласания, «армяне Грузии являются одной из самых больших общин в нашей стране, и мы дорожим этими отношениями». Лидер партии «Наша Грузия — Свободные демократы» призывает действующие власти делать больше «для армян, живущих в Тбилиси и Самцхе-Джавахетии с тем, чтобы они чувствовали себя более вовлеченными в процесс

строительства Грузии. Предприняты первые шаги в этом направлении посредством улучшения инфраструктур, в частности, восстановления дорог. Но требуется намного больше. Поскольку мы готовимся к следующим парламентским и президентским выборам, мне бы хотелось, чтобы в нашей стране появилось больше армянских политиков, Грузии это будет только выгодно». Однако пока все это остается благими пожеланиями, так как зарегистрированной партии, способной представлять интересы армян Джавахка, по-прежнему нет, а сотрудничество с грузинскими политиками, в том числе и оппозиционными, сопряжено с большими трудностями. Попытки регистрации в грузинском Минюсте партии «Вирк» успехом не увенчались. «Последние выборы в органы местного самоуправления в мае прошлого года показали, что у нас имеются серьезные проблемы, — рассказал член Совета общественных организаций «Джавахк» Артак Габриелян. — Мы попытались выдвинуться посредством списков какой-либо из оппозиционных партий, в том числе и партии Ираклия Аласания. Но он отказал, аргументируя это тем, что мы сепаратисты, и, если он выдвинет нас по своим спискам, авторитет его партии сильно упадет».

Особо стоит сказать о так называемом «церковном вопросе», который постоянно держит в напряжении граждан Грузии и является предметом постоянных инсинуаций. Видимо, кому-то до сих пор чудится, что признание той или иной принадлежности нескольких культовых зданий в грузинской столице неминуемо повлечет, как минимум, пересмотр государственных границ. Между тем существуют конкретные пути решения данного вопроса, превращения его из деструктивного фактора в элемент, способствующий укреплению армяно-грузинского сотрудничества. Как известно, недавно между Тбилиси и Анкарой было подписано соглашение, касающееся судеб историко-культурного наследия грузин в северо-восточной Турции с одной стороны и исламских культовых сооружений в Грузии — с другой. Вполне вероятно, что этот опыт следует конструктивно обсудить и в ходе намеченного на июнь армяно-грузинского межцерковного диалога на высшем уровне.

Рассуждения о «сепаратизме» в исполнении тех, кто находится в плену собственных представлений о мире, мало соотносящихся с тем, что происходит как в самой Грузии, так и в сопредельных странах выглядят, мягко говоря, неискренними. Во всяком случае, это не служит делу стабилизации обстановки в регионе, включая и предпосылки для налаживания грузино-юго-осетинского и грузино-абхазского диалога.

Необходимо спокойное обсуждение вопросов, связанных с поиском путей нормализации общественно-политической и социально-экономической обстановки в населенных армянами районах Грузии. Абсурдно говорить о том, что это каким-либо образом противоречит национальным интересам Грузии. Напротив, верным является прямо противоположное утверждение: игнорирование насущных вопросов жизни значительной части собственных граждан делает государство хрупким и уязвимым перед разнообразными вызовами, способными, в конечном итоге, превратить южно-кавказский регион в часть «Большого Ближнего Востока» с его перманентной нестабильностью.

ОСЕТИНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1749 г. И СОВРЕМЕННОСТЬ

Интерес к истории российско-осетинских отношений не ослабевает уже много лет. Нет сомнения, заинтересованное обсуждение будет продолжаться: порукой тому политическая актуальность судеб современной Осетии. К тому же на нынешний год приходится памятная дата — 260-летие приема осетинских послов императрицей Елизаветой Петровной. Осетинское посольство отправилось в Петербург в 1749 г. и работало там до 1752 г., обсуждая с правительством России концепцию русско-осетинского союза и будущего присоединения.

События августа 2008 г. лишь обострили внимание к историческим сюжетам. Признание Республики Южная Осетия и установление дипломатических отношений с Российской Федерацией наполняет события XVIII в. особым значением. В свою очередь, исторический шлейф сообщает дополнительную глубину актуальным смыслом современности.

Связи между Аланией и Русью, прерванные после монголо-татарского нашествия, были возобновлены во второй трети XVIII в., когда конфедерация горных аланских обществ установила дипломатические отношения с Российской империей. К этому времени русские успели забыть древнее славянское имя алан — «ясы» и, осваивая Кавказ, заимствовали грузинскую форму названия Алании — «Осети».

Первые значительные публикации источников XVIII в., отложившихся в ходе установления русско-осетинских отношений и присоединения Осетии к России, подготовлены Г. А. Кокиевым, А. М. Бирзе. Наиболее полная публикация документов осуществлена М. М. Блиевым.

Исследование истории Осетинского посольства в Петербурге было открыто статьей Г. А. Кокиева. Фундаментальные труды о политической истории Осетии периода присоединения к России принадлежат М. М. Блиеву.

Горная Алания позднего средневековья, пришедшая на смену разрушенному Аланскому царству, — свободная конфедерация одиннадцати земель-областей с собственным гражданством, представительной демократией и парламентским самоуправлением. Каждое из этих обществ, сохраняя независимость внутренней жизни, объединялось с остальными в сфере военной и внешнеполитической деятельности.

Политическое положение Алании-Осетии в середине XVIII в. определялось объединительным движением горных обществ, противостоящих нарастающей внешней опасности. Резкое обострение хозяйственных и социальных проблем, феодальные междоусобицы и внешнеполитические конфликты настоятельно требовали государственных форм самоорганизации. Только государственная власть была способна преодолеть политическую раздробленность и обеспечить будущее страны. Но в высокогорной зоне Центрального Кавказа отсутствуют хозяйственные ресурсы, необходимые для строительства государственных институтов. В средневековье территория позднейшей Осетии являлась горной окраиной

Аланского царства, а основной экономический потенциал Алании, составлявший надежную базу ее государственности, был сосредоточен на плодородной предкавказской равнине.

Ответственность стоявшего перед народом выбора заключалась в определении оптимальных направлений хозяйственного, политического и культурного развития, но прежде всего в эффективном разрешении стратегической задачи восстановления государственности. Поиск союзника и партнера совпал с продвижением на Кавказ великой северной империи. В Петербурге быстро поняли, что не удастся обойтись без лояльности небольшого народа, оседлавшего стратегические перевалы, без военных баз в центре Кавказа, без аланских дорог и серебросвинцовых месторождений.

Выбор России в качестве национального государства произошел на фоне жесткой борьбы за контроль над Центральным Кавказом, в которой участвовали также Иран и Турция (через вассальные грузинские княжества, Крымское ханство и Кабарду).

Союз с Россией, оптимальный с точки зрения внешней безопасности и конфессионального единства, был вместе с тем решением стратегической задачи: он позволил восстановить отлаженную еще в средневековье систему политических и хозяйственных связей, в которой роль равнинной аланской метрополии предстояло сыграть российскому центру, расширявшему господствующие позиции в Предкавказье.

Установление русско-осетинских отношений — заслуга посольства, которое отправилось в Петербург осенью 1749 г. и работало там до начала 1752 г., обсуждая с правительством Российской империи концепцию русско-осетинского союза и условия будущего присоединения.

Итоги русско-осетинских переговоров 1750–1751 гг. заключались в установлении политического союза и тесных дипломатических отношений. Немедленное присоединение территории Осетии к России было невозможно с точки зрения международного права, так как Белградский мирный договор 1739 г. с Турцией ограничивал свободу действий России на Северном Кавказе, устанавливая нейтральность Кабарды, которой отводилась роль «барьера» между Турцией и Россией. Нейтральный статус Кабарды, занимавшей тогда все Центральное Предкавказье и лежавшей между Осетией и Россией, в середине XVIII в. был непреодолимым препятствием для присоединения в международно-правовом смысле, т. е. включения территории Осетии в состав Российской империи.

Таким образом, несмотря на кажущуюся неполноту итога переговоров, ценнейшим результатом деятельности осетинского посольства в Петербурге явилось неполучение от российской стороны ответа о присоединении. Тем самым отказ был исключен, а заведомо положительный ответ отложен до более подходящих внешнеполитических обстоятельств.

Присоединение Осетии к России состоялось в 1774 г., после победоносной войны и заключения Россией нового, Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией. Статья 21 этого договора посвящена статусу Кабарды, полномочия в установлении которого Турция передавала Крымскому ханству. Существование Крымского договора, заключенного между Россией и ханством в 1772 г., придавало этой дипломатической формуле значение окончательного признания

российского суверенитета над Кабардой. Тем самым было снято единственное препятствие для международно-правового оформления присоединения Осетии к России.

В октябре 1774 г., выполняя специальное поручение правительства, ведавший сношениями с Кавказом астраханский губернатор П. Н. Кречетников пригласил в крепость Моздок представителей Осетии для официального подтверждения их готовности вступить в российское подданство. Документ, легализовавший прежние договоренности о присоединении Осетии к Российской империи, был подписан 27 октября 1774 г. Так достигнутые в середине XVIII в. договоренности получили международно-правовое оформление, и Осетия вошла в состав Российской империи.

Вернемся, однако, к посольству.

Состав и полномочия послов были предметом многократного и тщательного изучения в Петербурге. Международные интриги и закулисная борьба вокруг русско-осетинских переговоров середины XVIII в. заставили российское правительство вести сложную следственную работу, сопровождавшую выработку политических решений. Следственная эпопея, завершившаяся постановлением Сената о ложности всех доносов, породила ценнейшие документы с дополнительными и уточняющими сведениями о составе Осетинского посольства.

Первый сюжет, требующий особой точности, — «проектный» состав Осетинского посольства в пять человек, что соответствовало численной норме сенатского указа. Уменьшение «проектного» числа осетинских представителей до троих реальных послов состоялось летом 1749 г. В донесении, написанном в июне 1749 г., названы имена тех двоих, что отказались ехать: «Из назначенных 5 старшин Дугарской Созорука, Тугаецкой Девлет из уездов ехать с архимандритом Пахомием ко двору Ея Императорскаго Величества намерение свое отменили по угрожению же кабардинцев, которые оным старшинам внушали, если они с архимандритом поедут, то будут задержаны в России в аманатах, а они, кабардинцы, будут им неприятели и разорять станут их дома».

Посольство прибыло в Москву 7 декабря 1749 г. в составе троих старшин:

- а) Зураб Егоров сын Азовов, он же и Елиханов.
- б) Елисей Лукин сын Хетагов или Эба Генцаулов.
- в) Батирмиза Давидов сын Куртаулов, принявший крещение под именем Георгия.

Каждого из трех старшин сопровождал помощник-служитель:

- а) Зураба Елиханова сопровождал сын Канагат, в крещении Дмитрий.
- б) Помощником Елисея Хетагова назван Василий, именуемый также: Дживий, Жиб, Едживи Абакшилиев, Див Абашеле.
- в) Служителем Батырмирзы Куртаулова был Сергей Соломонов сын Алгузов.

Зураб Елиханов был центральной фигурой осетинского политического проекта, связывавшего государственные перспективы страны с установлением русско-осетинских отношений. Зураб происходил из семьи владельцев Зарамагского замка, остатки которого и сегодня высются на утесе в высокогорном селении Даллаг-Зарамаг. Принадлежность Зураба к фамилии Магкатое (в русской записи — Магкаевы) была определена Г. А. Кокиевым, а затем проверена и подтверждена

М. М. Блиевым на основе сопоставления документов с фольклорным материалом.

Елисей Хетагов происходил из общины Зака, строения его замка сохранились в селении Даллаг-Зака, а фамилия «Генцауров» не потребовала дешифровки — это Хъесатое (в русской записи — Кесаевы). Г. А. Кокиев сообщает, что предания называют этого посла Эба Кесаевым, а Хетаговых и Кесаевых считают «фамилиями одного рода». «На родине, в селении Зака, — пишет М. М. Блиев, — его знали как Кесаева Эба, сына Кесаева Еса».

Батырмирза Куртаулов дольше других послов хранил тайну своего происхождения. От Батырмирзы, как сообщает документ 1751 г., «получено известие», что живет он «в волосте Хутат, в местечке Чюарыкавы» — то есть в горном селении Дзуарикау Куртатинской гражданской общины. Годом раньше Синод получил известие, что Батырмирза происходит «из деревни Чопонат». Это не что иное, как осетинское *Цопанатæ* — фамилии, именем которой в Дзуарикау называлась принадлежащая ей часть селения с земельными угодьями. *Цопанатæ* (в русской записи Цопановы) входили в число самых влиятельных и знатных фамилий Куртатинской общины.

Канамат-Дмитрий, сын Зураба, сопровождал своего отца в качестве служителя. Докладывая об осетинских послых в Синодальной канцелярии 8 декабря 1749 г., на следующий день по прибытии посольства в Москву, архимандрит Пахомий рассказал: «Оной де Зураб сюда приехал с сыном своим родным Канаматом, которой де им, архимандритом, в Осетии крещен в 1746-м г. и наречен Дмитрием».

Дживи-Василий был помощником Елисея Хетагова. Под именем «Василей» он включен в «Реестр едущим из Санкт-Петербурга через Астрахань в Осетию», который приложен к указу об отправлении Осетинского посольства на родину в 1752 г. Впервые под именем Жиб он упоминается в феврале 1750 г. В ноябре 1750 г.: «Дживий. . . из деревни Шпа». В февральском документе 1751 г.: «Едживи Абакшилиев. . . деревни Шпол». Наконец, в других бумагах 1751 г. он фигурирует как «осетинец же Див Абашеле», «осетатский житель Обашвих». Фамилия, к которой принадлежал этот человек, надежно устанавливается на основе грузинских форм ее написания и точной географической привязки. «Абакшилиев», «Абашеле» и «Обашвих», то есть Абашвили в деревне Шпа — это Абайтæ (в русском написании — Абаевы) из селения Сба, главной резиденции этой знатной фамилии.

Сергей Соломонов сын Алгузов числился помощником Батырмирзы Цопанова. Имеющаяся информация позволяет составить набор признаков родственной группы, из которой должен происходить Сергей Алгузов. Единственная фамилия, отвечающая всем необходимым признакам, — *Томайтæ* (Томаевы). Одна из знатнейших фамилий колена *Æгъуызатæ*, признанная в дворянстве всеми царскими дворами раздробленной Грузии, Томаевы имели три вотчины: две основные — в Руке (верховья Большой Лиахвы) и Кора (Куртатинское ущелье), а также «промежуточную» — в Зака (на полпути между Руком и Корой).

Дугарской Созорука и Тугаецкой Девлет вышли из состава Осетинского посольства, в которое по первоначальному плану должно было войти пять человек. Кого же представляли несостоявшиеся послы? Названия их «уездов» в докумен-

те предшествует личным именам совсем не случайно, а в полном соответствии с обсуждавшейся темой представительских полномочий. «Дугарский» и «Тугаецкий» «уезды» — это Дигорское и Тагаурское общества, которые занимали особое место в жизни Осетии XVIII в., отличаясь высоким уровнем социального и хозяйственного развития, жесткой сословной системой и господством замкнутых корпораций наследственной знати.

И дигорцы, и тагаурцы участвовали в формировании посольства, выдвинув в его состав по одному старшине. Предварительно определить их патронимическую (в современном смысле фамильную) принадлежность удастся на основе родословных росписей, составленных в середине XIX в., — это Созуруко Абисалов и Долат Кануков.

Принципы формирования Осетинского посольства не могли, естественно, найти прямого отражения в документах. В то же время в Осетии XVIII в. было невозможно получить общественные полномочия вне публичных представительских институтов. Поэтому сам состав формируемого посольства следует считать наиболее объективным выражением формулы, которая легла в основу подготовки представительства, направляемого в Россию. Заданный уровень полномочий («из Осетии», «означенного осетинского народа») и формат приема (не более пяти знатных старшин со служителями) превращают список послов в самый надежный источник реконструкции принципов формирования посольства.

С выходом из первоначального состава посольства тех двоих послов, что происходили из Тагаурского и Дигорского обществ, выезд отложился всего на два месяца. Этого времени было достаточно лишь для местной замены кандидата, выбывшего по субъективным причинам, или для попытки уговорить тагаурцев и дигорцев изменить решение об отказе. Судя по отсутствию дублеров, состоявшееся решение оказалось, как минимум, корпоративным — на уровне дигорской и тагаурской аристократии. Ясно и то, что двух месяцев никак не могло хватить на новый выбор всего посольства или даже серьезные перемены в его составе. Вспомним, что процесс подготовки занял несколько лет. Никаких признаков изменения «основного состава» нет в документах.

Такая неизменность означает, что реализованный в 1749 г. тройственный формат вполне соответствовал принципам общенародного представительства. Другой важнейший вывод, который следует из неизменности «основного состава» посольства: оно не формировалось на принципах паритетного представительства от осетинских обществ. В подобном случае предложенный Сенатом формат «пяти старшин» был бы вообще неприменим — в него невозможно втиснуть одиннадцать осетинских обществ. Неопровержимым свидетельством того, что речь вообще не шла о выдвижении представителей отдельных обществ, является присутствие в «основном составе» посольства двоих туалъцев — Зураба Магкаева и Эба Кесаева. В многочисленных документах, отразивших историю посольства и ход его переговоров с российским правительством, нет и намека на отдельные интересы Туалъского (как, впрочем, и какого-то иного) общества или какой-либо группы обществ Осетии. Везде и всегда только «Осетия», «Осетинская земля», «осетинский народ».

Базовое значение тройственного формата посольства подтверждено самим фактом его успешной реализации. Несомненно, и усилия, вложенные в несостоя-

шуюся поездку «дополнительной пары» послов, имели ясный для современников смысл, увязанный с формулой «основного состава». Какова же была эта формула?

Осетины XVIII в. твердо держались традиционной системы представительства. Документы второй трети XIX в. надежно свидетельствуют, что и по прошествии столетия все происходило по тем же неизменным правилам.

В экстремальных условиях безгосударственного существования, с рубежа XIV–XV вв. до второй половины XVIII в., основой социальной и политической организации горной Алании-Осетии оставалась особая скифо-аланская модель общественного устройства. Ее неотъемлемой чертой была открытая Ж. Дюмезилем концепция идеального индоевропейского общества, организованного в соответствии с тремя социальными функциями. Актуальная идеология общенародного единства строилась на этногоническом предании об общем предке народа и трех его сыновьях. Три базовых (общенародных) колена возводили свое происхождение к прародителю Ос-Багатару и назывались по именам его сыновей. Потомкам Кусагона традиция отводила роль жрецов и судей, колену Царазона (вариант: Агуза) приписывала особую воинскую доблесть, а наследников Сидамона связывала с производительным трудом и богатством.

Случайно ли послов, представляющих, как постоянно напоминают документы, «Осетию», «Осетинскую землю», «осетинский народ», — трое?

Базовая коленная идентификация послов не составляет труда. Фактический глава посольства Зураб Магкаев-Елиханов принадлежал к одной из знатнейших фамилий древнего колена Цæразонтæ. Магкаевы претендовали на особую знатность и в числе немногих связывали свое происхождение с царским домом средневековой Алании.

Батырмирза Цопанов происходил из высшего сословия Куртатинской гражданской общины, которая возводила свое происхождение к Сидамону, старшему сыну Ос-Багатара, и целиком принадлежала к общенародному колену *Сидамонтæ*.

Место Кесаевых в традиционной общественно-политической системе также не вызывает сомнения — они принадлежали к колену *Къусæгонтæ*.

Словом, трое послов «основного состава» — пример неизменного следования традиции, образец идеального представительства, воспроизводящего архетипическую формулу социальной гармонии, правовой завершенности и политической легитимности в масштабах всей страны.

Более того, абсолютное соответствие традиции находим и в происхождении знатных служителей-помощников — все трое принадлежали к носителям воинской функции в троичной системе. В позднесредневековой Осетии воинскую функцию вариативно представляли два колена: *Цæразонтæ*, к которым принадлежал Канагат, сын Зураба, и *Æгъуызатæ*, из которых происходили Дживи Абаев и Сергей Соломонов. На самом деле *Цæразонтæ* и *Æгъуызатæ* — две ветви колена потомков средневековой военной аристократии (в том числе и царской династии), как свидетельствует устное осетинское предание и грузинская придворная практика. Имена этих колен, как давно показал В. И. Абаев, происходят от римско-византийской титулатуры и в русском переводе означают «цесаревичи» и «августейшие». При этом выбор рыцарей сопровождения соответствует не

только значимости миссии и высоте принимающей стороны. *Царазонтæ* представлены преимущественно на севере, где расположен их домен (регион Мизур — Бад — Зарамаг), *Æгъуызатæ* связаны преимущественно с югом — их изначальная родовая территория расположена в пределах нынешнего Дзауского района Республики Южная Осетия (регион Рук — Сба — Уанел). Словом, и на уровне помощников-служителей была представлена вся Осетия.

Формат традиционной легитимности общеосетинского представительства не был единственным, которому должно было отвечать Осетинское посольство. Его идеолог и фактический глава Зураб Елиханов имел слишком значительный политический опыт (в том числе российский), чтобы не учесть очевидных для середины XVIII в. обстоятельств.

Установлению русско-осетинских отношений предшествовало изучение Коллегией иностранных дел географического и политического положения Осетии, но российский вывод о независимости небольшой кавказской страны вовсе не отменял северной (малокабардинской), юго-восточной (карталинской) и юго-западной (имеретинской) экспансии. В виртуальном смысле — то есть по маршрутам завоевательных набегов, навязываемому сюзеренитету и данничеству в пограничных обществах, наличию агентуры в остальных землях — Осетия середины XVIII в. делится на три зоны внешнего влияния: со стороны Малой Кабарды, иранской Картли и турецкой Имерети.

Не только южные, но и центральные общества Осетии грузинские вассалы персов и турок «осваивали», раздавая дворянские грамоты, княжеские титулы, почетные пенсии и торговые льготы осетинской знати, впрочем, без особого разбора и без всякой ответственности. Когда в XIX в. гордые обладатели грузинского «дворянства» попытались использовать свои документы, то на проверку оказалось, что это макулатура. Но еще в XVIII в. бедного и наивного горца из благородной фамилии пытались сделать «агентом влияния» за ничтожную ежегодную пенсию и ничего не значащий громкий титул.

То же самое происходило и в противоположном направлении — из Кабарды. Князья северного соседа также представляли себя сюзеренами осетинского дворянства, привязывая его узами аталычества и дарений, покровительствуя бракам осетин с кабардинской элитой. В начале XVIII в. сформировался уже и слой их действительных осетинских вассалов; в большинстве из дигорской (западно-осетинской) знати, основавшей равнинные селения в поместьях, полученных от малокабардинских князей.

Стратегический союз с Российской империей становился избавлением и от этой опасности. Не случайно переговоры с российским правительством возглавил человек, досконально знавший грузинскую политическую конъюнктуру, воспитанник и казначей царя Картли. Подобно Зурабу Магкаеву, и другой посол — Елисей Кесаев — принадлежал к семье, имевшей коллекцию бумажных грузинских привилегий. Батырмирза Цопанов — третий член осетинского посольства — происходил из северного Куртатинского общества, переживавшего в XVIII в. сложный период тесных связей и жесткого противостояния с Кабардой. Двое послов-отказников — яркое воплощение борьбы, шедшей в Дигорском и Тагаурском обществах, где кабардинцы уже имели вассальные группировки знати.

Проектный состав посольства, включавший представителей двух сильнейших в Осетии аристократических корпораций — тагаурской и дигорской, — выглядит сепаратной осетинской попыткой преодоления нейтрального статуса Кабарды, превращенной Белградским договором 1739 г. в барьер между Кавказом и Россией.

Этот формат реального посольства, представляющего три зоны внешнего влияния — со стороны Малой Кабарды, иранской Картли и турецкой Имерети — только подчеркивает ответственность и согласованность политического выбора, сделанного конфедерацией осетинских обществ. Достаточно вспомнить, как в первой половине XIX в., после подчинения Кабарды и присоединения Россией грузинских земель, частями отнятых у Ирана и Турции, Осетия подверглась территориально-административному разделению, при котором ее юго-западные окраины попали в состав Кутаисской губернии, центральные и южные общества вошли в Тифлисскую губернию, а крупнейшее на севере Дигорское общество было объединено с Кабардой в управлении Центра Кавказской Линии.

Нетрудно видеть, что прежнее «наступление» имело внутривососсийское продолжение как с южного, так и с северного фланга. Не только Картли и Имерети, но и Малой Кабарде (традиционно более лояльной к России, нежели Кабарда Большая) в первой половине XIX в. еще доставало влияния на власть и хватало вассальных осетинских связей, чтобы сохранять инерцию прежнего, с приходом России угасающего экспансионизма.

Уступая последней волне экспансии, пришлось делить Туальское общество, его основная часть стала Нарским участком Осетинского округа Тифлиской губернии, а Мамисонское ущелье передали в Кударо-Мамисонский участок Рачинского уезда Кутаисской губернии, еще раз подтвердив: три осетинских посла на переговорах в Петербурге представляли три разные зоны внешнеполитического влияния и давления на Осетию. Таким образом, политические условия и дипломатические задачи эпохи установления русско-осетинских отношений, диктовавшие необходимость представлять единый народ независимой страны, нашли воплощение не только в деятельности Осетинского посольства. Сам его состав хорошо иллюстрирует твердость выбора, сделанного Осетией не в политической теории — на исторической практике, в эмпирической перспективе выживания.

Аналогия событиям XVIII в. бросается в глаза, если обратиться к революционной эпохе начала XX в., когда, вновь оказавшись в ситуации государственного самоопределения, Осетия повторила свой выбор, сделанный полтора столетия назад. Отличие лишь в том, что сама Осетия к тому времени изменилась, превратившись из конфедерации сословных обществ в буржуазную нацию.

Новый распад империи — теперь уже советской — в конце XX в. вновь воспроизвел тот же выбор, непротиворечиво совмещающий в формуле осетинского политического самоопределения национальный суверенитет и осетино-российский союз. За прошедшее столетие Осетия прошла противоречивый путь национально-государственного строительства, территориально-административного раздела и культурно-языковой денационализации. Но все это, как оказалось, не меняет вневременного «исторического кода», того социально-политического механизма, который, видимо, не зависит от партийных доктрин и персонального волюнтаризма политиков.

Жестокий выбор врагов Осетии и России, таким образом, предопределен вполне объективными обстоятельствами. С этим ничего нельзя поделать. Единственной формой отмены исторических закономерностей является уничтожение общества, жизнь которого они определяют. Есть лишь один способ отменить Южную Осетию — ее уничтожить. И один способ разрушить осетинское единство — истребить осетинский народ. И только один способ прервать русско-осетинский союз — заставить Россию уйти с Кавказа.

Мы не можем позволить себе такой роскоши. Оставшись без Кавказа, Россия неизбежно свернется в доимперский масштаб XVII в. А мир слишком изменился с тех пор и продолжает меняться. Восстановить эту многонациональную державу, эту государственную традицию уже не удастся: будут созданы совсем другие союзы.

История никого не учит насильно. Зато та же история позволяет всем желающим учиться и неизменно приводит к простому выводу: необходимо занять собственную позицию, нужно бороться и отстаивать свои интересы.

Л. М. Гарсаев

НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О ДРЕВНИХ РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ СВЯЗЯХ

*Если соседи плечом к плечу, они — подобие
надежного обоюдоострого клинка*
Чеченская пословица

Кавказ, обширный перешеек между Черным и Каспийским морями, занимающая важное геополитическое и географическое положение, является уникальным полиэтническим и многоконфессиональным регионом мира, очень сложным по своему этническому составу, и представляет собой один из древнейших очагов ранней цивилизации, где смыкаются Европа и Азия.

«Горой языков» назвал Кавказ древнегреческий географ, историк и мыслитель Страбон. Крупнейший арабский энциклопедист ал-Масуди, живший в X в. н. э., отмечал, что и гора Кабк (Кавказ) — великая гора, занимающая огромную территорию. Она помещает много царств и народов».

Уникальная и величественная горная система Большого Кавказа делит его на две большие части — Закавказье и Северный Кавказ.

Северный Кавказ, одна из составляющих Кавказ территорий, является самым многонациональным регионом нашей страны. В составе десяти коренных народов, населяющих республики Северного Кавказа, самыми многочисленными автохтонами являются чеченцы, которые по своей численности занимают первое место на Северном Кавказе и четвертое — в Российской Федерации.

Вайнахи имеют многовековую, очень богатую и еще далеко не во всем познанную историю и культуру, питающуюся глубокими самобытными истоками и постоянно обогащающуюся в результате взаимополезных контактов с внешним миром. Предки современных нахских народов еще в глубокой древности контактировали с древними обитателями Северного Кавказа, славянами и народами Закавказья.

По мнению Багаева М. Х. [1], довольно четко прослеживаются следы древних русско-чеченских связей. Так, исследования советских историков свидетельствуют о том, что восточные славяне стали заселять пространства между Волгой, Доном и Кавказскими горами с VII в., если не с VI в. н. э. В 942–944 гг. русы через Самкерц — Тмутаракань, Северный Кавказ вместе с аланами и «лизгинами» нападают на самый богатый город Закавказья — Бердаа. Не исключено, — пишет профессор И. Ю. Алироев, — что вайнахи участвовали не только в этом, но и знаменитом походе русского князя Святослава 965 г., когда последний «по каспийскому морю добрался до столицы Хазарии Семендера и, опустошив его, двинулся вдоль Кавказа на запад. . . По пути к Азовскому морю Святослав столкнулся с ясами (аланами) и касогами. . . ».

Русско-чеченские связи поддерживались и через Хазарский каганат, в пределах которого пребывало и русское население.

«Когда Хазарский каганат выступил наиболее активным противовесом арабской агрессии на Северном Кавказе, а заодно в качестве щита, оградившего от арабов восточно-европейские земли, вайнахи вместе с народами Дагестана и Алании активно поддерживали хазар. Этим поступком чеченцы вместе с горцами Северного Кавказа в определенной степени содействовали объединению восточно-славянских племен в единое государство с центром в Киеве. Совпадение интересов кавказцев и славян подготовило почву для их тесного знакомства», — пишет Багаев М. Х. [1].

Правда, эти связи не носили постоянный характер. Этому сначала мешали кочевые племена, а позже кипчаки и половцы, осевшие на Северо-Кавказских равнинах и постоянно вступавшие в военные конфликты как с русскими, так и с народами Северного Кавказа. И все же, несмотря ни на что, вайнахи в какой-то степени сохранили связи с древней Русью. Об этом говорит и ингушский профессор Мальсагов Д. Д., утверждая, например, что кипчак Овлур, способствовавший побегу князя Игоря из половецкого плена, не кто иной, как племянник русских от брака с вайнахом.

Характеристика этого непростого периода с уникальной яркостью раскрыта в выдающемся древнерусском литературном и историческом источнике XIII в. — «Слове о полку Игореве».

Неудачный поход против половцев в районе Донца и реки Каялы стал итогом пленения князя Игоря, который все же смог бежать (с помощью того же Овлура) и вернуться на родину:

*«Там, где Игорь соколом летит,
Там Ов-лур как серый волк бежит»* [3].

Согласно полемому материалу, Ов-лур родоначальник ов-некъе (ветвь) Алароевского тайпа, второй компонент-лур с чеченского переводится на русский язык как кровник. В настоящее время его потомки проживают в п. Старая Сунжа (Вазархановы и др.), станице Гребенская Шелковского района, селе Турти — хутор Ножай-Юртовского района. Одним из них является руководитель налоговой службы ЧР генерал-лейтенант Ислам Вазарханов.

В XIII в. русско-нахские контакты на целые столетия прерываются нашествием татаро-монгольских орд, заселивших Северный Кавказ и загнавших вайнахские народы в горные теснины. Это нашествие внесло кардинальные коррективы в этническую карту Северного Кавказа и в определенной степени затормозило процесс закономерного социально-экономического и культурного развития населения региона.

Восточнославянское население Чечни и Ингушетии складывалось на протяжении длительного времени. «Беглые русские лица», поселившиеся на гребнях между Терекон и Сунжой, дали начало гребенскому казачеству, которое упоминается в российских письменных источниках с XVI в. В притеречных районах по распоряжению царского правительства расселяются и в дальнейшем обживают донские казаки. Последующая колонизация русскими Предкавказья связана с пореформенным периодом.

Терско-гребенское казачество складывалось не только из беглых русских, ищущих волю на Северном Кавказе, но и из представителей самих горских народов: чеченцев, кабардинцев, дагестанцев и т. д. Горцы бежали к казакам, спасаясь

от кровной мести, рабства, от феодального гнета и произвола. Трудно определить, какова была доля горцев среди терско-гребенских казаков. Но бесспорно, что она была значительной. У терских казаков были целые станицы, состоящие из горцев-нехристиан. Правда, гребенцы принимали в свою среду только тех «инородцев», кто принимал христианство [4].

В состав гребенских казаков вливались представители разных чеченских тайпов. К числу таковых относятся оказавшиеся галаевцы, вараудоевцы, и особенно гуноевцы (выходцы из села Гуни, Ичкерия) из станицы Червленной (чеч. Оьрза-г1ала по имени первопроходца гуноевца) — Егоркины, Галкины, Гулаевы, Бусунгуровы, Титкины, Закаевы, Борискины, Костиковы, Хановы и др., переселившиеся в 16–17 вв. к казакам из-за кровной мести и нежелания принять ислам, который проповедовал Курчалинский Берс-шейх, являющийся племянником гуноевцев по материнской линии.

Но происходил и обратный процесс. Немало свободолюбивых казаков находили приют в отдельных чеченских тайпах. За них выдавались замуж горянки и от них уже шла новая ветвь чеченского рода — Васал-некъи (потомки русского Васи), Митик-некъи (потомки Мити), Игрой-некъи (потомки Игоря), Украин — некъи (потомки украинцев) и т. д.

Еще пример. . . В 40-е гг. XIX в., когда была в разгаре Кавказская война, чеченец из тайпа гуной, наиб имама Шамиля Ахмад Автуринский, во время набега на г. Кизляр (чеч. Г1изляр) увидел известную красавицу-казачку Марию, которую полюбил с первого взгляда. Несмотря на то, что имам Шамиль строго запрещал браки между иноверцами, он, похитив ее, женился на ней. Впоследствии она приняла ислам и новое имя — Г1изларха (от назв. «Кизляр»).

Если бы о таких исторических фактах знало бы нынешнее поколение казаков, наверное, в Ставропольском крае казачье подразделение не было бы названо именем палача Ермолова, предназначенного для очередного истребления нашего народа уже на современном этапе — во II чеченскую кампанию. Правда, по приезду в Чечню от нее осталось одно название и лампасы.

К чести атамана Кубанского казачьего войска генерала Владимира Прокофьевича Громова, когда ему предложили создать аналогичное подразделение у себя, он наотрез отказался, заявив, что никогда не пойдет войной на братьев-чеченцев. . .

Особенно большое влияние оказывали друг на друга вайнахи и их соседи, терские и гребенские казаки-староверы, бежавшие из царской России за Терек от крепостного права и религиозного преследования.

Одежда и манера ее ношения также во многом были общими. Казаки носили кавказскую бурку, папаху, башлык, черкеску, бешмет, пояс, кинжал, газыри. Эти элементы одежды, принятые на вооружение царской армией, использовались также и Советской армией до 1946 г. Женщины надевали рубахи с широкими рукавами и бешметы, голову покрывали платком. В костюме горцев постепенно появлялись элементы европейской одежды, которую все больше начинали шить из привозных тканей. В начале XX в. и женщины-горянки стали постепенно отказываться от традиционной одежды.

У терских и гребенских казаков были в ходу горские музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная балабайка, барабан. В то же время у чеченцев и

ингушей значительное распространение получили русские гармоники (чеч. кехат пондар), на которых в основном играли женщины.

Казаками были восприняты не только мелодии горских песен, но и некоторые виды танцев (например, наурская лезгинка), широко бытовал у них и популярный горский обычай джигитовки. Очень много общего наблюдалось и в характере казаков и горцев: веками общаясь друг с другом, они постоянно пополняли за счет друг друга свой словарный запас. Современники отмечали, что речь казаков «приняла оригинальный склад» и сами себя они называли не русскими, а казаками, и практически в каждом из них течет кровь чеченца, кабардинца, ногойца и других народов Кавказа.

Многие терские и гребенские казаки были кунаками чеченцев, они гордились своей дружбой и передавали ее из поколения в поколение. Ярким примером тому явилась дружба Льва Толстого с кунаком-чеченцем Садо Мисирбиевым из древнего тайпа Элстанжой. По словам Л. Н. Толстого [5], «...живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили обычай, образ жизни, нравы горцев... Еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими... Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу... Красота гребенских женщин особенно поразительна соединением чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины. Казачки носят одежду черкесскую... но платки завязывают по-русски...», а в другом месте устами Дедушки Ерошки он говорит: «Вся наша родня чеченская — у кого бабка. У кого тетка была чеченка».

Куначество между казаками и чеченцами поддерживалось не только в мирной жизни. Особо оно проявлялось в трагические моменты истории народа. Тому немало примеров. Когда 16 сентября 1819 г. нависла смертельная угроза над цветущим чеченским аулом Дады-Юрт, находившегося по правому берегу Терека, казаки, верные кунаки чеченцев, жившие на левом берегу, ночью прислали гонца с известием, что их аул на рассвете будет уничтожен, а население истреблено.

Когда старейшины, приняв решение отразить нападение, поблагодарили вестового и попросили его покинуть село, казак ответил: «Останусь с вами до последнего. Истинные казаки не бросают друзей в беде».

На рассвете действительно аул был сожжен дотла, люди уничтожены, вместе с ними погиб и казак. После полного истребления живы остались три мальчика в возрасте 2–3 лет из тайпа Харачой: один, взятый на воспитание братом генерала Ермолова, впоследствии стал знаменитым академиком живописи Петром Захаровым, второй — Бота Шамурзаев (бывший наиб имама Шамиля, «перешедший из наибов в майоры царской армии»), получил воспитание и образование в семье Раевских, третий К. М. Айбулат-Розен, впоследствии известный поэт в русской литературе XIX в., также воспитан в России.

Таким образом, чеченцы на протяжении всей своей многовековой истории не были изолированы от окружающих племен и народов. Часть из них проходила по территории края, не задерживаясь надолго, другие находили здесь вторую Родину, с третьими издавна поддерживались торгово-экономические, политические, культурные и иные взаимоотношения. Соприкасаясь с многочисленными окружающими народами, вайнахи воспринимали у них передовые элементы матери-

альной и духовной культуры, в то же время делясь с ними тем положительным опытом, который был накоплен ими веками.

В заключение хочу привести вам старинную чеченскую мудрость, которая гласит так: «Человек с друзьями — степь широкая, без друзей — ладонь узкая».

Список использованной литературы:

1. Багаева М. Х. К вопросу о культурных связях чеченцев с народами Кавказа и русскими // Хьехархо.—Грозный, 2010.— № 22 (142).—27 нояб.
2. Мальсагов Д. Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Изв. Чечено-Ингуш. НИИ истории, языка и лит-ры. Языкознание.—Грозный, 1959.—Т. 1, вып. 2.—С. 141–146.
3. Тотоев С. М. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселениями на Северном Кавказе // Изв. Северо-Осетинского НИИ.—Дзауджикау, 1948.—С. 148.
4. Толстой Л. Н. Избранные повести и рассказы. Т. 1. // Кавказ.—1847.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЧЕЧНИ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ

Победа над царизмом в 1917 г. всколыхнула всю страну, особенно колониальные регионы империи, в том числе Чечню. Февральская революция дала мощный толчок к пробуждению национального самосознания чеченского народа и надежды на справедливое решение национального и, в особенности, земельного вопроса [1, с. 303]. Полагалось не отрицать национальности как таковые и даже за малейшей национальностью признавать право на свободное самостоятельное существование [2, с. 140]. Известие о февральской революции в Грозном было получено 3 марта. Первоначальной задачей горского национального движения в первый месяц после революции было формирование новых органов самоуправления [3, с. 37]. В мае того же года на I Северо-Кавказском конгрессе был образован ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана как временное правительство Северо-Кавказского свободного государства. В сентябре 1917 г. на II конгрессе была утверждена и временная конституция Северо-Кавказского государства. Когда же большевики захватили власть в центре, Северный Кавказ объявил о своей полной независимости и выходе из государства российского (11 мая 1918 г.) [4, с. 16].

Первый удар по Северо-Кавказской республике был нанесен Деникиным, а не большевиками. Борьбу против деникинщины можно разделить на три этапа. Первый этап с февраля по май 1919 г. характеризуется слабой организованностью антиденикинского движения, это период поляризации политических сил и поиска союзников. Второй этап борьбы охватывает события с июня по октябрь 1919 г. Это время организации широких трудящихся масс на борьбу с силами противника. Опираясь на широкие слои горского крестьянства во главе с А. Шериповым (в 1918 г. комиссар по делам национальностей Терской Республики), Н. Гикало (председатель Грозненского Совета рабочих и военных депутатов, руководил обороной Грозного в период стодневных боев), горная Чечня превращается в оплот антиденикинского движения. Руководству повстанческих сил приходится идти на временный союз с Северо-Кавказским эмиратом, возникшим в горах Чечни и Дагестана летом 1919 г. во главе с шейхом Узун-Хаджи. Третий этап — ноябрь 1919 г. по март 1920 г. Это период организованной массовой вооруженной борьбы, направленной на восстановление Советской власти [5, с. 261]. Армия Деникина оставила после себя 21 разрушенный аул и 15 тыс. погибших чеченцев [6, с. 25].

Первые целенаправленные практические шаги по созданию основ советской национальной государственности на территории Чечни были осуществлены после победы Красной Армии [5, с. 300].

Уже 3 апреля 1920 г. в Грозном большевики собирают съезд представителей от чеченских селений (по три представителя от каждого селения). Несмотря на то, что формально съезд провозгласил восстановление власти Советов, на самом деле власть была передана чеченскому ревкому (орган власти с чрезвычайными полномочиями) в составе 5 человек, предложенных большевиками [7, с. 104].

Во главе чеченского ревкома становится Т. Эльдарханов, бывший депутат Первой и Второй Госдумы [8, с. 30], депутат IV-х Всероссийских съездов советов, член ВЦИКа нескольких созывов. Воссоздание Советов, существовавших на Северном Кавказе до деникинской оккупации, РКП(б) считала нецелесообразным, поскольку руководителей большевиков не устраивало наличие в них представителей других партий.

Таким образом, ревкомы становились орудием откровенной однопартийной диктатуры [7, с. 104].

В течение длительного времени государственный аппарат, создаваемый в Чечне в форме Советов или ревкомов, не был в состоянии контролировать ее территорию. Во многих районах советская власть существовала номинально, ограничиваясь стенами советских учреждений [7, с. 106]. Одной из причин охлаждения к советской власти было то, что в Советы не допускалось духовенство, которое пользовалось большим авторитетом среди чеченского населения. Уже 20 января 1921 г. во Владикавказе был созван Горский учредительный съезд [4, с. 17–18]. На нем было принято решение о создании Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР). Учредительный съезд Советов ГАССР, состоявшийся во Владикавказе с 16 по 22 апреля 1921 г. кроме избрания Центрального исполнительного комитета (ЦИК), принял ряд постановлений (по землеустройству, по продовольственному вопросу, по народному образованию и по созданию шариатских судов). Шариатские суды действовали в Горской Республике наряду с народными судами. В Чечне они состояли из трех человек, в том числе и одного председателя. Судопроизводство велось на чеченском языке, а записи — на арабском. Дела рассматривались в течение одного дня, а важнейшими доказательствами считалась клятва и признание. Однако уже в мае 1921 г. ЦИК ГАССР принял решение снять шариатские суды с государственного довольствия [7, с. 114]. Авторханов А. пишет об этом периоде следующее: «Была создана совершенно неестественная советская республика горцев с советской эмблемой на знамени и шариатской конституцией в жизни. Во всех правительственных учреждениях, школах и других публичных местах по приказу самих же большевиков вместо Ленина и членов Политбюро красовались портреты Шамиля и его наивов» [4, с. 18].

В самое краткое время стало ясно, что новая республика не смогла стать эффективным органом организации власти в горских округах. Народный Комиссариат по делам национальностей был вынужден признать: «... При необычайной национальной пестроте и спутанности экономических интересов каждой национальности трудно было регулировать работу внутреннего строительства: не хватало ни работников, ни сил для систематической работы среди национальностей. ...» [7, с. 114]. Горская Республика стала распадаться буквально сразу же после ее провозглашения [7, с. 116].

30 ноября 1922 г. Состоялось заседание так называемого большого Президиума ВЦИК, на котором председательствовал М. И. Калинин. Специально для участия вопроса об автономии Чечни. На этом заседании присутствовал И. Сталин. Чечню представляли Т. Эльдарханов и О. Ахтаханов. В постановлении Президиума ВЦИК было сказано: «Выделить Чечню из Составы Горской Республики в Автономную область с резиденцией в г. Грозный, не включая г. Грозный в состав

Автономной области Чечни. Точные границы Автономной области Чечни должны быть определены Административной Комиссией ВЦИК» [5, с. 307]. Высшим органом власти был объявлен Чеченский областной ревком в составе 11 человек: Т. Эльдарханов, И. Курбанов, З. Шерипов, О. Ахтаханов, Д. Арсанукаев, Д. Акаев, Г. Чокуев. А. Абаев, М. Хамзатов, Д. Токаев, Д. Шамурзаев. Шесть членов ревкома (включая председателя Т. Эльдарханова) состояли членами РКП(б). Новому ревкому предстояло создать органы своей власти на всей территории Чечни, опираясь на чеченскую милицию, красноармейские части и обеспечить безопасность нефтепромыслов, железной дороги, границы Чечни, обеспечить создание государственного аппарата, решать вопросы восстановления экономики, заниматься вопросами социальной политики, подготовить и провести выборы в Советы всех уровней. Действовал областной ревком до июня–августа 1924 г. [9, с. 693–694].

Июль 1924 г. становится временем перехода от ревкомов к Советам. Событием большой политической значимости явилось объединение Чечни, г. Грозный и Сунженского округа в единое национально-государственное образование — в Чеченскую автономную область. Город Грозный — один из крупных промышленных и политических центров Северного Кавказа — всегда играл заметную роль в исторической судьбе чеченского народа, являясь центром его экономического, политического и культурного тяготения, а в последующем стал и столицей его национальной государственности [5, с. 309–312].

Переломным в деле укрепления советской власти в Чечне становится 1925 г. ГПУ начинает операцию по ликвидации антисоветских группировок. Войскам, участвовавшим в операции, было дано право в случае сопротивления не только открывать по селениям артиллерийский огонь, но и брать заложников. Параллельно с разоружением населения войска выполняли задачу захвата и уничтожения наиболее активных противников советской власти, которых называли «политбандитами». В ходе операции было разоружено более 200 чеченских селений, примерно половина из которых подверглась ружейно-пулеметному и артиллерийскому обстрелам. Было арестовано свыше 300 человек. Почти все они были расстреляны [9, с. 704–705]. Изъято 25299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет [10, с. 45].

Тем не менее, с точки зрения советской власти, ситуация в Чечне оставалась неудовлетворительной. Систематически повторявшиеся военные операции быстро привели местное и центральное партийное руководство к выводу о необходимости создать социальную опору советской власти среди самих чеченцев. Беднейшая часть населения Чечни становится объектом повышенного внимания партийных и советских органов, которые видят в ней своего естественного союзника в деле «советизации» Чечни. Что касается численности партийной организации Чечни, то в 1924 г. в ней состояло всего 40 коммунистов. Для сравнения — в Грозном в это же время насчитывалось 1200 коммунистов. С 1925 г. начинается быстрый рост Чеченской партийной организации — до 632 человек к концу 1926 г. [7, с. 127]. Возросшее влияние советских и партийных учреждений нашло отражение во время ближайших выборов в местные Советы: в 1926 г. впервые в них приняло участие до 40 процентов избирателей [7, с. 128].

В целом по республике к середине 20-х гг. XX столетия советская власть была установлена.

Список использованной литературы:

1. Эльжуркаев М. Б.-А. Особенности развития чеченского доколхозного аула // Чеченская Республика и чеченцы: История и современность: материалы Всероссийской научной конференции (Москва 19–20 апреля 2005 г.).—М.: Наука, 2006.—С. 301–312.
2. Гакаев Ж. Ж. Большевики в борьбе за солдатские гарнизоны в октябрьской революции.—Грозный: Чечено-Ингуш. изд-во, 1987.—256 с.
3. Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 гг.—Москва: Патрия, 2007.—518 с.
4. Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР.— М.: СП «Вся Москва», 1991.—79 с.—(Под псевд. А. Уралов).
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI веков.—Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.—830 с.
6. Кириенко Ю. К. Крах деникинщины.—М., 1986.—246 с.
7. Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. 2.—М., 2001.
8. Гешаев М. Б. Чеченский след на Российском снегу.—М., 2003.—202 с.
9. Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х. История Чечни в XIX–XX веках.—М.: Пульс, 2005.—996 с.
10. Аптекарь П. Второе покорение Кавказа. Большевики и чеченские повстанцы // Родина.—1995.—№ 6.—С. 43–48.

А. А. Епифанцев

РАЗНЫЕ ТРАКТОВКИ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

В точной науке — геометрии — есть парадокс, когда на основе одинаковых данных ученые делают диаметрально противоположные выводы: в геометрии Эвклида параллельные прямые не пересекаются, а в геометрии Лобачевского они пересекаются в пространстве. История — не точная наука, в ней, в отличие от геометрии, подобные парадоксы встречаются сплошь и рядом. Имея одни и те же исходные данные, историки, отстаивающие разные общественные концепции, парадоксальным образом находят совершенно разные ответы.

Это тем более верно во время очень серьезных переломов социальных формаций, когда набирающие силу новые общественные тенденции для своего укрепления нуждаются в истории как в средстве создания идеологического базиса, оправдывающего их теории. Это правило было верно везде и во все времена, но именно на Кавказе подобные тенденции проявляются с наибольшей силой. Причина этому, наверное, одна: на Кавказе история — это всегда больше, чем история. Для кавказских народов события прошлого являлись средством обоснования требований сегодняшнего дня и инструментом консолидации этносов. Как известно, объединение на почве прекрасного или, наоборот, трагичного прошлого является прекрасным и, возможно, самым легким и быстрым способом не только сплочения, но и создания народов.

Прекрасным подтверждением этого является история Кавказской войны и прихода России на Кавказ. У нас существует хотя и не множество, но уж совершенно точно немалое количество трактовок событий того времени, и если одна из них рассматривает какое-то событие в положительном ключе, то другая называет его же страшной трагедией и невиданным ранее геноцидом. Причем, нередко, наши современники относятся к событиям тех дней гораздо более непримиримо и трагично, чем люди, жившие в то время. Сначала осознание этого очень удивляет и вводит в заблуждение, но постепенно, входя в тему, понимаешь, что дело здесь не в истории, а в нашем самом что ни на есть настоящем.

Так вот, в этом настоящем есть как минимум три основных концепции Кавказской войны, отличающиеся друг от друга практически всем, но главное — стороной, от лица которой эти трактовки даются, — государством, русским населением Кавказа и непосредственно кавказцами. Говоря о кавказцах, я в данном случае буду брать пример черкесов, ибо именно их трактовка событий той войны в последнее время обрела наибольшую известность.

Первая концепция принадлежит российскому государству. Она является наследником трактовок событий Кавказской войны, имевших место и в Российской, и в Советской империях и, несколько модернизовавшись, доминирует и сейчас. В соответствии с ней в прошлом имело место некое добровольное присоединение адыгских народностей к России.

Эта позиция считается политически правильной, она торжественно отмечается, как региональное государственное событие, на что из российского бюджета регулярно выделяются средства, характеризуется нейтральностью, оправданием появления России на Кавказе интересами Империи, необходимостью защитить закавказские народы и вообще стремлением развиваться и усилиться. Адыги в этой концепции предстают как «непокорные племена», которых Россия по законам имперского развития должна была покорить, чтобы затем включить в свой состав на принципах равенства, братства и общности исторических судеб.

Тема жестокости в этой теории не разрабатывается, да и о какой жестокости вообще может идти речь, если мы говорим об одной общей судьбе народов одного государства? Поэтому сторонники этой концепции, в отличие от прогрессивных моментов, принесенных Россией, решительно и полностью забывают об имевших место на Северном Кавказе жестокостях и зверствах и как бы говорят: ну, было и было, что уж теперь? Главное — вместе.

Версия эта политически правильна, но, однако, имеет один маленький недостаток — никакого отношения к истории она не имеет. В политическую традицию адыгов того времени входила жестокая междоусобная борьба, и было совершенно нормальным, когда один из конкурентов заключал союз с внешними силами и в определенных случаях даже использовал их военную мощь против своих соперников. Обычно, такими союзниками служили Турция и Крым, но, когда Россия подошла к Кавказу, кабардинский князь Темрюк решил выбрать на эту роль Москву. Можно говорить, что подконтрольная ему часть Кабарды тогда заключила с Московской Русью союз или даже вассальный договор, но активно он никогда не соблюдался, и после смерти Темрюка в сражении с крымцами, сам союз так или иначе распался.

Значение подобного союза было велико, но преувеличивать его важность не следует — в конце концов это был союз лишь одного, пусть и очень влиятельного кабардинского князя, у которого были сильные соперники в самой Кабарде, и уж тем более нельзя говорить о том, что он распространялся на все черкесские земли, на которые Темрюк не имел никакого влияния.

Все это не смущает адептов нашей официальной концепции, но народ в эту версию уже, конечно, не верит. Вторую теорию представляют про-русские, в основном казачьи общественные деятели и историки. Эта версия оправдывает приход русских на Кавказ и концентрируется в основном на героической стороне вопроса — признает адыгов смелыми и опасными воинами, говорит об их собственной храбрости и легализует в общественном сознании все произошедшее.

Легализация является, наверное, основной чертой этой версии. В соответствии с концепцией, необходимость прихода России в этот регион диктовалась законами имперского развития, свойственными всем сверхдержавам того времени, что в война произошла в полном соответствии с ходом общественно-исторического прогресса, когда более прогрессивный конкурент — Россия — победил отсталого — черкесов — и установил свои порядки, что 400 тыс. адыгов ушли в Турцию в значительной степени добровольно, что русские принесли не только страдания войны, но и прогресс и цивилизацию, что адыги сами не были «гением чистой красоты» и проявляли огромную жестокость всегда, когда им представлялась возможность и т. д.

Сторонники этой версии воспринимают Кавказскую войну как элемент патриотического воспитания русского населения путем героизации прошлого и морального оправдания захвата черкесских земель. Относясь к соседнему адыгскому населению по-добрососедски, они периодически сильно преуменьшают довоенный уровень развития адыгской цивилизации, рисуют предков современных адыгов вероломными дикарями и варварами, которых казаки и регулярные российские войска должны были усмирять и силой оружия вести к цивилизации для их же блага. В учебной литературе и публицистических материалах иногда встречается оценка захвата кавказских земель как «освобождения» (интересно от кого — от их коренных обитателей?).

Возможно, с точки зрения общественного прогресса, с позиций морали и права того времени, эта теория верна, однако ее слабое место заключается в том, что современное право и идеология гуманизма считают подобное захватом и жестокостями, и если рассматривать деяния предков на соответствие с нормами сегодняшнего Уголовного кодекса и Женевских конвенций и к тому же применять эти нормы односторонне — только к России, то появляется другая концепция Кавказской войны — адыгская.

Она ни в чем не совпадает с первыми двумя и во времена империй, сначала Российской, а потом и Советской, хотя и бытовала среди черкесов, но в другом виде, тщательно скрывалась, да и все-таки не была так широко распространена. За годы, последовавшие за распадом Советского Союза, эта версия существенным образом развилась и выросла в достаточно стройную и широко распространенную среди адыгов теорию, насаждаемую сейчас, наверное, всеми СМИ, подконтрольными черкесам «патриотической» ориентации.

В соответствии с ней, Россия несет полную ответственность и тяжелейшую вину за начало войны на Кавказе, за агрессию против мирного народа, никак не провоцировавшего ее на такие действия и за геноцид, устроенный в отношении целого ряда кавказских народностей. Согласно этой версии, все адыги более 100 лет плечом к плечу героически сражались за свою свободу против захватчиков, оккупантов и палачей, в роли которых выступали русские, и только громаднейшее численное превосходство российской армии обеспечило их проигрыш. Российские власти при этом имели целью не просто победить черкесов, как военного противника, но и уничтожить их как народ, ради чего творили жестокости, не имеющие аналогов в истории: сжигали десятками аулы, вырезали целые народности, целенаправленно селили уцелевших адыгов в местах, где зверствовала малярия и, в конечном итоге, безжалостно выгнали, выселили весь народ в Турцию, в результате чего погибли сотни тысяч черкесов.

Необходимо признать, что в той или иной степени эту версию сейчас поддерживают очень многие, если не практически все адыги, причем, если старое поколение не совсем с ней согласно и в целом относится к ней более индифферентно, то практически 100% социально активной молодежи ее поддерживают.

В чем же основное различие этих концепций? В чем угодно, но только не в истории. Адепты этих теорий используют их не как средство обретения правды прошлого, а как инструмент подтверждения своего собственного видения будущего. На их основе четко вырисовываются как минимум три проекта будущего Северного Кавказа:

Официальный, государственный — единое сосуществование с подчеркиванием только выигрышных моментов истории, без учета сложных реалий прошлого, способных поставить под сомнение совместное будущее.

Русский — сохранение русского фактора и противопоставление его фактору адыгскому, лишаящему представителей русского этноса верификации права собственного нахождения на Северном Кавказе, что неминуемо должно повлечь за собой не научные, а совершенно реальные политические и экономические последствия. До последнего момента русский фактор практически не существовал и появился во многом именно как средство противостояния резко усилившейся в последние годы пропаганде «черкесского геноцида» и черкесского вопроса и самоустраненности государства от его обсуждения.

Черкесский — усиление адыгского фактора и проведение глубоких политических преобразований, выдаваемых за компенсаторные меры за «страшный геноцид» и разрушение в действительности никогда не существовавшей Черкессии. В качестве основных преобразований, которых требуют адепты этого курса, выступают объединение всех земель, на которых проживали адыги в XVIII–XIX вв. в единый субъект федерации и организация массового переезда туда «несоколькокомиллионной» адыгской диаспоры из Турции и арабских стран. Очевидно, что в результате этого, по мысли сторонников этой концепции, в данном субъекте должно наступить доминирование черкесского этноса, что, опять же, будет иметь совершенно определенные политические, социальные и экономические последствия.

Здесь стоит сделать оговорку: нельзя воспринимать указанные концепции, как проекты всех элементов во всех их полноте — на стороне государства есть некие участники политического процесса, которые считают, что официальная концепция должна быть скорректирована; русский и черкесский фактор в чистом виде активно поддерживаются лишь национально настроенными элементами, хотя значительная часть этносов их тоже поддерживает и т. д.

Целью данного доклада не является анализ каждого из предлагаемых курсов. В его рамках главным является иное: в соответствии с известной фразой, «история является политикой, обращенной в прошлое», и в наше время любую или практически любую историческую теорию нужно проверять на политический замысел и политическую цель. К несчастью для чистой науки, в реальной, сложной и зачастую несправедливой жизни только тогда мы сможем увидеть не отдельные, оторванные друг от друга кадры происходящего, а полную картину и понять весь замысел предлагаемого.

И последнее. В Древнем Риме было принято переделывать скульптуры. Новый император чуть ли не первым делом приказывал убрать у скульптур его предшественников головы, затем сваять и поставить туда «его собственные». Во время смен правителей переделка статуй становилась целой индустрией. В конце концов для облегчения процесса архитекторы стали делать статуи со специальными отверстиями под «съемные» головы римских владык.

Когда Рим был захвачен варварами, они увидели в нем немало количество барельефов, изображавших их самих, приносящих дань римлянам. Это возмутило победителей, и их царь приказал переделать барельефы так, чтобы теперь уже римляне приносили на них дань варварам.

Что изменилось в наше время?

В. А. Захаров

ДОКУМЕНТЫ ХАН-ГИРЕЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ АГЕНТОВ СРЕДИ ЧЕРКЕССКИХ ПЛЕМЕН

Имя Хан-Гирея и его творческая биография стали известны благодаря опубликованным в 50-х гг. известным историком и этнографом Кавказа М. О. Косвеню двух статей [1, 2]. В 1978 г. был опубликован главный труд Хан-Гирея «Записки о Черкесии».

Ему было всего 34 года, когда оборвалась его жизнь. Лишь несколько произведений были опубликованы при жизни, и уже тогда они привлекли внимание критиков и читателей.

Крым-Гирей Махмет (Мамат) — Гиреев (Хан-Гирей) родился в 1808 г. в семье одного из князей хамышевского племени. Его предки были родим из дома крымских ханов. В 1821 г. умирает его отец Махмет-Гирей, служивший в Черноморском казачьем войске. Как писал В. Бурнашев, незадолго до смерти отца, Махмет-Гирней, подвергшийся нападению враждебных абадзехов, когда Хан-Гиней был еще «дитятей», «успел только передать малютку верному нукеру с наставлением доставить Ермолаю, как горцы называли Алексея Петровича (Ермолова. — В. З.). Прославленный генерал увидел в мальчике способности, он занялся юным Гиреем и не только поручил его директору Тифлисской гимназии, но и сам постоянно наблюдал за его учением. Ермолов отправил его в Петербург, где Гирей закончил кадетский корпус и в январе 1825 г. был зачислен сотенным есаулом в Черноморский казачий эскадрон. После отставки Ермолова Хан-Гирей попал в поле зрения И. Ф. Паскевича, который «полюбил его в свою очередь, приблизил к себе и награждал быстро чинами».

В январе 1830 г. Хан-Гиней был переведен в Петербург в Кавказско-горский полуэскадрон, а в ноябре 1832 г. становится его командиром¹. В 1833 г. он уже ротмистр. Одновременно с Хан-Гиреем служили и его известные впоследствии земляки Шора Бекмурза Ногмов и Казы-Гирей. Всех троих сейчас именуют не иначе как просветители адыгского народа. В столице Хан-Гирей вращался в кругах столичной научной и литературной элиты. Он бывал в доме Н. И. Греча, издателя журналов «Сын отечества», «Русский вестник», в салоне Карамзиных. В числе постоянных визитеров там бывали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, М. Ю. Лермонтов.

Известный лермонтовед С. А. Андреев-Кривич, изучая кабардино-черкесский фольклор и его отражение в творчестве Лермонтова, сделав текстологические сопоставления поэм Лермонтова «Каллы» и «Аул Бастунджи» и повестей Хан-Гирея «Черкесские предания» и «Князь Канбулат», пришел к выводу, что в их основе лежат одни и те же адыгские предания [3]. А Р. Х. Хашхожева предположила, что юный поэт получил их от Хан-Гирея, с которым Лермонтов был знаком [4, с. 15].

¹РГВИА. Ф. 409, т. 3, д. 362–032. Ф. 7, оп. 90, д. 1133.

Хан-Гирей начинает писать и в журнале «Русский вестник» появляется его повесть «Черкесские предания», затем «Князь Канбулат». Его перу принадлежит и очерк «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов». О последнем очерке Н. И. Греч писал: «Статья сия не сбор заметок, часто непонятных и обезображенных: она принадлежит тому же автору, который подарил в прошедшем году «Русский вестник» повестью «Черкесские предания» и где в живой картине изображены были им также предания, быт и поверья черкесов... Черкесия — родина автора, обогатившего себя европейским просвещением, но не оставляющего ни веры, ни быта отцов своих, знаменитых между первейшими черкесскими князьями, хотя почтенный автор ознакомился с жизнью европейцев среди высшего петербургского общества. Нам остается просить его продолжить драгоценные заметки, которые, конечно, обратят на себя внимание не только русских, но и даже иностранных ученых. А какой материал для поэтов!» [5].

По заданию военного министерства Хан-Гирей составил большую работу «Записки о Черкессии», которая была в 1836 г. представлена в генеральный штаб и высоко оценена.

В мае 1837 г. Хан-Гирей был командирован военным министром графом А. И. Чернышевым на Кавказ с целью проведения подготовительной работы среди горцев в связи с приездом Николая I. В помощники Хан-Гирею дали адъютанта военного министра П. А. Вревского. К приезду Хан-Гирея в назначенных пунктах кордонной линии: Екатеринодаре, Ставрополе и Владикавказе были собраны народные старшины, которым было объявлено о возможности «высказать царю свои нужды, сделано разъяснение о пользе и выгоде присоединения горцев к России». С кордонной линии Хан-Гирей направился в Кабарду. Публикуемые два неизвестных письма были отправлены из крепости Нальчик.

Но прежде чем читатель прочтет их, необходимо остановиться на той обстановке, которая сложилась в тот период на Кавказе. 1836 г. принес России крупное обострение в международных делах, которые оказались связаны с Черноморским побережьем Кавказа.

Дело заключалось в том, что англичане и французы не оставляли без пристального внимания не только Черноморское побережье, но и всю территорию Кавказа. В 1836 г. Англия пошла на тщательно подготовленную провокацию. В Константинополе была снаряжена шхуна «Виксен» грузом оружия, снарядов и соли. В письме, посланном к черкесам незадолго до отправления шхуны, написанном руководителем английских агентов на Кавказе Д. Уркартом, было написано буквально следующее: «Если русские попытаются оскорбить английский флаг», т. е. задержать судно, «России будет объявлена война» [6, с. 26].

Русский военный бриг «Аякс», обнаруживший «Виксена» в бухте Суджук-кале, задержал английскую шхуну. Но за 36 часов своего пребывания англичане успели выгрузить на берег несколько пушек, много пороха и соли. Шхуна была конфискована за грубые нарушения таможенных и санитарных предписаний в полном соответствии с международным правом. Причем подобные конфискации турецких судов были не редкостью. Шхуна была передана в состав Черноморского флота, а капитана Т. Чайлдса и купца Д. Белла, по личному распоряжению Николая I, отпустили и за казенный счет отправили в Константинополь.

Но неожиданно в январе 1837 г. английский посол в России лорд Дарем вручил Николаю I протест. В нем утверждалось, что поскольку русское правительство не владеет восточным побережьем Черного моря ни фактически, ни юридически, то и не может устраивать там пунктов карантина и определять места для выгрузки товаров. По этой причине арест и конфискация шхуны квалифицировались как незаконные [6, с. 26].

В зарубежной прессе вскоре появилась целая серия статей, в которых прямо писали, что согласно Адрианопольскому договору Россия, в лучшем случае, может иметь права лишь на крепость Анапу, Сухум-кале и Суджук-кале, но не на всю Черкессию. Это был прямой вызов России. И хотя большинство иностранных дипломатов считали, что Россия имела полное право на такой поступок, Англия не унималась. Больше того, посол Британии в Константинополе Д. Понсонби всячески убеждал министра иностранных дел Г. Пальмерстона послать английский флот в Черное море. Международный конфликт разгорался все сильнее. Но Император был тверд в своем решении, и Россия оказалась на грани войны в Черном море.

Именно этим объясняется решение Николая I, захотевшего на месте лично ознакомиться с сложившейся ситуацией и убедиться в прочности российских рубежей в Крыму, на Черном море, Кавказе и в Закавказье. Кавказское начальство, естественно, было предупреждено. И барон Г. В. Розен — Главноуправляющий в Грузии — поставил в известность Ставропольское начальство, что «Государь Император изволит предполагать в нынешнем году осчастливить Кавказ Высочайшим посещением. Его Императорское Величество будет проезжать от Тифлиса к Ставрополю в будущем октябре...»² [7, с. 11].

В то же время на военную администрацию Кавказской линии и Черномории была возложена огромная работа, связанная с освоением прибрежной полосы Черного моря. На 1837 г. была назначена Закубанская экспедиция, возглавлять которую должен был Командующий генерал-лейтенант А. А. Вельяминов. На эту экспедицию возлагали большие надежды, почему в экспедиционный отряд собирали войска не только по всему Кавказу, но и отправляли всех прикомандированных на Кавказ офицеров. Н. С. Мартынов вспоминал: «В 1837 г. я отпросился волонтером Кавалергардского полка на Кавказ для участия в экспедиции против горцев, проэктированной на правом фланге Кавказской линии» [8, с. 274].

А теперь нам необходимо восстановить хронику событий, связанных с поездкой Николая I на Кавказ. Мы воспользуемся документами, найденными нами в РГВИА, которые еще никогда не привлекались исследователями. Итак, план поездки был расписан еще летом. Однако жизнь вносила свои коррективы.

Не только Императора постоянно ставили в известность о деятельности иностранных агентов и эмиссаров на Кавказе, но и кавказские власти постоянно за ними следили через своих лазутчиков. И когда обнаружилось, что Д. Белл снова находится на территории Кавказа среди черкесов, Хан-Гирей, занимавшийся этим вопросом, немедленно сделал соответствующие шаги. Обнаруженные нами донесения Хан-Гирея представляют в этом отношении большой интерес, поскольку фигура этого человека весьма примечательна. Ныне его именуют не иначе как «Просветитель адыгейского народа». Вот копия его рапорта, отправленного

²Государственный архив Ставропольского края. Ф. 71, оп. 1, д. 548, л. 14.

15 июля из крепости Нальчик Военному министру, сохранившаяся в документах «Военно-походной канцелярии» Императора, где она была получена в копии 11 августа:

«№ 370 с<екретный> ж<урнал> 11 августа 1837 г. копия.

СЕКРЕТНО

Военному министру Господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву

Флигель-адъютанта
Его Императорского Величества
полковника Хан-Гирея

Репорт

На предписание Вашего Сиятельства от 26-го прошлого июня за № 256-м, относительно прекращения очередного влияния в горах Европейских агентов, полученного мною сего числа, я приемлю честь почтеннейше донести: по прибытии моем еще в Екатеринодар, я заметил из разговоров Закубанских князей и Старшин, приехавших ко мне, что ложные слухи, распускаемые живущими в горах европейцами, волнуют умы туземцев. По сему, найдя необходимым иметь более подробные сведения о сих европейцах, я поручил тогда же войска Черноморского подполковнику Могуковому разведывать о действиях их, и стараться сблизиться (л. 15 об.) с двумя известными между шапсугами лицами, а именно Казбеком Турузовым и Шиблауковым, дабы чрез их содействие препятствовать вредному влиянию сих агентов, ибо первый, предводительствуя в течение многих лет сильными партиями, приобрел большое влияние на предприятие шапсугов противу нашей границы, а последний на сборищах их, своими советами часто управляет мнениями многих. Так же Черченеевского племени князю Пишкю Ахмедукову, бывшему в дружеских связях с Сефер-беем Заноквым во время пребывания сего последнего в Анапе при Хасан Паше, я старался внушить, чтобы он уверил преданных ему людей, что обещания Шефер-Бея Заноква несбыточны и ложны.

Ныне же, по получению предписания Вашего Сиятельства, я немедленно отправил с нарочным к подполковнику Могуковому, пользующемуся доверенностию местного начальства и опытному в сношениях с Закубанцами, относительно европейцев, живущих в горах, мое отношение, в копии при сем, к сведению Вашего Сиятельства, предоставляемое.

Я постараюсь окончить скорее здесь в Кабарде и на Левом фланге Кавказской линии мои занятия, и тогда отправлюсь как я имел честь донести Вашему Сиятельству, за Кубань, и там употреблю все зависящие от меня средства к исполнению Высочайшей воли, относительно европейских агентов, живущих между горцами.

Подписал: флигель-адъютант полковник Хан-Гирей.

Верно: управляющий отделением Журавлев».

№ 38

15 июля 1837.

Кр<епись>. Нальчик³.

³РГВИА. Ф. 970, оп. 2, д. 136, лл. 15–16.

Как видно из вышеприведенного рапорта, в тот же день Хан-Гирей отправил письмо-инструкцию своему доверенному агенту из мирных черкесов, подполковнику Могуковому. Копия этого документа была приложена к рапорту А. И. Чернышеву:

«Копия с секретного отношения флигель-адъютанта полковника Хан-Гирея, Черноморского казачьего войска, подполковнику Могуковому, от 15-го июля 1837 г. № 37.

Вашему Высокоблагородию известно, какое вредное влияние имеют на расположение умов горских племен европейские агенты, живущие между шапсугами и натухайцами. Наглыми обещаниями им помощи от европейских держав, они волнуют народ, а лживые их внушения вселяют в нем ненависть к нашему Правительству. Эти бродяги имея непосредственные сношения с шапсугами и натухайцами, отчасти и с абадзехами, заражают их суждения доселе им чуждыми и вредными понятиями, и приобретши между ними покровителей и приверженцев, посредством их распространяют и в других племенах ложные и вредные слухи.

Для Вашего сведения и соображения, препровождая при сем к Вашему Высокоблагородию подробную выписку о действиях сих агентов, из коих купец Бель, вторично уже возвратившийся, важнее других, я имею честь представить Вашим действиям следующее:

1) Узнать с положительною достоверностию о месте пребывания Беля и его товарищей.

2) О связях их между шапсугами, натухайцами и абадзехами, так же кто именно из них покровителей и приверженцев в местах их пребывания, с кем из мирных племен состоит в ближайших отношениях.

3) Какие способы для поддержания своих действий в горах имеют Бель и его товарищи, много ли они подарков делают горцам и от себя ли или от имени какого либо Правительства или уполномоченных лиц. Так же и всех прочих обстоятельствах и подробностях их пребывания в горах.

4) Какие лица из шапсугов и натухайцев способны решиться и могут иметь возможность предать в нашу власть сих агентов или кого-нибудь из них.

Сообразив все это, Вы приступите изыскивать средства к получению в нашу власть Беля и его товарищей. Вам известно, что для исполнения такого дела необходимо употребить смелых и предприимчивых людей, которые под разными предложениями сблизятся с Белем и его товарищами, или с их покровителями и приверженцами в горах, могли бы их схватить и доставить к Вам. Лицам, которые послужат Вам орудием столь важного на Вас возлагаемого поручения, Вы, с нужными предосторожностями, объявите, что за Беля и более значительных его товарищей, они получают от Вас по 2000 р. и за каждого иностранца, прибывшего в горы с разными обещаниями и вестями по 1000 р. серебром. Буде же Вам удастся сблизиться с кем-нибудь из лиц, под покровительством которых агенты сии находятся, то можете ему обещать сверх денежной награды, и покровительство пограничного начальства, которое доставит ему возможные средства к водворению по сей стороне Кубани, если он почтет за лучшее перейти на жительства к нам. В последнем случае, т. е. когда Вы успеете сблизиться с самими покровителями агентов, тогда в особенности необходима с Вашей стороны некоторая ловкость, в виде дружеского совета. Вы старайтесь убедить их, с одной

стороны, в необходимости заблаговременно заслужить внимание и доверенность Русского Правительства, которое рано или поздно будет иметь полную власть над ними, и тут представьте им, что для этого самый верный случай заключается в исполнении Ваших предложений, с другой стороны в несбыточности лживых обещаний ими покровительствуемых агентов, и известного Сефер-Бея Зинокова, и этому явным доказательством можете поставить многократный их обман в течение нескольких лет на самом деле доказанный.

Получение в наши руки упомянутого Бея весьма важно при нынешнем положении дел, и потому Вы можете обещать еще значительнейшие награды за доставление его в нашу власть, но вступая в переговоры о сем предмете с кем бы то ни было из Закубанцев, дайте, с надлежащими предосторожностями ему заметить, что если он изменит нам, то пограничное начальство будет его преследовать и накажет, во что бы то ни стало. Черченейского племени князь Пшекуй Ахедаков, человек отважный и имеющий обширные и надежные, как Вам известно, связи между шапсугами, по сему делу может быть полезным, и потому, если Вы найдете нужным его содействие, то можете ему объявить и от моего имени, что я несмотря на родственные и близкие наши связи, не смотря на давнюю его приверженность к нашему дому и дружбы ко мне, навсегда перерву с ним сношения, если он станет уклоняться от Ваших посему делу поручений.

Зная нравы и образ жизни горцев, должно полагать, что найдутся между ними люди, которые согласятся лишиться жизни Бея и его товарищей и скорее на это объявят свою готовность, нежели решится схватить их и предать в наши руки, в таком случае настаивайте всеми от Вас зависящими средствами, чтобы они решились на последнее, но отклоняя их от первого, остерегайтесь, чтобы они не делали из того свои выводы и заключения, что мы опасаемся Английского правительства, следовательно эти агенты действительно посланы от Правительства. Вы старайтесь, между прочим, в разговорах Ваших при свиданиях с Закубанцами убедить их, что сии агенты суть бродяги скитающиеся, имея собственные виды, и не посланы ни от какого Правительства, или уполномоченных лиц.

В непродолжительном времени я предполагаю отправиться за Кубань, где находясь между племенами, имеющими частые с абадзехами сношения, я не упущу из виду ничего, могущего способствовать к исполнению сего важного дела, но для моих соображений, мне необходимо знать о ходе Ваших действий, также и сведения, какие Вы будете иметь о месте пребывания сих агентов и их связях. Почему я прошу Вас как можно чаще уведомлять меня, посылая ко мне Ваши уведомления чрез Командующего Кубанскою линиею г. полковника Васмунда.

Сумма, в которой Вам может случится надобность, по сему поручению, по прибытии моем на Кубань, чрез нарочного будет к вам доставлена мною.

Успехи Ваших действий отчасти зависят и от сохранения в глубочайшей тайне на Вас возложенного поручения.

Ваши связи с закубанцами и отличные способности обещают, что старания Ваши по сему делу не останутся бесплодными, а испытанная Ваша преданность к Престолу и известное усердие Ваше к службе Его Императорского Величества, обнадеживают меня, что я буду иметь счастье свидетельствовать пред Высшим Начальством об успешных действиях Ваших по возлагаемому на Вас поручению.

Подписал: флигель-адъютант полковник Хан-Гирей.

Верно: управляющий отделением Журавлев»⁴.

Заканчивает это дела докладная записка барона П. Вревского Военному министру:

«11 августа 1837 г.

Секретно копия.

Сиятельный граф,
Милостивый Государь!

Обязываюсь почтительнейше представить Вашему Сиятельству подробный отчет в употреблении моего времени со дня отъезда моего из Екатеринодара в действующий отряд, для личных переговоров с г<осподином> генерал-лейтенантом Вельяминовым и по возложенному на г<осподина> флигель-адъютанта Хана-Гирея поручению»⁵.

Барон П. Вревский отправился в экспедиционный отряд, куда был прикомандирован и М. Ю. Лермонтов, но куда он так и не попал.

Список использованной литературы:

1. Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке / Под ред. В. К. Гарданова // Кавказский этнографический сборник.—М.: Изд-во АН СССР, 1955.—Т. 1.—С. 272–290.
2. Косвен М. О. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы.—М., 1961.—С. 184–209.
3. Андреев-Кривич С. А. М. Ю. Лермонтов и Кабардино-Балкария.—Нальчик: Эльбрус, 1979.—202 с.
4. Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения.—Нальчик: Эльбрус, 1989.—288 с.
5. Русский вестник.—1842.—Т. 5.—С. 1–2.
6. Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в.: Монография.—Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинский гос. университет им. К. Л. Хетагурова, 1992.—311 с.
7. Кемпинский Э. В. Высочайший ревизор в Ставрополе: Материалы по краеведению.—Ставрополь: Книжное изд-во, 2000.—79 с.
8. Захаров В. А. Загадка последней дуэли: Документальное исследование.—М.: Русская панорама, 2000.—352 с.
9. Виноградов В. Б. Черты кубанской истории в «Гуаше» и «Элегии» — литературных произведениях середины XIX века.—Армавир, 2001.—20 с.

⁴РГВИА. Ф. 970, оп. 2, д. 136, лл. 17–20.

⁵РГВИА. Ф. 970, оп. 2, д. 136, л. 21.

Е. И. Кобахидзе

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ОСЕТИИ В АДМИНИСТРАТИВНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одними из сущностных черт государственности имперского типа являются масштабность территории и выраженная мозаичность социума в политическом и социокультурном отношениях. В Российской империи в силу ее пространственных характеристик и культурно-языковой гетерогенности главной государственной задачей становилось сохранение единства и целостности страны. В разных частях империи, в каждом конкретном случае эта задача решалась по-разному, однако едва ли не важнейшей доминантой объединительной политики Петербурга была ориентация на интеграцию разнородного населения в общеимперском пространстве — территориально-административном, социально-политическом и в определенной мере хозяйственно-экономическом. Достижение этой цели требовало гибкого и одновременно эффективного подхода к управлению разными частями империи во имя установления единого порядка, способного обеспечить социально-политическую стабильность как в центральных областях, так и в окраинных провинциях.

Усилия центральной власти по поддержанию территориальной целостности страны опирались на систему управления, основанного на принципах централизации и рационализации управленческой деятельности. Расширение Российского государства за счет новых земель вело к формированию там административного аппарата, который, являясь органичной частью общероссийской управленческой системы, в каждом из окраинных регионов отличался своей спецификой.

На Центральном Кавказе складывание системы управления происходило в рамках его административно-политической интеграции в российскую государственность. Распространение здесь принципов государственно-административного устройства пошло по пути формализации и бюрократизации административной деятельности на всех ее уровнях. В то же время особенности хозяйственно-политического развития местных социумов наложили заметный отпечаток на конкретные проявления этого процесса, во многом определив формы и методы управления, значительно менявшиеся во времени в зависимости как от общего социально-политического контекста, так и внутривнутриполитической конъюнктуры.

Включение осетинских обществ в административно-территориальное и гражданско-правовое поле империи вызвало существенные трансформации в их традиционном жизнеустройстве и самоорганизации. Идея распространения «начал цивилизации» и «гражданственности» в регионе требовала административного вмешательства в общинный быт горцев и устройства в горских обществах такого порядка, который бы обеспечивал их управляемость в общероссийских административных категориях. Поставив перед собой задачу скорейшего «обрусения» края, правительство шло по пути унификации и стандартизации управления на всем Северном Кавказе и приведения местных организационных форм самоуправления в соответствие с теми, что практиковались в центральных районах империи.

На первых этапах административного освоения региона вмешательство в традиционную повседневность носило преимущественно спонтанный, ситуативный характер и было опосредовано главным образом сферой судопроизводства. Однако ситуация кардинально изменилась после окончания Кавказской войны и актуализации в связи с этим задачи включения региона не только в политико-правовую, но и в хозяйственно-экономическую систему государства. Назревавшие в России либеральные реформы, а затем и их проведение, трансформировали многие аспекты внутрироссийской экономической и социально-политической жизни, содержательно изменили и правительственную политику по отношению к кавказской окраине, реализация которой в конечном итоге привела к системным подвижкам в традиционных общественных структурах. Именно пореформенный период отмечен радикальными переменами в жизнеустройстве горских обществ Центрального Кавказа, проводившимися под лозунгом распространения российской «гражданственности» в целях полного и окончательного слияния края с империей.

В результате, начавшись с верхних этажей управленческой иерархии, строительство в регионе административной системы завершилось созданием низовых управленческих структур, сформированных на уровне сельской общины, которая из самостоятельного хозяйственно-территориального объединения с собственной системой самоуправления трансформировалась в территориально-административную единицу — село, выполнявшее роль одного из низовых органов местного управления с соответствующими функциями.

Отвечая логике развития всякой формальной организации, и на Центральном Кавказе низовой административный аппарат как часть государственно-административной системы строился на унифицированных принципах рационализации и бюрократизации управления, в соответствии с которыми как состав, так и деятельность институтов сельской администрации в разных ее аспектах определялись соответствующими легально-правовыми нормами, зафиксированными в актах, инструкциях и распоряжениях. Так, управленческие функции сельского общества законодательно оформлялись «Положением о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области». Однако они в значительной мере были скопированы с общероссийских положений, касающихся устройства управления в волости и сельском обществе (см., например, [1, с. 1–87], [2, с. 1–3, 9–57]). Принятый за образец «мир» среднерусского крестьянства, однако, не находил прямых аналогий в горской общине, которая представляла собой союз свободных арендаторов либо общинных, либо фамильных угодий. Сельское общество как основная административная единица низового уровня, учрежденная соответствующими законодательными актами и имеющая собственные специализированные институты и дополнительные функции, не совпадало с общиной, бывшей традиционным институтом землепользования, базирующемся на коллективном праве пользования основными средствами производства. Создаваемые на основе общин сельские общества оказались более широкой организацией, куда могли входить и крестьяне, не являвшиеся членами земельного союза. В результате земельной реформы сельское общество включало в себя и общину с традиционными для нее поземельными правами и обязанностями, и крестьянский

«мир» со своим самоуправлением, осуществляющим и дополнительные функции [3, с. 612–613].

Соответственно, и процесс формализации властных отношений внутри общины очевидно противоречил общинным традициям и самой специфике обычного права и значительно повлиял на функционировавшую прежде систему самоорганизации общественной жизни, качественно изменив характер доминировавших в традиционном социуме отношений власти и властвования и обеспечив властное полномочие индивиду, по сути, в ущерб интересам коллектива. Бывшие прежде прерогативами всего социума, организационно-управленческие функции общественной власти оказались выделены в особую сферу профессиональной деятельности, регламентируемой и контролируемой государством. Должностное оформление функций управления в общинной среде в свою очередь вело к индивидуализации и монополизации власти, сопровождавшимся отчуждением от хозяйственного коллектива всего круга исполнительно-распорядительных полномочий. Таким образом нарушался традиционный баланс гражданско-правовых статусов, на поддержание которого как залога целостности всей социальной системы была ориентирована деятельность общинных властных институтов. В результате административное вмешательство в горскую общинную среду существенно повлияло на сложившуюся практику самоорганизации, нарушив традиционный баланс управленческих и регулятивно-контролирующих функций общины, за сохранение которого отвечала общественная власть.

Процессы стандартизации и унификации всех аспектов управления затронули и судебно-процессуальную сферу. Однако понятийная основа российского законодательства и судопроизводства плохо состыковывалась с традиционной юридической практикой. Введение принципа индивидуализации вины и ответственности явно противоречило утвердившемуся в обычном праве принципу «коллективной ответственности». Это противоречие еще более усугублялось разделением судебной сферы на гражданскую и уголовную, в то время как традиционные механизмы регулирования интересов членов общины отличались неразделенностью гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности. В результате прежде единое поле внутриобщинных правоотношений оказалось искусственно фрагментировано в соответствии с приоритетом государственных интересов над общинными. В целом процесс формализации местного судопроизводства выразился в постепенном изымании исполнительно-распорядительных прерогатив из сферы деятельности народных и горских словесных судов и ограничения их компетенции незначительными гражданскими исками. В Осетии перевод гражданского и уголовного судопроизводства на общероссийскую законодательную базу уже в 1871 г. завершился отказом от местной судебной практики, официально поставленной вне российской правовой системы.

Однако, оценивая степень внешнего воздействия на общественные структуры традиционного микросоциума, неизбежного в ходе его вхождения в строй «большого общества», нужно, как представляется, принимать во внимание ряд существенных моментов.

Особенности российского этатизма, сочетавшего несовместимые по своей природе принципы коллегиальной административной модели, позаимствованной в Европе, и неограниченной авторитарной власти, являвшейся неотъемлемым ат-

рибутом российского самодержавия [4, с. 106], определяли характер и направленность процесса формирования административного аппарата не местах. Тенденция к непомерной централизации и бюрократизации всех форм управленческой деятельности, что в условиях российской этнической, социокультурной и конфессиональной мозаичности рассматривалось как залог внутреннего единства и целостности страны, проявилась и при создании местных административных структур, занявших низовые уровни государственной управленческой иерархии. Известная милитаризация российского административного аппарата (свойственная, по замечанию исследователей, всем абсолютистским режимам (см., например, [5, с. 10]), наряду с внешне- и внутривластными обстоятельствами обусловила широкое распространение на Кавказе военно-административных форм управления.

Нельзя не учитывать также, что изменения, произошедшие в системе самоорганизации и самоуправления горской общины, естественным образом отражали процессы институционализации управленческой деятельности государства, которые со своей стороны в полной мере отвечали логике развития административной системы, требовавшей четкой функциональной специализации, разделения сфер компетенции и ответственности, существования иерархического административного аппарата, системы нормативных правил и инструкций и т. п. В целом в основе эволюции российской государственно-административной системы лежала идея рационализации власти по общеевропейскому образцу [6, с. 354], [5, с. 7] — эволюции, идущей в русле догоняющей модернизации [5, с. 9], начало которой было положено петровскими реформами. Именно с ними связаны процессы реформирования административной системы, направленные на унификацию, централизацию и дифференциацию функций аппарата управления. Эти тенденции так или иначе развивались на протяжении всей послепетровской эпохи, включая и XIX в., ставший для российской государственности периодом рационализации бюрократии как целостного административного механизма, выстроенного на формально-организационных началах. В это время шла перестройка самой организации управления, отделение гражданской службы от военной [7, с. 21], становление новых форм институционализации власти, формирование чиновничьего аппарата, рождение новых форм и языка делопроизводства [7, с. 23–25].

Однако оптимизация российского административного аппарата происходила скорее на уровне его верхних эшелонов, в идеальных (западноевропейских) административных моделях ответственных за разработку и принятие конкретных управленческих решений; те же структуры так называемого «среднего звена», представленные чиновничьей бюрократией, которые должны были бы обеспечивать детализацию и реализацию принятых законов и распоряжений, в российском варианте административной системы не только не отвечали требованиям формальных организационных стандартов, но и, по большому счету (во всяком случае, в первой четверти XIX в.), не выполняли предписанных организационной иерархией функций, поскольку часть из них отходила «наверх» — ведомственному (или территориально-административному) руководству, правительству, монарху, часть же — была просто фальсифицирована в силу непроработанности (или полного его отсутствия) того формально-информационного механизма, который связывал бы различные уровни административной иерархии в единую организационную систему.

В результате эволюции всей государственно-политической системы уже во второй четверти XIX в. российский правительственный аппарат представлял собой иерархию учреждений и базировался на строгой соподчиненности административных инстанций и регламентации взаимодействия различных ведомств и уровней власти. Государственная административная система эволюционировала в единый механизм, включающий высшие и низшие звенья чиновничьего аппарата [6, с. 7]. Общими чертами административной системы России, совершенствующимися в ходе реформ с течением времени, стали рационализация управленческого аппарата, дифференциация его функций и специализация подразделений [5, с. 12]. Формализация, рационализация и бюрократизация управления объективно призваны были способствовать его эффективности, являясь по существу ведущими и общими тенденциями в развитии административной системы как формальной организации.

Этими же обстоятельствами было обусловлено и развитие системы управления на Центральном Кавказе: будучи выстроена на принципах рационализма и бюрократии, она эволюционировала в сторону институционализации, формализации и бюрократизации всех уровней административного аппарата и связанной с ним деятельности, что соотносилось с общими тенденциями развития российской административной системы как таковой. Соответственно, формальные, стандартно действующие практики, закрепившиеся в государственно-административной модели управления, укладывались в жестко организованную институциональную схему, которая в значительной степени ограничивала реальные возможности поиска новых институциональных форм административного воздействия на горский социум.

Оказавшись вовлеченными в орбиту саморазвития государственного административно-управленческого аппарата, горские общества вынужденно испытывали внешнее влияние государства, явившегося инициатором их системных трансформационных изменений, которые мыслились региональной административной элитой как модернизационные. Внедрение тех же унифицированных принципов в общинную среду, в идеале направленных на повышение эффективности управления, призвано было отвечать одной главной идее — укреплению центральной власти.

Таким образом, тенденция к универсализации, упорядочению общеимперского пространства в разных его проявлениях так или иначе обнаруживала себя в административной практике правительства, будучи по сути одним из ведущих векторов «огосударствления» северокавказской периферии и распространения здесь «начал цивилизации» в исторической динамике. Именно стремление к формированию некой универсальной общности, интегрированной на основе идеи единой государственности, воплощавшейся в формальном равенстве всех ее граждан, являлось качественной характеристикой Российской империи, в административных границах которой многочисленные микросоциумы инкорпорировались в универсальную систему со своим типом социализации, не исключавшим (впрочем, до известных пределов) и традиционные способы организации жизни [8, с. 340]. «Будучи результатом ситуативно обусловленной комбинации этих факторов (универсалистских ориентаций и этнополитической и этнокультурной неоднородности. — Е. К.), — пишет С. И. Каспэ, — имперские политические системы представляют

собой форму разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении (в конкретном геополитическом пространстве) универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур» [9, с. 48]. И практически все отправные моменты в региональной административной политике отмечали тенденцию к унификации социального пространства, конечному нивелированию разнообразных образцов и моделей социальной организации местных народов по заданной «сверху» институциональной схеме.

Однако процессы имперской унификации содержали в себе довольно высокий конфликтогенный потенциал. Универсальные базовые принципы традиционного самоуправления (коллегиальность, демократизм, внесловность, широко понимаемое старшинство) были достаточно архаичными и напрямую никак не соотносились с принципами управления в рамках российской государственности, основанного на обезличенности административной системы как формально действующей организации с одновременной рационализацией всех уровней управленческой деятельности. Подмена традиционной гражданской общины сельским обществом, формирование на принципиально иных началах официальных административных институтов, действовавших от имени государства и представлявших его интересы, выстраивание отношений надличностной зависимости во властно-правовом поле наряду с бюрократизацией и формализацией управленческих механизмов — все это не могло не сказаться на целостности традиционной социокультурной системы.

Проблема заключалась главным образом не столько в принципиальном несовпадении основополагающих понятий, характеризующих государственные и договорные общественные образования, сколько в диаметральной противоположности мировоззренческих установок традиционного сельского социума и идеологии государственного устройства, определяющих, по сути, цель, а следовательно, и характер управленческой деятельности. В традиционных обществах управление представляет собой *процесс* регулирования жизни общества в целом, направленный на непрерывное, циклическое воспроизводство устоявшихся общественных форм и хозяйственных практик, поддержание баланса гражданско-правовых статусов членов коллектива; управление же как одна из функций государства, семантически совпадая с руководством, становится характеристикой *деятельности*, ориентированной на решение конкретных задач, т. е. не на процесс, а на *результат*.

Возникающий в подобных случаях диалог различных социокультурных систем, несмотря на всю его напряженность, исследователями определяется как адаптация — состояние, которое характеризуется оптимальным соотношением между преемственностью и модификацией, обусловленным как внутренними, так и внешними стимулами [10, с. 167–168]. Конкретные формы адаптации горских общественных структур к модифицирующим изменениям, инициатором и проводником которых выступало Государство, в самых общих чертах выражались в одновременном сосуществовании нового и старого социального порядков: традиционные принципы самоорганизации продолжали существенным образом влиять на внутреннюю жизнь осетинского села, а обычно-правовые нормы по-прежнему сохраняли свое значение в качестве организующего начала социальной жизни. Понимая это, правительство шло на их выборочную легализацию, что играло, с

одной стороны, на повышение общественной значимости проводимых преобразований, с другой же — в той или иной степени успешно обеспечивало достижение собственных целей и задач, ориентированных в конечном итоге на интеграцию разнородного населения в едином гражданско-правовом пространстве.

Таким образом, основу интеграционных процессов, сопровождавших включение Осетии в Российское государство, составляло выраженное в той или иной мере взаимодействие универалистской парадигмы, основанной на идее общей «гражданственности», с традиционными практиками жизнеустройства.

Список использованной литературы:

1. Волчков В. Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции.—М.: Типография М. Н. Лаврова, 1880.—256 с.
2. Полный систематический свод узаконений, касающихся крестьян и других податных сословий, общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции с присоединением нового положения о земских начальниках, городских судьях и прочих (издание неофициальное).—М., 1890.
3. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века).—М.: Новый хронограф, 2010.—752 с.
4. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.—М., 1978.—288 с.
5. Медушевский А. Н. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Научно-аналитический обзор.—М.: Наука, 1990.—373 с.
6. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов.—М.: Славянский диалог, 1998.—416 с.
7. Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов.—М.: Индрик, 2006.—344 с.
8. Гатагова Л. С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. А. Г. Бордюгова.—М., 1996.—С. 332–353.
9. Каспэ С. И. Имперская политическая культура в условиях модернизации // Полития.—1998.—№ 3.
10. Битова Е. Г. Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // Respublika. (Альманах социально-политических и правовых исследований).—2000.—№ 1.—С. 163–194.

М. К. Нагиева

МАТЕРИАЛЫ ЦГА РД О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ
РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И ДАГЕСТАНА (1921–1990 гг.)

Северный Кавказ является одним из важнейших регионов Российской Федерации как с точки зрения политического, так и социально-экономического развития. Перемены, произошедшие в стране после распада Советского Союза, наиболее остро отразились на территории Северного Кавказа. Множество острых проблем выплеснулось на поверхность. Наиболее острые из них: межнациональные и территориальные конфликты, социальные проблемы, падение уровня жизни населения и т. д.

Изучение социально-экономического, политического, культурного, межэтнического и межтерриториального взаимодействия всегда представляла определенный интерес для исследователей и является достаточно актуальной на сегодняшний день. Ведь народы Дагестана и Северного Кавказа издавна имели между собой экономические и культурные контакты. При ближайшем изучении истории взаимоотношений народов Северного Кавказа прослеживается общность их исторических судеб. Схожее социальное и экономическое развитие, сходство географических условий еще более способствуют взаимовлиянию культур братских народов. При подробном изучении собранных документов и материалов в Центральном государственном архиве Республики Дагестан прослежены некоторые пути развития и укрепления дружеских связей между народами Дагестана и Северного Кавказа за указанный период.

Исключительная разнородность населения Северокавказского края и Дагестана по национальному и социальному составу, культурная отсталость, особенно горского населения, малочисленность промышленного пролетариата — все это говорило о наличии больших политических, социально-экономических трудностей, которые пришлось молодому Советскому государству преодолевать после установления советской власти.

В начале 20-х гг. были начаты преобразования по административно-территориальному устройству Дагестана, положившие начало и коренному изменению его государственного строя. Для более быстрого решения возникающих хозяйственно-экономических и социально-культурных вопросов Дагестан был включен в состав Юго-восточного края. Решение о включении Дагестана Юго-востоку было принято Президиумом ВЦИК от 3 октября 1921 г.

Экономическая целесообразность требовала от центра усиления связей Дагестана с краевыми органами особенно по хозяйственно-экономическим вопросам. Президиум ВЦИК своим постановлением от 3 ноября 1921 г. переподчинил Дагестан Краевому экономическому совету, созданному в марте 1921 г. и объединившему деятельность всех экономических ведомств и органов края. Даже распоряжения центральных органов власти направлялись на места через Краевой экономический совет. Республиканские и областные органы связывались с центральными органами по всем экономическим вопросам через Крайэкономсовет.

Постановления последнего, принимаемые по экономико-хозяйственной деятельности, были обязательны для всех местных экономических органов [1, с. 107].

Такое вмешательство в права Дагестана как автономной республики вызывало недовольство его руководства и стало причиной того, что уже 13 марта 1922 г. пленум Дагестанского обкома партии поставил вопрос о выделении ДАССР из Краевого экономического объединения и подчинении ее непосредственно центру. Этот вопрос еще более обострился, когда в стране было начато новое районирование.

В 1923 г. Госпланом РСФСР был подготовлен проект об организации Северо-Кавказского края, куда предполагалось включить и Дагестан. Однако руководящие круги и органы власти республики отнеслись к такому проекту отрицательно, полагая, что включение ДАССР в состав Северо-Кавказского края умалит ее права и ослабит связи с центром. Третий Вседагестанский съезд Советов, прошедший 4 декабря 1923 г., высказался против вхождения ДАССР в состав нового края и за переход к прямым связям с центром по всем экономическим и хозяйственным вопросам и даже партийного строительства, как это было в отношении Башкирии и Татарии. Учитывая пожелания республики, ВЦИК в своем постановлении от 13 февраля 1924 г. «О районировании Северного Кавказа» не включил в состав нового края Дагестанскую АССР [1, с. 108].

В сентябре 1931 г. в целях ускоренного экономического развития республики Дагестанская АССР снова вошла в состав Северо-Кавказского края, располагавшего крупным промышленным потенциалом и развитым сельским хозяйством. Руководители республики, ранее настаивавшие на предоставлении Дагестану возможности прямого обращения с центром, согласились пойти на такой шаг. Видимо, здесь сыграло свою роль и то, что в 1928–1929 гг. в РСФСР было создано несколько краевых объединений и в Северо-Кавказский район были включены Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская автономные области. При создании таких краевых объединений Советское государство учитывало общность задач экономического развития данного региона. При этом имелось в виду, что национальные автономии будут пользоваться всеми правами, предоставленными им законодательными актами РСФСР, и могут обращаться по любым вопросам в центральные федеральные органы [2, с. 135].

Северо-Кавказским краем были незамедлительно приняты меры по оказанию помощи Дагестану. Уже 26 октября 1931 г. было принято постановление Северо-Кавказского крайкома партии «Об очередных задачах Дагестанской парторганизации», в котором была намечена широкая программа оказания республике технической, финансовой и организационной помощи. Важное место в этой программе занимали вопросы коллективизации сельского хозяйства, промышленного и культурного строительства. В 1931 г. капитальные вложения в промышленность республики составили 26,2 млн. руб. План по капитальным вложениям за десятилетие был перевыполнен на 43,8% [1, с. 195].

В целях обеспечения более оперативного руководства хозяйственной и политической жизнью на местах в конце 1933 г. и в начале 1934 г. по всей стране были проведены разукрупнение краев и областей. В январе 1934 г. Северокавказский край был разделен на два края: Азово-Черноморский, куда вошли территории нынешних Краснодарского края и Ростовской области, и Северокавказский,

включавший в себя территории нынешних Ставропольского края и Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Карачаевской, Черкесской автономных областей. Несколько позже в 1936 г. из состава Северокавказского края выделилась Дагестанская АССР, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская автономные области, преобразованные в автономные республики в составе РСФСР [3, с. 20–21].

Сведения по исследуемой теме содержатся во многих фондах послеоктябрьского периода Центрального государственного архива Республики Дагестан. Наибольшую ценность для изучения обозначенной темы представляют следующие фонды: Ф. 1-п (Дагобком ВКП (б), КПСС), Ф. р.-127 (Министерство сельского хозяйства), Ф. р.-23 (Министерство здравоохранения), Ф. р.-34 (Министерство просвещения), Ф. р.-168 (Совет Министров ДАССР) и т. д. В фондах ЦГА РД, встречается большое количество документов и материалов партийных, советских органов, разнообразная переписка между различными министерствами и ведомствами, письма и телеграммы, отчеты, информационные сводки, статистические таблицы и данные и т. д., освещающие взаимоотношения и взаимосвязи между республиками Северного Кавказа и Дагестана в промышленном производстве. Интересные источники встречаются в опубликованных сборниках документов и материалов, а также в материалах периодической печати.

После установления Советской власти в Дагестане, как и на всем Северном Кавказе, началась огромная работа по культурному строительству. Важное место во всей государственной политике в области культурного строительства занимали вопросы народного образования, развития школьной сети, повышения общей культуры населения [4, с. 58–61]. Несмотря на все мероприятия, которые проводились в этой сфере, должного эффекта в первые годы не достигало. Это связано, в первую очередь, с нехваткой необходимой литературы и учебных пособий, без чего очень трудно было вести эффективную работу. Но, несмотря на все сложности, работа в этой сфере постепенно налаживалась. Так, в 1922 г. в республику были отправлены следующие журналы: «Вестник агитации и пропаганды», «Коммунистическая литература», «Возрождающаяся Кабарда и Балкария», очерки «Борьба горцев за революцию» и т. д. в последующие годы количество присылаемой литературы в республику постепенно увеличивалось¹ [5, с. 372–374].

Одним из важнейших вопросов, тесно связанных с осуществлением культурной революции, было раскрепощение горянок. За первое десятилетие активно велась работа по ликвидации неграмотности среди женщин. Определенная работа велась по вовлечению женщин-горянок в культурное строительство в республике [6, с. 129–139; 203–205; 287–288]. В 1925 г. в Ростове-на-Дону Северо-Кавказским крайкомом ВКП (б) открылись партийные курсы горянок. Открытие курсов приковало к себе внимание многих работниц. На открытие курсов приехали горянки из Кабарды, Чечни, Осетии, Карачаево-Черкессии, Ингушетии. К 1927 г. в Дагестане действовало 12 саклей горянок, в деревне работали 3954 делегатки, из них горянок: 3241. К 1928 г. число саклей увеличилось до 17.

Фонды госархива располагают многими документами, освещающие работу, проводимую по подготовке кадров и повышению квалификации на различных

¹ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 131. Л. 62. Д. 377. Л. 129. Д. 378. Л. 307, 333. Д. 475. Л. 30.

краевых курсах, среди них Донская областная совпартшкола, краевые юридические курсы. В 1924 г. для подготовки горцев работников национальной печати, при редакции газеты «Советский Юг» были открыты 3-месячные курсы, куда было направлено четыре человека: осетин, ингуш, кабардинец и дагестанец, после окончания этих курсов они работали журналистами в местных газетах и т. д.² [5, с. 376].

К 1930 гг. отчетливо стало проявляться, что дальнейшее развитие культуры в республике тормозилось из-за недостатка кадров интеллигенции с высшим образованием. До 30-х гг. подготовка специалистов с высшим образованием решалась двумя путями. Во-первых, это регулярная отправка в ранее отсталые районы специалистов с высшим и средним специальным образованием. Большая часть из которых, были русские и представители других народностей страны³. В исследуемые годы существовала также практика по подбору преподавателей в различные учебные заведения страны. И, во-вторых, ежегодно выделялось определенное количество мест в центральных вузах страны, в том числе и Северного Кавказа, для студентов и аспирантов из Дагестана⁴.

Горский педагогический институт, основанный в 1920 г. в г. Владикавказе, к 1930 г. подвергался полной реконструкции, наблюдались определенные количественные и качественные достижения. За 10 лет своего существования институт окреп, вырос в большое национальное высшее педагогическое учебное заведение, в большое культурно-просветительное и научное учреждение, играющее огромную роль в народнохозяйственном и культурном строительстве горских народов Северного Кавказа. Научно-преподавательский состав института к этому времени достиг 64 человека, в его составе уже имелась прослойка научных работников из горцев, это 2 профессора, 4 доцента, преподаватели и 1 ассистент. Научно-преподавательский персонал института вел большую научную работу по изучению истории горских народов и горских областей, флоры, фауны, производительных сил, фольклора, этнографии, археологии и т. п. С 1930/31 учебного года предполагалось открытие отделения дагестанских языков и культуры; с 1931–1934 гг. отделения чечено-ингушского языка и секцию кабардино-балкарского языка и культуры; а с 1932–1933 гг. общегорское социально-экономическое отделение и секции тюркских языков (карачаевского, балкарского, туркменского, ногайского и др.) [5, с. 194–195, 202]. В документах выше указанных фондов госархива дается достаточное освещение о реорганизации Горского сельскохозяйственного института, открытого в 1918 г. в соответствии с декретом Совнаркома Терской республики от 5 декабря 1918 г. в г. Владикавказе. В 1921 г. он был переименован в Горский политехнический институт, а в 1923 г. в Горский сельскохозяйственный. В документальных материалах можно встретить интересную информацию об организации высших учебных заведений в Дагестане⁵, о слиянии землеустроительных отделений Ингушского и Новочеркасского технику-

²ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 394. Л. 44. Д. 395. Л. 88, 144. Д. 476. ЛЛ. 57, 68, 80; Ф. р.-127. Оп. 24. Д. 85. Л. 14; Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1462. ЛЛ. 25–26. Д. 3547. Л. 99. Д. 3086. ЛЛ. 128–131, 135–137, 186–187. Д. 3558. ЛЛ. 131, 149–152.

³ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1440. ЛЛ. 4–5. Д. 1786. Л. 2. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3087. ЛЛ. 13–14.

⁴ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1405. Л. 13. Д. 1787. Л. 4. Д. 2697. ЛЛ. 124–125. Д. 3549. ЛЛ. 71, 83. Д. 3084. Л. 298. Д. 3475. Л. 42. Д. 3083. ЛЛ. 385–386, 383–384.

⁵ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1786. Л. 2.

мов с Дагестанским землеустроительным техникумом и о дальнейшей его работе⁶.

Следует также отметить, что работа в культурно-просветительной сфере развернулась после установления советской власти. Большая помощь в этой области была оказана Северокавказскими республиками. Ряд документов Фонда 1-п (Дагобком ВКП(б) КПСС) характеризуют состояние и перспективы развития в сфере культуры, по представленным материалам можно проследить общую картину с ликвидацией неграмотности республике, о деятельности культсанштурма⁷. Для участия в проведении культсанпохода по направлению Северокавказских краевых организаций в Дагестан было послано более 300 человек, а на постоянную работу в школах и органах народного образования — 46 человек. Ростовский горсовет выделил республике 300 тыс. руб., 5200 учебников и методических пособий, 272 комплекта одежды и обуви для детей и разной одежды на сумму в 20600 руб., послано было в Дагестан две бригады культармейцев. Такие же бригады были отправлены из Кабарды, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии, Адыгеи [2, с. 166]. Культпоход внес крупные перемены в культурные преобразования, осуществлявшиеся в республике.

Несмотря на трудности и испытания, выпавшие на долю советских народов в годы войны, культурное строительство в нашей республике, как и во всей стране, хотя и замедлилось, но продолжалось. В первые месяцы войны в Дагестане на основании приказа Наркома здравоохранения РСФСР «О создании Управления эвакогоспиталями»⁸ были организованы эвакогоспитали, которые проводили огромную работу по лечению и возвращению в строй бойцов и командиров Красной Армии. На основании этого приказа народным комиссарам здравоохранения АССР и заведующим край и (обл) здравотделам в декадный срок было дано указание укомплектовать отделы эвакогоспиталей лучшими организаторами здравоохранения и высококвалифицированными специалистами. Документальные материалы архива ЦГА РД свидетельствуют о том, что работники медицинских учреждений Дагестана своей самоотверженной работой по оказанию помощи фронтовикам, раненым красноармейцам завоевали любовь и симпатии людей многих национальностей⁹.

Значительная часть молодых врачей, окончивших Дагестанский медицинский институт в 1943 г., была направлена на фронт и в освобожденные районы.

В октябре 1941 г. в связи с приближением немецко-фашистских войск к г. Ростову-на-Дону Ростовская киностудия по производству хроникально-документальных фильмов была эвакуирована в г. Орджоникидзе и обслуживала Северо-Осетинскую, Чечено-Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Дагестанскую АССР, Краснодарский и Ставропольский края и Ростовскую область. 1 октября 1942 г. киностудия из г. Орджоникидзе была эвакуирована в г. Тбилиси. В апреле 1943 г. студия вновь возвращается в г. Орджоникидзе и возобновляет свою деятельность

⁶ЦГА РД. Ф. р.-127. Оп. 24. Д. 103. ЛЛ. 61, 87.

⁷ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1405. ЛЛ. 5, 8, 14. Д. 2187. ЛЛ. 1–6. Д. 1826. ЛЛ. 5–13. Д. 1842. ЛЛ. 148, 156. Д. 3082. ЛЛ. 226–233. Д. 3558. ЛЛ. 50–51.

⁸ЦГА РД. Ф. р.-23. Оп. 34. Д. 28. ЛЛ. 156–157.

⁹ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 5686. ЛЛ. 62 и об., 147, 156, 157.

по выпуску журнала «Северный Кавказ» до организации в 1945 г. Северокавказской киностудии.

В послевоенные годы в средствах массовой информации, в частности в газете «Дагестанская правда», появляются сообщения о работе Северокавказской киностудии. Этой студией в 1947 г. было выпущено 10 короткометражных фильмов о Дагестане. В 1948 г. был организован корреспондентский пункт в Махачкале Северокавказской киностудии, в задачу которой входила киносъемка наиболее выдающихся событий, происходящих в республике¹⁰.

Развитие науки и высшего образования в Дагестане, подготовка кадров для научных учреждений и учебных заведений является важным результатом повседневного взаимного сотрудничества между Дагестаном и братскими республиками, краями и областями.

В подготовке высококвалифицированных специалистов и научных кадров для республики большую роль сыграли институты Истории, Языкознания, Мировой литературы, Археологии, Этнографии, Народов Азии АН СССР, Ленинградский, Ростовский государственные университеты, Пятигорский, Чечено-Ингушский педагогические институты, Грозненский нефтяной институт и др. вузы страны¹¹.

Яркой страницей летописи дружбы народов стала помощь всей страны, а также всех республик и краев Северного Кавказа населению Дагестана, подвергшихся землетрясению в 1966 г. Землетрясение нанесло большой урон народному хозяйству. Были повреждены сотни населенных пунктов, разрушены больницы, школы, здания государственных учреждений. Без крова остались тысячи семей. Все население, оставшееся без крова, было обеспечено надежным жильем. Благодаря большой помощи соседних республик, краев и областей, быстро и успешно ликвидировались последствия землетрясения.

Прошло немного времени со дня землетрясения в Южном Дагестане, как в мае 1970 г. республика вновь подверглась сильнейшему землетрясению. Материалы различных фондов государственного архива позволяют исследователям увидеть ту огромную работу, которая была проделана Северокавказскими республиками по оказанию помощи в ликвидации последствий землетрясения.

В районах велось строительство населенных поселков, осуществлялись широкие мероприятия по строительству объектов производственной базы строительных организаций. Из республик Северного Кавказа в порядке помощи выделялись средства, строительные материалы, отправлялись рабочие на строительные объекты¹².

Землетрясение нанесло большой урон учреждениям культуры и образования. Были повреждены и разрушены школы, больницы, дома культуры и т. д. В дни тяжелых испытаний рядом с дагестанцами оказались ростовчане, ставропольцы, краснодарцы, трудящиеся всех республик Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии¹³. Волгоградский, Ростовский и Ставропольский проектные институты помогли составить проекты 32 населенных пунктов. Строительные тресты

¹⁰ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 1424. ЛЛ. 28, 48, 56. Д. 3012. Л. 5–7.

¹¹ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2615. ЛЛ. 7, 9. Д. 2646. Л. 118.

¹²ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3222. ЛЛ. 40, 45. Д. 3220. ЛЛ. 43, 105. Д. 3221. ЛЛ. 29, 34. Д. 3218. ЛЛ. 67, 162, 243.

¹³ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 2783. ЛЛ. 75–76. Д. 2785. ЛЛ. 62–67.

городов Краснодара, Невинномысска, Ростова, Ставрополя, Нальчика, Грозного, Орджоникидзе построили школы, бани, пекарни и много других объектов социально-культурного значения.

Убедительной демонстрацией достижений культуры и искусства явилось проведение Дней культуры Дагестана в республиках Северного Кавказа: в Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии — и проведение подобных мероприятий указанных республик в Дагестане, также проходили совместные мероприятия, посвященные 50-летию образования СССР, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Эти творческие праздники показали достижения республики в области литературы, искусства, культуры, продемонстрировали дружбу народов Дагестана с народами нашей страны.

В Ф. 1-п (Дагобком КПСС)¹⁴ встречается интересная переписка между Карачаево-Черкесским краевым музеем и Дагобкомом КПСС «О создании Музея-памятника героям обороны и освобождения Кавказа». В битве за Кавказ, охватывающей территорию от Дона до Терека и Волги, от Донских и Армавирских степей до Туапсе, Нальчика, Моздока и перевалов Главного Кавказского хребта, участвовали сотни тысяч советских воинов, части и соединения, сформированные в Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной-Осетии, Калмыкии, Ростовской и Астраханской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, а также части и соединения, имевшие в своем составе значительное число воинов из этих республик, краев и областей. В постановлении о создании Музея-памятника отражается помощь, оказанная Дагестанским краеведческим музеем в создании этого памятника.

Музей-памятник героев Кавказа был создан с целью увековечивания наиболее важных событий битвы за Кавказ и советских воинов-героев этого сражения. Дагестанский краеведческий музей отправил фотокопии снимков, документов, снимки Героев Советского Союза дагестанцев, непосредственных участников битвы за Кавказ: В. Эмирова, Р. Алиева, Н. Земцова, Х. Нурадилова, Г. Буганова, Ш. Алиева, М. Гамзатова, М. Сурмач, А. Абдуллаева и Ю. Акаева; снимок группы бойцов из бронепоезда им. М. Гаджиева — участников обороны Кавказа; фотокопию знамени обкома ВЛКСМ, пробитого пулями и осколками в боях за Кавказ; фотокопию личных вещей Героя Советского Союза В. Эмирова; фотокопию подарка трудящихся Карачаево-Черкессии в день 45-летия ДАССР в память о совместных боях на Марухском перевале и др. ценные предметы и материалы.

В 70–80-е гг. качественные преобразования продолжали происходить в системе взаимоотношений в области культуры. Вместо небольших клубов стали строить дома и дворцы культуры — учреждения нового типа, располагавшие квалифицированными кадрами художественных, музыкальных, хореографических работников и т. д. Строительство учреждений культуры осуществлялось в основном за счет государственных капитальных вложений.

В исследуемые годы важной частью всей системы образования являлось среднее специальное и высшее образование. В 1972 г. был открыт политехнический институт. В республике работало 5 вузов и 28 средних специальных учебных заведений.

¹⁴ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3012. ЛЛ. 5–7.

В эти годы были достигнуты ощутимые результаты и в увеличении числа обучающихся в вузах как Дагестана, так и соседних республик, областей и краев¹⁵. Активное взаимное сотрудничество осуществлялось между вузами республик Северного Кавказа и Дагестана в проведении различных научно-теоретических и практических конференций¹⁶.

Культурные и духовные запросы населения республики удовлетворялись системой очагов культуры, распространенностью и доступностью дагестанской, русской, северокавказской, зарубежной художественной и учебной литературы, периодических изданий и через другие средства.

На начало 1981 г. в Дагестане функционировало 1194 клубных учреждения, 1031 библиотека, 10 музеев, 1145 киноустановок. Издавалась 61 газета, в том числе 6 республиканских, 19 журналов и других периодических изданий. Работали 7 профессиональных театров, 5 из них национальных, государственная филармония, ансамбль песни и танца Дагестана, заслуженный ансамбль танца «Лезгинка» [2, с. 569].

В 80-е гг. в Дагестане с широким размахом часто проводились дни литературы и искусства других республик и регионов страны. Частыми были взаимные гастрольные туры национальных театров, обмен радиопрограммами. Об этом убедительно свидетельствуют регулярные сообщения в республиканской прессе, в частности в газете «Дагестанская правда». Из этого источника видно, что все национальные театры республик Северного Кавказа с огромным успехом выступали на дагестанской сцене¹⁷. В материалах госархива также можно встретить материал «О проведении дней культуры Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР в 1977 г.», подобные мероприятия проводились и в последующие годы с другими соседними Северокавказскими республиками. При проведении подобных мероприятий (обменных дней) разрабатывались конкретные планы действий, которые предусматривали встречи различных деятелей культуры и литературы, выступления мастеров искусств, взаимный обмен выставок произведений художников, организация совместных радио-телепередач, показ художественных и документальных фильмов и т. д.

В средствах массовой информации достаточно активно освещались взаимоотношения в области художественного, литературного и народного творчества, музыкального искусства¹⁸.

Большое внимание в программных республиканских теле- и радиовещаниях занимали материалы о достижениях трудящихся в различных отраслях народного хозяйства, во всех сферах культурной жизни. Интерес телезрителей вызывали программы, специально подготовленные соседними республиками, краями и областями Северного Кавказа и других регионов для показа дагестанским телевидением¹⁹.

¹⁵ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3222. Л. 44. Д. 3351. Л. 43. Д. 3888. ЛЛ. 209–211. Д. 4117. Л. 147. Дагестанская правда. 1988. 20 ноября.

¹⁶ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4450. ЛЛ. 37–38. Д. 4907. Л. 19.

¹⁷Дагестанская правда. 1979. 5 июля; 1981. 5 июня, 13 сентября; 1984. 15 апреля, 18 декабря; 1985. 30 июля; 1988. 11 октября. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4750. Л. 57.

¹⁸ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4450. Л. 102; Дагестанская правда. 1976. 17 ноября, 3 декабря; 1979. 19 сентября; 1980. 31 декабря; 1985. 20 октября; 1986. 17 апреля; 1990. 20 июня.

¹⁹Дагестанская правда. 1970. 8 февраля; 1982. 24 июля; 1985. 16 августа. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 3300. Л. 44. Д. 4117. Л. 37. Д. 4907. Л. 106.

В 1980 г. Дагестан отмечал 60-летие со дня образования. Юбилею республики были посвящены многочисленные праздничные мероприятия. Состоялось торжественное заседание Дагобкома КПСС и ВС ДАССР, в котором приняли участие гости из республик, краев и областей Северного Кавказа и Закавказья. О проведении юбилейных мероприятиях было рассказано в местной прессе²⁰.

Доброй традицией стали регулярно проводимые зональные художественные выставки «Советский Юг»²¹, где свое искусство демонстрировали творческие коллективы художников всех республик Северного Кавказа.

О взаимосвязях и сотрудничестве Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина с вузами страны, в том числе и Северного Кавказа, научно-исследовательскими институтами АН СССР можно проследить из архивных источников Ф. 1-п. (Дагобком КПСС), Ф. р-34 (Министерство просвещения) ЦГА РД. В создании и укреплении материально-технической базы университета большую помощь оказало Министерство высшего и среднего специального образования СССР. В первый год функционирования университету было выделено 170 тыс. руб., в том числе 30 тыс. руб. поступило от Главснаба на новое учебное оборудование.

Университет осуществлял подготовку кандидатов наук для соседних республик Северного Кавказа. Так за время с 1962 по 1977 гг. для Чечено-Ингушской АССР через аспирантуру и соискательство было подготовлено 38 кандидатов наук: Карачаево-Черкесской и Адыгейской автономным областям по 2 человека и по одному человеку для Северо-Осетинской и Калмыцкой АССР.

Во второй половине 1976 г. отделение гуманитарных наук Северокавказского научного центра высшей школы (СКНЦ ВШ) совместно с институтом истории АН СССР скоординировало в масштабе Северо-Кавказского региона научную работу историков по написанию многотомной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней».

Между научными учреждениями Северного Кавказа продолжали проследиваться тесные взаимосвязи. О плодотворном сотрудничестве между учеными республик Северного Кавказа, о координационной работе СКНЦ ВШ и Дагестанского филиала АН СССР также прослеживается в различных фондах Центрального государственного архива²². В 1986 г. был принят Генеральный договор о творческом и научно-техническом содружестве между СКНЦ ВШ и Дагестанским филиалом АН СССР на 1986–1990 гг. Он подразумевал существенное расширение объемов совместных исследований и разработок вузовской и отраслевой науки, повышение их народнохозяйственной задачи, направленной на ускорение экономического и социального развития региона.

Установлены магистральные пути совместной работы по проблемам физики, геофизики, геологии, биологии, геохимии, экономики, генетики, истории, филологии, культуры на период до 2010 г. Ученые Дагестанского филиала АН СССР активно трудились над осуществлением плана Генерального договора.

²⁰ Дагестанская правда. 1980. 31 декабря.

²¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4405. ЛЛ. 15–16. Дагестанская правда. 1984. 4 октября; 1986. 30 августа.

²² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 5380. ЛЛ. 42–49. Дагестанская правда. 1986. 25 сентября.

Ввод в научный оборот источников ЦГА РД позволяет дополнить и расширить наши знания по истории взаимоотношений в области культуры между республиками Северного Кавказа и Дагестана. Они охватывают широкий и разносторонний круг вопросов по проблеме в целом и ее отдельным аспектам, которые требуют более тщательного изучения и критического анализа.

Список использованной литературы:

1. Османов А. И. Дагестан в XX веке: Историко-географическая характеристика, административное устройство, развитие промышленности и сельского хозяйства Дагестана Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития : в двух книгах. Том 1.—Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2006.—598 с.
2. Шигабуудинов М. Ш., Османов А. И. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Том 2.—Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2006.
3. История индустриализации Северного Кавказа (1926–1932 гг.): Документы и материалы. Т. 1.—Грозный, 1971.—564 с.
4. Роль Красной Армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане (1920–1922 гг.): Сборник документов и материалов.—Махачкала.—380 с.
5. Культурное строительство в Северной Осетии. 1917–1941 гг.: Сб. документов и материалов. Т. 1.—Орджоникидзе: Ир, 1974.—543 с.
6. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. 1917–1936 гг.: Сб. документов и материалов / Центр. Госуд. архив окт. революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР и др.—М.: Мысль, 1979.—350 с.

ЧЕЧЕНСКИЙ ТАЙП: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Институт чеченского *тайпа* привлекал к себе внимание многих исследователей, которые высказывали подчас противоречивые точки зрения о его социальной сущности, месте и роли в социальной организации чеченцев с древнейших времен и по настоящее время. Исторический материализм и моргановское понимание институтов родства наложили отпечаток на описание и трактовку социального содержания чеченского *тайпа* в русской, советской, в постсоветской этнографической науке, и эта традиция продолжается в некоторой степени и в современной российской этнографической литературе и широко тиражируется в средствах массовой информации. Чеченский *тайп* до сих пор определяется как классический род, хотя в научной литературе давно подвергнута сомнению моргановская теория общинно-родового строя. В научной литературе сложилось представление, что основной социально-экономической единицей чеченского общества и в новейшее время является *тайп*. Такая трактовка искажает реальную картину состояния чеченского общества в прошлом и порождает субъективные оценки этногенетических процессов происходящих и в современный период. В русской этнографической литературе XVIII в., для определения рода у чеченцев использовался термин «фамилия». Отдельные авторы в этом значении употребляли понятие «колени». По С. М. Броневскому, колена чеченцев представляют собой «малые общества или союзы, охватывающие по несколько деревень, одна из которых глава союза и дает наименование всему обществу» [1, с. 8].

В русской этнографической науке XIX в. сложились мнения о том, что *тайпа* — это *фамилия, колени, род, родство, племя, тохум, клан, братство*. Наиболее распространенной была точка зрения, что тайп является родом и что в основе общественного строя чеченцев лежала родоплеменная организация. К. Ган термином *тайпа* обозначал население одного селения, объединенного родственными узами [2]. Я. Берлин [3, с. 170], вслед за ним и Х. Кавказов дефилировали тайп, как клан [4]. Первым автором из чеченцев, описавшим общественное устройство и социальную организацию чеченцев, был Умалат Лаудаев (1872 г.). Он понимал под тайпом и фамилию, и род, и племя. Он писал: «Жизнь чеченского народа была тесно связана с его семейными отношениями, а потому на связь их фамилий нужно обратить особое внимание» [5]. Но надо отметить, что У. Лаудаев чаще всего применяет термин «фамилия» для обозначения родственной группы чеченцев, а не род и племя. У. Лаудаев писал: «Эта родственная связь членов фамилии называется по-чеченски *тайпан* или *тайпа*, что означает: одна фамилия, род, или одно племя. Поэтому чеченцы, говоря о хороших или дурных качествах одного лица, спрашивают: «Из какого тайпана?» Или, говоря о других народах, произносят: гирий тайпа, донской тайпа, т. е. осетинской фамилии, донской фамилии и др. В отношении семейного родства все его члены называются братьями — «вежерей» или «воша», а целая связь — братством «вошалла» [5].

У. Лаудаев дефинирует тайп как «братство», а члены тайпа как «братья» — вежерей (вежарий С. Натаев) или воша — «брат». В чеченской традиции были понятия: «тайпан ваша» — брат по тайпу, «тайпан йиша» — сестра по тайпу. Но это термины не кровного родства, а служили для обозначения духовного родства людей, объединенных едиными экономическими интересами и мифологическими представлениями о происхождении от одного родоначальника. До У. Лаудаева, Карл Кох в 1843 г. первым определил чеченские тайпы, как братства [6]. Еще В. Лядов в 1859 г. писал, что общественные отношения у чеченцев сходны с общественными отношениями у черкесов [7]. В частности, М. М. Ковалевский писал, что у чеченцев их тайпы «не то братства, не то роды» [8]. Б. К. Далгат писал: «Следует отметить, что и М. М. Ковалевский, говоря о чеченских тайпах, под ними понимает экзогамические группы, связанные единством происхождения, — братства, каждое из которых представляет соединение нескольких родов. Такие кровные союзы одинаково встречаются и у адыгских народностей (тлеух, состоящий из нескольких родов или ачихов), у чеченцев, шапсугов, пшавов, тупшин и хевсуров». Связь между членами тайпы менее интенсивна нежели между членами ее подразделений, линий братства [9, с. 94]. Кавказовед-этнограф Б. К. Далгат, изучавший общественный быт чеченцев в этнографических экспедициях в 1892–1894 гг., также дефинировал тайп как братство. Он писал: «Тайпа может быть и небольшая; тогда она не более, чем большая семья или род; но она может перейти и за род, включать в себя несколько родов, называемых в таких случаях гаарами или неками и составляющих в совокупности «вошалла» или «братство». Слово «тайпа» чаще употребляется в таком смысле» [9, с. 92].

Точка зрения, что тайп — это род стала официальной в 20-х гг. XX в. В советской исторической науке утверждается теория о существовании у чеченцев, даже в XIX в., родовых отношений. Проблемы тайпа, с точки зрения советского официоза, были рассмотрены в статье А. Г. Авторханова «К вопросу изучения тайп и классовой борьбы в чеченской деревне». А. Г. Авторханов определяет чеченский тайп как группу людей или семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений, члены которой связаны между собой родством кровных отношений по отеческой линии, социально между собой не равны, вследствие экономической дифференциации внутри каждой тайпы со второй половины XIX в. [9, с. 96]. А. Г. Авторхановым вводятся в научный оборот термины: *тайповство*, *тайпизм*, *тайповщина*, *тайповец*, *тукхумизм*, *тукхум* [10]. Содержание их не конкретизируется, что позволяет осуществление произвольной интерпретации.

Большой вклад в изучение института чеченского тайпа внес М. А. Мамакаев. В 1936 г. им была опубликована работа «Правовой институт тайпизма и процесс его разложения». В 1962 г. она переиздавалась под названием «Чеченский тайп (род) и процесс его разложения». В 1973 г. М. А. Мамакаев выпустил работу «Чеченский тайп (род) в период его разложения». Первая его работа была написана в то время, когда официальная идеология дала установку на несовместимость фамильно-родственных и партийно-государственных интересов. Но при этом, декларируя официальные установки о патриархально-родовой организации чеченцев на богатом этнографическом материале, М. А. Мамакаеву удалось показать, что род еще в XVII в. является пройденным этапом для чеченцев,

и что в позднее средневековье у чеченцев существовали раннефеодальные отношения.

По определению М. Мамакаева, «Тайп» — (по арабски — «тайфа») — группа, круг, сообщество людей. Надо полагать, что это слово попало в чеченский язык с проникновением мусульманской религии. До появления этого арабизма в чеченском языке бытовало слово — «ваър», точно соответствующее слову «род» («ваър» — по-чеченски «рожденный») [11, с. 5]. Что касается термина «тайп», в этой же работе М. Мамакаев дает расширенное определение тайпа: «Чеченский тайп — это тоже группа людей, семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, связаны между собой кровным родством по отцовской линии. Свобода, равенство и братство, хотя никем и не были сформулированы, здесь также составляли главное начало тайпа — этой основы организации чеченского общества. Но чеченский тайп рассматриваемого нами периода (после XVI в.) отнюдь не был уже архаическим родом, каким он был у ирокезов [11, с. 21]. По мнению М. Мамакаева, термины «тайпа» и «тукхум» не чеченского происхождения, и первый из них попал к чеченцам вместе с исламом и произведен от арабского «тайфа» и заменил собой исконно чеченский термин «ваър» по-чеченски «рожденный» [11, с. 36].

По мнению С. А. Хасиева, «Тайп» отражает признаки разноэтничного, сословного, географического и производственного характера. Сам термин в разных районах республики воспринимается жителями по-разному. Все это убеждает, что термин «тайп» и выражаемое им содержание среди плоскостных чеченцев (основной ареал распространения термина) появился недавно [12, с. 75].

В научной литературе исследователями высказывалось опасение по поводу отождествления тайпа с этнографическим родом и указывалось на необходимость разобраться в природе чеченских тайпов. А. А. Саламов писал: «Считаю незаконным перевод на русский язык значения слова «тайпа» как род, как социально-экономическая категория» [13]. Этнограф А. И. Шамилев высказывался еще категоричнее: «... никакого рода, как такового (как это принято понимать в науке) у чеченцев (или вообще на Кавказе) не было не только в XIX, но даже и в XV в.» [14].

Надо отметить, что во взглядах М. О. Косвена на тайп как на родовую группу, род, патронимию произошла эволюция: от определения, что тайп — это патронимия, он приходит к выводу, что «Существовавшие на Кавказе крупные родственные группы, «роды» и т. п. ни в коем случае не должны отождествляться с первобытным родом. Если, например, в Южной Осетии существует большой «род» Гагловых, ни в коем случае нельзя представить, что он является наследником некогда существовавшего первобытного рода. Все подобные кавказские «роды» являются явлениями, возникшими в результате разрастания больших патриархальных семейств, и в результате этого новыми, с исторической точки зрения, образованиями» [15, с. 23]. Для нас представляет интерес и другое высказывание М. О. Косвена: «Не имея основания видеть в крупных кавказских родственных группах, «фамилиях» архаические или «классические» роды, мы не можем искать в них те признаки свойства, которые связываются с этой первобытной общественной формой [15, с. 24].

Дореволюционные ученые употребляли понятия «род», «фамилия», «община», «братство», «тайп», «тукхум» произвольно, не дефинируя их по социальному признаку. Часто для обозначения одного общинного института служило несколько терминов. Так, патронимия называлась «гар», «тайп» или «тукхум». В ряде случаев под «тукхумом» подразумевается то село, то группа сел. По справедливому замечанию М. О. Косвена, «что в этой терминологии является обозначением отдельной формы и что синонимом, что автор понимает под тем или иным названием, чем эти формы различаются и каково их соотношение судить трудно.» (см. [16, с. 41–45]).

Эта проблема актуальна и сегодня, среди ученых нет единства в обозначении социальной терминологии у чеченцев. Термин «тайп/тайпа», обозначается как «тейп», «тэйпа», когда Чеченско-Русском словаре термин обозначен как «тайпа» [17, с. 391].

В ранней русской этнографической науке, была точка зрения, что тайп — это братство, этого мнения придерживались У. Лаудаев, К. Кох, В. Лядов, Б. Далгат. Позднее, М. М. Ковалевский также признавал в Чечне наличие братств, сходных с братствами у хевсур и адыгов [8].

На наш взгляд, точка зрения, что тайп по своей социальной сущности не классический этнографический род, а братство, близка к истине. В пользу того, что тайп — братство, говорит и сложная структура чеченского тайпа; *тайп-гара* — ветвь тайпа, *некџи* — линия от гара, *цџџана цџийна нах* — люди одной крови, люди одного дома, *доџзал* — семья.

В научной литературе род интерпретируется как объединение кровных родственников. Чеченский тайп же по своей сложной структуре также не может быть объединением кровных родственников. В терминологии родства чеченцев есть термины для обозначения восьми степеней родства, а для обозначения кровного родства есть четыре термина родства, а пятая степень родства обозначается термином «юккъекъарг» — «разделяющий середину», т. е. этот термин служит для разделения кровнородственной от родственной группы.

На основе анализа источников и материалов нами сделан вывод, что чеченский тайп — это не классический род, а братство — ассоциация родственных и неродственных (социальных) групп, объединенных едиными социальными, экономическими интересами и мифологическим родством.

На наш взгляд, чеченский тайп — это институт братства и посестримства членов одного тайпа, скорее всего, форма проявления родственной солидарности членами одного тайпа. Этот фактор помогал членам родственных групп выживать в постоянных межтайповых межусобицах из-за земель и пастбищ в горах. При выселении чеченцев на равнину, где поселения уже были из представителей разных тайпов, тайповое братство помогало выживать и в экстремальных случаях, члены одного тайпа проявляли родственную солидарность. Н. Семенов [18] писал: «Фамилия или родовой союз — это орден, в котором каждый член без клятв и договоров беззаветно служит интересам целого, не задумываясь жертвовать для них в случае надобности всеми личными интересами. Чеченец, не имеющий фамилии, считает себя ничтожеством, но и имеющий фамилию чеченец считает себя жалким и беспомощным вне фамилии; внутри ее он в крепости, имеющей сотни часовых, тысячу ружей, многочисленный и дружный гарнизон;

сознание силы и крепости делают его самоуверенным, гордым, своевольным и дерзким. Это было прежде и существует сегодня и теперь, несмотря на то, что каждая фамилия разбита между сотнями аулов и десятком обществ.»

Тайп — это реакция чеченского этносоциума на экспансию извне и внутри общества. М. Мамакаев писал: «Однако была очень важная причина внешнего характера, которая сохранила в силе «старое право» и «гармонизировала» его с происшедшими новыми сдвигами, именно; малочисленные чеченские тайпы жили в то время в окружении более сильных соседей (грузин, кабардинцев, кумыков и других), феодальная знать которых постоянно так или иначе посягала на их вольность. Эти внешние условия, прежде всего, и отсутствие у чеченцев сложившихся форм государственности сильно повлияли на сплочение тайпов, и эта сплоченность перед лицом внешней опасности придавала вид (конечно только вид) равенства, братства, защиты интересов друг друга [11, с. 22]».

На наш взгляд, вторичное возникновение тайпов — это попытка вернуться к естественному порядку, общественному устройству, где нет насилия, где соблюдается гармония интересов личности и общества. Попытка создать модель гражданского общества, в основе которого лежит паритет интересов членов общества. Предназначение тайпа в том и состоит, что первейшая его задача и обязанность не защита «собрата», ответственность за него перед социумом. На наш взгляд, тайп — это реакция чеченского этносоциума на сословно-иерархическую экспансию извне и внутри общества.

Интерес к чеченскому тайпу как к институту социальной организации чеченцев в прошлом усиливается в годы так называемого «чеченского кризиса» в середине 90-х гг. XX в. Делаются попытки привязать тайп и его структурные компоненты к современным реалиям, реанимировать тайповый институт. Эта тенденция особо проявляется в работах Х.-А. Нухаева [19, 20].

В постсоветский период новое осмысление тайпа связано с общественно-политическими процессами, происходившими в Чечне, сопряженными с деятельностью Дудаева и его сторонников, реанимировавших архаичные структуры чеченского общества, в значительной мере преодоленные в условиях советской общественной модернизации. Режим Д. Дудаева, терявший популярность в обществе, нуждался в широкой народной поддержке, а для этого нужно было мобилизовать кланово-тайповскую психологию и противопоставить горные и равнинные тайпы, что способствовало возникновению внутречеченского конфликта. Среди современных ученых также немало тех, кто смотрит на чеченский тайп как на классический род, хотя и в значительной степени разложившийся.

Так, М. М. Блиев и В. В. Дегоев, говоря о господстве в Чечне трех форм земельной собственности: племенной, тайповой (родовой) и семейной, рассматривали это как доказательство переходности социально-экономической структуры чеченского общества [21, с. 79].

Проблемы института тайпа в современных условиях рассматривают Г. Крутиков [22], А. Федорович [23], И. Задворнов, А. Халмурадов [24] и другие, подчас внося путаницу в определении его содержания, структуры и этнокультурных функций в современный период.

Ш. Б. Ахмадов пишет: «До последнего времени в исторической литературе по Чечне господствовала порочная теория, утверждавшая существование у че-

ченцев и ингушей в рассматриваемое время родо-племенных отношений. Некоторыми местными авторами в начале 30-х гг. XX столетия также предпринимались попытки назвать общественно-экономический строй вайнахов этого периода тайпизмом, обосновать положение о том, что тайп представляет собой более высокий уровень социальной организации, чем род или тайповым строем. Данное обстоятельство послужило, видимо, достаточным основанием для того, чтобы потом надолго запустить в официальной исторической науке лженаучный, антиисторический тезис о бытовании у вайнахов вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и после нее родовых, тайповых отношений [25]. Он так же отмечал [25, с. 297–298]: «По-видимому, и сегодня многие российские и даже отдельные местные авторы не имеют никакого представления о самом тайпе как о социальной категории, ни о его функции, применительно современному чеченскому обществу, отождествляя его с родом или фамилией и делая на этой основе вывод о родоплеменной структуре чеченского общества. И уж совсем невозможно понять, а тем более поверить в это, когда некоторые российские политики вслед за романтически настроенными чеченскими авторами предлагают избрать тайповый парламент, тайповое правительство, очень часто даже не понимая, о чем говорят.»

В период «чеченского кризиса» 1994–2000 гг. была предпринята попытка реанимировать социальные институты чеченского традиционного общества, которая не увенчалась успехом тайповые институты изжили себя, хотя есть исследователи и политики в России и за рубежом, которые не знают проблему тайпа изнутри и придают тайпу гиперболизированное значение.

Сам чеченский тайп и его структурные подразделения на разных этапах истории чеченского этноса выполняли разные социальные функции. С началом переселения чеченцев на плоскость Чечни с XVI в. изменяется характер поселений: в горах люди жили в моногентильных аулах, а на равнине переселенцы создают хутора, которые объединяются в полигентильные (много тайповые) поселения; роль тайпа как социально-экономической единицы, регулировавшей жизнь в одготайповых поселениях, падает.

Как свидетельствует исследователь общественного строя чеченцев Ф. В. Тотоев, еще в XVIII в. основой социальной организации чеченцев являлась малая семья, наряду с большой семьей (цхъана цIийна нах) [26].

Многие функции тайпа социального, хозяйственного характера берет на себя семья (отцовская семья) и кровнородственная группа цхъана цIийна нах, а родственные группы гара и некъи, выполняющие роль институтов родственной солидарности, в случае чрезвычайных, конфликтных ситуаций были генеалогиями, регулировавшими семейно-брачные отношения у чеченцев. Чеченский тайп уже давно изжил себя как институт социальной организации чеченцев и проявляется в той или иной мере в форме комплиментарности, а не как общественный институт. Социолог М. М. Юсупов подчеркивал: «Собственно, фамильно-родовая общность служит своеобразной ячейкой, через которую индивид, семья включены в систему функционирования национально-этнических традиционных отношений и институтов, в общественную жизнь. Вместе с тем чеченская нация не конгломерат и не сумма, не конфедерация и не федерация тайпов, а качественно самостоятельная общность людей. В ней без опосредования через тайповую принадлежность индивид осознает себя членом, представителем данной нации. От-

сюда и наличие у личности национальных интересов — материальных, духовных, независимо от ее принадлежности к тому или иному тайпу. Этот этап пройден как чеченским народом, так и другими в разные исторические периоды» [27].

Список использованной литературы:

1. Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // Советская этнография.—1951.—№ 1.—С. 3–28.
2. Ган К. Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей // Кавказский вестник.—№ 5.—1900.—С. 62–67.
3. Тотоев Ф. В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII — 40-е гг. XIX в.).—Нальчик, 2009.—375 с.
4. Кавказов Х. Культурная экспедиция в Чечню // Советский Северный Кавказ.—1930.—№ 10–11.—С. 63.
5. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // ССКГ. Выпуск VI.—Тифлис, 1872.—С. 15.
6. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг.—Штутгарт, 1843.—С. 493.
7. Лядов В. Кавказ в физическом и этнографическом отношениях // Журн. «Рассвет».—СПб., 1859.—Т. 4, № 9–12.—С. 443–452.
8. Ковалевский М. М. Родовой быт.—1911.—274 с.
9. Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы. 1892–1894 гг.—М., 2008.—380 с.
10. Авторханов А. Г. К вопросу изучения тайп и классовой борьбы в чеченской деревне // Революция и горец.—Ростов-на-Дону, 1931.—№ 4.—С. 24–29.
11. Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения.—Грозный, 1973.—98 с.
12. Хасиев С. А. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX начало XX вв.) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII — нач. XX вв.).—Грозный, 1986.—С. 70–76.
13. Саламов А. А. Не затушевывать социальные противоречия прошлого // Изв. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы.—Т. 4, вып. 1.—Грозный, 1964.—С. 203–205.
14. Шамилев А. И. В ущельях Аргуна, Фортанги и на плоскости Чечено-Ингушетии // Изв. Чечено-Ингушского научно-исследовательского ин-та истории, языка, литературы.—Т. 8, вып. 1.—С. 236–261.
15. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа.—М., 1961.—580 с.
16. Исаева Т. А., Исаев С.-А. А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII — начало XX в.).—Грозный, 1978.—С. 31–36.
17. Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь.—М., 1961.—630 с.
18. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа.—СПб., 1895.—С. 81–84.
19. Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон?—М.: Арктогея-центр, 2001.—239 с.
20. Нухаев Х.-А. Чеченцы скорее изменят мир, чем изменят традициям: Статьи и интервью. 3-е изд., перераб.—М., 2002.—140 с.
21. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война.—М., 1994.—592 с.
22. Крутиков Е. Вайнах — это тейп. Тейп — это вайнах. Что такое чеченские тайпы и почему бессмысленно играть на их противоречиях // Россия и Мусульманский мир.—1996.—№ 10 (52).—С. 24–30.
23. Федорович А. Тейпово-религиозные отношения в чеченском обществе // Центральная Азия и Кавказ.—Швеция: Lulea, 2001. № 2 (14).—С. 129–135.
24. Задворнов И., Халмурадов А. Тейпы и тукхумы (О структуре чеченского общества) // Родина.—2000.—№ 1/2.—С. 28–30.
25. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII — начале XX в. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII — начале XX века).—Элиста, 2002.—294 с.
26. Тотоев Ф. В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII в. — 40 гг. XIX в.).—Нальчик, 2009.—С. 176.
27. Юсупов М. М. Трансформационные изломы социальной структуры // Ойла (Мысль).—№ 1.—М., 1998.—С. 58–71.

И. Т. Цориева

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАЗАКОВ И ОСЕТИН В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ РАВНИНЫ В XIX В.

В современном мире, в условиях ускоряющейся глобализации и интеграции, особое звучание приобретает проблема мирного взаимодействия и сотрудничества стран и народов. Известно, что материальные и духовные ценности, создаваемые в разных культурах и служащие основанием для цивилизационного строительства, усваиваются в ходе социально-экономического и культурного взаимодействия. Благодаря непрерывности процесса межкультурного диалога, происходит проникновение и распространение необходимых культурных инноваций среди тех народов и культур, где эти новации в силу разных обстоятельств не могут появиться самостоятельно. В истории имеется немало случаев, когда процесс восприятия культурных ценностей, объективно прогрессивный, носил насильственный характер. Однако совершенно очевидно, что оптимальным вариантом, обеспечивающим сбережение и взаимообогащение разных культурных систем, является мирный путь развития межэтнических и межнациональных отношений в процессе освоения людьми жизненного пространства. В этом смысле обращение к опыту формирования добрососедских отношений между русскими и коренными народами Северного Кавказа на протяжении последних двух столетий представляется весьма актуальным как с научной, так и с практической точки зрения.

Общеизвестно, что в XIX в. Северный Кавказ превратился в арену цивилизационного взаимодействия многих народов, населявших Российскую империю. На обширных территориях происходили интенсивные миграционные процессы, обусловленные политикой российского правительства, предусматривавшей реализацию широкомасштабной программы военно-политического и экономического освоения стратегически важного региона. В освоение предгорных и равнинных территорий Северного Кавказа, в том числе Владикавказской равнины, наряду с коренным населением были вовлечены русские, украинцы, армяне, евреи, немцы и представители многих других народов.

В 1930–1950-х гг. на Владикавказской равнине был заложен ряд казачьих станиц: Архонская, Ардонская, Николаевская, Змейская, Владикавказская, Сунженская, Тарская. Основу населения этих станиц составили казаки 1-го Владикавказского и 2-го Сунженско-Владикавказского казачьих полков, главной задачей которых являлась охрана важнейшей стратегической коммуникации на Северном Кавказе — Военно-Грузинской дороги.

К тому времени предгорная равнина была уже достаточно освоена осетинами — выселенцами из горных ущелий, основавшими десятки населенных пунктов. Поэтому с первых же дней появления казачьих станиц рядом с осетинскими селами социальная адаптация, выстраивание добрососедских отношений стали жизненно важными условиями их мирного сосуществования.

История отношений между казаками и горцами на протяжении XIX в. переживала разные периоды от вооруженного противостояния, настороженного неприязненного отношения до проявления симпатии, утверждения дружеских отношений. Такая ситуация обуславливалась не только своеобразием социально-бытового устройства, разным менталитетом, обычаями и традициями народов, но и разной степенью включенности в политическую и экономическую систему российского государства.

В конечном итоге, объективно обе стороны были заинтересованы в развитии добрососедских отношений. Осетинские поселенцы чувствовали себя в большей безопасности от нападений различных банд, воров и абреков под прикрытием станиц. Станичники, в свою очередь, могли не опасаться враждебных вылазок со стороны мирно настроенных соседей. С годами взаимовыгодные, дружеские связи между казачьими станицами и осетинскими селениями упрочивались.

Тесное общение казаков и горцев содействовало развитию особого вида дружественных отношений — куначества. В равнинных осетинских селениях было немало крестьян, имевших друзей в соседних казачьих станицах. Особенно сильно в Осетии куначество было развито между жителями селения Гизель и станицы Архонская, селения Ардон и станицы Ардонская, селения Вольно-Христиановское и станицы Николаевская, селения Эльхотово и станицы Змейская и т. д. Кунаки часто гостили друг у друга, дарили подарки, в случае необходимости оказывали помощь во время проведения сельскохозяйственных работ. Особым знаком доверия и уважения считалось отдать своего ребенка на воспитание семье друга. Кунаки гордились своей дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению [1, с. 232–233].

Развитию добрососедских отношений способствовали и межэтнические браки. Несомненно, вклад женщины в развитие таких отношений был огромен. Кавказские, русские, украинские женщины, оказавшись в иной культурной среде, воспринимали эту культуру. Также они продолжали поддерживать связи со своими родственниками, не забывали родную культуру, обычаи и традиции своего народа, приобщали к ним своих детей.

Доверительные связи находили продолжение в хозяйственных отношениях и в оживленной торговле. И если в конце XVIII — начале XIX вв. такие отношения были достаточно редки и порой случайны, то в последующем они приобретают постоянный характер. Горцы поставляли на местные казачьи рынки рогатый скот, лошадей. Они привозили казакам просо, овчины, хозяйственную утварь, дмотканые изделия. В обмен на свой товар получали изделия из металлов, сукна, меха, а также соль, рыбу, овощи [2, с. 64].

Взаимодействие с жителями как горных, так и равнинных поселений привело к заимствованию казаками некоторых элементов культуры народов Кавказа. Так, были полностью заимствованы комплекты мужского костюма северокавказского типа (бешмет, черкеска, папаха, ноговицы и пр.) и женской верхней одежды. И здесь роль женщины была огромна. Осетинские женщины широко славились рукоделием и портняжным ремеслом. Они занимались изготовлением не только собственного костюма, но шили черкески, попоны и бешметы для мужчин.

В станице Новоосетиновской изготавливали сукно, которое славилось красотой и добротностью. Из него шили зипуны, чекмени, халаты. Вначале эти из-

делия изготовлялись лишь «для собственной надобности», но постепенно круг желающих приобрести их расширялся, и они стали производиться и для продажи. Благодаря тому обстоятельству, что Новоосетиновская станица находилась среди русского казачьего населения, изделия шерстяные, как необходимые для казачьего костюма, легко сбывались на месте [2, с. 236].

Казаки не довольствовались только заимствованием одежды и других предметов быта. Взаимодействие с кавказским миром проявлялось в интерьере казачьего дома, наполненного многими кавказскими чертами. Вот как описывал внутреннее убранство казачьего дома военный историк В. Потто: «В одном углу оружие и доспехи, развешанные на стенах, а в другом постели и одеяла, сложенные правильными кипами, а на самом видном месте, на полочках, посуда, тщательно вычищенная и парадно расставленная. Удержалась, однако, русская печь, русские лавки и высокий стол» [3, с. 60].

В свою очередь осетины приобщались через казаков к традиционной русской и украинской материальной культуре. Под их влиянием у осетин сначала в среде национальной элиты, а затем и народных масс стал меняться тип жилища. Русское влияние сказалось на появлении новых для традиционного осетинского жилища элементов — фундамента, пола из досок, потолка. В равнинных поселениях начали строить дома с большими окнами и с черепичной крышей, а в жилых помещениях на смену нарам пришли койки. В домах устанавливалась кирпичная печь по образцу русской. Интерьер осетинского жилища стал насыщаться заимствованными предметами. Распространяется европейская мебель, металлическая и фарфоровая посуда. С конца XIX в. во многих осетинских домах встречается типичный предмет русского быта — самовар. При этом следует отметить, что европейская мебель и посуда часто являлись предметами оформления интерьера, доступными зажиточным семьям и рассчитанными «на восприятие чужих глаз» [3, с. 68].

С изменением форм хозяйственной деятельности коренного населения, обосновавшегося на равнине, в результате взаимодействия с казаками менялись и орудия производства. Овальный плуг вытеснил традиционные пахотные орудия. Появлялись косы, «русские» серпы, молотилки, веялки и пр. Новым средством передвижения для осетин стала четырехколесная бричка, успешно заменявшая арбу.

Важным показателем культурных заимствований являлись изменения в словарном составе языков народов (русских, украинцев, грузин, осетин и др.), участвовавших в освоении Владикавказской равнины в XIX в. Что касается осетинского языка, то здесь особенно много новых слов было воспринято из русского языка. Примером таких лингвистических заимствований служат следующие слова: бедра (ведро), борс (борщ), бричка (бричка), ибка (юбка), кьалоста (галоши), пец (печь), пьол (пол), самовар (самовар), спичка (спичка), стьол (стол), цай (чай) и т. д. Тогда же в русский же язык вошли слова кунак (тюрк.), аталык (тюрк.), абрек (осет.), бешмет (тат.), чекмень (тюрк.), черкеска и др. [4, с. 215].

Таковы были основные проявления культурного взаимодействия и взаимовлияния казаков и осетин, вовлеченных в процесс освоения Владикавказской равнины в XIX в. Взаимопроникновение разных культурных систем существенно повлияло на социально-экономическое развитие северокавказского региона, из-

менило структуры повседневности населяющих его народов. Результатом культурных заимствований стали не только значительные изменения в материальной культуре, выразившиеся в совершенствовании методов и приемов хозяйственной деятельности, структуре питания, во внешнем облике людей. Развитие добрососедских отношений между представителями разных национальностей значительно раздвинуло границы традиционного восприятия ими картины мира, обогатило духовную культуру, способствовало вовлечению северокавказских народов в мировое культурное пространство.

В заключение отметим, что процесс глобализации, неизбежно сопровождающийся разрушением межэтнических границ, обостряет проблемы межнациональных отношений. «Принимающие общества» видят в нем угрозу своей социокультурной идентичности. В подобных обстоятельствах формирование разумной национальной государственной политики, ориентированной на обеспечение мирного сотрудничества между народами, укрепление социального согласия, развитие социальной коммуникации и интеграции, приобретает особую значимость. Для Северного Кавказа, отличающегося сложностью сочетания социально-экономических, геополитических, национальных, этнических и конфессиональных проблем, эта тема звучит особенно актуально. Решение ее во многом, на наш взгляд, связано с усвоением и развитием положительного опыта культурного взаимодействия между северокавказскими народами. Традиции добрососедства, толерантности, культурного диалога, складывавшиеся на протяжении столетий, несут в себе огромный созидательный потенциал. И задача нынешних поколений в том, чтобы не растратить, а воспринять, приумножить и использовать этот потенциал для мирного поступательного развития своих народов.

Список использованной литературы:

1. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен. В 2-х т. Т. 1.—М.: Наука, 1959.
2. Омельченко И. Л. Терское казачество.—Владикавказ: Ир, 1991.—300 с.
3. Дмитриев В. А. Типология русско-кавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ сквозь два столетия.—СПб.: Журнал «Звезда», 2001.—С. 58–68.
4. Цориева И. Т. Пути исповедимые. . . Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII–XIX вв.—Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.—253 с.

РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В УСЛОВИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ
НА РУБЕЖЕ 1980–1990-х гг.

Активизация этноориентированных движений на рубеже 1980–1990-х гг. затронуло и славянское население Кабардино-Балкарии.

18 февраля 1990 г. при Центре эстетического воспитания Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского фонда культуры состоялось учредительное собрание общества русской истории и культуры «Вече» [1]. Наряду с обсуждением Устава и выборов правления объединения была определена основная цель деятельности «Вече»: изучение, сохранение, развитие и пропаганда культурно-исторического наследия славянских народов, проживающих на территории КБАССР [2].

Борьба между лидерами «Вече» разгорелась при определении стратегических целей и задач общества. Часть членов организации поле своей деятельность ограничивала культурной сферой, другие же настаивали на активном участии объединения в общественно-политической жизни республики. Впоследствии сторонники данного направления вышли из «Вече» и создали самостоятельные организации — «Славяне» и «Россияне».

12 апреля 1991 г. учредительная конференция, общественного объединения «Россияне» приняла Устав. Оно выступило против подрыва социальных устоев общества, национальной вражды и посягательства на равноправие народов, проповеди войны, насилия, безнравственности [3, д. 1, л. 1–2].

8 мая 1991 г. было зарегистрировано общественное объединение «Славяне». Его Устав был принят на учредительной конференции еще 12 сентября 1990 г., но процесс регистрации оказался затяжным. Первоначальный вариант был отклонен Министерством юстиции КБР на том основании, что в статье I раздела II Устава «Славяне» были представлены как «общественно-политическое объединение». Минюст считал более правомерным определение объединения, как общественное. Позднее объединение «Славяне» с учетом пропорционального представительства населения заявило о своем праве на участие в формировании органов власти и управления. В этом случае указанная статья Устава противоречила требованиям Законов о выборах депутатов всех уровней. На этом основании 27 декабря 1990 г. Устав вернули на доработку [4, д. 1, л. 9–10].

Замечания учли, и соответствующие изменения в Устав были внесены. Отныне общественное объединение «Славяне» представляло своих членов в государственных и общественных организациях, участвовало в избирательных компаниях, оказывало поддержку народным депутатам, защищающим интересы славянских народов по возрождению их национального самосознания, развитию культуры и традиций [4, д. 3, л. 3–4].

Общественное объединение «Славяне» выступило за нормализацию межнациональных отношений, укрепление мира и согласия в республике. Его отношение к национальному вопросу отразилось и при обсуждении Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Республики. В обращении к гражданам Кабардино-Балкарии подчеркивалось, что суверенитет может привести к противопоставлению одной нации другой, а, следовательно, к осложнению межнациональных отношений.

Недовольство было вызвано тем, что «в республике из 753,5 тыс. человек: 240,7 тыс. русских и 78,9 тыс. представителей других национальностей. Всего 42,1% русскоязычного населения. Эти народы почему-то не выступают субъектами республики...». Объединение предложило учесть в Декларации интересы всего народа и исходить, прежде всего, из равных возможностей каждой нации на суверенитет.

Съезд славянских народов КБР, заинтересованный в разрешении территориальных споров, предложил в своем проекте «Декларации о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Федеративной Республики» заключить равноправный договор между Кабардой, Балкарией и национально-территориальными славянскими районами [4, д. 7, л. 1–2].

Ответом общественного объединения «Россияне» на учреждение поста Президента, на некоторые акции Верховного Совета республики и национальных движений ее титульных народов стала критика института президентства как разобщающего фактора в сфере межнациональных отношений. Оно призвало «оказать всемерную поддержку Верховному Совету и Правительству республики в решении сложных проблем по выходу из кризиса и не принимать участие в выборах президента 5 января 1992 г. [3, д. 7, л. 1].

Выборы Президента КБР не урегулировали окончательно этнополитическую ситуацию в республике. Видя нарастающее противоборство титульных народов, Координационный Совет объединения «Россияне» вновь обратился к народам и Верховному Совету Кабардино-Балкарии. Объединение с пониманием отнеслось к решению съезда балкарского народа о провозглашении республики Балкария, но заметило, что он не учел экономического обоснования суверенитета Балкарии, оставил открытой сложную проблему границ и территорий провозглашенной республики. Кроме того, не было полностью учтено мнение всего балкарского народа, не говоря уже о мнении кабардинцев, русских и других народов, и особенно тех, кто мог оказаться на территории суверенной Балкарии. Понимая, что все это грозит осложнением межнациональных отношений, «Россияне» советовали не торопиться с разделением Кабардино-Балкарии [3, д. 10, л. 1].

При разработке концепции государственного устройства Кабардино-Балкарии предпочтение отдавалось принципам единой унитарной республики: защите интересов малочисленных народов; двухпалатной структуре Верховного Совета; разделению властей, при котором президент республики — глава исполнительной власти [3, д. 10, л. 1].

Весной 1992 г. на фоне осложнения отношений между кабардинцами и балкарцами в республике был основан оргкомитет движения «Русскоязычный конгресс». Призвав народы Кабардино-Балкарии к единству и дружбе, он принял решение о вступлении в «Движение за сохранение единства Кабардино-Балка-

рии» — единственную организацию, объединявшую людей разных национальностей и выступавшую против раздела республики по этническому принципу [3, д. 9, л. 2].

Уставные цели организации «Русскоязычный конгресс»: добиваться сохранения единства и целостности Кабардино-Балкарии, дружбы и братства народов; защита участников движения от любой дискриминации; развитие национальных культур, обычаев, обрядов, языка [5].

«Русскоязычный конгресс» выступал за признание субъектом права Кабардино-Балкарии не только кабардинцев и балкарцев, но и русских. В случае разделения республики по этническому принципу и образования самостоятельных республик Кабарда и Балкария, движение решило добиваться своего включения в состав Ставропольского края.

2 июня 1992 г. в г. Прохладном состоялась встреча делегаций Исполкома Конгресса Кабардинского народа и Президиума «Русскоязычного конгресса». Заявив о своем стремлении «внести свой вклад в сохранение целостности КБР», Президиум «Русскоязычного конгресса» опроверг «слухи о якобы готовящемся выходе Прохладненского и Майского районов из состава КБР» [6] и занял позицию сотрудничества, как с властными структурами, так и общественно-политическими силами республики.

В Уставе движения «Славяне» не остался без внимания самый чувствительный аспект национального вопроса — территориальный, так как организация добивалась объединения всех славянских народов Северного Кавказа, включая Терское казачество, проживающее «в традиционных местах исторического расселения...» [7, д. 23, л. 1].

Принятие Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» [4, д. 3, л. 3] и последующих нормативных документов стимулировали процесс возрождения казачества в Кабардино-Балкарии.

В мае 1991 г. Министерство юстиции КБР зарегистрировало «Терско-Малкинский отдел (общину) Терского казачества», добивавшийся возрождения казачества как образа жизни. Основные цели и задачи отдела: объединение казаков Кабардино-Балкарии, связанных общими интересами и совместной деятельностью; возрождение государственной службы, общественного хозяйствования, традиционных связей с кабардинцами, балкарцами и другими северокавказскими народами; сохранение и восстановление памятников истории казачества. Казачество Кабардино-Балкарии выступало за единство и территориальную целостность республики, но не исключало возможность создания своей республики. На заседании Казачьего круга атаман Терско-Малкинского отдела Терского казачества генерал-майор в отставке В.Шевцов заявил, что в случае раздела республики «... мы вправе поставить вопрос о самоопределении и образовании в местах компактного проживания казаков Терской казачьей республики» [8].

Ретроспективный анализ общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии в начале 1990-х гг. свидетельствует о том, что деятельность и лозунги лидеров славянского национального движения объективно способствовали блокированию центробежных тенденций и стали фактором противодействия радикальной трансформации национально-государственной структуры республики.

Список использованной литературы:

1. Жильцова А. Собирались русичи на Вече // Кабардино-Балкарская правда.—1990.—22 февр.
2. Устав общества Русской истории и культуры «Вече» // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии.—Москва-Нальчик, 2001.—Т. 2.—С. 196–199.
3. Общественное объединение «Россияне» // Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Фонды общественно-политических партий, союзов и движений.—Ф. П-2590, 10 ед. хр., 1991–1993, оп. 1.
4. Общественное объединение «Славяне» // Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Фонды общественно-политических партий, союзов и движений.—Ф. П-2588, 10 ед. хр., 1990–1991, оп. 1.
5. Устав «Движения за сохранение единства Кабардино-Балкарии» // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии.—Москва-Нальчик, 2001.—Т. 2.—С. 249–250.
6. Устав движения «Русскоязычный конгресс» // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии.—Москва-Нальчик, 2001.—Т. 2.—С. 194–196.
7. Конгресс кабардинского народа (ККН) // Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Фонды общественно-политических партий, союзов и движений.—Ф. П-2610, 200 ед. хр., 1991–1995, оп. 1.
8. Льготы и компенсации для жертв политических репрессий: Документы. Комментарии. Разъяснения // Приложение к «Российской газете».—М., 1997.—№ 4.—С. 65–67.
9. Кабардино-Балкарская правда.—1993.—1 марта.

РАЗДЕЛ III

ГЕОПОЛИТИКА. УГРОЗЫ И РИСКИ

А. Г. Арешев

СОВРЕМЕННЫЙ КАВКАЗ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ

Оценивая общее наследие отечественного кавказоведения, стоит отметить его тесную связь с процессами государственного строительства в регионе. Наиболее фундаментальные сдвиги в теоретических и методологических основаниях кавказоведческой науки были обусловлены не столько накоплением эмпирических данных, требовавшим пересмотра господствующей парадигмы (в соответствии с теорией «научных революций» Т. Куна), сколько кардинальными поворотами в политическом, социально-экономическом, культурно-идеологическом развитии России по крайней мере дважды в XX в. — в 1917 и 1991 гг. Двадцать лет назад проходившие по Большому Кавказскому хребту административные границы стали едва ли не в одночасье государственными, создав принципиально новую геополитическую ситуацию, осмысление которой продолжалось все последующие годы.

Основным геополитическим трендом минувшего 20-летия стало увеличение геополитической капитализации кавказского региона, как следствие — повышение внимания региональных и глобальных игроков. Советский Союз потерпел поражение в глобальном противостоянии, что непосредственным образом сказывается на состоянии как России, так и других государств, образовавшихся на месте некогда единой страны. Попытки некоторых «осколков» советского государства играть самостоятельную роль хотя бы по отдельным вопросам (следствием чего является нынешний баланс сил в Нагорном Карабахе и вокруг Абхазии и Южной Осетии) встречает и неизбежно будет встречать жесткое противодействие в виде прежде всего разнообразных форм американской «опеки», но также и соответствующих действий других игроков (прежде всего Ирана, Турции, Европейского Союза), что, с одной стороны, создает возможность для маневра, а с другой — многократно усиливает риски, связанные с отсутствием общей системы региональной безопасности. Термины «латентная нестабильность» или «замороженная нестабильность», используемые некоторыми комментаторами применительно к отдельным государствам Южного Кавказа или же субъектам федерации Северного Кавказа, еще в большей степени применимы к региону в целом.

Если у кого-то складывается впечатление, что при той или иной американской администрации Кавказу стало оказываться меньше внимания, это может означать лишь временную перегруппировку политико-дипломатических и иных

ресурсов, направляемых на решение более приоритетных для Вашингтона задач. Можно предположить, что курс на усиление американского влияния на Южном Кавказе будет продолжен, однако на отдельных этапах, например, в рамках объявленной политики «перезагрузки», может быть достигнута договоренность о решении усилиями Москвы задач, в нынешних условиях совершенно неразрешимых (в первую очередь, речь идет о Нагорном Карабахе). Следует подчеркнуть также растущую обеспокоенность НАТО продолжающимися региональными конфликтами на Южном Кавказе — фактор, который вовсе не следует игнорировать.

Внешний фактор непосредственным образом влияет не только на внешнеполитические ориентиры, но и на внутривнутриполитическую динамику в регионе, отражаясь, в том числе, и на кавказоведческой науке. Так, различные аспекты борьбы Кавказской войны продолжают активно разрабатываться ведущими научными центрами Запада и Ближнего Востока. В качестве примера можно привести Международный Шамилевский симпозиум, созданный в 1991 г. в Англии по инициативе Колледжа святого Антония Оксфордского университета и центра азиатских исследований Лондонского университета. Решения и рекомендации Оксфордской конференции послужили основой для продолжения разработок по шамилевской тематике и национально-освободительной борьбы кавказских горцев [1]. И это только один из примеров четкой синхронизации научных мероприятий, организуемых силами зарубежного кавказоведения с последующими шагами в сфере практической политики. Именно науке принадлежит существенная роль в инвентаризации и последующей актуализации определенных тенденций (например, применительно к позднесоветскому обществу — готовность к центробежным тенденциям, что в наибольшей степени проявилось именно на Кавказе). Сегодня политизация соответствующих исследований особенно заметна, например, в контексте оценок заключительного этапа Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе.

Усиление внешнего влияния негативным образом сказалось на безопасности и стабильности ряда государств региона, приблизив его (по моделям управления через контролируемый хаос) к проектируемому так называемая «Большому Ближнему Востоку»¹. На Кавказе воспроизводится известная схема: навязывание политических, экономических, социальных, культурно-идеологических моделей, не присущих органически и не свойственных исторически данному региону, ведет к экономической деградации, росту социальной и межэтнической напряженности, жертвами которой оказываются, как правило, наиболее незащищенные группы (характерный пример — русские на Северном Кавказе, в более широком плане — «нетитульные» меньшинства).

События на Кавказе, особенно последнего времени, подчеркивают глубину и драматические последствия распада Советского Союза, которые вряд ли осознавались 20 лет назад. В частности, признание новых независимых государств Абхазии и Южной Осетии доказывает незавершенность процесса национально-

¹В качестве характерного примера можно назвать Ливан, внутривнутриполитическую жизнь которого удалось дезорганизовать посредством убийства Р. Харири и организации так называемые «расследования» этого дела под присмотром ангажированных международных структур. Это привело к многочисленным негативным последствиям, в том числе — к ухудшению положения местных христиан, ставших к тому же с некоторых пор в Ливане меньшинством. Добавим, что численность армянской общины в этой стране сократилась за последние годы в 2 раза.

государственного размежевания, которое может протекать и далее, причем в самых разнообразных формах. Силловые попытки решить существующие на Кавказе конфликты доказали свою полную несостоятельность. Механизмы их решения, предлагаемые международным сообществом, вряд ли будут позитивно восприниматься сторонами конфликтов вне учета специфики «национального фактора» и вне контекста наработанного опыта (Косово, Абхазия, Южная Осетия, Южный Судан). В отсутствие эффективной системы региональной безопасности механизмом обеспечения безопасности в конфликтных зонах на годы вперед будет оставаться международное признание, подкрепленное соответствующими военно-политическими, экономическими и иными ресурсами.

Актуализация исламского фактора, наблюдаемая в последние годы, особенно характерна для Северного Кавказа, но также отчасти и для Южного (тут есть несколько «маркеров» процесса, среди которых, например, тема ношения «хиджабов», «популярность» которой стремительно растет). Процессы государственного строительства, общественно-политического и социально-экономического развития на севере и на юге кавказского региона имеют общие черты, выраженные в преимущественной ориентации на использование имеющихся ресурсов (природных, интеллектуальных, геополитических и т. д.). Однако, скажем, прокладка трубопроводов (политически мотивированных и экономически недостаточно обоснованных), сопровождаемая надеждами на комфортное существование за счет коммуникационной ренты, привела если и к процветанию, то только для незначительной части населения государств Южного Кавказа (Азербайджана и Грузии) на фоне повсеместного усугубления социально-экономических проблем основной части населения (сокращение бюджетных расходов, рост коммунальных платежей, высокая инфляция, серьезный уровень безработицы, стагнация в реальном секторе экономики, повышение налогов для малого и среднего бизнеса, рост общенационального долгового бремени и т. д.).

Неизбежный в этой ситуации переход к более авторитарным формам правления, к «формальной демократии» отнюдь не гарантирует стабильность внутриполитических систем в условиях дефицита социальных, идеологических и психологических факторов, способных поддерживать их внутреннюю стабильность.

Образовавшийся после распада СССР идеологический вакуум естественным образом заполняется наиболее радикальными течениями, большинство из которых имеют явно манипулятивный характер, не способствуя дальнейшему позитивному развитию региона. Этнический (и даже этнократический) характер многих государственных образований многократно усугубляет существующий здесь конфликтогенный потенциал, усугубляет существующие и создает новые разделительные линии, что негативно сказывается на обеспечении как национальной безопасности России, так и других государств². Этому процессу способствует примитивизация и архаизация социально-экономических отношений, упрощение социальной структуры общества, вымывание целых социальных слоев, занимавшихся некогда интеллектуальным трудом. Основной формой существования большинства населения является мелкооптовая и розничная торговля. Сформи-

²Например, процесс призыва в армию сталкивается с определенными трудностями, а в многонациональных и многоконфессиональных государствах обостряется проблема фрагментации Вооруженных Сил соответственно по национальному и конфессиональному признакам.

ровавшийся за последние полтора десятилетия уклад не имеет аналогий как с советским, так и с более ранним периодом. Одним из следствий создавшейся ситуации является, например, неконкурентоспособность местной продукции, когда, например, дагестанское мясо или фрукты стоят дороже аналогичной или худшей по качеству продукции, завозимой из Латинской Америки или Турции. Подобная ситуация не соответствует потребностям дальнейшего развития, затрудняя решение острых социально-экономических проблем.

Нельзя не обратить внимание и на процессы правовой демодернизации в постсоветский период. Архаизация этой сферы особенно наглядно проявляется в возрождении традиционной (нормы адата) или мусульманской (нормы шариата) системы права на Северном Кавказе. В качестве позитивной тенденции стоит отметить признаки изменения отношения к радикальному исламу как эффективному инструменту решения геополитических проблем. Это создает почву для эффективной многоуровневой консолидации (прежде всего между Россией и Западом) в борьбе против международного терроризма, однако сохраняющиеся политические разногласия (по вопросам Грузии, отношения к сочинской Олимпиаде в контексте так называемого «черкесского геноцида» и т. д.) способны если не дезавуировать, то, по крайней мере, серьезно ограничить намечающееся сотрудничество. Консолидация научного потенциала будет способствовать стабилизации общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе.

Список использованной литературы:

1. Матвеев В. А. Концептуальные парадигмы в контексте историографического анализа проблемы геополитического единства России и Северного Кавказа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. — 2003. — № 3. — С. 26–33. — (Сер. Общественные науки).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРМЕНИИ ЗА 20 ЛЕТ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Для анализа 20-летнего экономического развития Армении необходимо вкратце остановиться на стартовых условиях, которые оказались крайне неблагоприятными и предопределили последующее развитие и современное состояние ее экономики.

Стартовые условия трансформации, которая предполагала решение таких масштабных задач, как построение независимого государства, создание социально-ориентированной рыночной экономики, интегрирование в мировую экономику, типологически идентичны для всех республик бывшего СССР.

Из числа главных препятствий на пути преобразований нужно выделить:

- разрыв экономических связей, обусловленный принятым всеми постсоветскими государствами экономическим курсом. Либерализация цен и монетаристские методы оказались совершенно неадекватными существующей государственно-монополистической системе экономики, что в результате привело не к реформированию, а к разбалансированности и разрушению действующей экономической системы. Проводимая экономическая политика (а не политическая дезинтеграция СССР, как часто преподносится) привела тогда к нарушению и разрыву сформировавшихся экономических связей на всем постсоветском пространстве;

- отсутствие внутренних масштабных источников финансирования, остро необходимых для перехода к государственной фазе существования и проведения структурных преобразований, и соответственно, высокая степень зависимости от внешнего финансирования.

Перечисленные факторы не позволили ни эффективно запустить постсоветские секторы производящей экономики, ни быстро создать альтернативные. Ситуация в Армении была усугублена следующими факторами:

- низкой обеспеченностью собственными первичными ресурсами (на 20%) при доминировании в производственном потенциале обрабатывающей промышленности, базирующейся на привозном сырье;

- высокой степенью интегрированности в союзный народнохозяйственный комплекс, слабым внутренним рынком и выраженной специализацией в общесоюзном разделении труда. В материально-вещественной форме 70% ВВП производилось за счет завозимой продукции и 60% использовалось за пределами республики. В условиях распада общего экономического пространства такая структура экономики оказалась парализованной;

- дефицитом продовольственных ресурсов из-за низкой землеобеспеченности, который покрывался ввозом за счет вывоза промышленной продукции, — низкими экспортными возможностями за пределами СССР (2.6%), ограничивающими валютные поступления после приобретения независимости;

- геополитическим положением и полной зависимостью от внешних транспортных коммуникаций, которые проявились в форме энергетической и транспортной блокады вследствие конфликтной ситуации в Закавказье.

Вследствие отмеченных факторов в 1991–1993 гг. Армения пережила обвальный экономический спад — ее ВВП сократился на 70% (наибольший спад из республик бывшего СССР).

К концу 1994 г. правительству удалось стабилизировать макроэкономическую ситуацию при финансовой поддержке МВФ и реализации, по его рекомендации, радикального курса экономических реформ. Идеология этого курса, как известно, отличается крайнем упрощением реальной экономической политики и сведением ее к трем постулатам — либерализации, приватизации и финансовой стабилизации через жесткое формальное планирование денежной массы. Следует отметить, что финансовая стабилизация была достигнута за счет высоких налогов и ограничения и без того низких доходов населения, блокирования реального сектора экономики, сокращения социальной инфраструктуры и др. Финансовая стабилизация превратилась в самоцель реформ. Жесткая денежно-кредитная политика, искусственное поддержание завышенного курса национальной валюты, которые продолжают и поныне, приводят к высоким банковским ставкам за кредит, создают идеальные условия для импортеров, ухудшают условия экспорта и способствуют утечке национального капитала.

Среднегодовой рост ВВП в 1996–2000 гг. составил 5.1%, в 2001–2005 гг. — 11.2%, в 2006–2010 гг. — 4.5% (влияние мирового финансового кризиса, спад экономики в 2009 г. составил 21%). Наибольший рост — 13% зафиксирован в 2002–2009 гг.

За период 1994–2010 гг. удалось достичь значительного увеличения ВВП — с \$628 до \$9600 млн., а в докризисном 2008 г. — до \$11662 млн. Соответственно увеличился и ВВП на душу населения — с \$190 до \$ 2885 (в 2008 г. до \$3606). Рост ВВП в значительной степени обеспечивается за счет кредитов международных финансовых организаций, двухсторонних доноров и прямых иностранных инвестиций.

Более 50% производства ВВП приходится на Ереван, что свидетельствует о крайней неравномерности экономического развития Армении (на 10 областей приходится 1.8–9.2% ВВП).

Значительная роль в поддержании платежеспособного спроса и курса национальной валюты, и соответственно, роста ВВП принадлежит частным трансфертам. В 2010 г. денежные переводы через банковскую систему родственникам составили \$1.07 млрд (половина государственного бюджета), из которых 88% поступило из России.

Общий объем прямых иностранных инвестиций в экономику Армении по состоянию на 2009 г. составил \$4703.2 млн. Главным инвестором (50% от общего объема инвестиций) и внешним собственником является Россия. Основные сферы вложения российских инвестиций — ТЭК, телекоммуникации, горнометаллургическая промышленность, банковский сектор. За прошедший период в экономике Армении произошли коренные изменения, которые характеризуются неуклонным снижением доли промышленности и увеличением доли услуг. По сравнению с 1990 г. доля промышленности в ВВП снизилась с 44% до 15%, а доля услуг возросла с 25% до 42%.

О структурных сдвигах в экономике Армении свидетельствует и такая закономерность: за 15-ти летний период отмечен ощутимый экономический рост,

в то время как производство электроэнергии практически оставалось на одном уровне — 5.5–6.3 млрд кВт·ч (показатель 1970 г.), что свидетельствует не о повышении энергоэффективности, а о блокировании роста производящей экономики.

Внешняя торговля. Торговые отношения связывают Армению с 57 зарубежными странами и 9 странами СНГ. Товарооборот в 2010 г. составил \$4793 млн (в докризисном 2008 г. — \$5477 млн, в 2009 г. — \$4043 млн). Основными торговыми партнерами являются Россия (39%), Германия (21.5%) и США (13%). На страны СНГ приходится 52% товарооборота. Основные позиции в экспорте занимает Германия (16.2%), Россия (15.1%) и США (9.4%), в импорте — Россия (23%), Китай (8.6%) и Украина (6.1%). В товарной структуре экспорта 17.7% составляют медь и алюминий, 16.3% — минерально-сырьевая продукция (в основном обогащенные руды цветных металлов — меди и молибдена), 14.8% — драгоценные и полудрагоценные камни и ювелирные изделия. В товарной структуре импорта 27.6% приходится на продукцию машиностроения, 15.9% — на топливо, 12.8% — на продовольствие.

Внешнеторговая деятельность характеризуется опережающим ростом импорта по отношению к экспорту (в 2007–2010 гг. импорт превысил экспорт в 3–4.5 раза) и нарастающим торговым дефицитом (28–30% ВВП), который превысил весь объем промышленного производства в отмеченных годах в 1.2–1.9 раза. Высокий торговый дефицит является одним из главных препятствий экономического развития республики.

Государственный внешний долг. Высокими темпами растет государственный внешний долг: в 1995 г. долг составлял \$372 млн, в 2000 г. — \$859.5 млн, в 2005 г. — \$1099.2 млн, в 2010 г. — \$3495 млн. Внешний долг все больше приобретает механизм самовозрастания — для покрытия дефицита бюджета и платежного баланса государство вынуждено прибегать к новым заимствованиям, чтобы погасить старые долги. Ежегодные выплаты по обслуживанию долга ложатся дополнительным бременем на бюджет.

Наибольший скачок долга произошел после 2008 г. — с \$1557 млн до \$3795 млн, а отношение долга к ВВП возросло с 13.5% до 44%. В 2010 г. внешний долг превысил экспорт — основной источник поступления твердой валюты — в 3.5 раза. Внешний долг на душу населения за период 2000–2010 гг. возрос с \$268 до \$1186 млн.

Промышленность. После резкого спада промышленного производства с 1994 г. наметился рост, который был обусловлен крайне низкими показателями 1993 г. и диспаритетом цен. Анализ показателей о выпуске основных видов продукции в натуральном выражении показывает, что их производство сократилось в десятки раз, а по многим видам — полностью прекращено. О современном состоянии промышленности свидетельствуют и такие факты: численность промышленно-производственного персонала сократилось в 5 раз, а потребление электроэнергии в промышленности — почти в 3 раза.

Стихийная адаптация к ситуации привела к резким структурным сдвигам и примитивизации отраслевой структуры промышленности. Доли ведущих ранее отраслей машиностроения (станкостроение, электротехническая, приборостроение, радиоэлектроника и др.) и легкой промышленности снизились с 34% и 24% до 1.6% и 1.2%. Доля пищевой промышленности возросла с 16.3% до 52.9%. Доля

металлургической промышленности (в основном полуфабрикаты — концентраты меди и молибдена) увеличилась с 2.8% до 19.9%.

Сельское хозяйство. Сложившаяся организация сельского хозяйства — одного из основных секторов экономики, не способствует его дальнейшему развитию. После проведенной в 1991–1992 гг. аграрной реформы, крупные коллективные хозяйства были расформированы и вместо них образовались 340 тысяч мелких частных крестьянских хозяйств со средним наделом земли 1.4 га. Большой урон понесла производственная инфраструктура — ветеринарная, племенная, химическая, селекционная, семеноводческая службы, материально-техническое снабжение и др. Из-за ограниченных возможностей лоскутных крестьянских хозяйств к настоящему времени из оборота выведено около 40% пахотных земель, значительно сократились площади традиционных для Армении культур — плодовых и винограда. Почти наполовину сократилось поливное земледелие. В несколько раз сократилось применение минеральных удобрений и ядохимикатов, не применяется севооборот. За прошедшие годы в процессе купли-продажи земли сформировались крупные участки земли, которые вообще не обрабатываются, и для новых землевладельцев земля превратилась в недвижимость, капитал. Нехватка оборотных средств (удобрений, ядохимикатов, семян, поливной воды, топлива и др.) из-за их высокой стоимости, высокая процентная ставка за кредит (24–30%), низкий уровень государственной поддержки снижают эффективность сельского хозяйства, которое приобретает черты натурального хозяйства с минимальной товарностью. Учитывая низкую самообеспеченность Армении по ряду видов продовольствия (в зерне на 30%, молоке на 40%, сахаре на 4%, растительном масле на 1.3%) и значительную долю продовольствия в импорте (13%), повышение эффективности сельского хозяйства относится к числу приоритетных задач экономического развития республики.

Очень высокой оказалась социальная цена трансформации. В 1992–1994 гг. население оказалось в катастрофическом положении. В эти годы из-за тяжелых бытовых условий и отсутствия жизненных перспектив из Армении эмигрировало около 700–750 тыс. человек или 20% ее населения, 65% которых составляли лица экономически активного возраста.

На сегодняшний день средняя зарплата составляет \$ 270, средний размер пенсии — \$80. За чертой бедности живет 34% населения с душевым месячным доходом менее \$85. К настоящему времени в Армении сформировалась олигархическая, монополистическая система, которая не имеет ничего общего с социально-ориентированной рыночной экономикой, препятствует развитию и ведет к еще большему социальному расслоению общества.

Таковы итоги социально-экономического развития Армении за 20 лет.

Перспектива экономического развития Армении достаточно неопределена — от слишком большого количества внешних и внутренних факторов она зависит. Однако некоторые направления, которые будут способствовать развитию экономики наметить можно.

Одним из препятствий экономического развития Армении является ее геополитическая изолированность от внешнего мира, которая сопряжена со значительными рисками и увеличением транспортных расходов. В этом отношении решающее значение приобретает армяно-иранское сотрудничество в сфере транспорт-

ных коммуникаций и энергетики. Совместно с Ираном строится укороченный транспортный коридор «Север-Юг», соединяющий Иран с грузинскими портами. Разработано ТЭО строительства железной дороги Иран — Армения, которая позволит осуществлять перевозки грузов из Средней Азии в Европу транзитным путем через Иран, Армению и Грузию. Уже запущен газопровод Иран — Армения, в 2014 г. ожидается запуск нефтепродуктопровода.

Развитию экономики Армении сильно препятствует непрерывный рост дефицита внешней торговли. Для поэтапного сокращения торгового дефицита необходимо проведение инвестиционной, налоговой и таможенной политики, направленной на стимулирование промышленного экспорта и импортозамещение, а также ориентация аграрной политики на повышение эффективности сельского хозяйства, что будет одновременно способствовать сокращению импорта продовольствия. Слабая экономика всегда сильно подвержена колебаниям на мировом рынке (спад экономики Армении результате мирового финансового кризиса составил 21%). Поэтому крайне необходима диверсификация экономики Армении с приоритетным развитием ее реального сектора.

Необходимо проведение экономической политики, направленной на максимальное комплексное использование внутренних источников развития — имеющих минерально-сырьевых ресурсов и организация на их базе производств с широким ассортиментом конечной продукции, сельского хозяйства, возобновляемых и альтернативных источников энергии, туристических и лечебно-рекреационных ресурсов. Пришло время такого прагматизма, который ищет гуманных решений. Такие политические и человеческие ценности, как социальная защищенность и справедливость, которые были отодвинуты в сторону, должны стать приоритетами развития.

М. И. Дзайнукова

К ВОПРОСУ О КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI вв.

Процесс дезинтеграции единого постсоветского пространства в начале 90-х гг. прошлого века и возникшая вслед за этим реальная угроза распада современной России делают актуальным обращение к одному из факторов политической нестабильности в северокавказском регионе — конфессиональному. Между тем религиозный фактор сыграл важную роль в становлении социально-культурного облика народов Северного Кавказа, в котором подавляющее большинство представлено исповедующими ислам. «Православным меньшинством» в регионе обозначены православные христиане в лице русского, в том числе казачьего населения, основной части осетин и моздокских кабардинцев (около 5 тыс.) [1, 3].

Сегодня на Северном Кавказе мы видим самое активное и вместе с тем противоречивое проявление мусульманской религии как политической силы, влияющей на процессы этнической консолидации и дезинтеграции, оказывающей огромное воздействие на ситуацию не только в регионе, но и на всю страну в целом. Исламский фактор включает в себя не только религию и мусульманский образ жизни, но и так называемый радикальный ислам, т. е. политический ислам, уходящий своими корнями также в глубокую историю. В этой связи нам представляются интересными этнические и религиозные процессы, а также характер православно-мусульманского взаимодействия в северокавказском регионе на рубеже XX и XXI вв.

Полиэтничность и поликонфессиональность Северного Кавказа, как известно, придает региону предрасположенность к повышенной конфликтности¹. Радикальный ислам, переплетенный с ярко выраженными явлениями национализма и сепаратизма, возобладав в ряде регионов Северного Кавказа в период 90-х гг. прошлого века. Процессы исламизации общества, получившие новое развитие в этот период в республиках Северного Кавказа, наиболее политизировались в Дагестане, Чечне и Кабардино-Балкарии. Видный российский религиовед Л. С. Васильев отмечает: «Спецификой ислама было слияние духовного и светского начал, политической администрации и религиозной власти. Это слияние светского и духовного начал в единое целое способствовало абсолютизации религиозного авторитета, с одной стороны, и снижению значения административно-бюрократической иерархии — с другой» [2, с. 170–171]. Таким образом, современной России впервые пришлось столкнуться с такой новой политической силой, радикальный ислам, ставшей серьезным испытанием на прочность. «Две чеченские войны не только форсировали этот процесс, но и сделали конфессиональные различия между русскими и чеченцами фактором обособленности и отторжения двух народов» [3, с. 124].

¹Из 170 российских этносов здесь проживает более 100, считающих себя приверженцами разных религий и верований.

В 1992–1993 гг. новое руководство Чечни во главе с Д. Дудаевым обратилось к исламу как к средству политической борьбы, орудию давления и критики политических противников. «Толчком к бурной исламизации стало объявление сепаратистской Ичкерией джихада России» [4]. Общественное мнение постепенно склонялось к тому, что «религия должна определять все сферы общественной жизни» (так считали 60% респондентов-чеченцев в 1997 г.) [5, с. 437–438]. Причем в период первой чеченской войны четко выявилось двойное проявление ислама — как фактора этнокультурного самосознания, идеологии сопротивления и как инструмента политики. Исламизации способствовали президентские выборы в Чечне в 1997 г. (все кандидаты вели кампанию под лозунгом установления «исламского порядка»).

Одна из причин возникновения радикальных исламских идей в России была связана также с состоянием исламского образования. Антирелигиозная пропаганда в СССР привела к тому, что формирование религиозного сознания мусульман оказалось в руках малограмотных «знатоков» ислама. «Подпольно действовали «неофициальные мечети», «домашние» школы по изучению Корана. Доморошенные «наставники» внедряли в сознание людей переосмысленные в исламском духе народные представления и домыслы» [5, с. 462].

В 90-х гг. наблюдался резкий всплеск интереса к исламу и мусульманской культуре. В частности, в Дагестане были созданы и действовали мусульманские благотворительные, просветительские, общественно-политические организации, часть которых активно ставила вопрос о замене светского законодательства шариатским. В этом их активно поддерживали действовавшие до конца 1999 г. филиалы таких исламских организаций, как Международная исламская организация «Спасение» (МИОС), «Беневоленс Интернешнл Фаундейшн» (БИФ), «Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-Ислами», «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн», «Катар» и др., финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом [6, с. 163]. Причем, острую нехватку профессионально подготовленных мусульманских преподавателей решали в странах Арабского Востока, откуда «ученики» возвращались адептами радикальных течений ислама.

Политическое противостояние Федерального центра и Чечни, и особенно первая военная кампания 1994–1996 гг. способствовали усугублению ситуации, что привело к легализации ваххабизма. После приостановления военных действий в августе 1996 г. начался бурный процесс формирования исламского государства в Чечне. В 1997 г. были расформированы светские суды, их заменили шариатские: был введен Уголовный Кодекс шариат, фактически являвшийся переводом с Судана. В Грозном открылся Исламистский молодежный центр, который стал организационным оплотом и резервом экстремистов. Ислам был провозглашен государственной религией. Ключевые позиции в Чечне заняли полевые командиры, называвшие себя сторонниками «истинного ислама», часть из них вошла в правительство. В Чеченской армии появились исламские воинские формирования. В рамках национальной гвардии была образована «исламская гвардия», были сформированы два полка «исламской безопасности». Был образован Верховный шариатский суд, который сразу поставил себя над чеченским парламентом.

Переломным моментом в процессе исламизации Чечни, по мнению известного ученого-религиоведа Вахита Акаева, является образование Шуры. «Итогом развития религиозно-политического процесса в Чечне следует рассматривать введение 3 февраля 1999 г. А. Масхадовым шариатского правления в Чечне, образования Шуры как высшего религиозно-политического органа власти, что произошло вопреки общественному мнению. Этот факт делегитимизировал ичкерийскую власть и создал предпосылки активизации религиозно-политического экстремизма ваххабитских джамаатов и их покровителей» [7].

Итогом этой политики стало вторжение боевиков-исламистов из Чечни в Дагестан в августе 1999 г. с целью создания исламского государства, который вверг Чечню и чеченцев в новую трагедию. На подавление антигосударственного мятежа были использованы федеральные войска, разгромившие не только религиозных радикалов, но и наносившие ракетно-бомбовые удары по селениям, в ходе которых гибли мирные жители, не имевшие никакого отношения к террористам и религиозным экстремистам: «Деяния экстремистов, террористов и сил, их подавлявших, демонстрировали насилие, неоправданную жестокость, что явилось наглядным показателем того, как в нашем обществе значительно понизился порог гуманизма и человечности» [7].

В самом Дагестане было совершено немало терактов исламскими экстремистами, которые оправдывали свои действия исламскими концепциями, а их поддержка из-за рубежа во многом объяснялась «исламской солидарностью» с борцами против неверных.

Однако попытка создания исламского государства натолкнулась, в первую очередь, не столько на сопротивление Москвы, сколько на неприятие этой идеи в самом чеченском обществе, в котором наибольшей популярностью пользовался традиционный ислам, а ваххабизм представлял собой привнесенную извне и искусственно насаждаемую идеологию, не являющейся исторически сложившейся основой веры на Северном Кавказе. «... По политическому содержанию ваххабизма сегодня нет единодушия не только среди верующих, но и главных муфтиев России, естественно, и среди ученых. Среди российских мусульман распространенным является мнение, что саудовский ваххабизм есть ересь, отрицающая традиционную религию отцов, проповедующая нетерпимость и попирающая сложившиеся национальные религиозные традиции в непохожих странах» [4, 8].

Ведущие западные страны не только не препятствовали этим процессам в России, но оказывали всяческую поддержку мусульманским лидерам, для которых были характерны практически «открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения России с Северного Кавказа, создания в северокавказском регионе исламского государства с шариатской формой правления» [9, с. 257].

В июле 1999 г. в Грозном состоялся конгресс мусульман Северного Кавказа. В итоговом заявлении-обращении участников конгресса к лидерам Чечни, Ингушетии и Дагестана говорилось о необходимости «объявить все экстремистские течения вне закона, установить контроль над всеми исламскими учебными заведениями, средствами массовой информации во избежание проникновения ваххабитской идеологии в общество» [10]. После конгресса президент Ингушетии Р. Аушев подписал указ о запрете ваххабизма в республике, а в сентябре 1999 г.

после разгрома ваххабитских джамаатов в селениях Карамахи и Чабанмахи парламент Дагестана принял закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» [10]. Политическими последствиями принятия этого закона стал уход ваххабитских джамаатов в подполье, что практически исключало какую-либо возможность влияния и контроля извне. При этом в Дагестане в конце XX в. по разным сведениям насчитывалось до 5 тысяч ваххабитов, которые именуют себя «исламистами» [11, с. 54–58].

В конце XX в. в России наблюдалась существенная динамика исламского религиозного развития. Так, в период с 1991–1999 гг. количество духовных управлений мусульман в стране выросло с 2 до 51, общин — 868 до 2907, исламских духовных учебных заведений — с 0 до 114 [12, с. 205]. Но, более выраженной особенностью исламизации на Северном Кавказе была идейная направленность на национальный суверенитет. Это дало возможность прикрыть, особенно на первых порах, экстремистские, радикальные требования фундаменталистов формой «национального возрождения», «национальной независимости», принявшей откровенно агрессивную антирусскую направленность. Безусловно, этому способствовала слабая политика федерального центра по вопросу упрочения национально-государственного единства. В настоящее время мнения ученых по вопросу первой чеченской войны разнятся от поражения Москвы до добровольной сдачи. Справедливым представляется мнение специалистов-религиоведов И. В. Журавлева, С. А. Мелькова и Л. И. Шершнева: *«И первая (1994–1996 гг.) и вторая (1999 г. – по настоящее время) чеченские войны по своему характеру для российской стороны были освободительными, но цели своей не достигли ввиду предательства (генерал Лебедь и др.), бездарности политического руководства и генералитета, неспособности Вооруженных сил, неадекватности поведения и восприятия ими ситуации...»* [13, с. 300].

В XXI в. ситуация в Чечне коренным образом изменилась в связи со сменой политической элиты как в Центре, так и в Чечне. Характер военных кампаний в Чечне приобрел статус контртеррористических, что дало определенные результаты. Очаги сопротивления ваххабизма были подавлены жестким применением федеральным правительством и их союзниками в республиках военной силы. При этом произошло заметное сближение «традиционных» мусульманских священнослужителей с властью.

О несовместимости ислама и терроризма российские мусульмане заявили незадолго до событий 11 сентября 2001 г. в США. В Заявлении Координационного центра мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) от 17 августа 2001 г., подписанного Председателем КЦМСК, муфтием Ингушетии Мухаммад-хаджи Албогачиевым, муфтием Дагестана Ахмад-хаджи Абдулаевым, муфтием Чечни Ахмад-хаджи Шамаевым, муфтием Северной Осетии-Алания Дзанхот-хаджи Хекилаевым, муфтием Карачаево-Черкесии и Ставрополя Исамил-хаджи Бердыевым и муфтием Кабардино-Балкарии Шафиг-хаджи Пшихачевым говорится, что «ислам не совместим с экстремизмом... Лучшим же средством борьбы с экстремистами, выступающими от имени Ислама, является просвещение, доведение до каждого истинных основ своей веры». В Заявлении также указывается о попытках «обелить такое течение, как ваххабизм, что не способствует стабилизации обстановки как в Северокавказском регионе, так и в России» [10].

Следует отметить о том, что некоторая смена элит при сохраняющейся общей кризисной ситуации еще не означает решения вопроса политического ислама. Смена элит позволила России сохранить территориальную целостность, но спровоцировала ускорение латентных процессов трансформации антироссийского подполья, во многом позволив ему встроиться в систему власти на более выгодных условиях.

В настоящее время идеология ваххабизма распространилась по всем республикам Северного Кавказа и угроза террористической активности не снята с повестки дня. Сторонники этого учения действуют все более конспиративно и изоциренно, а экстремистские взгляды в их среде возобладали над умеренными представлениями. Следует отметить, что на фоне радикального ислама так называемый традиционный ислам в ходе противостояния с ваххабизмом сам политизировался.

Результаты опроса, проведенного информационным агентством Caucasus Times среди двух тысяч жителей Северокавказского региона, свидетельствуют как о значительном влиянии ислама на население, так и о серьезных различиях между отдельными северокавказскими республиками в уровне приверженности населения исламским ценностям. 62% опрошенных считают, что религия играет «большую» роль в их жизни. При этом в Чечне — 81%, в Кабардино-Балкарии — 42%, в Ингушетии — 68% [14]. Кроме того, результаты исследования показали, что количество людей, сочувствующих исламским радикалам или разделяющих их взгляды на Северном Кавказе, достаточно велико. Костяк этой группы составляют молодые люди в возрасте от 20 до 25 лет. Это те, кто не участвуют в «джихаде», не находятся в контакте с радикальными группами, но в определенных условиях готовы оказывать помощь вооруженному подполью. По данным Caucasus Times, в Кабардино-Балкарии число тех, кто восприимчив к радикальным исламским идеям около 39% молодежи; в Чечне — 33%, в Ингушетии — около 30%. В Дагестане исследователям не удалось получить достоверных данных, что обусловлено страхом населения перед силовиками, проявляющими повышенный интерес к сочувствующим догмам радикального ислама [14].

Эксперты сходятся в том, что основную роль в исламизации Северного Кавказа играют два фактора. Во-первых, в отдельных республиках происходит насаждение исламских норм «сверху». В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, наоборот, республиканские власти стараются полностью отстраняться от исламских традиций, делая упор на светское правление.

Второй немаловажной причиной стала слабость органов государственной власти на местах. В Центре Карнеги считают: «Это поиск исламской альтернативы в условиях, когда все недовольны политикой властей, когда российские законы не работают вообще. Естественно, идет апелляция к религиозной традиции. Законы шариата, между прочим, работают — худо-бедно, но работают все больше и больше» [14].

Полученные исследователями данные рисуют противоречивую картину роли ислама в Северокавказском регионе. Они свидетельствуют как о значительном влиянии ислама на население, так и о серьезных различиях между отдельными северокавказскими республиками в уровне приверженности населения исламским ценностям. Это противоречие эксперты объясняют различной внутренней

политикой руководителей, с одной стороны, Ингушетии и Чечни, а с другой — «светских» КБР и КЧР.

Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., численность традиционно исповедовавших ислам народов Российской Федерации составила 14,5 млн. человек, или около 10% населения [6, 15]. Крупнейшими «мусульманскими» народами России, по данным означенной переписи, являются татары (5570 тыс.), башкиры (1674 тыс.), чеченцы (1361 тыс.), аварцы (814 тыс.), казахи (655 тыс.), кабардинцы (520 тыс.), даргинцы (510 тыс.), кумыки (432 тыс.) и ингуши (412 тыс.) [16, с. 974–982].

По результатам означенной переписи общая численность народов мусульманской культуры с 1989 по 2002 гг. возросла на 21,6%, при этом динамика для разных народов была неодинакова. Если численность самого крупного мусульманского народа России — татар (казанских, астраханских, сибирских) возросла лишь на 0,9%, то численность чеченцев возросла на 51,4%, ингушей — на 91,6%. Существенный рост наблюдался у народов Дагестана: лезгин стало больше на 60,3% (412 тыс. чел.), кумыков — на 52,7%, аварцев — на 49,6%, лакцев — на 47,2% (156 тыс. чел.), даргинцев — на 44,4%, табасаран — на 40,4% (при общей численности 132 тыс. чел.). Выросла численность таких северокавказских народов, как: балкарцы — на 38,5% (108 тыс. чел.), кабардинцы — на 34,7%, ногайцы — на 23% (91 тыс. чел.), черкесы — на 19,6% (61 тыс. чел.), абазинцы — на 15,2% (38 тыс. чел.) [17, с. 336].

Этнические мусульмане, согласно переписи 2002 г., составляют большинство населения в семи субъектах Российской Федерации: в Ингушетии (98%), в Чечне (96%), в Дагестане (94%), в Кабардино-Балкарии (70%), в Карачаево-Черкесии (63%), в Башкирии (54,5%), в Татарстане (54%). Значительное их число проживает в Адыгее (21%), Астраханской области (26%) [с. 16, 974–982].

Самый многочисленный мусульманский народ Северного Кавказа — чеченцы (1,36 млн.) [11, 15].

На Северном Кавказе насчитывается 7 духовных управлений мусульман (Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Адыгеи и Краснодарского края), действующих автономно, вне единого управления.

В настоящее время в регионе функционируют 16 исламских вузов, из которых 13 в Республике Дагестан, по одному в Чечне, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Дагестан традиционно сохраняет за собой роль центра исламского образования на Северном Кавказе: кроме 13 мусульманских вузов здесь активно действуют 278 примечетских школ (мектабе) и 132 медресе [18, с. 68–69].

С 1998 г. действует Координационный центр мусульман Северного Кавказа, являющийся консультативной структурой равных по правам Духовных управлений, объединяет около 1000 общин. В настоящее время в регионе зарегистрирована 961 мусульманская религиозная организация (которые распределены неравномерно: более 597 организаций действуют в Дагестане, в Карачаево-Черкесии — 103, в Кабардино-Балкарии — 99, в Чеченской Республике — 29, в Адыгее и Ингушетии — по 16, в РСО-А — 11 [19, с. 46–51]).

Из мировых религий ислам получил наибольшее распространение в среде коренных северокавказских народов, за исключением большинства осетин и немно-

гочисленных горских евреев. Все они традиционно идентифицируются как мусульманские. Мусульмане Северного Кавказа традиционно исповедуют ислам суннитского направления шафиитского и ханифитского толков (мазхабов), считающиеся лояльными и гибкими по отношению к этническому фактору и обычному праву. Для Дагестана, Чечни и Ингушетии традиционным выступает суфийский ислам в форме кадирийского, накшбандийского и с начала XX в. — шазилийского (Дагестан) орденов (тарикатов). Лидеры кадирийского тариката сыграли активную роль в двух чеченских войнах, поддерживая Д. Дудаева и А. Масхадова.

Для западной и центральной частей региона (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Республика Северная Осетия-Алания, Адыгея), где проживают адыгейцы, кабардинцы, черкесы, карачаевцы, балкарцы, осетины, а также для кумыков и ногайцев, проживающих в центральной и восточной частях Северного Кавказа, традиционным является суннитский ислам ханифитского толка. В южной части Дагестана, граничащей с Азербайджаном, есть также шииты (азербайджанцы, лезгины). Необходимо отметить, что процесс исламизации Кавказского региона продолжается до сих пор. Это оказывает существенное влияние на политические процессы в регионе. Среди черкесских народов ваххабизм получил наименьшее распространение. Однако и в этом относительно спокойном регионе ислам начинает радикализироваться. Наиболее радикальным крылом ваххабитского движения в Кабардино-Балкарии считается джамаат «Ярмук», члены которого неоднократно нападали на сотрудников правоохранительных органов и устраивали теракты — самый громкий нападение 14 декабря 2004 г. на здание Федеральной службы наркоконтроля в г. Нальчик.

Ситуация с возрождением христианского православия заметно отличалась от исламского в указанный период на Северном Кавказе. Во-первых, сопротивление ислама атеизму было более энергично и глубоко по сравнению с христианством. В Чечено-Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии мусульманские праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам и др. отмечались практически повсеместно. Во-вторых, ислам в России является религией национальных меньшинств, т. е. это было средство их самосохранения и выживания, элемент этнического самосознания и самоидентификации. Ислам в советский период оставался частью религиозного наследия, признанного в качестве культурного и духовного достояния народов, и существовал в латентной форме. В-третьих, к возрождению ислама в России причастны зарубежные мусульманские государства.

Что касается православия, то только на волне либерализации общественной жизни и с началом перестройки с 1987 г. началась передача РПЦ отдельных храмов и монастырей. С этого времени Церковь получила право свободной богослужебной, миссионерской, духовно-просветительской, благотворительной и издательской деятельности. По сути, ислам и христианство на Северном Кавказе в начале 90-х гг. оказались в разных условиях. Как уже было отмечено выше, исповедующие христианство в северокавказских республиках, за исключением Северной Осетии, являются «меньшинством».

«В 90-е гг. в регионе наблюдалось нетерпимое отношение со стороны радикальных исламистов не только к представителям других течений и направлений в исламе, но и к лицам неисповедующим никакой религии, а также исповеду-

ющим другие религиозные взгляды, в том числе, и православие. В частности в Чеченской республике разрушались и осквернялись христианские храмы. С региона начался массовый отток русскоязычного населения, особенно существенный для Чечни — порядка 250 тыс. чел.». В целом в рассматриваемый период численность русских в республиках Северного Кавказа уменьшилась — на 364 тыс. чел., или почти на 27% — с 1360 до 996 тыс. чел. [16, с. 358, 369, 394, 440].

За время двух чеченских войн погибло несколько десятков тысяч русских людей. Многие из них были убиты из-за принадлежности к православию. Достоинством общественности стал ряд громких убийств настоятелей церквей в станицах Ассиновская, Орджоникидзевская и мученический подвиг солдата Евгения Родионова, которого Сербская Православная Церковь канонизировала.

В настоящее время в Чечне и Ингушетии восстанавливаются храмы, строятся новые. Не случайно экс-руководители этих республик Алу Алханов и Мурат Зязиков являются кавалерами ордена Сергия Радонежского Русской православной церкви. Но без прихожан церковный организм существовать не сможет, и никакое строительство новых церковных зданий ситуации не изменит, как и вручение церковных орденов руководителям северокавказских республик.

Сокращение русского населения в кавказских республиках, исход из региона наиболее активной его части (особенно молодежи) — создают неблагоприятную почву для существования в будущем православия на Северном Кавказе. Так, по сообщениям прессы, русских в Ингушетии осталось менее 2%, в Дагестане около 6%, а в столице Северной Осетии русская община за последнее десятилетие уменьшилось с 50% до 30%. В КЧР каждая третья русская семья желает покинуть эту республику [20]. Между тем в современной России, по всей видимости, только одна социальная прослойка может начать реальный процесс возвращения на Кавказ (вслед за отдельными священниками) — это казаки.

Толерантное отношение к другим религиям, исторически свойственно населению многих кавказских регионов. Иудаизм и мусульманство разных течений исторически соседствовали в Дагестане, православное христианство и мусульманство мирно уживались в Осетии и в Кабарде.

Избрание нового патриарха Кирилла привело к оживлению диалога между церковью и обществом. В частности проблемы роли и перспектив православия на Северном Кавказе получили новое развитие. Решением Священного Синода 22 марта 2011 г. образованы новые епархии Русской Православной Церкви на Северном Кавказе: Пятигорская и Черкесская епархия (включающая приходы Минераловодского, Предгорного и Кировского районов Ставропольского края, а также республик Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии); Владикавказская и Махачкалинская епархия (включающая приходы республик Северной Осетии-Алании, Дагестана, Ингушетии и Чечни).

События на Северном Кавказе дают нам достаточно оснований утверждать: христианство и ислам не только не являются объективной основой возникших конфликтов, но напротив сыграли немалую роль в их урегулировании. Отношения между Русской Православной Церковью и традиционным исламом можно назвать конструктивными, оказавшими огромное влияние на стабилизацию ситуации в отдельных регионах и на Северном Кавказе в целом.

Организованный в 1998 г. Межрелигиозный совет России (МСР), учредителями которого выступили РПЦ, Совет муфтиев РФ, Центральное духовное управление мусульман РФ и европейских стран СНГ и др. продемонстрировали совместную позицию по злободневным вопросам. Так, за последние годы МСР поддержал Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, подготовленный в Московском патриархате (2004 г.), высказался за ограничение игорного бизнеса (15.03.2007 г.), обратился к Совету Европы с заявлением, осуждающим пропаганду гомосексуализма (22.10.2007 г.), принял заявление о культуре межрелигиозных отношений в связи с участвовавшими случаями оскорбления чувств верующих (03.04.2008 г.).

Для религиозных организаций существует огромное пространство для взаимодействия в различных сферах социальной и духовной жизни, однако на деле имеют место лишь отдельные эпизоды сотрудничества. Так, по инициативе РПЦ в конце 2006 г. создан Благотворительный фонд помощи раненым военнослужащим, в котором совместно с православными участвуют мусульмане (ЦДУМ) и иудеи (ФЕОР) [15, 18]. В рамках этого фонда, который формируется на средства частных спонсоров, помощь оказывается всем раненым, независимо от конфессиональной или национальной принадлежности (списки нуждающихся в такой помощи поступают от Минобороны России). Имеются отдельные деловые контакты на региональном и межобщинном уровне между православными и мусульманами, между православными, протестантами и католиками и т. д.

25–26 мая 2011 г. в Санкт-Петербурге состоялась научно-практическая конференция «Христианство и Ислам в России», целью которой был обозначен поиск новых путей взаимоотношений тех религий, что считаются традиционными для России. В первую очередь между православием и исламом как между собой, так и с государством. Подобные конференции, представляются весьма ценными в межконфессиональном диалоге, поскольку поднимают все актуальные вопросы. Но также следует отметить, что некоторые инициативы руководителей «ведущих» российских конфессий вызывают озабоченность. В частности, вопрос о преподавании основ православной религии или ислама является дискуссионным. Очевидно, что предоставление фактического преимущества в государственной школе представителям той или иной религии, подорвет межконфессиональный баланс и станет прямым нарушением принципа светского характера государства.

Что касается северокавказского региона, то следует отметить, что относительная стабилизация в последние годы, в том числе и в традиционном исламе, достигнутая преимущественно силовыми методами, не исключает новых всплесков терроризма и религиозного экстремизма. Убедительным представляется мнение доктора философских наук Давлятходжа Назирова: «В этой связи следует четко осознать, что в вопросе о религиозном экстремизме следует исходить из того, что это — долговременный фактор мировой политики, и преодоление его, а также сопряженной с ним террористической угрозы, потребует значительных усилий со стороны мирового сообщества» [21, с. 31].

Внутри северокавказского ислама и вокруг него протекают сложные процессы. В значительной мере они обусловлены кризисом государственных органов, их поглощением коррупцией, социальной несправедливостью. Все это, как и многое другое, будет питать альтернативный ислам и исламистские идеологии, стремя-

щиеся построить иной, более справедливый социальный порядок. В этой связи, российская власть объективно должна быть заинтересована в поддержке традиционных форм религий, исповедуемых народами России, в частности, православия и ислама. Прогосударственная направленность обеих религий, отсутствие между ними сколько-нибудь серьезных трений, схожесть стоящих перед этими конфессиями проблем и принципиальное осуждение любых форм экстремизма позволяют рассматривать их как важный фактор укрепления российской государственности, а не как основную причину социальной и политической нестабильности.

Список использованной литературы:

1. Болова И. М. Моздокские кабардинцы: историко-этнографическое исследование: Автореф. канд. ист. наук.—Нальчик, 1995.—27 с.
2. Васильев Л. С. История религий Востока. Учебное пособие для студентов вузов.—М.: Высшая школа, 1988.—426 с.
3. Семедов С. А. Религиозный фактор в политических процессах на Северном Кавказе (конец XX—начало XXI вв.) // Россия и мусульманский мир: Бюллетень реф.-аналит. информ. / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед.—М., 2007.—№ 4 (178).
4. Через референдум Чечня прозреет! (дата обращения 27.05.2011).—URL: <http://kadirov.ru/node/88/>; Кто объявил «джихад» России? // интернет-газета ZONA (дата обращения 27.05.2011).—<http://www.zonakz.net/blogs/user/patriot/6418.html?mode=reply>.
5. Ермаков И. А. Ислам в культуре России в очерках и образах.—М.: Агентство «Издательский сервис», 2001.—512 с.
6. Ханбабаев К. М. «Шариатизация» постсоветского Дагестана: мифы и реальность // Ислам и право в России. Вып. 1.—М.: Изд.-во РУДН, 2004.—С. 154–160.
7. Акаев В. Религиозно-политический экстремизм: предпосылки возникновения, особенности функционирования и методы противодействия // Вести республики.—2007.—№ 97.—12 июля.—<http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-14329.html>.
8. Заурбекова Г. В. Ваххабизм в Чечне.—М.: ИЭА РАН, 2003.—28 с.
9. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа.—М.: Международные отношения, 2001.—464 с.
10. Игнатенко А. А. Мусульманская самозащита от ваххабизма // Независимая газета НГ-Религии.—1999.—24 нояб.
11. Добаев И. П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа.—1999.—№ 1.—С. 49–54.
12. Малащенко А. В. Ислам в современной России // Ислам и мусульмане в России / Под ред. Муртазина М. Ф., Нуруллаева А. А.—М.: Изд.-во «КДТ», 1999.—С. 205–210.
13. Журавлева И. В., Мельков С. А., Шершнев Л. И. Путь воинов Аллаха. Ислам и политика России.—М.: Вече, 2004.—383 с.
14. На Северном Кавказе стремительно формируется кавказский суперэтнос, живущий по шариату и ненавидящий христиан // Вопросы национализма.—3.05.2011.—URL: <http://vnatio.org/news1124/>.
15. Малащенко А. В. Ислам для России.—М.: РОССПЭН, 2007.—192 с.
16. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. Официальное издание. Т. 4, кн. 2.—М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.—2075 с.
17. Шевченко А. Г. Вера и этнос в зеркале статистики и социологии // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания.—М., 2007.—С. 65–68.
18. Религии России /под ред. О. Ю. Васильевой, В. В. Шмидта.—М.: Изд.-во РАГС, 2011.—157 с.
19. Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества России (1989–2004).—М.: «Ихтиос», 2005.—623 с.
20. Шаповалов А. Голодная смерть или бандитская пуля // Независимая газета.—21.01.2003.—Вып. 8 (2841).
21. Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути стабилизации: Автор. докт. филос. наук.—Душанбэ, 2009.—42 с.

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

После серии природных и техногенных катастроф, террористических актов, проявлений преступности и усиления их угроз актуализировалась проблема научного исследования и обеспечения безопасности населения и объектов жизнеобеспечения.

Стало ясно, что необходимо изучать глубинные процессы порождения чрезвычайных ситуаций, преступности и терроризма во всех видах их проявления в условиях Российской Федерации, выработать общие подходы усиления безопасности, которые могут стать основой для более конкретных мероприятий.

Проблема обеспечения безопасности населения и объектов в настоящее время стала предметом пристального изучения и исследований. Свидетельство тому — все растущее число правительственных решений, исследований, разработок, публикаций в научной и специальной литературе. В них рассмотрен широкий круг проблем, связанных с разработкой концептуальных основ и практических действий обеспечения безопасности и стабильности государства и общества, вскрыта суть многих социальных процессов, происходящих в нашей стране; предпринята попытка системного освещения путей выхода из кризиса, форм и методов обеспечения стабильности государства, снижения последствий чрезвычайных ситуаций, предупреждения терроризма, снижения преступности.

В тоже время, несмотря на обилие исследований по проблемам преступности в обществе, непосредственно самой проблеме стратегического обеспечения безопасности уделяется весьма ограниченное внимание. Значительно большее внимание специалисты отводят оперативным и процедурным мероприятиям. На это направлены также нормативно-правовые акты и законы.

Вместе с тем сложным остается положение с материально-техническим оснащением важных инженерных объектов, недостаточно финансирование мероприятий, направленных на повышение инженерной безопасности объектов, продолжается нарушение правил их эксплуатации, имеет место ослабление ответственности и контроля со стороны руководителей и специалистов за поддержанием объектов в исправном состоянии.

Крайне слабо развита система обучения и тренинга персонала по безопасности, недостаточно организована подготовка и переподготовка специалистов в области безопасности, обучение руководящих кадров и преподавателей в этой области знаний. Этот процесс не обеспечен необходимыми научно-методическими разработками и материалами и требует широкого привлечения к этой проблеме ученых и специалистов в области безопасности жизнедеятельности. Необходимо дальнейшее развитие нормативно-правовой базы в области безопасности населения и объектов.

Для борьбы с такой всеобщей угрозой, как природные и техногенные катастрофы, терроризм и преступность требуется объединение усилий всех государ-

ственных и общественных структур, ветвей власти, средств массовой информации. Нужна общегосударственная и республиканская стратегия обеспечения безопасности. Необходимо определить и назвать источники опасности и их проявлений, к числу которых могут быть отнесены падение жизненного уровня населения, снижение степени социальной защиты, правовой нигилизм в обществе, обострение политической борьбы, рост национализма и сепаратизма, несовершенство законодательства, непродуманные решения представителей органов управления.

Для эффективного противодействия терроризму и преступности, обеспечения безопасности граждан и объектов в России необходима разработка и реализация комплексной программы, включающей политический, социальный, экономический, правовой, идеологический, специальный и другие аспекты. Нужны также взаимодействие и координация всех здоровых сил общества, заинтересованных в решении этой актуальной для нашей страны проблемы.

Стратегия региона по обеспечению безопасности населения и объектов жизнеобеспечения должна включать:

- выявление и описание характеристик внешних и внутренних угроз безопасности как совокупности условий и факторов, создающих опасность для жизненно важных интересов личности, общества и государства;
- определение и мониторинг факторов, подрывающих устойчивость социально-экономической системы республики;
- определение критериев и параметров, характеризующих безопасность республики и отвечающих требованиям безопасности России;
- формирование политики, институциональных преобразований и необходимых механизмов, устраняющих или смягчающих воздействие факторов, подрывающих устойчивость социально-экономического развития республики.

Функциональная характеристика безопасности не может быть сведена лишь к защищенности определенных ценностей. Безопасность — явление полифункциональное. Важнейшие свойства и функции безопасности: снижать, ослаблять, устранять и предупреждать опасности и угрозы. Поэтому, когда мы говорим о безопасности того или иного элемента, мы имеем в виду не только защищенность данного элемента от источников опасности, но и предупреждение и устранение опасности для него, а также поддержание такого уровня его защищенности, который является достаточной для нормального функционирования соответствующего элемента.

Как социальная ценность общества, безопасность есть деятельность значительного числа различных субъектов, а как определенная социальная потребность она является целенаправленным результатом этой деятельности. Более того, безопасность является неотъемлемым условием существования личности, общества и государства и выступает гарантом возможности дальнейшего прогрессивного развития этих элементов. Следовательно, с содержательной стороны безопасность как социальная ценность характеризуется состоянием защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от негативных последствий явлений социального, природного или техногенного характера, а также поддержанием такого уровня этой защищенности, которая является достаточной для их нормального функционирования.

Классифицировать типы и виды безопасности на группы можно по различным основаниям.

Выделение различных видов безопасности в зависимости от субъектов, безопасность которых обеспечивается. По этому критерию выделяют следующие виды безопасности: личная, коллективная, общественная (общества), государственная (национальная) и международная. Каждый из названных видов безопасности характеризуется своими специфическими чертами, обусловленными масштабами этого явления, характером его содержания, средствами и методами обеспечения и в свою очередь может иметь свои составляющие. Например, применительно к общественной безопасности можно говорить о таких ее составляющих, как безопасность движения и эксплуатации транспортных средств, экологическая безопасность или безопасность компьютерной информации, безопасность производства специальных работ или безопасность обращения с общепасными источниками, а так же о безопасности поведения, не нарушающего общие правила безопасности (общепринятые правила поведения) и т. д.

Государственная безопасность означает создание необходимых условий и предпосылок для всех сторон жизнедеятельности человека, субъектов и общества в целом — защиты территориальной целостности, экономической и политической независимости, жизнеспособности его систем, структур и институтов в соответствии с правовыми основами государственности и действующими законами.

Государственная безопасность базируется на экономической безопасности страны, однако имеет и свои специфические оценки, факторы и критерии, включая социальную, экологическую, внешнеэкономическую, национально-этническую стабильность, обороноспособную достаточность, ресурсную и научно-технологическую независимость, мобильность и др. Государственная безопасность — условие и предпосылка экономической безопасности и наоборот. С учетом этого можно говорить об их синтезированности и взаимообусловленности, имеющей тенденцию к формированию целостной безопасности страны по всему комплексу факторов и критериев. Только ориентация на целостность поможет преодолеть изолированность подходов и критериев в выработке экономической политики и политики государственной безопасности, предотвратить создание особых, недостаточно скоординированных и даже конкурирующих структур и механизмов.

Экономическая безопасность — основа жизнедеятельности общества, его социально-политической и национально-этнической устойчивости. Система ее критериев включает количественные и качественные характеристики ресурсного, производственного, научно-технического потенциала, эффективность его использования и развития, структурного преобразования производства, конкурентоспособность продукции и разделение труда на мировом рынке, целостность экономического пространства, возможность адаптации к новым условиям и др. Но, в конечном итоге, целью экономической безопасности является недопущение нерационального по социально-экономическим, политическим и национальным критериям использования природных и трудовых ресурсов, их перераспределения в пользу конкурирующих стран.

Социальная безопасность представляет собой состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных

интересов, прав, свобод. Постоянным объектом социальной безопасности в общем виде является личность, ее жизненно важные права и свободы в социальной сфере жизнедеятельности общества: право на жизнь; на труд, его оплату; на бесплатное лечение и образование; доступный отдых; гарантированную социальную защиту со стороны государства. Однако сами объекты и субъекты социальной безопасности могут меняться по мере изменения условий развития общества. Поэтому можно говорить не только об общем, но и приоритетных объектах социальной безопасности, т. е. таких социальных группах и общностях, которые в конкретных социально-экономических условиях являются наиболее ущемленными и нуждающимися в социальной защите и усилении степени безопасности.

Результаты социологических исследований показывают основные проблемы социально-экономического развития, оказывающие влияние на обеспечение безопасности населения и объектов жизнеобеспечения в Республике Северная Осетия-Алания.

1. Углубление социальной и имущественной дифференциации населения при относительном росте бедности, нищеты и пауперизма. Большое число социально уязвимых семей, дезориентация жизненных ценностей у молодежи.

2. Утрата национально-культурных ценностей, нарастание межэтнической и внутриэтнической обособленности и разобщенности. Возрастание межрелигиозных различий, проявлений радикализма, неадекватного поведения определенных социальных групп населения.

3. Рост криминализации системы управления и экономики. Значительная доля теневой экономики, скрываемых доходов. Коррупция во всех сферах жизнедеятельности общества. Рост преступности.

4. Снижение управляемости общественными процессами и экономикой. Возрастающий разрыв между органами власти и обществом. Низкая развитость правовых и институциональных основ республики.

5. Наличие неблагоприятных внешних причин, обусловленных нестабильной политикой федеральных органов власти. Высокая зависимость социально-экономического развития от ситуации в соседних республиках и в Северо-Кавказском регионе в целом.

6. Социальная политика не стала целью экономической реформы. Став правовой по Конституции, Республика Северная Осетия-Алания еще не нашла в полной мере присущих этой форме, способов и мер эффективного воздействия на экономическую и социальную жизнь. Декларативность проводимых социально-экономических преобразований. Несовершенство системы гласности и реального участия граждан в управлении. Низкая ответственность руководящих работников за результаты деятельности. Информационная закрытость органов управления всех видов объектов и процессов.

Основные постулаты, лежащие в основе обоснования необходимости разработки Стратегия Республики Северная Осетия-Алания по обеспечению безопасности населения и объектов жизнеобеспечения:

1. Дальнейшее сохранение сложившейся ситуации и тенденций в области обеспечения безопасности населения и объектов республики представляется крайне опасным и делает невозможным какие-либо продвижения по пути социально-экономического развития РСО-Алания. Сложились системные основы, угрожаю-

щие существованию населения и государственности. Произошло накопление критических обстоятельств и наложение внешних и внутренних предпосылок для обострения ситуации в республике.

2. Террористические акты и преступления будут нарастать, а их последствия принимать все более угрожающий характер. На отдаленную перспективу нет никаких оснований для успокоения и бездействия.

3. Необходимы реальные, жесткие, обоснованные и эффективные меры по предотвращению нарастания кризисных явлений во всех сферах общественной жизни. Кардинальные изменения должны затронуть все жизненно важные сферы и системы управления республикой. Некомпетентность, нерешительность, имитация деятельности, стремление скрыть корневые источники проблемы, отстранить общество от ее решения лишь усугубят негативные последствия.

Характерными недостатками по обеспечению безопасности на объектах являются:

1. Недостаточные знания и навыки поведения сотрудников и населения в чрезвычайных ситуациях.

2. Низкая организация обеспечения безопасности. Слабая ответственность должностных лиц за состояние систем безопасности. Недостаточность финансовых затрат на обеспечение безопасности.

3. Эксплуатация объектов с нарушениями требований норм электроустановок, устаревших электросетей и систем обеспечения безопасности, которые требуют замены.

Разработка проблем безопасности требует:

— большей системности оценок и подходов в части условий и критериев безопасности всех аспектах их проявления, а не только общественных, экономических, внутренних условий и критериев, объективно воздействующих на факторы безопасности в ходе ломки сложившихся общественных отношений;

— обеспечение безопасности должно осуществляться на основе синтеза государственных, административных и рыночных методов управления, а это, в свою очередь, означает необходимость гибких, компромиссных решений, а также разделения полномочий и ответственности;

— обеспечение безопасности признается приоритетным направлением общественного сознания, деятельности органов управления республикой, организаций и предприятий. Необходимо обеспечить охват всех сфер и аспектов безопасного социально-экономического развития республики;

— обеспечения адекватности мер защиты государственной безопасности и мер, необходимых и достаточных для реализации целей проводимых реформ в пространстве и времени;

— обоснования и планирования стратегических и тактических целей, мер их достижения на основе выбора определяющих критериев государственной безопасности и принятой обществом доктрины социально-экономического развития.

В регионах Кавказа необходимо создание системы безопасности населения и объектов жизнеобеспечения. Данная система безопасности общества может включать в себя:

1. Наличие разработанной доктрины безопасности, которая одновременно выступает как определенная идеология, способная объединить общество, и, как программа действий.

2. Правовую основу — систему законов, позволяющих защищать интересы общества и составляющих его элементов (людей, социальных групп, политических и общественных объединений, общественного сознания, объектов и т. д.).

3. Систему государственных сил и органов, имеющих своей функциональной задачей обеспечение безопасности общества.

4. Общественную систему безопасности, включающую в себя совокупность неправительственных, общественных, самодетельных институтов и организаций, которая базируется на активности населения и способности общества противостоять угрозам и опасностям для него.

5. Корректную, основанную на демократических принципах, систему средств и методов обеспечения безопасности.

6. Обязательным условием эффективного функционирования данной системы является ответственность власти перед обществом, строгое выполнение ею своих обязанностей, ограничение пределов вмешательства государства в дела общества необходимыми рамками.

В качестве обеспечения безопасности существования и функционирования населения и объектов выступают меры по совершенствованию инфраструктурных систем, к которым относятся, например, политическая, социальная, военная, правовая, экономическая, финансовая, культурная, информационная, научно-техническая, криминологическая, экологическая и др.

В. Д. Дзидзоев

ГЕОСТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИОРИТЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ НА КAVKAZE

Термин геостратегия в политической и правовой литературе имеет разные толкования. В данном случае под геостратегией понимается прикладная геополитика — теория и практика обеспечения жизненно важных интересов государства, блока государств в различных географических пространствах [1, с. 414].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в мире произошли существенные изменения в геополитическом аспекте. С исчезновением с карты мира крупнейшей геополитической державы — СССР, а также многих стран социалистического содружества произошли координальные изменения в геополитическом раскладе сил. Эти изменения были не в пользу Российской Федерации. Западные государства во главе с США и странами, входящими в НАТО, вплотную приблизились к границам новой демократической Российской Федерации. Не вдаваясь в подробности данной проблемы, следует подчеркнуть, что США пыталась и до сих пор старается переделать весь мир по американским законам, традициям и стандартам. Российская Федерация как раньше, так и сегодня препятствует организации мира по американским стандартам. В Российской Федерации на протяжении многих веков сложились собственные культурные и политические традиции, свои геополитические интересы, «не совпадающие с позицией представителей так называемого золотого миллиарда (группы высокоразвитых западных стран)» [1, с. 3]. Обращаю внимание на то, что наша страна имеет в своем распоряжении огромный ядерный потенциал и партнерские связи со многими странами мира. Это достаточно внушительная и пугающая сила, которая заставляет считаться с позицией Москвы. Именно поэтому США, Великобритания, другие развитые в экономическом, военном и политическом отношении государства не имеют возможности прямого и безопасного для себя военного давления на Российскую Федерацию. Тем не менее, эти государства, являясь традиционными и давними геополитическими соперниками Москвы, настойчиво проводят линию на расширение географической зоны своей ответственности, часто игнорируя законные интересы и национальную безопасность Российской Федерации. Сказанное относится и к такому сложному региону, как Кавказ, где происходят непростые этнополитические процессы в постсоветский период. К этому следует добавить, что существовавший до середины 1980-х гг. баланс военных сил США и бывшего СССР разрушен. Это делает мир менее устойчивым и более опасным.

Анализ современных геополитических процессов и тенденций мирового развития позволяет утверждать, что для Российской Федерации необходимо последовательная реализация своей особой геостратегии, в том числе и на Кавказе. Геостратегия нашей страны на Кавказе должна быть нацелена на защиту национальных интересов Российского государства, а также на защиту законных интересов малочисленных народов, например, южных осетин, абхазов и др., которые как в прошлом, так и в настоящем считают себя в абсолютном большинстве

гражданами Российской Федерации. Кроме того, стремление геополитических соперников ослабить роль Российской Федерации на Кавказе, активный внешнеполитический курс Москвы с опорой на военную силу, которую необходимо усиливать и совершенствовать, должен позволить нашей стране занимать лидирующие позиции на Кавказе. Нет необходимости доказывать, что у Российской Федерации, по сравнению с любой другой геополитической державой современности (США, Великобритания, Франция, Япония и др.), есть куда больше прав и оснований занимать лидирующие позиции на Кавказе.

В Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации Д. А. Медведев подчеркнул, что «военные и внешнеполитические доктрины России должны дать ответ на самые актуальные вопросы, а именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного, химического, бактериологического оружия; как гасить современные локальные конфликты; как преодолевать другие новые вызовы» [1, с. 394]. Анализ проблемы позволяет утверждать, что геостратегия Российской Федерации должна опираться на большие возможности собственного пространства и уникальное геополитическое положение, которое занимает наша страна. Опора на эти возможности, на мой взгляд, будет способствовать решению таких важнейших задач, как: 1) формирование дружественной геополитической обстановки вокруг Российской Федерации, общих с прилегающими странами экономических, военных, культурных и других аспектов национальной безопасности всех государств региона; 2) создание, укрепление и совершенствование геополитических, военных, экономических и других условий для максимального использования ресурсных и иных свойств суверенной территории Российской Федерации; 3) создание и укрепление военно-политического, экономического, культурного и т. д. пространства в пределах границ Российской Федерации; 4) объединение усилий всех заинтересованных государств в деле укрепления и процветания сопредельных с Российской Федерацией государств, отвечающего национальным интересам как Российской Федерации, так и других государств. Разумеется, такое объединение может быть долгосрочным и надежным только в том случае, если какое-либо государство, в том числе и Российская Федерация, не будет доминировать и указывать другим государствам, как строить концепцию собственной национальной безопасности.

Не решив эти и другие важнейшие задачи современной геостратегии Российской Федерации на Кавказе, вряд ли можно ожидать больших успехов в геополитической и геостратегической сферах нашей страны. Условные задачи, сформулированные мной в общих чертах, в тезисной форме, разумеется, нуждающиеся в уточнении и конкретизации, направлены на укрепление экономической, политической и военной мощи Российской Федерации, усиление ее «международного веса», особенно на Кавказе. Указанные задачи, на мой взгляд, будут способствовать созданию различных военно-политических, экономических и других союзов с заинтересованными государствами Кавказа. В то же время, какие бы успехи ни были достигнуты во взаимоотношениях с государствами Южного Кавказа, Российская Федерация, на мой взгляд, должна в первую очередь решить злободневные политические, этнорелигиозные, межнациональные, экономические, правовые и другие проблемы на Северном Кавказе, т. е. на своей исконной терри-

тории. Затягивание решения этих в высшей степени актуальных проблем грозит серьезными неудачами для Российской Федерации. Многие проблемы Северного Кавказа, которые федеральный центр не в состоянии полностью и окончательно решить, вот уже около 20 лет реально угрожают не только территориальной целостности Российской Федерации, но и ее международному престижу. Многолетний анализ этнополитических и этнорелигиозных проблем на Северном Кавказе позволяет утверждать, что в этом сложном и взрывоопасном регионе фактически продолжается вялотекущая Гражданская война. Разумеется, факт существования этой войны официальные органы власти не признают. И это понятно. Однако объективный и всесторонний анализ событий, происходящих на протяжении последних 20 лет на Северном Кавказе, все-таки свидетельствует об этой войне. В своем выступлении я попытаюсь обосновать некоторые важнейшие стороны этой вялотекущей Гражданской войны на Северном Кавказе. Войны этой категории, как правило, возникают в периоды глубоких государственных кризисов (как, например, в России в 1917–1920 гг. или в 90-е гг. XX в.), когда законная государственная власть в силу многих причин оказывается почти парализованной, а общественные отношения до предела обостряются по поводу борьбы за власть. В такой сложной обстановке государственная власть чаще всего теряет возможность наведения элементарного порядка законными средствами, а различные открытые и скрытые элементы политической системы (среди которых обнаруживаются даже мощные криминальные силы, связанные с зарубежными «братьями») заявляют о своих претензиях на обладание государственной власти в масштабах района, республики, региона, области и даже государства. Условия, породившие вялотекущую Гражданскую войну в постсоветской Российской Федерации, определились, на мой взгляд, не только глубоким затяжным государственным кризисом, но и расстановкой различных политических, национальных, религиозных сил внутри страны и на международной арене. Для постсоветской Российской Федерации характерна Гражданская война, в которой противоборствующими силами являются: 1) федеральный центр и силы, поддерживающие его на всей территории страны; 2) различные антироссийские силы внутри страны, получающие систематическую и активную помощь из-за рубежа и избравшие тактику партизанской войны в виде масштабных террористических акций. Таким образом, современная постсоветская Гражданская война в Российской Федерации четко разделила российское общество на «своих» и «чужих», на «патриотов» и «врагов», на «прогрессивную» и «реакционные» части. Следует подчеркнуть, что участники Гражданской войны были и остаются гражданами Российской Федерации, т. е. физическими лицами, обладающими гражданством и имеющие документ, подтверждающий наличие у них российского гражданства [2, с. 108]. При этом необходимо помнить, что гражданство является устойчивой политико-правовой связью лиц, «проживающих на территории государства, с данным государством, выражающаяся в наличии взаимных прав, обязанностей и ответственности» [2, с. 108]. Таким образом, рождение физического лица (человека) на территории Российской Федерации и его проживание здесь, наличие у него формальных (юридических) признаков российского гражданства автоматически не должно порождать для него гражданства Российской Федерации, если он, в той или иной форме, участвует в вооруженной антироссийской борьбе, не выполняет

обязанности и ответственность гражданина Российской Федерации, установленные в соответствии с законодательством страны. Замечу, что в постсоветский период в Российской Федерации участвовавшие в той или иной степени в вооруженной борьбе против федерального центра исчислялись десятками тысяч человек, которые по формальным признакам имели статус граждан Российской Федерации. И сегодня еще немало (точное их количество, разумеется, невозможно подсчитать) «граждан» Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе ведут партизанскую борьбу против федерального центра, против интересов, суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации. На мой взгляд, такое положение следует классифицировать как затянувшуюся форму Гражданской войны. Террористические организации, различные националистические, религиозные и иные группировки, ведущие уже около 20 лет на Северном Кавказе антироссийскую вооруженную борьбу, объединены конкретными целями, «программой действий», политическими установками и т. д. Антироссийские силы добиваются на Северном Кавказе своих политических целей — создания в многонациональном, многоконфессиональном регионе Российской Федерации независимого исламского государства — путем террористических атак на государственные структуры, например, МВД, ФСБ, Прокуратуру и т. д., на мирное и незащищенное население, например, на пассажиров автобусов, такси, поездов, самолетов и т. д., а также привлечения молодежи в свои ряды. Вооруженные до зубов террористы и сепаратисты Ингушетии и Чечни организовали масштабные вооруженные акции на территориях Республики Северная Осетия-Алания (в 1992 и в 2004 гг.) и Республики Дагестан (в 1999 г.), добиваясь уничтожения конституционного строя на Северном Кавказе, т. е. в Российской Федерации, посягая на ее территориальную целостность. Число погибших с обеих сторон в ходе этих боевых действий исчисляется тысячами. Число раненых, контуженных, без вести пропавших, пострадавших в той или иной степени исчисляется десятками тысяч. Для более объективного и глубокого анализа данной проблемы, на мой взгляд, необходимо иметь в виду еще одну «мелочь». Так, многие отличившиеся в ходе проведения военных операций (неважно, как они официально названы — спецоперациями по ликвидации боевиков, по освобождению заложников, по наведению «конституционного порядка» и т. д.) награждены орденами и медалями Российской Федерации, включая высшую награду страны — золотую звезду Героя России. Однако многие отважные боевики для определенной части граждан РФ — тоже герои. Замечу, что для тех, кто действительно считает Российскую Федерацию своей Родиной, они — террористы, боевики, бандиты, отморозки и т. д. А для тех, кто терроризм, сепаратизм и экстремизм на территории Российской Федерации называет «национально-освободительной борьбой», «войной за свободу и независимость», они являются настоящими героями, достойными подражания. В ходе российско-чеченских войн 1994–1996 гг. и 1999–2002 гг. многие отличившиеся чеченские сепаратисты и террористы, а также наемные «воины Аллаха» из зарубежных стран, воевавшие в рядах чеченских сепаратистов, были удостоены высших боевых наград так называемой независимой Ичкерии. Таким образом, российское общество в постсоветский период разделилось на «своих» и «чужих». И это при том, что и «свои», и «чужие» являются гражданами Российской Федерации, т. е. физическими лицами разных

национальностей, вероисповеданий, социальных групп, политических ориентиров, имеющих документ, подтверждающий наличие у них российского гражданства. Обращаю внимание на то, что такое разделение общества на «своих» и «чужих» было в период Гражданской войны в США в 1861–1865 гг., одна из главных причин которой состояла в вооруженной попытке южных рабовладельческих штатов (11 из 34 штатов США) выйти из состава федеративного государства [3, с. 219]. Граждане Российской Федерации, проживающие на Северном Кавказе, на себе испытали тяжелейшие последствия многолетних вооруженных попыток чеченских сепаратистов в одностороннем порядке выйти из состава федеративного государства. Эти последствия до сих пор весьма негативно сказываются на межнациональных, межрелигиозных отношениях, этнополитической обстановке, благополучии граждан различных национальностей. Продолжающиеся то в одном, то в другом районе Северного Кавказа атаки террористов, которые уносят сотни человеческих жизней, — убедительное подтверждение сказанного. Следует особо подчеркнуть, что Гражданские войны, как правило, бывают многообразны и могут иметь различные формы. Так, например, многочисленные восстания рабов, в том числе наиболее известное и масштабное под руководством Спартака в 73–71 гг. до н. э. в Италии следует, на мой взгляд, классифицировать как Гражданскую войну. Крестьянские войны в России, Германии, в некоторых других странах, а также вооруженная борьба народа против собственного правительства, например, грузинского против З. Гамсахурдиа в 1992 г., азербайджанского против А. Эльчибея в 1993 г., киргизского против К. Бакиева в 2010 г. и т. д. являются формами Гражданских войн в России, Германии, Грузии, Азербайджане и Киргизии. Для постсоветского периода характерно появление усложненных форм Гражданских войн, в которых, как правило, воюющими сторонами оказываются не только граждане одного государства, но и иностранные граждане. В некоторых молодых государствах на постсоветском пространстве общественно-политическая обстановка, состояние экономики, межнациональных отношений и многие другие факторы, порождающие Гражданские войны, определяются расстановкой не столько классовых сил (как было, например, в России в 1918–1920 гг.) внутри страны, сколько расстановкой и сбалансированностью национального, религиозного, криминального и др. факторов, а также вмешательством во внутренние противоречия и проблемы иностранных государств. Отсюда, на мой взгляд, «прописка на долгосрочной основе» сомнительных по своей сути «бархатных» и «цветных» революций в некоторых молодых государствах, которым, как правило, предшествуют если не Гражданские войны, то непременно конфликты, готовность к войне, межэтническое противоречие и т. д. Таким образом, современная Гражданская война в постсоветских государствах, например, в Грузии, Азербайджане, Таджикистане, Киргизии, Российской Федерации и др. представляет собой вооруженное противостояние граждан одного государства, которое охватывает конкретный регион или несколько регионов, с целью захвата государственной власти на территории всей страны или части ее с последующим провозглашением на захваченной части нового независимого государства. Такое вооруженное противостояние с обеих сторон имеет конкретные цели, задачи, руководителей-стратегов, непосредственных идеологов и исполнителей, героев и жертв. Гражданские войны являются средством достижения политических

целей в определенные периоды. В современной Российской Федерации органы государственной власти ведут борьбу с антироссийскими силами на Северном Кавказе и стараются навести конституционный порядок на всей суверенной территории страны. Эту борьбу можно охарактеризовать как средство достижения политической цели государства. Но и антироссийские силы, объединенные в различные организации, террористические группировки, ведут смертельную борьбу против Российской Федерации, против ее суверенитета и территориальной целостности. Они добиваются развала территориальной целостности Российской Федерации на Северном Кавказе, где они «видят» свой Исламский Халифат, разумеется, независимый от Москвы. Замечу и то, что антироссийские силы называют себя не террористами, бандитами, сепаратистами, а идейными бойцами за свободу и независимость «угнетенных народов» Северного Кавказа, участниками национально-освободительного движения, нестигаемыми борцами за веру и т. д. Они считают, что ведут «справедливую войну» против федерального центра и верят в возможность создания независимого исламского государства на Северном Кавказе. Таким образом, антироссийские силы претендуют, как минимум, на статус субъекта политического процесса в Российской Федерации. Признавая факты фактами и называя вещи своими именами, невозможно, на мой взгляд, отрицать существование современных антироссийских сил и их легальное или нелегальное участие в политической системе общества. Напомню, что структура политического процесса состоит из: 1) субъекта процесса (государственная власть); 2) объекта, который должен быть создан как цель процесса; 3) средств, методов, исполнителей процесса, которые связывают субъект и объект. Необходимо помнить, что ресурсами политического процесса служат, как правило, его идеальные и материальные основы, среди которых можно назвать финансы, технические средства, поддержку народа или его части, идеологию участников политического процесса, состояние уровня жизни населения, этнополитическая и этноконфессиональная ситуация и другие факторы. Антироссийские силы, которые уже около 20 лет держат в напряжении федеральный центр на Северном Кавказе, имеют большие финансы, самые современные эффективные технические средства, поддержку части народа, свою идеологию воинственного сепаратизма, экстремизма и терроризма, как формы Гражданской войны. Сложная и взрывоопасная этнополитическая и этноконфессиональная обстановка, которая сложилась на Северном Кавказе с конца 80-х гг. XX в., также служит надежной базой деструктивной деятельности различных антироссийских сил. В этих условиях продолжается Гражданская война в Российской Федерации, свидетельством чего служат не только периодически повторяющиеся атаки террористов, удачно или неудачно проведенные против них то в одном, то в другом городе или населенном пункте Северного Кавказа спецоперации, в результате которых погибает немало граждан страны.

Список использованной литературы:

1. Маринченко А. В. Геополитика. Учебное пособие.—М.: Инфра-М, 2009.—429 с.
2. Юридический словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна.—М.: Норма, 2007.—934 с.
3. Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 7.—М., 1972.—608 с.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Конец 80-х — первая половина 90-х гг. XX в. на Северном Кавказе характеризовались резкой этнизацией политического пространства и этнической мобилизацией, пик которой пришелся на первую половину 90-х гг. Этот период сопровождался появлением и разрастанием многочисленных региональных этнополитических конфликтов. Однако уже во второй половине последнего десятилетия прошлого столетия произошли определенные сдвиги, изменившие контуры этого процесса. Во-первых, основным стратом проявления этнической конфликтности в северокавказском регионе стал локальный уровень. Во-вторых, произошла определенная деполитизация этничности, хотя она сопровождалась политизацией религиозного (исламского) фактора. Обе эти тенденции в русле традиционного для российской политической культуры понимания взаимодействия государства и общества были восприняты как признаки если не завершения этноконфликтного процесса в регионе, то, по крайней мере, как окончания регионального этнополитического кризиса, перемещения этнических проблем и конфликтов из политической плоскости в плоскость межобщинного взаимодействия. В политическом лексиконе все чаще стали употребляться такие понятия, как постконфликтная реконструкция, постконфликтное возрождение региона и т. д. [1, с. 20].

В этих условиях создание системы федеральных округов имело определенное значение для становления вертикали власти, восстановления единого правового пространства и реинтеграции России. В частности, в связи с образованием Южного федерального округа обозначилась установка на конструирование южнороссийской региональной идентичности как инварианта российской, в которой постепенно снижалась конфликтность сочетания кавказской этнической и конфессиональной идентичностей, обозначившаяся после распада Советского Союза. На укрепление российской идентичности работало включение в состав ЮФО экономически развитых Астраханской и Волгоградской областей [2, с. 6].

Однако уже в первом десятилетии нового тысячелетия прежние оценки были деформированы. Во-первых, локальные конфликты вновь актуализировались с тенденцией повторного выхода на региональный уровень. Во-вторых, на смену процессу деполитизации этничности, который создавал для федеральной и региональной власти возможность проективно перестроить национальную политику, пришел процесс *реполитизации этничности*. Новый этап политизированной этничности, начавшийся в середине первого десятилетия текущего века, в отличие от начала и середины 90-х гг., характеризуется активным включением конфессионального фактора в этнополитические процессы в регионе [3, 4], что позволяет говорить о формировании здесь устойчивых этноконфессиональных политических

идентичностей [5, с. 41]. Таким образом, к настоящему времени динамично развивающийся этноконфессиональный фактор из разряда второстепенных, дополняющих вышел на ключевые позиции, наряду с другими важнейшими конфликтогенными характеристиками региона — социально-экономическими и политическими. На фоне продолжавшегося наложения социально-экономических проблем бандподполье перегруппировалось и, используя сетевые технологии, метастазами расплодилось по всему Северному Кавказу. В таких условиях формирование южнороссийской идентичности в регионе не было завершено.

Становилось очевидным, что постмодернистский отказ от возможности выработки концепции и стратегии Кавказской политики может иметь катастрофические последствия, повторение деструктивных процессов начала 90-х гг. Власти отреагировали изменением системы федеральных округов, выделив из ЮФО новый, Северо-Кавказский федеральный округ, в который вошли Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Ставропольский край, а центром федерального округа был назван Пятигорск. Полпредом Президента РФ в СКФО и одновременно вице-премьером Правительства РФ был назначен А. Г. Хлопонин.

Однако, несмотря на оптимистичные ожидания некоторых экспертов в связи с созданием нового федерального округа, пока нет оснований предаваться эйфории на этот счет. Опыт показывает, что административные преобразования на Юге России, разрушая сложившуюся институциональную систему и социальный порядок, нередко усиливают конфликтность этнополитической ситуации, хаотизируют на переходный период социальную сферу. Такой риск связан и с созданием СКФО в его нынешнем виде и составе.

Среди потенциальных рисков особое значение имеет проблема системы идентичности на Северном Кавказе. Как отмечалось выше, в последние годы была очевидна тенденция к их гармонизации, когда российская, региональная и этническая идентичность стали взаимодополняющими в ЮФО. С созданием СКФО, напротив, объективно возникает вызов российской идентичности в северокавказском макрорегионе — единственном в России округе, где русские не составляют абсолютного большинства населения. Имеются основания полагать, что дальнейшая территориальная (окружная) идентичность будет формироваться как северокавказская и колебаться между российской и общекавказской.

В этом смысле любопытна немедленная реакция на создание СКФО режима М. Саакашвили, который сразу же приступил к разработке своей новой северокавказской политики. Динамику ее развертывания можно проследить по следующим внешнеполитическим инициативам грузинского руководства:

— В декабре 2009 г. в Парламенте Грузии была образована Группа дружбы с парламентами Северного Кавказа, которая весной 2010 г. направила официальные письма членам законодательных органов северокавказских республик. Однако эта инициатива по очевидным причинам не нашла ожидаемого официальным Тбилиси отклика.

— В январе 2010 г. в Грузии был открыт «Первый кавказский» ТВ-канал. Декларировалось, что цель канала состоит в предоставлении Северному Кавказу объективной информации о событиях, происходящих в Грузии. В настоящее время канал вещает только в интернет-пространстве, поскольку французская

компания «Eutelsat» отказала ему в спутниковом обслуживании. Следует отметить, что в июле 2010 г. «Первому кавказскому» каналу из резервного фонда правительства Грузии было выделено 7 млн лари.

— Основательно муссируется вопрос о «геноциде черкесов». В марте 2010 г. в Тбилиси состоялась международная конференция на тему «Сокрытые нации, делящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим». Конференция была организована Вашингтонским Джеймстаунским фондом и Международной школой кавказских исследований Тбилисского государственного университета им. Ильи Чавчавадзе. Подстрекаемые грузинской стороной присутствовавшие на конференции представители черкесской диаспоры обратились к парламенту Грузии с просьбой признать «геноцид черкесского народа», якобы осуществленный в XIX в. Российской империей. В апреле того же года грузинские депутаты заявили, что парламент готов изучить и обсудить вопрос геноцида черкесов.

— 23 сентября 2010 г., выступая на 65-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, президент Грузии М. Саакашвили выступил с инициативой создания «Кавказской Конфедерации». Выступление грузинского лидера экспертами расценивается как заявка официального Тбилиси на проведение активизировавшейся, особенно в течение 2010 г., новой северокавказской политики. Совершенно очевидно, что целью грузинского проекта «Конфедерация» является попытка прорыва изоляции с Северным Кавказом с одновременной поддержкой существующего там антироссийского сепаратистского движения, возрождения лидирующей роли Грузии в регионе. Предельно ясно и то, что идея создания конфедерации носит оторванный от жизненных реалий характер, а ее реализация на практике невозможна.

— 11 октября 2010 г. министерство иностранных дел Грузии огласило решение правительства Грузии о введении безвизового режима для граждан семи северокавказских субъектов Российской Федерации. Упомянутое решение вступило в силу с 13 октября того же года. По заявлению пресс-спикера Президента Грузии, отмена виз должна рассматриваться в контексте «единого Кавказа», упомянутого Михаилом Саакашвили с трибуны ООН.

— И, наконец, в конце ноября 2010 г. парламент Грузии создал комиссию по противодействию проведению зимней Олимпиады-2014 в Сочи. Комиссия планирует развертывание информационной кампании против Олимпиады в международных СМИ, подготовку обращений грузинских беженцев из Абхазии и известных спортсменов в МОК, организацию акций протеста за рубежом, в ходе которых будет поставлен вопрос о целесообразности проведения игр в Сочи и их переносе в другую страну.

Характерно, что кавказская политика Саакашвили вновь получает активную поддержку Запада — США, НАТО и ЕС. Если такая динамика укрепления кавказской идентичности сохранится в длительной перспективе, то это неизбежно и противоречиво скажется на соотношении российской и региональной идентичностей.

Тем не менее, Правительство РФ в качестве главного конфликтогенного фактора в регионе по-прежнему рассматривает социально-экономический, а потому в сентябре 2010 г. утвердило первую «Стратегию социально-экономического

развития СКФО на период до 2025 года». Ее реализация, по оценке полпреда Президента РФ в СКФО А. Г. Хлопонина, потребует 600 млрд руб., в том числе 100 млрд руб. из госбюджета [6]. В Стратегии поставлены амбициозные задачи: к 2015 г. темпы роста валового регионального продукта планируется довести до 7,7%, повысить в четыре раза доходы региональных бюджетов, в 2,5 раза увеличить среднемесячную заработную плату. Предполагается создать свыше 400 тысяч новых рабочих мест, а также снизить уровень регистрируемой безработицы с 16% до 5%. Главные направления Стратегии: развитие топливно-энергетической, туристическо-рекреационной, агропромышленной и инвестиционно-образовательной сфер. К реализации масштабных проектов планируется привлечение частного и банковского капитала под государственные гарантии. Предполагается, что они будут покрывать до 70% от стоимости проектов.

Безусловно, стратегия, предложенная А. Г. Хлопониным, амбициозна, открывает возможности для массированных инвестиций в развитие СКФО, но она размывает проблему российской идентичности на Северном Кавказе, которая не сводится только к финансово-экономическим аспектам, а имеет определяющее ценностно-культурное измерение, человекообразность. Большинство замыслов концепции ориентировано на развитие мелкого и среднего бизнеса в сфере услуг, что не учитывает местный менталитет и будет не модернизировать и преодолевать этноцентризм и клановость, а откроет перед ними новые адаптационные возможности, так как такой бизнес будет носить семейный, клановый характер с неизбежным выходом в политику [7, с. 84].

Одновременно, как представляется, нельзя игнорировать религиозные аспекты происходящего на Кавказе, где в течение последних лет произошел процесс «растекания джихада» и сложилось устойчивое сетевое сообщество боевиков-исламистов. Попытаться разрешить эту проблему, в основе которой лежит постоянно развивающаяся идеологическая доктрина радикального исламизма, а также проблему деформации региональной идентичности исключительно материальными мерами, увеличением числа рабочих мест представляется не совсем верным. Попытка объяснения роста исламистских настроений исключительно экономическими вопросами заводит в тупик, поскольку косвенную связь между этими явлениями невозможно уничтожить исключительно увеличением числа рабочих мест. Отсутствие альтернативной идеологии или хотя бы попыток ее формулирования и формирования государством осложняет ситуацию в северокавказском регионе. Без решения этого вопроса невозможно преодолеть и кризис идентичностей.

В этой связи практически сразу же после публикации Стратегии стали появляться предложения о необходимости ее переосмысления и улучшения. Речь в данном случае идет о том, что разработка «Стратегии социально-экономического развития СКФО» «под копирку» других аналогичных «Стратегий» (с некоторыми поправками на специфику региона) и в формате жестко регламентирующей работу над этими документами методики Минэкономразвития РФ не создаст необходимых организационных импульсов и условий для концентрации федеральных, региональных и местных ресурсов на решение ключевой задачи — задачи модернизации хозяйственных укладов и социальной организации повседнев-

ной жизни северокавказского социума, которая непосредственно связана со снижением его конфликтогенности и противодействием терроризму, будет обрекать регион на «замораживание» застарелых проблем и противоречий. Обычная «нормальная» стандартизированная модель «Стратегии», разработанная по прежним лекалам, как отмечают специалисты, не в полной мере подходит для Северного Кавказа, ибо в отличие от всех других российских регионов, ключевой проблемой для Северного Кавказа является «погашение» действия социальных институтов, процессов, механизмов и социальных структур, повседневно воспроизводящих конфликтогенное напряжение в регионе и его крайнюю форму — религиозно-политический экстремизм, терроризм, бандитское подполье [8, с. 9].

Эксперты отмечают, что стабилизация экономики не остановит уход молодежи «в леса» и процесс ее радикализации. В то же время, наличие «лесных» и их связи с региональными политиками и бизнесменами не даст возможности направить выделяемые средства по назначению. Более того, вся Стратегия построена на инвестиционных проектах. Однако инвестиции без институциональных реформ ведут к увеличению разрыва между богатыми и бедными и росту коррупции. Поэтому, полагают некоторые эксперты, выделяемые средства опять будут перераспределены региональными элитами [9].

В этой связи «Стратегия» развития СКФО должна быть «заточена» на поиск ключевых механизмов и технологий регионального менеджмента, снижающих воспроизводство конфликтогенных факторов, порождающих проявления сепаратизма и терроризма. Региональная конфликтогенность — следствие динамичного развития социума, неравномерности и разновекторности протекания на территории региона процессов модернизации (или их противоположных форм — натурализации, деиндустриализации, консервации и т. п.). Региональная конфликтогенность — одна из базовых, фундаментальных характеристик региональной социально-экономической системы, наряду с такими ее атрибутами, как устойчивость–неустойчивость, цикличность, риски и др. Она обусловлена наличием бесконечного множества («спящих» до поры до времени) разнообразных факторов, ни один из которых не может быть признан универсальным (или доминирующим), пока они находятся в латентном состоянии, но комбинация которых, как всегда, создает «критическую массу» для выхода конфликтогенного потенциала на поверхность социальных процессов в сферу социальных практик. Особенно опасно их резонансное взаимодействие. Поэтому для Северного Кавказа, в отличие от других регионов России, предпочтительной может стать «Стратегия», разработанная не по типовому шаблону, а та «Стратегия», которая будет ориентирована по «всему фронту» на снижение действия долгосрочных, устойчивых, «укорененных» конфликтогенных факторов, имеющая неприменную антитеррористическую направленность. Одновременно одной из ключевых составляющих «Стратегии» для СКФО, по-видимому, должна стать целенаправленная внешнеэкономическая политика по привлечению ресурсов стран Черноморско-Каспийского региона, стратегия изменения инвестиционного климата в геоэкономическом пространстве Северного Кавказа [7, с. 21, 27, 29].

Развитие политического процесса доказывает отсутствие пока еще у российского руководства четкой, ясной и, что немаловажно, последовательной кавказской политики. Нынешняя ситуация на Северном Кавказе такова, что игнори-

рование или недоучет эволюции «исламского фактора», его влияния на формирование региональной идентичности не позволяет верно оценить происходящее и лишает возможности точно прогнозировать дальнейшее развитие событий, а потому отношение к этому важному аспекту внутренней региональной политики нуждается в корректировке.

Тем не менее, негативные сценарии развития ситуации на Северном Кавказе не являются фатальными, а проблемы СКФО неразрешимыми. Для их решения необходимо желание, политическая воля, полномочия, ресурсы, современное управление процессами. Безусловно, федеральным и региональным властям придется снизить степень давления на общество таких негативных атрибутов российской современности, как клановость, казнокрадство и коррупция. И, конечно, нельзя утратить те позитивные результаты, которые были достигнуты в предыдущие годы по формированию и укреплению общероссийской идентичности в регионах страны, в том числе на российском Юге и Северном Кавказе.

Список использованной литературы:

1. Авксентьев В. А., Шаповалов В. А. Ключевые проблемы конфликтологических исследований с учетом социально-политической специфики региона // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного федерального округа.—Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.
2. Черноус В. В. Юг России в нулевые и после раздела на два федеральных округа // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Часть 1. Южный федеральный округ / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 63.—Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010.
3. Добаев И. П. Современный терроризм: региональное измерение.—Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2009.—170 с.
4. Добаев И. П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России.—М.—Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2011.—180 с.
5. Авксентьев В. А., Бабкин И. О., Хоц А. Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе // Социс.—2006.—№ 10.—С. 41–47.
6. Известия.—2010.—30 сент.
7. Черноус В. В. Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России // Южно-Российский Форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география.—2010.—№ 1.
8. Колесников Ю. С. Какая «Стратегия» нужна Северному Кавказу (взгляд из провинции) // Южно-Российский Форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география.—2010.—№ 1.
9. www.kavkazmemo.ru.—2010.—9 февр.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ПОДРОСТКОВ
О МЕСТЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ РОССИИ В МИРОВОМ
СООБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ УЧАЩИХСЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МАХАЧКАЛЫ)

В отношении структуры новой мировой системы, приходящей на смену биполярному миру, нет единства мнений. Одни исследователи и аналитики, указывая на особую роль США — единственной сохранившейся супердержавы, — говорят о ее моноцентричности. Другие отстаивают полицентрический характер данной системы, утверждая, что США уже не имеют и не могут иметь тех позиций, которые занимали бы, случись распад СССР не в начале 1990-х, а лет на 30–40 раньше. Действительно, за это время появились новые центры силы — Европейский Союз, Китай, Япония, исламский мир. Постсоветской России предстоит найти в этой системе свое место [1, с. 494].

По исследованиям Аналитического центра Юрия Левады, большинство россиян в 2007 г. не имели ясного и четкого представления о том, в каком направлении движется наша страна. Лишь 18% опрошенных сказали, что они хорошо понимают, какие цели ставят перед ней нынешнее руководство России; 42% опрошенных заявили, что у них есть довольно смутное представление об этом, остальные ответили, что у них нет никакой идеи относительно данного вопроса (24%), либо, по их мнению, дела в стране пущены на самотек (9%), а 8% затруднились вообще ответить на этот вопрос [2, с. 257].

По результатам опроса ИС РАН (сентябрь–октябрь 2009 г.), большинство россиян достаточно сдержанно оценивают результаты внешнеполитической деятельности российского руководства «эпохи Путина». Лишь 22% опрошенных не только оценивают перемены в этой сфере со знаком плюс, но и считают их значительными, в то время как 39% не видят ни особых провалов, ни особых достижений. Вообще не усматривают никаких изменений, либо считают их негативными 27% опрошенных. Если в 2002 г. более трети россиян казалось, что России удалось улучшить свои отношения с США, то к 2009 г. число «оптимистов» упало до 29%, а число «пессимистов» напротив удвоилось. Тем не менее, и тогда и сейчас большинство (51% и 46%) полагали и полагают, что российско-американские отношения нельзя оценить однозначно, поскольку в них были и есть достижения и провалы. Соответственно, нашей стране в каких-то вопросах удалось укрепить свои позиции, а в каких-то нет [3, с. 5].

Итак, в России продолжают «поиски» объединительной национальной идеи; идут жаркие споры вокруг принципиальной стратегии политического и социально-экономического развития страны; сталкиваются, порой диаметрально противоположные, точки зрения на ее недавнее и далекое прошлое, ее место, роль в современном миропорядке и ее судьбу в XXI в. Современное подрастающее поколение — конкретно учащиеся 10–11-х классов — опрошенных, «подростки», которые сегодня являются только заинтересованными свидетелями, наблюдателями этой идеологической борьбы, завтра непосредственно включатся в нее, де-

лая тот или иной электоральный выбор, участвуя в политических и социальных движениях, акциях» [4, с. 32].

Для выявления самых общих представлений о чувствах, которые остальной мир испытывает к России, подросткам были предложены 4 вопроса (см. табл. 1).

Представления учащихся 10–11-х классов образовательных учреждений Махачкалы о месте и перспективе России в мировом сообществе по вопросам:^{1,2}

1. На твой взгляд, какие страны в настоящий момент можно отнести к мировым лидерам³?

2. А какие страны будут мировыми лидерами через 10 лет?

3. С твоей точки зрения, какие страны относятся к России наиболее дружелюбно?

4. А какие страны относятся к России наиболее недружелюбно?

Отвечая на вопрос: «С твоей точки зрения, какие страны относятся к России наиболее дружелюбно?» они назвали в числе таких 31 страну и 10 групп стран, объединенных по тому или иному признаку — географическому, этническому, религиозному. Эти страны представляют почти все континенты. Рейтинг возглавляет Китай; его назвали 19% из числа опрошенных. За ним следуют Белоруссия и США (по 13% из числа опрошенных). За ними следуют: Франция (12%), Украина (9%), Страны СНГ (8%), Казахстан (6%), Германия, Польша, Венесуэла (по 4%), Азербайджан, Армения, Бразилия (по 3%).

В ответах на альтернативный вопрос: «А какие страны относятся к России наиболее недружелюбно?» — 21 страна и 5 групп стран. Лидером в этом негативном рейтинге является США, ее назвали 117 респондента (37% из числа опрошенных). Вот остальные страны первой десятки по мере убывания их удельного веса: Грузия (24%), Украина (11%), Япония, Англия, страны Прибалтики (по 3%), Франция, Германия, Польша (по 2%).

Итак, по нашему исследованию (см. табл. 1), негативные отношения правнуки победителей демонстрируют в отношении США, Грузии и Украины. В то же время, существующие отдельные разногласия российских и белорусских властей практически не повлияли на отношения наших респондентов к Белоруссии. Оценкам, которые даются отдельным странам, присуща очевидная амбивалентность: одной и той же стране респонденты приписывают две прямо противоположные позиции в их отношении к России. У опрошенных учащихся позитивная оценка страны численно преобладает над негативной в случае Китая, Франции, Герма-

¹Опрос проводился методом анкетирования среди учащихся 10–11 классов образовательных учреждений Махачкалы в марте–апреле 2010 г. Всего было опрошено 316 респондента — подростки от 15 до 17 лет: 85 (27%) аварской, 46 (15%) даргинской, 35 (11%) кумыкской, 33 (10%) лезгинской, 50 (16%) лакской, 37 (12%) русской, 30 (9%) другой национальностей. 46% составили юноши.

²В таблице 1 не указаны: по 1 вопросу — Израиль, Пакистан, названные лакцами; Австрия, Корея — русскими; Швеция — другими. По 2 вопросу: мусульманские страны — даргинцами; Израиль — лакцами; Страны Восточной Европы — русскими. По 3 вопросу: Латинская Америка, Швеция, Болгария, славянские народы — лезгинами; Абхазия, соседи, Арабские страны, кавказские страны — лакцами; Абхазия, кому нужна нефть — русскими; Таджикистан — другими. По 4 вопросу: Израиль — даргинцами; Эстония, почти все страны — лакцами; Молдова, Латвия — русскими.

³Тип вопроса открытый.

нии, Белоруссии. Негативная оценка над позитивной — в случае США, Японии, Украины, Грузии. Сбалансированная оценка дается Англии.

Таблица 1

Ответы		Все опрошенные по вопросам (в абс. числах и %)							
		1		2		3		4	
		Чис.	%	Чис.	%	Чис.	%	Чис.	%
		316	100	316	100	316	100	316	100
1	США	220	70	59	19	42	13	117	37
2	Россия	142	45	112	35	1	0.3	—	
3	Китай	105	33	80	25	59	19	2	0.6
4	Япония	71	22	36	11	8	2.5	10	3
5	Франция	57	18	14	4	38	12	7	2
6	Англия	58	18	20	6	10	3	10	3
7	Германия	63	20	17	5	14	4.4	5	2
8	Ст. зап. Евр.	11	3	1	0.3	4	1.2	2	0.6
9	Канада	11	3	2	0.6	1	0.3	1	0.3
10	ОАЭ	4	1.2	4	1.2				
11	Сауд. Ар.	3	1	4	1.2			1	0.3
12	Евросоюз	1	0.3	1	0.3				
13	Индия	2	0.6	7	2.2	4	1.2	1	0.3
14	Бразилия	1	0.3	2	0.6	9	3		
15	Италия	8	2	7	2.2	4	1.2		
16	Иран	2	0.6	2	0.6			2	0.6
17	Дагестан	2	0.6	1	0.3				
18	Чечня	6	2						
19	Турция			1	0.3				
20	Азербайджан			3	0.9	11	3.5		
21	Испания	2	0.6	2	0.6				
22	Монголия	1	0.3	2	0.6				
23	Ст. Африки			2	0.6	2	0.6		

24	Аз. страны	1	0.3	2	0.6	1	0.3		
25	Гондурас			1	0.3	1	0.3		
26	Венесуэла					12	3.7	1	0.3
27	Страны СНГ					24	8	1	0.3
28	Казахстан					18	6		
29	Украина			1	0.3	29	9	36	11
30	Польша					13	4	7	2
31	Армения	1				9	3		
32	Грузия	0.3				2	0.6	76	24
33	Узбекистан					2	0.6		
34	Греция					1	0.3		
35	Куба	1	0.3	1	0.5	8	2.5		
36	Ирак			1	0.3			1	0.3
37	Афганистан			1	0.3			1	0.3
38	Ст.быв. ССР					2	0.6		
39	Чили					1	0.3		
40	Белоруссия					4	13	1	0.3
41	Мексика					1	0.3		
42	Аргентина					3	0.9		
43	Прибалт. стр.							9	3
44	Стр. НАТО							4	1.2
45	Швейцария	3	1						

Представляют интерес ответы респондентов на первые два вопроса, относительно того, *кого можно отнести к мировым лидерам в настоящий момент и через десять лет?* Отвечая на первый вопрос, респондентами были названы до 50 стран и групп стран (43 и 7 соответственно): в настоящий момент можно отнести к мировым лидерам, по мнению 70% опрошенных, — США, 45% — Россию, 33% — Китай, 22% — Япония, 20% — Германию, по 18% — Англию и Францию.

Что касается ответов на второй вопрос: «*А какие страны будут мировыми лидерами через десять лет?*» — нельзя не заметить «достаточно высокий уровень прагматизма» подрастающего поколения, «когда речь заходит о геополитических целях, к которым должна стремиться наша страна».

По нашему исследованию, более трети опрошенных (35%) считают, что через десять лет мировым лидером будет Россия, когда в данном статусе, по представлением 25% опрошенных учащихся, — Китай, 19% — США, 11% — Япония, 6% — Англия, 5% — Германия, 4% — Франция.

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что, по исследованиям ИС РАН, мыслить в категориях «сверхдержавы» склонны представители старшего поколения россиян. «Так, 50% россиян старше 60-ти лет хотели бы видеть Россию именно как воссозданную сверхдержаву, такую, какой был в свое время СССР. В группе тех, кому не более 20 лет, таких всего 21%, а доминирует мнение, что Россия должна войти в число 10–15 ведущих стран мира (62%) [1, с. 9].

В нашем случае, рассматривание России через 10 лет 35% опрошенных в качестве мирового лидера, можно сказать, совпадает со стремлением представителей всех основных возрастных, образовательных и социально-профессиональных групп видеть страну и как одну из ведущих держав мира.

Как известно, «процесс соотношения между центрами силы на мировой арене продолжается. Однако роль России в этом процессе остается не вполне определенной» [1, с. 494].

Список использованной литературы:

1. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. Учебное пособие / Под ред. В. А. Ядов.—М.: Флинта, 2005.—583 с.
2. Кончаловский А. С., Пастухов В. Б. На трибуне реакционера.—М.: Эксмо, 2007.—320 с.
3. Петухов В. В. Внешнеполитические приоритеты массового сознания россиян // Социологические исследования.—2010.—№ 11.—С. 3–13.
4. Подростки и юношество в многонациональной Москве: формирование этнического самосознания и межэтнических отношений / В. Д. Шапиро и др.—М.: Изд-во ИС РАН, 2007.—80 с.—(ИНАБ. Информационно-аналитический бюллетень; № 3).

М. Р. Кулова

ДОТАЦИОННОСТЬ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ИХ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

В современной политической системе России составным элементом всей институциональной матрицы федеративных отношений является финансово-экономическое измерение федерализма, задающее распределение финансовых и экономических возможностей между центром и регионами.

Исследование некоторых особенностей организации межбюджетных отношений и уровня дотационности республик Северного Кавказа способствует более полному описанию их политико-экономической субъектности.

Само понятие политико-экономической субъектности региона возникает необходимым образом для фиксации сложившейся практики политических и финансово-экономических взаимоотношений федерального центра и территорий. Политико-экономическую субъектность региона следует рассматривать в связи с его полномочиями и правами в качестве субъекта Федерации.

Нормативно-правовой каркас субъектности региона определяется Конституцией РФ, Федеративным договором 1992 г. и двусторонними договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между центром и регионами.

В число регионов, первыми подписавшие индивидуальные Договоры с федеральным центром, вошли два северокавказских субъекта — Кабардино-Балкарская Республика (1994 г.) и Республика Северная Осетия-Алания (1995 г.).

Исследование процесса селективной и произвольной передачи ресурсов и полномочий в отдельные субъекты приводит к мысли о «весьма полезном для анализа федеративных отношений в РФ разделении регионов на «политические» и «административные» [1]. Как отмечает О. В. Гаман-Голутвина, «мы не можем определять в качестве политической такую систему управления, в рамках которой существует монополия государства на власть и отсутствуют отличные от государства субъекты и центры власти, а, значит, и отношения по поводу распределения власти» [2, с. 25]. Отсюда следует вывод, что регионы, имеющие право вести торг с Центром по поводу распределения власти, политические, их тогда два — Республика Татарстан и Чеченская республика, все остальные — административные.

Взаимосвязь политических и экономических компонентов субъектности регионов отражается в механизме бюджетного регулирования, модели межбюджетных отношений, особенностях формирования нисходящих и восходящих финансовых потоков.

Модель межбюджетных отношений 2000-х гг. характеризуется излишней централизацией доходов, изъятием налоговых источников при расширении расходных обязательств. В постсоветское время сформировалась следующая система выравнивающих финансовых механизмов развития регионов:

— Фонд финансовой поддержки регионов (ФФПР), созданный в 1994 г. как основной инструмент.

— Федеральный фонд компенсаций (2001 г.), предоставляющий субвенции на выполнение федеральных законов, в частности, на оплату жилищно-коммунальных услуг отдельным категориям граждан, обеспечение социальной поддержки лиц, награжденных знаком «Почетный донор СССР» и др.

— Фонд софинансирования социальных расходов (2002 г.) для поддержания определенного уровня предоставления основных общественных благ, субсидии с целью частичного возмещения расходных обязательств субъектов на обеспечение мер социальной поддержки реабилитированных лиц, тружеников тыла, ветеранов труда, на выплату государственных пособий для детей и т. д.

— Федеральный фонд регионального развития в целях поддержки инвестиций в региональную инфраструктуру.

— Фонд реформирования региональных финансов, предназначенный для выделения регионам средств на конкурсной основе при условии выполнения ими программ реформ в бюджетной сфере.

Можно выделить две опции расчета дотационности региона, соотнесение средств ФФПР с консолидированным бюджетом региона и соотношение суммы безвозмездных поступлений из федерального бюджета с консолидированным бюджетом региона.

Анализ динамики долей трансфертов из ФФПР в собственных доходах бюджетов субъектов СКФО с учетом финансовой помощи из ФФПР в субъектах СКФО показывает изменение дотационных форм бюджетного регулирования (табл. 1). Максимально высокая доля трансфертов из ФФПР в собственных доходах региональных бюджетов в 2002 г. имела место в Карачаево-Черкесской Республике — 91,3%, минимальная доля (36,6%) — в Ставропольском крае. В 2003 г. эта доля выросла во всех субъектах СКФО, за исключением КБР, ее максимальное и минимальное значения составили соответственно 90,5% в Республике Ингушетия и 29,7% в Ставропольском крае. При общем сокращении долей трансфертов во всех субъектах СКФО в 2004 г. наибольшее снижение произошло в КЧР — на 17,9% и в РСО-Алания — 9,8%.

Таблица 1

Доля трансфертов из ФФПР в собственных доходах бюджетов субъектов СКФО с учетом финансовой помощи из ФФПР (%)

Субъект СКФО	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Республика Дагестан	85,5	86,2	81,3
Республика Ингушетия	86,0	90,5	88,3
Кабардино-Балкарская Республика	78,8	82,9	73,4
Карачаево-Черкесская Республика	91,3	80,4	62,5
Республика Северная Осетия-Алания	64,8	69,0	59,2
Чеченская Республика	74,3	85,2	79,4
Ставропольский край	36,6	29,7	27,0

Источник: Минфин РФ.

Приведенные в табл. 1 данные могут быть интерпретированы в русле известной концепции политических «бизнес-циклов» В. Нордхауса. Описание цикла реализации политического курса, предусматривающего некоторую экономию финансовых средств непосредственно после выборов и щедрое их распределение

прямо перед выборами в контексте избирательного сезона 2003–2004 гг., очевидным способом проявляет роль политических факторов в межбюджетных отношениях.

Статус высокодотационного субъект Федерации получал, если, в частности, в соответствии с ФЗ «О федеральном бюджете на 2003 г.» отношение объема выделяемых ему средств ФФПР к его консолидированному бюджету было выше 25% за 2 последние года.

Рассмотрим динамику уровня дотационности в течение 2002–2009 гг. на примере РСО-Алания (табл. 2). В рассматриваемый период, несмотря на краткосрочные понижающие тренды (25%) в 2005 г., уровень дотационности республики оставался высоким в диапазоне 37,1% в 2002 г., и 26,0% в 2007 г. и 26,7% в 2009 г.

Таблица 2

Динамика уровня дотационности консолидированного бюджета РСО-Алания в 2002–2009 гг.

Наименование показателя	2002 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.
Дотации из ФФПР (млн. руб.)	2153,8	2445,0	3699,8	4575,0
Доходы консолидированного бюджета (млн. руб.)	5802,5	9831,0	142117,6	17103,8
Уровень дотационности (%)	37,1	25,0	26,0	26,7

Минфин РФ, Росстат, расчеты автора.

Роль политического фактора в распределении межбюджетных средств в определенной степени позволяет выявить динамика душевых безвозмездных перечислений, отнесенная к среднероссийскому значению [3]. Как видно из табл. 3, максимальный прирост душевых безвозмездных перечислений в 2005 г. наблюдался в Чеченской Республике — 207 процентных пункта (п. п.). Существенный прирост данного показателя отмечен в Республике Ингушетия (80 п. п.), Ставропольском крае (38 п. п.) и Карачаево-Черкесской Республике (30 п. п.).

Снижение уровня душевых безвозмездных перечислений произошло в Республике Дагестан (170 п. п.) и Кабардино-Балкарской Республике (5 п. п.). Неизменным оставался уровень душевых безвозмездных перечислений в РСО-Алания.

В 2009 г. во всех субъектах СКФО, за исключением Чеченской Республики, имевших в 2005 г. прирост душевых безвозмездных перечислений, уровни перечислений снизились. Чеченская Республика оказалась единственным субъектом, сохранившим растущую динамику рассматриваемого показателя в 2009 г., хотя и на меньшем уровне относительно 2005 г., соответственно 207 п. п. и 33 п. п.

Анализ динамики душевых безвозмездных перечислений субъектов СКФО наглядно демонстрирует, кроме финансово-экономического потенциала регионов, их политический вес. Высказанное выше суждение об отнесении Чеченской Республики к политическим регионам, в противовес административным, находит свое подтверждение в максимальных для СКФО значениях душевых безвозмездных перечислений в регион на протяжении нескольких лет.

Сравнение показателей душевых безвозмездных перечислений субъектов СКФО и других российских регионов показывает, что северокавказские территории не являются монопольными получателями значительных душевых безвозмездных перечислений. Например, в Коми-Пермяцком АО значение данного

показателя составило в 2000 г. 560%, в 2004 г. — 550%, в 2006 г. — 490%, в Республике Тыва — 690%, 550% и 450% соответственно, в Республике Саха — 550%, 420% и 480% [3].

Таблица 3

**Душевые безвозмездные перечисления в субъекты СКФО,
отнесенные к среднероссийскому значению(%)**

Субъект СКФО	2001 г.	2005 г.	2009 г.	Прирост, сокращение п. п. в 2005 г. по сравнению с 2001 г.	Прирост, сокращение п. п. в 2009 г. по сравнению с 2005 г.
Российская Федерация	100	100	100		
Республика Дагестан	320	150	160	-170	+10
Республика Ингушетия	260	340	230	+80	-110
Кабардино-Балкарская Республика	205	200	120	-5	-80
Карачаево-Черкесская Республика	210	240	180	+30	-60
Республика Северная Осетия-Алания	240	240	140	0	-100
Чеченская Республика	210	417	450	+207	+33
Ставропольский край	82	120	80	+38	-40

Министерство финансов РФ, Росстат, расчеты автора.

Одним из чувствительных для региональных властей республик Северного Кавказа эпизодов в течение существования института полпредов был связан с предложением Полпреда Президента в ЮФО Д. Козака лишить части властных полномочий региональное руководство. Предложение, встретившее достаточно критичное отношение со стороны местных элит, заключалось во введении внешней финансовой администрации в дотационных регионах с неэффективным расходованием бюджетных средств. В 2010 г., после переназначения Главы республики Т. Мамсурова, в продолжение ранее поднятой темы внешней финансовой администрации впервые за весь постсоветский период министром финансов РСО-Алания стал «варяг». Назначение федеральным центром «своего» человека во главе ключевого органа исполнительной власти республики является проявлением недоверия центра к республиканской власти и проявлением стремления более жесткого контроля целевого использования получаемых регионом трансфертов.

Системный подход к проблеме снижения дотационности Северного Кавказа связан с поиском эффективной модели межбюджетных отношений на этапе децентрализации, осуществлением модернизационных процессов в регионе в контексте модернизации всей страны. Использование точечных административных мер в виде рассадки лояльных чиновников на ключевые должности в республиках, распределение межбюджетных трансфертов в зависимости от лоббистских возможностей местных элит не способствует укреплению финансовой самодостаточности региона. Акцентирование на дотационном характере экономик северокавказских республик на фоне не меньшей финансовой поддержки отдельных депрессивных российских регионов имеет безусловную политическую подоплеку, задающую рамки ограничений для социально-экономического развития Северного Кавказа. Двойственность дотационности как фактора политико-экономической субъектности северокавказских республик определяет необходимость учета всей совокупности политических, экономических и социальных предпосылок при разработке долгосрочных и среднесрочных программ развития региона. Это, в свою очередь, требует существенной корректировки политики федеральной власти в бюджетной сфере, модернизации федеративных и международных отношений.

Список использованной литературы:

1. Ковалев В. А. Российский федерализм: необходимость новой попытки // Проблемы государственной политики регионального развития. Материалы Всероссийской науч. конф.—М.: Научный эксперт, 2008.—С. 478.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции.—М.: РОССПЭН, 2006.—448 с.
3. Мильчаков М. В. Выравнивающие финансовые механизмы федерального центра: современные тенденции и территориальные изменения // Проблемы государственной политики регионального развития. Материалы Всероссийской науч. конф.—М.: Научный эксперт, 2008.—С. 521.
4. Стародубцев А. Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России.—СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2009.—(Препринт № М-02/09).

А. Кривенюк

ВЗГЛЯД НА КАВКАЗ И РОССИЙСКО-АБХАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АБХАЗСКИХ СМИ

Прежде всего стоит отметить, что в абхазских СМИ вы не найдете практически никакой информации о событиях, происходящих за хребтом или в странах Южного Кавказа. К этому нет никакого интереса. По-моему, это одно из доказательств того, что на сегодня Южный Кавказ не является регионом в общепринятом смысле этого слова. Коммуникации и связи между Абхазией и ее соседями по региону отсутствуют. Соответственно, процессы, происходящие в соседних странах, абхазские СМИ не интересуют.

Это с одной стороны, с другой стороны, существует определенный интерес к событиям на Северном Кавказе, а именно к обсуждению черкесской темы. Однако, абхазские СМИ не могут похвастаться значительным количеством материалов по этой теме.

Совершенно по-другому обстоят дела с освещением российско-абхазской проблематики. Это очевидно. Тут есть пространство для работы. Поделим освещение отношений с Россией на несколько сюжетных веток.

Это российская финансовая помощь, многочисленные двухсторонние соглашения и договоренности, отдельной строкой частые скандалы вокруг границы, дач, санаториев и т. д. Есть пласт аналитики, касающейся экономической стороны взаимодействия с Россией. В общем, российско-абхазские отношения в абхазской прессе представлены хорошо. Я не побоюсь сказать, что российско-абхазская проблематика является основной темой освещения в СМИ вообще.

Очень легко поделить абхазские СМИ в плане градуса освещения отношений с Россией. Государственные СМИ почти ежедневно сообщают о заключении все новых соглашений и договоренностей, визитах и встречах официальных лиц. Ну и иногда те же государственные СМИ, прежде всего АГТРК, используются властями как инструмент для того, чтобы повесить на кого-нибудь ярлык «антироссийства». Происходит это обычно в разгар очередного политического скандала, когда власть подключает к борьбе все свои инструменты.

Совершенно другой градус освещения абхазо-российских отношений в независимой, а честнее говоря, в оппозиционной прессе. Соглашения и договора журналистов не интересуют, они зорко следят за тем, чтобы в сотрудничестве с российской стороной власти «не перегибали палку». Разберем обе эти линии. Посмотрим на интонации и сюжеты «российской темы» в государственных СМИ. Я уже сказал, что 90% объема информации — это разного рода соглашения и визиты. Еще 10% — это политические кампании, преследующие цель скомпрометировать оппонентов власти. Я думаю, второе нам более интересно. Власть очень умело использовала до последнего времени так называемое «общественное мнение». Глубоко советский, по своей сути, метод, однако, как минимум, в одном случае он сработал очень эффективно. Технологически все выглядит так: глава администрации какой-нибудь деревни собирает людей, к ним приезжают телекамеры, людям говорят: вот такие-то и такие-то выступили против

России, они «прозападные», «прогрузинские» и все в том же духе. Для деревенских, пожилых людей этого достаточно, чтобы они начали толкать прочувственные обличительные речи. Так наклеивается в Абхазии ярлык антироссийства. Я сейчас могу привести только два примера использования этой технологии, хотя, наверняка, этих примеров больше. Впервые власть использовала людской ресурс для того, чтобы обвинить оппозицию в антироссийских настроениях в конце весны 2009 г., когда оппозиция единым фронтом выступила против соглашений между властями Абхазии и российскими монополиями, в первую очередь, РЖД.

Тогда это имело успех. В российских СМИ оппозиционеров какое-то время действительно называли «антироссийскими». Хотя мне трудно представить себе антироссийски настроенного лидера партии ЭРА Беслана Бутба, имеющего в Москве бизнес, который и питает его политическую деятельность.

Второй пример — это кампания против блоггера Ахры Смыра. Он позволил себе спорное с точки зрения политкорректности высказывание о том, что Абхазия, перенимая российские повадки, будто общается с инфицированным партнером. Это заявление сильно оскорбило российского посла Семена Григорьева, и власти решили повторить свой успешный опыт 2009 г., устроив Смыру общественную обструкцию. Однако в этот раз все выглядело комично, ибо призванный для этого актив Гудаутского района даже не смог разобраться, о чем идет речь.

Самое печальное, что активистами государственных изданий в подобных случаях раздувается истерика с попутными обвинениями людей в «прогрузинскости» и т. п.

Совершенно иной дискурс развивается в негосударственных СМИ. Самая активно обсуждаемая тема в них — эффективность и прозрачность расходования российской финансовой помощи в Абхазии. Будем говорить как есть — в Абхазии нет не государственных, популярных печатных СМИ, которые с симпатией относились бы к властям. По крайней мере, так было до сих пор. После выборов реалии могут быть другими.

Соответственно, к негосударственным печатным изданиям имеют доступ оппозиционные политики. Во время скандала вокруг эффективности использования российской финансовой помощи в начале этого года данное обстоятельство сыграло решающую роль. Дело в том, что в комиссию, призванную проследить за прозрачностью и эффективностью этих расходов, были включены и парламентарии от оппозиции. Они открыто изложили в прессе всю информацию о злоупотреблениях и хищениях при освоении российских денег, и именно они озвучили цифру в 347 млн российских рублей, которые использованы непонятно каким образом. Фактически, они раскрыли, естественно, закрытый доклад Счетной палаты Российской Федерации, где имела место эта цифра. Пресса поставила в недвусмысленную ситуацию и бывшего президента Сергея Багапша, и счетную палату РФ. И дело даже не в том, что им пришлось оправдываться — впервые и Сухум, и Москва проявили сущность своих отношений как «коррупционный стовор» между чиновничеством, имеющим отношение к двухсторонним договоренностям. Потому что глава палаты Степашин во время своего визита в Сухум, отвечая на вопрос о злоупотреблениях, позволил себе вмешиваться во внутривнутриполитический процесс, защищая своих абхазских партнеров.

Этот скандал был, наверное, крупнейшим за весь период российско-абхазских отношений со времени признания. Но он был далеко не единственным. На втором месте сотрясавшие Абхазию до самого последнего времени скандалы вокруг возможной продажи госдачи, пограничный вопрос на Аибге и скандал вокруг российского военного санатория. Оппозиция, а вместе с ней и пресса были склонны обвинять Багапша в сдаче национальных интересов. И, тем не менее, сегодня, после его смерти мы видим, что по факту он из вышеприведенного списка ничего не сдал. Почему так произошло? Не успел, или в этом была его хитрая игра? Ведь не секрет, что он находился не только под жестким прицелом оппозиции, но и всего общества. Вы знаете, абхазское общество — это не массовая культура, и президент не мог закрыться за кремлевской стеной. Он каждый день был среди людей на свадьбах, похоронах, в кофейне. И он знал, как к нему будут относиться, если он отдаст кусок горы России.

Таким образом, Багапшу объективно приходилось быть между двух огней.

Для меня совершенно очевидно, что у Кремля нет никакой политики относительно Абхазии. Каждый раз, когда мы говорим «граница», «санаторий», «монастырь» или еще что-то другое, мы имеем ввиду «руку Кремля». На самом деле, в каждом случае речь идет о конкретных представителях российской стороны, у которых есть интересы в Абхазии. В случае с границей — это олимпийские корпорации, в случае с монастырем — Русская Церковь, а в случае с военным санаторием — министерство обороны РФ.

И это очень важно для понимания процессов, происходящих в Абхазии.

Но вернемся к прессе. Российские лоббисты, которые, безусловно, имеют право на наличие своих интересов в Абхазии, не знают особенностей абхазского поля. Уровень межличностных связей, особенно в элите, таков, что кулуарной политики, как таковой в общем-то не существует. В России же реальная политика и экономика делаются за кадром общественного внимания. Все причины скандалов, о которых я сказал выше, возникали из-за утечек в прессу конфиденциальной информации. Для российской стороны было очевидно, что эти материалы не должны были попасть в прессу. Но в Абхазии, когда председатель комиссии по делимитации границы с абхазской стороны Валерий Кварчия получает бумагу, из которой явствует, что 160 кв. км абхазской территории предлагается передать России, он после этого идет на брехаловку пить кофе и рассказывает об этом десятку собеседников, среди которых кто угодно, и журналисты в том числе. Ему не надо созывать экстренный брифинг, ему достаточно выпить чашку кофе, и завтра то, о чем он говорил в кофейне, будет на первых полосах газет.

Пока что интересы Абхазии соблюдены. Тут тоже есть особенность. Любой материал в абхазской прессе на тему взаимоотношений с Россией — это по большому счету международный скандал. МИД России, который, несомненно, выполняет в этих процессах роль арбитра, пока что немедленно спускал на тормозах все подобные конфликты.

К счастью, в абхазских условиях, статьи в газетах имеют влияние на политический процесс. На данном этапе именно открытость приостановила реализацию проектов, спорных с точки зрения абхазских интересов.

Те примеры, которые я привел, не исчерпывают объем материалов в абхазской прессе относительно тех или иных деталей взаимодействия с Россией. Не хочу

употреблять в этом контексте слово «Россия», ибо речь идет о взаимодействии властей республики с конкретными корпорациями и компаниями, т. е. с бизнесом. Это тоже поле для исследований. Дело в том, что укоренилась такая очень нехорошая практика представлять коммерческие проекты с крупными российскими компаниями, в которых у ряда определенных чиновников существуют вполне личные интересы, как «волю Москвы», как важные вехи в развитии дружбы между Россией и Абхазией. Это очень хитрая практика. Дело в том, что переводя стрелки на Москву, местный бизнес и чиновники с легкостью отводят от себя неприятные вопросы о том, насколько соответствуют те или иные проекты интересам страны.

Можно предположить, что в двух известных примерах сотрудничества с крупным российским бизнесом существует определенный личный интерес абхазских чиновников.

Как пример, деятельность «Роснефти». При всей спорности проекта нефтедобычи, власть, несомненно, имеет право его реализовать. Однако с другой стороны, корпорация, у которой по всей России 1680 автозаправок, вдруг, принимает решение об открытии 12 комплексов в Абхазии. Надо полагать, для Роснефти эти 12 заправок не имеют принципиального значения, а в Абхазии это обрушило национальный топливный рынок. А это уже политические последствия. Когда начинается протест, власти говорят: «это Россия». А на самом деле, не имея собственных ресурсов для раскрутки, чиновники за уши затаскивают в Абхазию российские компании, оправдывая это «рукой Москвы». И Роснефть — просто самый крупный пример.

Надо отметить, что именно в случаях, когда пресса начинает своими выступлениями ломать подобные сделки, со стороны властей и обрушиваются репрессии. И это можно привести как доказательство наличия финансового интереса. Как пример могу привести и свой судебный процесс. В 2009 г. я опубликовал в одном из российских интернет-изданий статью, в которой изложил подробности сделки относительно железной дороги. Не буду вдаваться в подробности, но все, что там происходило, можно назвать «аферой». Самое главное, что было не понять, каким образом страна от всего этого сможет зарабатывать. Буквально через час после того, как на сайте вывесили этот материал, начался грандиозный скандал, инициировал его лично президент. И в моем уголовном деле именно он значится как «потерпевший».

Я сознательно вывел из всего этого ряда последние события в Новом Афоне. Во-первых, в нем есть разные стороны, и не в чистом виде это российско-абхазский вопрос. Во-вторых, это конфликт совершенно нового порядка, свидетельствующий о более глубоких вещах, нежели дразги вокруг распила российской финансовой помощи.

Но поскольку мы сейчас обсуждаем, как все эти темы отражались в СМИ, то начнем с этого. Представителей созданной в Новом Афоне абхазской митрополии не допустили до эфира на АГТРК. Вообще, уже никто не стесняется во власти открыто управлять государственным телевидением и говорить его руководителю, что и как озвучивать. Премьер-министр Сергей Шамба не постеснялся сказать, что не пустит священников на ТВ, и это уже никого не удивляет. Причем, объяснил он это тем, что СМИ и так достаточно озвучивают их позицию. С этим

нельзя не согласиться. Все остальные СМИ не только предоставили афонцам площадку, но и поддержали их. Вы знаете, что речь идет о том, что создана новая Митрополия абхазской церкви, которая намерена серьезно поставить вопрос об автокефалии.

Спустя какое-то время произошло открытое столкновение с Русской Православной церковью, которая запретила афонским монахам служить сроком на один год, поскольку они являются клириками РПЦ.

Афонская митрополия изначально имеет всеобщую общественную поддержку, но ее конфликт с РПЦ лишь усилил ее позиции. Речь идет о том, что Митрополия — это национальный проект в стране, которая усиленно создает эксклюзивное социально-культурное пространство, не связанное уже ни с какой соседней страной. Для меня, например, удивительно, что этот процесс начался с церкви. Это было бы естественно в Грузии или Армении, но не в Абхазии. И, тем не менее, афонские монахи Дорофей и Ампар теперь в Абхазии больше, чем священнослужители, это, наверное, политики нового поколения, которых так ждали.

В такой ситуации, несомненно, именно этот конфликт может иметь самые негативные последствия для отношений с Россией. Во-первых, в отличие от всех остальных конфликтных ситуаций, РПЦ прямо вмешалась в конфликт изначально местного духовенства. То есть, в этом случае российская сторона, при всей сложности церковного вопроса, выступила как участник абхазских внутривнутриполитических процессов, а ее адепты, как например, Андрей Кураев, вступили в прямую борьбу с афонскими монахами. Все это находится за пределами «красной линии», которая четко очерчена абхазским обществом во взаимоотношениях с Россией.

Всем понятно, что события в Новом Афоне — далеко не только внутрицерковный вопрос. Это, как я сказал, и социальный, и политический, и даже геополитический процесс, потому что в широком смысле речь идет о противостоянии Русского и Греческого православия, хотя это пока не так явно проявляется.

И слова Сергея Шамба, очень тонко чувствующего внешнеполитическую конъюнктуру, поэтому понятны: «Процессы в Новом Афоне прямо и негативно отразятся на наших отношениях с Россией».

И последнее: 26 августа будут выборы президента Абхазии. И российско-абхазская проблематика наверняка займет в предвыборной риторике, во всяком случае некоторых кандидатов, свое место. Безусловно, это вопрос, в большей степени интересующий сегодня активную часть населения страны.

Вне зависимости от того, кто придет к власти в Абхазии, характер процессов идет так, что в обществе сохранится тревога в плане соблюдения национальных интересов в отношениях с Россией в широком смысле этого слова, потому что, как я сказал, эти взаимоотношения — чаще сотрудничество с российским бизнесом. В Абхазии нет концепта этих отношений, который был бы принят в условиях общественного консенсуса и был бы поддержан всеми игроками политического поля. Пока нет общего отношения к вопросу о том, какими должны быть отношения с Россией, власть всегда будет под жестким прицелом критики, а резюме большинства материалов в СМИ по российскому вопросу будет таким: «Какова цена признания?» Хотя, собственно Кремль никакого счета, похоже, и не выставлял.

А. Б. Крылов

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ

Значение Южного Кавказа (ЮК) в современной мировой политике определяется тем, что благодаря появлению нескольких независимых государств на месте бывшего российско-советского Закавказья США, НАТО и ЕС получили важный военно-политический плацдарм, а также доступ к энергетическим ресурсам Каспия в обход России и Ирана. Географическая близость и высокая степень интеграции этого региона с Россией определяют ту важнейшую роль, которую он играет в российской политике и экономике, а также определяет характер тех вызовов, с которыми сталкивается Россия в своем уязвимом южном «подбрюшье».

После распада СССР новая геополитическая роль ЮК в сочетании с высоким внутренним потенциалом конфликтности обусловили превращение региона в одну из основных «зон нестабильности» в мире. Наряду с большой, временами несоразмерной ролью внешнего фактора в жизни ЮК сохраняется большое число межгосударственных конфликтов, а также всевозможных проблем внутри каждой из стран региона.

В странах ЮК произошло резкое падение уровня жизни, промышленного и сельскохозяйственного производства, научного, технологического потенциала, социального и медицинского обслуживания. Стремительное расслоение и социальная поляризация привели к формированию в каждой из стран региона богатой прослойки, которая включает в себя государственную бюрократию и тесно связанный с нею бизнес, весьма близкую по своим характеристикам к «новым русским». В регионе так и не сформировалось сколько-нибудь значительного среднего класса, для подавляющего большинства населения два первых десятилетия независимого развития принесли с собой обнищание и деградацию качества жизни.

В результате падения уровня жизни произошло значительное снижение индекса развития человеческого потенциала, массовый выезд на заработки в основном мужчин молодого и среднего возрастов с нарушением нормальной пропорции полов в населении, при этом женский перевес начинается уже в относительно молодых возрастах и затем устойчиво нарастает. В связи с тем, что большая часть потенциальных мигрантов уже выехала (в основном в Россию), масштабы миграции значительно сократились. Но пока нет достаточных оснований полагать, что в ближайшем будущем демографическая ситуация в регионе улучшится. Более вероятно, что во всех странах региона продолжится одновременное уменьшение численности населения и его старение.

Два десятилетия независимого развития ЮК привели к тому, что относительная однородность, унаследованная расположенными здесь государствами от советских времен, была утрачена. Подобная неоднородность в региональном разрезе будет способствовать сохранению высокого потенциала конфликтности внутри каждой из стран ЮК и на международном уровне.

Грузия: без Абхазии и Южной Осетии

Исповедующие евроатлантические ценности власти постсоветской Грузии не сумели провести экономических реформ, промышленность и сельское хозяйство находятся в состоянии глубокого кризиса. Страна выживает лишь благодаря масштабной финансовой помощи от ЕС и США¹. Православие и национальная культура испытывают все возрастающее внешнее давление, происходит размывание национальной идентичности, интеллектуальный потенциал страны имеет устойчивую тенденцию к снижению.

По данным Национального банка Грузии, совокупный внешний долг страны в 2009 г. вырос на 1,329 млрд долларов, или на 18,2% и достиг 8,631 млрд долларов, что составило 80,3% ВВП страны. За год долг государственного сектора Грузии возрос на 477,4 млн долларов до 2,738 млрд долларов, а Нацбанка — на 453,5 млн долларов до 913,7 млн долларов. К 2013 г. для обслуживания внешнего долга потребуется 760 млн лари (458,4 млн долларов по нынешнему курсу), а на проценты — 80 млн лари (48,25 млн долларов) [1]. Очевидно, что таких денег у Грузии нет. Если не поступит новой финансовой помощи (что весьма проблематично в условиях глобального экономического кризиса), Грузия имеет все шансы стать государством-банкротом. В результате противоречащей национальным интересам политики властей Грузия превратилась в государство с ограниченным суверенитетом, заложника трудно прогнозируемых глобальных геополитических изменений. Во многом благодаря отказу тбилисского руководства от самостоятельной внутренней и внешней политики перспективы развития ситуации в Грузии и во всем регионе теперь во многом зависят от политики внешних по отношению к региону игроков — прежде всего США.

До введения в Грузии чрезвычайного положения и разгона массовых акций протеста (ноябрь 2007 г.) Запад высоко оценивал М. Саакашвили в качестве демократического лидера. Но после жестокого подавления оппозиции в Тбилиси и развязанной М. Саакашвили войны в Южной Осетии (август 2008 г.) Грузия утратила образ «витрины» постсоветской демократии. Как констатировала газета «The Washington Post», президент Грузии «повредил американскому продвижению демократии гораздо больше, чем это могла бы сделать дюжина президентов Пакистана, таких, как Первез Мушарраф. Никто не ожидал демократического развития Пакистана, но, что удивительно, США ожидали этого от Грузии. Кроме того, все оправдания Саакашвили, сводящиеся к вмешательству России, нельзя принимать на веру. . . » [2].

Укоренение демократических институтов в постсоветской Грузии столкнулось с наибольшими трудностями в регионе. Здесь до сих пор отсутствует прецедент смены власти путем президентских выборов. З. Гамсахурдия и Э. Шеварднадзе были свергнуты антиконституционным путем. На проведенных в январе 2008 г. по настоянию США² досрочных президентских выборах было осуществлено переизбрание М. Саакашвили на второй срок. При этом электоральная процедура имела формальный характер и была использована как средство легитимации

¹В октябре 2008 г. западные страны выделили Грузии 4,5 млрд долларов финансовой помощи, в 2010 г. США выделили Грузии еще 1 млрд долларов.

²М. Саакашвили заявил о проведении досрочных президентских выборов после своей пятичасовой беседы с послом США Дж. Тэфтом.

продолжения его правления. Фактически оппозиция не имела никаких шансов на победу, так как Саакашвили установил жесткий контроль над всеми ветвями власти, ЦИКом, выборными комиссиями, а также, что особенно важно, над силовыми структурами, которые в состоянии подавить возможные выступления протеста.

Проводимая Тбилиси политика унитаризма и дискриминации этнических меньшинств привела к войнам в Абхазии и Южной Осетии. После разгрома грузинской армии в Пятидневной войне (август 2008 г.) независимость этих республик была признана Россией, Венесуэлой, Никарагуа и Науру. Высокий уровень межэтнического напряжения продолжает сохраняться в районах с азербайджанским населением (Квемо-Картли) и в населенной армянами Джавахетии.

В Грузии сложилась наиболее жесткая в регионе авторитарная модель управляемой имитационной демократии. Правящий режим жестко контролирует политическую жизнь и в состоянии обеспечивать на выборах нужные результаты независимо от того, как проголосуют избиратели. Глубокий социально-экономический кризис, усиление авторитарных тенденций и рост протестных настроений повышает вероятность дестабилизации Грузии.

После окончания Пятидневной войны Грузия заявила о выходе из состава СНГ в знак протеста против «российской оккупации» Абхазии и Южной Осетии. В соответствии с уставом СНГ, процедура выхода Грузии из состава Содружества завершилась через год — 18 августа 2009 г.

Пятидневная война в августе 2008 г. и последовавшее за ней признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии не привели к решению абхазской и югоосетинской проблем, но они изменили свое содержание. Об окончательном решении можно будет говорить либо в случае полного международного признания двух республик, либо после их возвращения в состав Грузии. Очевидно, что о втором варианте можно говорить лишь как о теоретически вероятном в весьма отдаленном историческом будущем.

После военных действий в Южной Осетии и бегства из республики грузинского населения местное общество отличается высокой степенью консолидации на антигрузинской платформе. События августа 2008 г. привели к полной дискредитации тех южноосетинских политических деятелей (Д. Санагоев и др.), которые считали возможным решение проблемы путем возврата республики в состав Грузии в качестве автономии.

Грузинское правительство лишилось надежды на приход к власти в Южной Осетии сторонников компромисса между Тбилиси и Цхинвалом по крайней мере в обозримом будущем. Более того, утрата контроля над частью территории Южной Осетии лишила власти Грузии возможности разыгрывать карту «легитимного параллельного правительства» РЮО как внутри этой республики, так и на международной арене.

Идея развития РЮО по пути укрепления собственной национальной государственности до сих пор не пользуется популярностью в элите и обществе, так как она препятствует национальному объединению осетин в рамках единого государства. Не менее важно, что в современных условиях республика не в состоянии

существовать без масштабной финансовой поддержки России³. В этом отношении Абхазия принципиально отличается от Южной Осетии.

В Абхазии идея государственной независимости получила широкую поддержку в элите и обществе, о былых призывах включить республику в состав России многие местные политики теперь предпочитают не вспоминать⁴. При этом у политической элиты нет достаточно ясного представления о будущем пути социально-экономического развития Абхазии. Несмотря на определенные достижения, пришедший к власти в результате президентских выборов 2004–2005 гг. политический блок не сумел претворить в жизнь своих предвыборных обещаний и обеспечить коренное улучшение социально-экономической ситуации.

Размеры пенсий и зарплат на государственных предприятиях, прежде всего в сфере образования, медицины, в государственных органах и на предприятиях продолжают оставаться низкими, часто символическими. Наблюдается быстрое социальное расслоение общества, которому способствуют масштабные финансовые вливания из России⁵. Это стимулирует рост протестных настроений в среде абхазов и среди местного населения в целом.

Сложными остаются и межэтнические отношения. Низкий уровень рождаемости в среде абхазов и куда более высокий у армянского населения повышает опасность роста напряженности в отношениях между двумя наиболее многочисленными в настоящее время общинами. В случае ужесточения режима на границе Абхазии и Грузии сильно осложнится и положение грузинского (мегрельского) населения Гальского района, что может стать источником подпитки местного протбилисского подполья.

Второй президент Абхазии С. В. Багапш позиционировал себя как гарант внутривнутриполитической стабильности и безопасности Абхазии. На проведенных в декабре 2009 г. президентских выборах он эффективно использовал признание Россией независимости Абхазии, разгром грузинской армии в августе 2008 г. и освобождение Кодорского ущелья, в результате которого власти Грузии лишились возможности разыгрывать карту собственного «легитимного правительства Абхазии».

После Пятидневной войны ситуация на Южном Кавказе коренным образом изменилась. Наши западные партнеры вынуждены считаться с тем, что рассчитывать на «уход России с Кавказа» больше не приходится. Глобальный экономический кризис отодвинул грузинские проблемы на дальнюю периферию мировой

³На восстановление Южной Осетии из российского бюджета в 2008–2009 гг. было выделено свыше 11 млрд руб. Власти Москвы выделили на восстановление Цхинвала еще 1 млрд руб.

⁴После распада СССР руководство и население Абхазии выступали за воссоединение с Россией. В обращении Верховного Совета Абхазии к Верховному Совету РФ от 23 марта 1993 г. содержалась просьба «вернуть Республику Абхазия в состав, либо под покровительство России в соответствующей международно-правовой форме, обеспечивающей мир и безопасность в регионе, сохранение народа Абхазии и необходимого для его существования общего экономического и культурного пространства с Российской Федерацией». В обращении общенародного схода от 16 апреля 1995 г. вновь повторялась просьба к властям РФ о воссоединении Абхазии и России. Только ввиду отсутствия реакции на такие обращения и под влиянием откровенно прогрузинской позиции российской дипломатии в 1994–1999 гг. абхазское руководство было вынуждено пойти на мероприятия по юридическому закреплению государственной независимости.

⁵В 2010–2012 г. российское правительство выделило 10 млрд рублей на социально-экономическое развитие Абхазии.

политики. Одновременно наблюдается резкая активизация дипломатической активности вокруг проблемы нормализации отношений между Арменией и Турцией, а также вокруг урегулирования Карабахской проблемы. Это свидетельствует о возросшей роли Азербайджана и Армении в международной и региональной политике.

Азербайджан

После распада СССР обладающий богатыми сырьевыми ресурсами Азербайджан оказался в регионе в наиболее благоприятном положении. Главным источником доходов стал экспорт энергоносителей на мировые рынки, и экономический рост страны до сих пор базируется на экстенсивном использовании энергетических ресурсов.

Благодаря своему географическому положению и нефтегазовым месторождениям, Азербайджан был и остается для США одним из самых приоритетных государств на постсоветском пространстве. США оказали Азербайджану значительную по объемам помощь в области военного и военно-морского строительства, активно содействовали углублению отношений Азербайджан–НАТО.

США и ЕС провозгласили своей важнейшей задачей преодоление чрезмерной, по их мнению, зависимости Европы от российских энергоносителей. Началось строительство новой системы трубопроводов через Азербайджан, Грузию, Турцию и далее в Европу. Уже построены нефтепровод «Баку — Тбилиси — Джейхан» и газопровод «Баку — Тбилиси — Эрзерум». Администрация Б. Обамы продолжила курс прежней администрации на строительство «Южного энергетического коридора» в обход России и Ирана.

Азербайджанское руководство демонстрирует заинтересованность в развитии энергетического сотрудничества с США и ЕС. Оно не раз заявляло, что сотрудничество Азербайджана с НАТО носит стратегический характер и страна сделала свой выбор в пользу «истинной демократии» и «евроатлантических ценностей». Но для официального Баку такой выбор вовсе не означал отказа от собственного суверенитета и слепого следования в фарватере американской политики. Президент Ильхам Алиев много раз повторял, что нынешние российско-азербайджанские отношения могут служить примером взаимодействия между двумя соседними государствами. На основании существующего высокого уровня взаимопонимания и схожести позиций по многим проблемам глобальной политики И. Алиев заявил о том, что российско-азербайджанские отношения уже достигли уровня стратегического партнерства. В Москве также не скупятся на комплименты в адрес официального Баку. Представители МИД России также не раз заявляли, что российско-азербайджанские отношения достигли уровня стратегического партнерства. Российские власти занимают подчеркнуто отстраненную позицию по отношению к внутривнутриполитическим событиям в Азербайджане. Кремль предпочитает никак не проявлять публично своих симпатий или антипатий по отношению к тем или иным политическим силам в Азербайджане. Но эти симпатии вполне очевидны.

Нынешние оппозиционеры рассматриваются как продолжатели авантюристического и антироссийского курса А. Эльчибея⁶ и поэтому не могут найти в Москве никакой поддержки. При отце же и сыне Алиевых ситуация в Азербайджане вновь стала стабильной, российско-азербайджанские экономические связи были восстановлены и теперь активно развиваются. И это обстоятельство имеет для российского руководства куда более важное значение, чем авторитаризм, нарушения прав человека и т. п. — «недостатки» нынешнего правящего в Азербайджане режима.

Такую же «отстраненно-созерцательную» позицию по отношению к происходящим в Азербайджане событиям занимают США, ЕС и практически все государства, олицетворяющие современную западную демократию. Несмотря на постоянную критику, звучащую в адрес Баку из западных столиц, ничего подобного имевшему место ранее в ряде постсоветских государств массированному вмешательству во внутренние дела и откровенной поддержке оппозиции в Азербайджане не наблюдалось. И это естественно: в международных отношениях собственные национальные интересы куда важнее интересов «продвижения демократии» в других странах.

США рассматривают Азербайджан как удобный плацдарм для расширения политического и военного присутствия в Каспийско-Черноморском регионе, транзитную страну для экспорта энергоносителей из Центральной Азии и важного поставщика энергоносителей. Для ЕС важна не столько военно-политическая составляющая, сколько роль Азербайджана в качестве транзитной страны и поставщика энергоносителей в Европу.

Для России Азербайджан является ценным торговым партнером и важнейшей частью новых транспортных коридоров Север-Юг, которые связывают ее с Ираном и странами Южной Азии. Москва не считает, что расширение военно-политического присутствия США послужит укреплению стабильности в Каспийско-Черноморском регионе. Интересам национальной безопасности России противоречит втягивание Азербайджана в военную операцию против Ирана, что угрожает дестабилизацией ситуации на российских южных границах.

Очевидно, что превращение Азербайджана в транзитную страну для экспорта центральноазиатских энергоресурсов на мировые рынки противоречит интересам российских энергетических монополий, и повлекло бы за собой ослабление позиций РФ в ЦАР и на Южном Кавказе. Российское руководство с успехом нейтрализовало эту угрозу путем развития взаимовыгодного энергетического сотрудничества со странами ЦАР (предоставление транзита на внешние рынки по существующим трубопроводам, собственные закупки нефти и газа и т. п.). В 2009 г. Россия начала закупать газ и в Азербайджане. До этого главными экспортными азербайджанского газа были Грузия и Турция.

Азербайджан имеет контрактные обязательства перед Турцией о поставках с месторождения «Шахдениз» в рамках проекта «Стадия-1» ежегодно 6,3 млрд

⁶Абульфаз Эльчибей был одним из организаторов и руководителей оппозиционного Народного фронта Азербайджана. В июне 1992 г. он был избран президентом Азербайджана, но пробыл во главе страны всего год. За это время социально-экономическое состояние страны катастрофически ухудшилось, азербайджанские войска потерпели ряд сокрушительных поражений на карабахском фронте. В июне 1993 г. мятежные военные свергли А. Эльчибея, который перед своим бегством «официально пригласил» в Баку Гейдара Алиева.

кубометров газа в течение 16 лет. Эти поставки начались в конце 2006 г. По условиям подписанного в 2001 г. контракта его цена была определена в 120 долларов за 1 тыс. кубометров. Вместе с тем, в контракте оговаривалось, что стоимость газа с «Шах Дениз» может быть пересмотрена уже через год после начала поставок и затем это можно будет делать ежегодно по обоюдному согласию сторон. Как указано в контракте, переход на новую цену может начаться с 15 апреля 2008 г. И когда эта дата наступила, Азербайджан заявил о намерении повысить цену, так как она оказалась почти в три раза ниже, чем в Европе. Но турецкая госкомпания Botas выступила против такого повышения. При этом эта компания покупала топливо у «Газпрома» почти в 3 раза дороже, чем в Азербайджане⁷.

Турецкая сторона предложила установить тариф за транзит азербайджанского газа в Европу в размере 70% от общепринятых мировых норм. По словам турецкого министра природных ресурсов и энергетики Т. Йылдыза, цена за прокачку 1 тыс. кубометров газа за каждые 100 км должна составить 2,36 доллара (Украина получает за прокачку российского газа 2,6 доллара). При этом Анкара явно стремилась увязать проблему прокачки газа в Европу с сохранением льготных цен на азербайджанский газ для Турции. По мнению азербайджанской стороны, предложенные Турцией тарифные ставки на прокачку газа являются совершенно неприемлемыми, так как они на 70% превышают аналогичные ставки по региону [3].

Противоречия в энергетической сфере обострились еще больше после подписания протокола об установлении дипломатических отношений между Турцией и Арменией и последовавшего за этим беспрецедентного охлаждения отношений между Азербайджаном и Турцией. Азербайджанский МИД заявил, что подписание протокола «явно противоречит национальным интересам Азербайджана, а также бросает тень на братские отношения между Азербайджаном и Турцией, имеющие глубокие исторические корни» [4].

Страсти особенно накалились, когда во время футбольного матча между командами Турции и Армении в Бурсе, состоявшегося 14 октября 2009 г., было запрещено использование азербайджанских флагов, а СМИ Азербайджана сообщили о том, что офицеры турецкой полиции разорвали азербайджанский флаг, а затем выбросили его в мусорный контейнер. Азербайджанские СМИ негодовали и по поводу «теплых объятий» президентов Армении и Турции, а также из-за того, что жена президента А. Гюля якобы сама приготовила обед для С. Саргсяна, а турецкий президент якобы не нашел ничего лучшего, чем предоставить армянскому коллеге для ночлега собственную спальню.

Все эти сообщения вызвали взрыв антитурецких настроений в Азербайджане. Турецкие флаги, развивавшиеся у мемориала в память о погибших турецких сол-

⁷Турция является вторым по объемам поставок импортером российских углеводородных ресурсов, около 52% своих потребностей в газе страна покрывает за счет его импорта из России. Между Турцией и Россией действует принцип «take or pay» (бери или плати), по которому турецкая сторона обязана платить за газ предусмотренных контрактом объемах, вне зависимости от того, использовала она его в полном объеме или нет. В 2010 г. объем поставок российского газа в Турцию составит 19 млрд кубометров. Турция платила за тысячу кубометров импортируемого из РФ газа 330 долл. В 2010 г. в условиях мирового экономического кризиса «Газпром» согласился снизить на 6,5% тариф, а также ликвидировал задолженность за недобор топлива в 2009 г. в размере 160 млн долл. Это позволит турецкой стороне сэкономить в 2010 г. около 400 млн долл. (www.regnum.ru/news/1258113.html).

датах, были спущены. Состоялись демонстрации молодежи, представители различных партий подвергли турецкое руководство резкой критике «за унижение азербайджанского национального достоинства», в парламенте страны были проведены эмоциональные дебаты по поводу «инцидента с азербайджанским флагом».

Кризис в отношениях между Азербайджаном и Турцией, а также неопределенные перспективы экспорта азербайджанского газа в Европу, вынудили Баку срочно заняться поиском альтернативных рынков сбыта. 16 октября 2009 г. Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан будет рассматривать альтернативные варианты экспорта газа, так как турецко-азербайджанские переговоры о транзите голубого топлива не дали результатов. Более того, он обвинил Турцию в том, что она препятствует достижению договоренностей, предлагая неприемлемо низкие цены за азербайджанский газ [5].

Пропускная способность связывающего Азербайджан и Россию газопровода составляет до 7 млрд кубометров газа в год. Таким образом, Азербайджан имеет возможность продавать России до трети ныне добываемых объемов газа. Руководство Азербайджана заявило о своей готовности продавать России столько газа, сколько ей необходимо.

14 октября 2009 г. Газпром и ГНКАР подписали контракт об экспорте 500 млн кубометров азербайджанского газа в Россию по цене, которую И. Алиев назвал «взаимовыгодной» [6]. Контракт изначально предусматривал возможность дальнейшего наращивания объемов поставок. В конце 2009 г. президент ГНКАР Р. Абдуллаев заявил, что достигнута договоренность с Газпромом об увеличении поставок газа в Россию в 2010 г. до 1 миллиарда кубометров. Наряду с этим ГНКАР заявил о возможности строительства предприятий по сжижению азербайджанского газа в Грузии с дальнейшей его транспортировкой газовозами по Черному морю в Румынию и Болгарию.

Еще одним важным потребителем азербайджанского газа может стать Иран. После распада СССР Азербайджан и Иран договорились о поставках газа на основе взаимовыгодности. Газ из Азербайджана поступает в приграничные иранские провинции, а Иран поставляет такое же количество газа в изолированную от остальной азербайджанской территории Нахичеванскую автономную республику (НАР).

11 ноября 2009 г. ГНКАР и иранская Национальная газовая компания подписали меморандум по поставкам азербайджанского газа в Иран, начиная с 2010 г. Соглашение предусматривает, что на начальном этапе ГНКАР будет поставлять Ирану по «близкой к мировой» цене не менее 500 млн кубометров газа ежегодно, на последующих этапах этот объем должен быть увеличен.

В январе 2010 г. ГНКАР и иранская Национальная газовая компания подписали соглашение об объемах поставок газа в Иран. В настоящее время Азербайджан экспортирует в Иран ежедневно 2 млн кубометров газа, из указанного объема 800 тыс. кубометров прокачиваются в Нахичевань (НАР), 1,2 млн кубометров — идет в северные провинции Ирана [7].

Стороны договорились продолжить работу над долгосрочным контрактом об экспорте азербайджанского газа в ИРИ, при этом объем долгосрочных поставок составит как минимум 3–5 млн кубометров в сутки. Иранская сторона выразила готовность в перспективе покупать у Азербайджана любые объемы газа [8].

Не исключено, что азербайджанский газ станет важной составляющей в обсуждаемом сейчас проекте «мирного трубопровода», который пройдет из Ирана в Пакистан и Индию. Как подчеркивают участники этого проекта, он призван сыграть большую роль в укреплении стабильности в регионе и его экономическом развитии. По мнению ряда азербайджанских экспертов, стране «проще и дешевле» договориться об экспорте азербайджанского газа в Азию, чем продолжать ждать реализации «эфемерного Набукко»⁸.

Изменение энергетической политики Азербайджана вызвало негативную реакцию у западных партнеров. Спецпредставитель госсекретаря США по вопросам энергетики Р. Морнингстар в январе 2010 г. посетил Азербайджан. После своего возвращения в Вашингтон он назвал разочаровывающим отсутствие соглашения между Азербайджаном и Турцией по условиям поставок газа. Р. Морнингстар исключил всякую возможность участия Ирана в «Южном коридоре» и констатировал, что этот проект может оказаться нежизнеспособным, если не будет достигнуто «целесообразного с коммерческой точки зрения и взаимовыгодного соглашения по условиям транспортировки газа» [9].

О возможных негативных для Азербайджана последствиях заявил вице-председатель подкомитета Европарламента по правам человека и представитель Консервативной партии Великобритании по вопросам внешней политики Ч. Таннок. По его мнению, в случае возникновения трудностей с осуществлением «Набукко» по вине Баку это может стать «дополнительным препятствием для Азербайджана в его намерениях вступить в евро-атлантические структуры экономики и безопасности» [10]. Наряду с давлением на Баку страны Запада оказывают давление и на Анкару с целью добиться скорейшего решения проблемы транзита азербайджанского газа через Турцию.

Развитию энергетического сотрудничества между Азербайджаном и соседними Россией и Ираном благоприятствует наличие связывающих их газопроводов, оставшихся с советских времен. Азербайджан и Иран связывает газопровод Гази — Магомед — Астара — Бинд — Бианд, пропускная способность которого составляет 10 миллиардов кубометров в год. В феврале 2010 г. ГНКАР заявила о намерении построить и запустить в эксплуатацию в 2012 г. еще один газопровод в Иран по маршруту Сангачал — Азадкенд — Астара мощностью 6,57 миллиардов кубометров в год. Если эти газопроводы заработают на полную мощность — то газа для других потребителей у Азербайджана может не остаться⁹.

Осуществленная в кратчайшие сроки диверсификация газовых поставок укрепила позиции Баку на переговорах с Турцией. После подписания контракта на поставку азербайджанского газа в Россию Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан совершенно не устраивают предлагаемые Турцией цена на газ и тарифные ставки за его транзит. Он прямо обвинил Анкару в том, что она препятствует экспорту азербайджанского топлива в Европу [5].

Очевидно, что, если Турция продолжит затягивать решение о переходе на приемлемые для Азербайджана цены на газ и на транзит, масштабы энергетиче-

⁸Gazeta Az. 31.01.2009.

⁹Внутренние потребности Азербайджана составляют 9,5–10 млрд м³ в год. В 2008 г. в стране было добыто 22847,2 млн, в 2009 г. — 23584 млн м³ природного газа (+35% к 2007 г.). <http://abc.az/rus/news/42735.html>.

ского сотрудничества между двумя странами могут стать минимальными. Однако вряд ли такая перспектива станет реальной: для Баку невыгодно попадать в чрезмерную зависимость от одного из своих потребителей, будь то Турция, Иран или Россия, а также слишком опасно обострять отношения с США и ЕС.

Проводимый Баку курс на развитие в первую очередь энергетического сектора позволяет получать политические и финансовые выгоды, но он стал причиной недостаточной диверсификации экономики и зависимости страны от ситуации на мировом энергетическом рынке. К тому же энергетические ресурсы Азербайджана ограничены и есть веские основания полагать, что уже в ближайшем будущем объемы добычи могут значительно снизиться. Пока азербайджанская элита не проявляет заметного беспокойства по поводу зависимости от «нефтяной иглы» и не имеет достаточных стимулов к политической и экономической модернизации.

В стране сложилась авторитарная модель управляемой или имитационной демократии. Правящий режим полностью контролирует политическую жизнь страны и в состоянии обеспечивать на выборах нужные результаты, причем в случае необходимости даже независимо от того, как проголосуют избиратели. Согласно официальным данным, в октябре 2008 г. 88,73% пришедших на выборы избирателей проголосовали за переизбрание действующего президента Ильхама Алиева [11].

В марте 2009 г. по инициативе правящей партии «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан») в Азербайджане состоялся конституционный референдум. Согласно официальным данным, более 90% участников голосования одобрило внесение изменений в конституцию страны, в том числе отмену ограничений на избрание президентом одного и того же лица более двух раз. Это значит, что Ильхам Алиев сможет остаться у власти и после окончания своего второго президентского срока в 2013 г.

По мнению лидеров оппозиционных движений, изменения политической системы фактически превратили страну в наследственную монархию. Оппозиция, призывавшая бойкотировать референдум, отказалась признать достоверными его официальные результаты. Однако действия оппозиции никак не повлияли на ход референдума и его итоги, не получили они и международной поддержки. Миссия наблюдателей от Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) отметила, что референдум «продемонстрировал готовность азербайджанского народа к расширению элементов стабильности и демократизации». Глава миссии, бельгийский депутат П. Уилл, подчеркнул, что референдум прошел в спокойной обстановке и при высокой активности избирателей [12].

Миссия наблюдателей от СНГ также признала референдум свободным, открытым, соответствующим нормам действующего в государстве законодательства и общепринятым подходам к проведению всенародного голосования. Более того, миссия констатировала, что референдум явился важным фактором дальнейшей демократизации общественной жизни Азербайджана, укрепил основы суверенитета, стал отражением стабильного, поступательного социально-экономического развития государства [13].

Признание странами Запада легитимности осуществленной «передачи власти по наследству» от отца к сыну, а затем согласие на неограниченное по времени правление Ильхама Алиева, привело к кризису ориентированных на западную

модель демократии политических сил. У лишенной внешней поддержки раздробленной прозападной оппозиции практически нет шансов добиться смены режима путем победы на президентских выборах.

Высока вероятность, что нынешний президент Азербайджана Ильхам Алиев (или, по крайней мере, клан Алиевых) еще долго будет оставаться у власти. Отсутствие перспектив смены правящего режима конституционным путем в условиях отсталости социально-экономической структуры и огромного разрыва в уровнях дохода элиты и остального населения ведет к росту социальной напряженности. Это создает благоприятные условия для деятельности экстремистских сил, которые стремятся использовать ислам в политических целях и с его помощью завоевать власть в Азербайджане.

Армения

После распада СССР важнейшую роль для экономики Армении стала играть ядерная энергетика. Функционирование Армянской АЭС позволило обеспечить энергетическую безопасность и сохранить высокотехнологичные отрасли. В стране продолжают работать металлургические и химические предприятия, заводы по производству металлорежущих станков, прессово-формовочного оборудования, точных приборов, вырабатываемая на АЭС и ГЭС электроэнергия экспортируется в соседние страны.

Сложная социально-экономическая ситуация обусловлена отсутствием надежных коммуникаций с внешним миром из-за конфликта с Азербайджаном и сложных отношений с Турцией и Грузией, а также высокой степенью монополизации экономики тесно связанными с властью олигархическими группами. Социальная поляризация общества способствует росту протестных настроений. Если нынешнему руководству страны в ближайшем будущем не удастся значительно улучшить социально-экономическую ситуацию и поднять уровень жизни населения, влияние оппозиционных политических сил будет усиливаться.

Ввиду затрудненности связей с внешним миром страна остро нуждается в новых транспортных коридорах, которые могут стать альтернативой ненадежному грузинскому транзиту. Один из таких коридоров может пройти через Иран. В декабре 2009 г. Азиатский банк развития (АБР) выделил первый миллион долларов для реализации технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта по строительству железной дороги между Арменией и Ираном.

Протяженность дороги, которая соединит Армению и Персидский залив, составляет 470 км, стоимость проекта оценивается в 1,5–2 млрд долларов, планируется, что сроки его реализации составят пять лет. Российские инвесторы заявили о своем намерении участвовать в данном проекте, причем ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» (дочерняя компания ОАО «РЖД») уже проводит работы по модернизации железнодорожных магистралей Армении с учетом нового иранского маршрута [14]. Налаживание железнодорожного сообщения с Ираном создаст условия для строительства полноценного транспортного коридора из Армении в Россию и далее в Европу по строящейся сейчас в Центральной Азии Прикаспийской железной дороге.

Стратегическое партнерство между Россией и Арменией имеет принципиально важное значение для Москвы и Еревана. Россия стремится сохранить при-

сутствие на Южном Кавказе, для нее Армения — одно из важнейших звеньев безопасности и ценный региональный союзник. Для находящейся в недружественном окружении Армении Россия продолжает оставаться главным гарантом национальной безопасности.

После распада СССР российско-армянское взаимодействие сыграло определяющую роль для всего Южного Кавказа. В наиболее сложные для России 1990-е годы благодаря стратегическому партнерству между Арменией и Россией не произошло включения Южного Кавказа в создаваемую систему безопасности НАТО. В итоге Россия не была вытеснена с Кавказа, а затем, по мере укрепления своей государственности, стала укреплять свои позиции в этом важнейшем с точки зрения интересов ее национальной безопасности регионе.

Внешняя политика современной Армении учитывает сложное геополитическое положение небольшой страны, оказавшейся после распада СССР в эпицентре многих противоречий. Она основана на принципе комплементаризма, то есть стремлении уравнивать свои международные связи, строить их на основе взаимодополнительности, на обеспечении «равновесия» между различными военно-политическими блоками, чьи интересы непосредственно касаются Кавказского региона. В реальности Ереван проводит пророссийскую политику, так как она в наибольшей степени отвечает государственным интересам Армении на современном этапе.

В экономической сфере сотрудничество между Арменией и Россией осложнено изолированностью Армении от внешнего мира. Однако и здесь за последние годы достигнут значительный прогресс, в первую очередь в области энергетики, связи, электронных и банковских технологий. Удалось снять налоговые барьеры во взаимной торговле, что заметно стимулировало ее рост.

Политическое руководство Армении рассматривает успешное развитие армяно-российских отношений в качестве одного из своих основных достижений. Значительная часть населения Армении склонна связывать свои надежды на улучшение социально-экономического положения с дальнейшим развитием российско-армянского сотрудничества. Россия сохраняет льготные цены на поставляемый в Армению газ (180 долл. за 1 тыс. кубометров в 2010 г.)¹⁰. В настоящее время нет реальных предпосылок к изменению взаимовыгодных двусторонних отношений.

Усиление позиций России на Кавказе наиболее выгодно ее стратегическому союзнику — Армении. Не менее важно, что при этом российской дипломатии удалось успешно сочетать союзнические отношения с Арменией и взаимовыгодное партнерство с Азербайджаном и Турцией. Будущие перспективы Армении и всего региона во многом зависят от того, каким образом будет решена Карабахская проблема и будут ли нормализованы армяно-турецкие отношения. По мнению Анкары и Баку, эти проблемы тесно взаимосвязаны и должны решаться одновременно. Это мнение не разделяется Арменией, а также странами, которые выступают посредниками в решении Карабахской проблемы (Россия, США и Франция). После распада Советского Союза Турция признала независимость Армении, но дипломатические отношения не были установлены. В 1993 г. Анкара

¹⁰Белоруссия получает газ по 169 долл., Украина — по 304 за тысячу м³ газа.

закрыла армяно-турецкую границу из-за конфликта между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха. После этого Турция выдвинула в качестве условия нормализации двусторонних отношений отказ Армении от политики международного признания геноцида армян и урегулирование карабахского конфликта на основе признания территориальной целостности Азербайджана. Власти Армении заявляли о своей готовности к установлению дипломатических отношений с Турцией без предварительных условий.

После длительных закрытых армяно-турецких переговоров в Швейцарии 10 октября 2009 г. в Цюрихе был подписан Протокол об установлении дипломатических отношений между двумя государствами. Одновременно произошла резкая активизация дипломатических усилий на «карабахском» направлении. На самых высоких уровнях говорилось о скорой нормализации двусторонних отношений, открытии армяно-турецкой границы и прорыве в решении Карабахской проблемы. Однако процесс ратификации Протокола об установлении дипломатических отношений в парламентах Турции и Армении затянулся, стороны обменялись резкими заявлениями в адрес друг друга и уже очевидно, что решение обеих проблем вновь откладывается на неопределенный срок.

В январе 2010 г. сопредседатели Минской группы ОБСЕ¹¹ представили конфликтующим сторонам новый отредактированный вариант так называемых Мадридских принципов. Первый вариант этого документа был принят на саммите ОБСЕ в Мадриде в ноябре 2007 г. и содержал предложения МГ ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. Полный текст Мадридских принципов официально до сих пор не обнародован, но основные положения этого документа были опубликованы в армянских и азербайджанских СМИ. Судя по этим публикациям, МГ ОБСЕ предлагает осуществить следующие меры по решению конфликта:

1. Возврат Азербайджану так называемого «пояса безопасности».
2. Наделение Нагорного Карабаха промежуточным статусом, обеспечение гарантий безопасности и самоуправления для местного населения.
3. Сохранение коридора между Арменией и Нагорным Карабахом.
4. Определение в будущем окончательного правового статуса Нагорного Карабаха на основе юридически обязательного волеизъявления местного населения.
5. Обеспечение права всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места их прежнего проживания.
6. Международные гарантии безопасности и проведение операции по поддержанию мира.

Предлагаемый Мадридскими принципами вариант компромисса изначально имел один недостаток, который крайне затрудняет его практическое осуществление. Дело в том, что ни общество, ни политическая элита в Азербайджане и Армении были совершенно не готовы к предлагаемым «взаимным уступкам». Между ними нет даже минимального уровня доверия, а без этого достижение компромисса представляется невозможным. Поэтому ключевым фактором

¹¹Минская группа ОБСЕ была создана в марте 1992 г. с целью мирного урегулирования карабахского конфликта. В 1993 г. Минская группа предложила первый план урегулирования конфликта («Уточненный график»), но он был отвергнут Арменией и Азербайджаном. Страна-сопредседателями МГ ОБСЕ являются Россия, Франция и США.

становится внешнее давление на власти обоих государств, пункт о международных гарантиях безопасности и о проведении операции по поддержанию мира.

В случае размещения воинских контингентов иностранных государств в зоне Карабахского конфликта суверенитет Азербайджана и Армении будет ограничен. После этого решение проблем региона будет вырабатываться и проводиться в жизнь не столько самими сторонами конфликта, сколько другими государствами.

В течение последнего десятилетия США проявляли наибольшую активность в деле нормализации армяно-турецких отношений и в процессе карабахского урегулирования. Такая активность объясняется несколькими обстоятельствами. Первое — наличием многочисленной и политически активной армянской общины в США. В ее поддержке крайне заинтересованы американские политики на федеральном и местном уровне. Второе — заинтересованностью в наращивании политического, экономического и военного присутствия США на Южном Кавказе. Третье — особой ценностью Турции как регионального союзника США.

Очевидно, что эти базовые факторы оказывают разнонаправленное влияние на политику администрации США независимо от того, какая партия победила на президентских выборах и кто в данный момент возглавляет Белый дом. В результате уже много лет события движутся по одному и тому же сценарию.

На президентских выборах кандидат от оппозиции обещает армянской общине США официально признать события 1915–1921 гг. в качестве геноцида армян и получает поддержку армянского политического лобби и армянских избирателей. В случае своей победы новый президент США, на этот раз это Барак Обама, не выполняет данных армянской общине обещаний, так как это приведет к неприемлемому с точки зрения интересов США осложнению отношений с Турцией. Для обоснования своего отказа каждая администрация США ищет свои поводы и предлоги.

Для администрации Б. Обамы таким удобным предлогом стали армяно-турецкие переговоры, начавшиеся в рамках так называемой «футбольной дипломатии»¹², значение которых было всемерно раздуто в мировых СМИ. Понятно, что на фоне обещанной «не сегодня — завтра» нормализации армяно-турецких отношений проблема официального признания властями США геноцида армян была отложена в «долгий ящик», так как это могло осложнить якобы многообещающий переговорный процесс.

Противоречившие общему оптимизму высказывания различных турецких политиков, даже самого высокого ранга, о взаимозависимости проблемы нормализации армяно-турецких отношений, открытия границы и карабахского урегулирования не принимались во внимание и игнорировались. То же самое делалось в отношении заявлений армянской стороны о невозможности ее отказа от требования к Турции признать геноцид армян, а также о невозможности «сдачи» Нагорного Карабаха на милость Азербайджана.

¹²Термин «футбольная дипломатия» вошел в дипломатический лексикон в сентябре 2008 г. когда президент Турции Абдулла Гюль посетил Ереван по приглашению президента Армении Сержа Саргсяна для просмотра матча национальных сборных двух стран в рамках отборочного тура чемпионата мира 2010 г.

Подобная неопределенность не могла длиться до бесконечности. Спустя год после прихода к власти президента Б. Обамы во время своего визита в США премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил предельно ясно: «Мы с самого начала заявляем американским представителям: если вы урегулируете нагорно-карабахский конфликт, то решите и турецко-армянскую проблему. В противном случае вам ее не разрешить» [15]. Это значит, что участники переговорного процесса опять вернулись на исходную точку, во времена «дофутбольной дипломатии». Это значит, что шансы рассчитывать на разблокирование границы и на нормализацию армяно-турецких отношений в ближайшем будущем весьма невелики.

Б. Обама, конечно, может оказать давление на Анкару, но вряд ли такое давление будет настолько сильным, чтобы серьезно осложнить американо-турецкие отношения. Значит, в очередной раз новая администрация США будет демонстрировать свои активные дипломатические усилия по решению карабахской проблемы и разблокированию Армении, но не более того. А через несколько лет очередной кандидат в президенты от оппозиционной партии может вновь обещать армянской общине США признать геноцид армян и все опять пойдет по старому сценарию.

Американская политика будет и дальше решать собственные проблемы на Кавказе и в мире в целом. Таким же образом будут действовать и остальные державы, которые имеют свои интересы в Кавказском регионе. Поэтому вряд ли стоит всерьез рассчитывать, что США, Турция, Россия, ЕС или кто-то иной однозначно поддержат Азербайджан или Армению и продиктуют решение Карабахской проблемы в интересах одной из сторон конфликта. Баку и Ереван до сих пор совершенно по-разному трактуют содержание Мадридских принципов. По мнению азербайджанских властей, этот документ обеспечит вывод армянских войск, возврат беженцев в места их прежнего проживания и, в конечном итоге, возврат всех «оккупированных территорий» в состав Азербайджана. Максимум, на что соглашается Баку в отношении армянского населения Нагорного Карабаха — это какая-то форма его автономии.

Президент Азербайджана И. Алиев не исключает возможности депортации армянского населения из Нагорного Карабаха. По его мнению, предоставление НКР независимости недопустимо, так как Нагорный Карабах является исторической азербайджанской землей, а армяне были в свое время переселены сюда Россией. «Приехавшие сюда как гости должны здесь и жить как гости», — заявил И. Алиев, отметив, что если армяне Нагорного Карабаха хотят самоопределиваться, они могут сделать это в Армении, переселившись туда [16].

В конце 2009 г. посол Азербайджана в России Полад Бюль-бюль оглы заявил, что время урегулирования карабахского конфликта уже настало. Каждый азербайджанец должен принять участие в освобождении земель. Напомнив о том, что крупнейшая диаспора азербайджанцев находится в России, он указал на обязанность всех азербайджанцев, в случае военного решения карабахской проблемы, принять активное участие в военных действиях. «Если кто-то думает отсидеться дома, пока армия отвоеует оккупированные земли, так не будет. Вся страна, все общество, весь народ должен подняться и, объединившись, как кулак, поддержать своего президента и освободить земли», — заявил П. Бюль-бюль оглы [17].

Как подчеркнул посол Азербайджана в России, азербайджанской диаспоре за рубежом следует ускорить процесс самоорганизации, устранить разрозненность и превратиться в более мобильную силу.

Секретариат ОДКБ расценил заявление П. Бюль-бюль оглы как «неверие в политико-дипломатические методы урегулирования и подстрекательство к военному решению проблемы». В сообщении пресс-службы Секретариата ОДКБ от 30 декабря 2009 г. говорилось, что в словах посла «содержится однозначный призыв к силовым действиям, что не служит нахождению конструктивных развязок нагорно-карабахского конфликта. Представляется, что такая линия ведет к обострению обстановки в регионе, противоречит усилиям Минской группы ОБСЕ и контексту переговоров президентов Армении и Азербайджана» [18].

Сообщение пресс-службы ОДКБ свидетельствует о том, что попытка силового решения карабахской проблемы вызовет крайне негативную реакцию со стороны этой организации. Аналогичную позицию в этом вопросе занимают США, ЕС и даже ближайший союзник Азербайджана — Турция. В этой ситуации постоянно звучащие из Баку воинственные заявления следует рассматривать не как реальную готовность к новой войне, а как составную часть политики дипломатического, экономического и пропагандистского давления на Армению с целью добиться от нее уступок по Карабахской проблеме. Пока подобная политика не принесла Баку заметных результатов.

Армянские власти продолжают рассматривать Мадридские принципы как гарантию проведения референдума по вопросу будущего статуса Нагорного Карабаха, признания его независимости или присоединения к Армении в том случае, если за это выскажется местное население. В июне 2006 г. министр иностранных дел Армении озвучил три основных принципа урегулирования карабахского конфликта:

1. Нагорный Карабах не может находиться в подчинении Азербайджана;
2. Нагорный Карабах должен иметь бесперебойную и сухопутную связь с Арменией;
3. безопасность его населения должна быть гарантирована [19].

Карабахские армяне на основании своего исторического опыта (геноцид армян 1915 г., погромы в Сумгаите и Баку накануне распада СССР, война в Карабахе 1991–1994 гг. и т. д.) категорически отвергают возможность возврата в состав азербайджанского государства. Об этом свидетельствовали результаты проведенных в НКР референдумов. В декабре 1991 г., за несколько дней до официального распада Советского Союза, в референдуме приняло участие 108734 чел. — т. е. 82,2% от числа зарегистрированных избирателей. 99,89% принимавших участие в голосовании высказалось за независимость НКР [20, с. 263]. В декабре 2006 г. подавляющее большинство избирателей одобрило новую конституцию НКР, согласно которой республика провозглашается суверенным, демократическим, правовым и социальным государством. Результаты еще одного референдума являются заранее предопределенными, столь же ясно, что они будут совершенно неприемлемы для Баку.

Признание Россией Абхазии и Южной Осетии не привело к коренному пересмотру политики Москвы по отношению к Карабахской проблеме. Российское руководство продолжило прежнюю политику поддержания союзнических отно-

шений с Арменией и двусторонних отношений с Азербайджаном. Такой курс не всегда вызывает понимание в Армении. Однако в Ереване вряд ли могут всерьез рассчитывать, что Россия, как и США, Турция или ЕС, однозначно поддержат Армению и продиктуют решение Карабахской проблемы в интересах одной из сторон конфликта. Аналогичным образом на подобное развитие событий не может рассчитывать и Баку.

Самым действенным путем решения проблемы был бы серьезный и систематический диалог между Азербайджаном и Арменией с целью поиска взаимоприемлемого компромисса. Такой компромисс потребует взаимных уступок, сложной, систематической работы по изменению общественных настроений, по улучшению социально-экономической ситуации. На это нужно много средств и многие годы. Политика России базируется на понимании невозможности быстрого решения Карабахской проблемы, поэтому она служит надежной гарантией безопасности Армении и не возобновления военных действий в Нагорном Карабахе.

Главным препятствием для мирного урегулирования карабахской проблемы продолжает оставаться то, что ни элита, ни общество в Азербайджане и Армении не готовы к компромиссу, к уступкам со своей стороны, они ожидают не соглашения, а капитуляции противоположной стороны. Но подобного рода капитуляция представляется маловероятной, ведь ни Азербайджан, ни Армения не находятся в столь катастрофическом положении, чтобы на это пойти. Международные посредники также не станут добиваться такой капитуляции, они исходят из собственных интересов в Кавказском регионе и пока подобное развитие событий не в этих интересах.

Сложившаяся ситуация может показаться патовой, но она не самая худшая, причем и для Азербайджана, и для Армении. Как красноречиво показывает опыт миротворческих операций на Балканах и на Ближнем Востоке, в случае внешнего военного вмешательства какие-то государства свои проблемы решают, а оплачивают это решение страны и народы, где осуществляется подобного рода миротворчество. Учитывая, что Армения имеет гарантии безопасности как член ОДКБ, то у Азербайджана есть куда больше шансов в случае дестабилизации ситуации и возобновления военных действий оказаться в роли кавказской Сербии.

Правда, и у Армении есть веские основания для беспокойства, ведь гарантии ОДКБ даны лишь в отношении ее собственной территории. Они не распространяются на Нагорно-Карабахскую республику, которая до сих пор не признана даже самой Арменией. Тем не менее, ряд заявлений руководства ОДКБ и последнее сообщение службы Секретариата этой организации от 30 декабря 2009 г. свидетельствует о том, что в случае возобновления Азербайджаном военных действий Армения получит поддержку от своих союзников по ОДКБ.

У Азербайджана и Армении все еще есть возможность достичь компромисса. Решение не может быть скорым и быстрым, но оно в принципе достижимо, для этого требуется трудная, долгая и кропотливая работа политиков, дипломатов, средств массовой информации, деятельность которых пока направлена не на снижение напряженности, а на решение конъюнктурных задач, на разжигание страстей и враждебности между двумя соседними народами. В наступившем десятилетии речь идет о том, сумеют ли Азербайджан и Армения сохраниться в качестве независимых субъектов международных отношений или их суверенитет

будет сильно ограничен. Причем очень возможно, что без какого-либо выигрыша в виде решения карабахской проблемы, улучшения социально-экономической ситуации, демократизации общества и т. п. В этой ситуации интересы Азербайджана и Армении могут совпадать, ведь обе страны в одинаковой степени заинтересованы в том, чтобы не превратиться в игрушку в руках внешних сил, в сохранении собственной независимости и суверенитета.

Самым действенным путем решения Карабахской проблемы был бы серьезный и систематический диалог между Азербайджаном и Арменией с целью поиска взаимоприемлемого компромисса. Такой компромисс потребует взаимных уступок, долгой, систематической работы по улучшению социально-экономической ситуации и по изменению общественных настроений. Только это позволит подготовить стороны (элиты и население) к компромиссу, создаст атмосферу взаимной терпимости и доверия. И, конечно, необходимо желание сторон выработать взаимоприемлемый и взаимовыгодный компромисс на основе понимания их общих интересов. А такие интересы есть, они имеют объективный характер, ведь Баку и Ереван в равной мере заинтересованы в том, чтобы Азербайджан и Армения сохранились в качестве независимых государств.

Вероятно, что в наступившем десятилетии определится будущая судьба Азербайджана и Армении, да и всего Южного Кавказа. Пока их лидеры имеют возможность повлиять на развитие событий. И будущие перспективы Южного Кавказа во многом зависят от того, сумеют ли политики двух государств добиться такого уровня осознания подлинных государственных интересов и такого уровня взаимопонимания, который соответствует судьбоносной важности исторического момента. В противном случае роль внешнего фактора неизбежно возрастет, и государства региона имеют все шансы превратиться в заложников глобальных геополитических процессов, исход которых пока непредсказуем.

При анализе будущих перспектив развития Армении необходимо учитывать особенности сложившегося в Армении государственного механизма. Несмотря на сохранение сильных авторитарных тенденций, Армения намного успешнее других стран региона развивает институты демократии. Путем выборов в стране сменилось несколько президентов, успешно действуют и пользуются сильным влиянием проправительственные и оппозиционные партии. Но в целом в стране сложилась авторитарная форма государственного правления, которую можно определить как управляемую или имитационную демократию. Такая же форма правления существует в соседних Азербайджане, Грузии и ряде других постсоветских государств, причем в куда более жестких по сравнению с Арменией формах.

Авторитаризм опирается в первую очередь на гражданскую бюрократию, армию и полицию. Мировой опыт свидетельствует, что авторитарные режимы имеют возможность обеспечить политическую стабильность (которая особенно важна для находящейся во враждебном окружении Армении) и даже успешное экономическое развитие.

Авторитарная форма правления в Армении призвана гарантировать внутреннюю политическую стабильность на стартовом этапе независимого развития. Жестко настаивающие на скорейшей демократизации Армении (и других постсоветских государств) международные организации (ЕС, ПАСЕ, ОБСЕ) и лидеры государств Запада совершенно не учитывают местной специфики и возможных

негативных последствий от подобного «общественного скачка». Таким образом, сложившаяся форма правления осложняет интеграцию Армении в евроатлантическое сообщество или «объединенную Европу», однако она не препятствует (и, даже способствует) укреплению отношений с приверженной принципу невмешательства во внутренние дела других государств и выстроившей собственную «вертикаль власти» Россией.

Список использованной литературы:

1. Грузия на грани дефолта // Взгляд. Деловая газета.—2010.—31 марта.—URL: <http://www.vz.ru/есопоту/2010/3/31/388629.html>.
2. Американская пресса: Буш ошибся в Саакашвили // Комсомольская правда.—2007.—14 нояб.—URL: <http://www.kp.ru/daily/24001/80701/>.
3. Азербайджан продаст больше газа России, если строительство Nabucco задержится // Newsru.com. Экономика.—2010.—28 янв.—URL: <http://www.newsru.com/finance/28jan2010/nabucco.html>.
4. «Холодная война» между Турцией и Азербайджаном — Москва пользуется нерешительностью Вашингтона // The Jamestown Foundation.—2009.—3 нояб.—URL: <http://www.inosmi.ru/asia/20091103/156477007.html>.
5. Азербайджан отказывается продавать газ Турции дешево // Newsru.com. Новости экономики.—2009.—19 окт.—URL: <http://www.newsru.com/finance/19oct2009/azergaz.html>.
6. «Холодная война» между Турцией и Азербайджаном: Просчеты Турции, ЕС и США могут вызвать эффект бумеранга // Panorama.am. Политика.—2009.—4 нояб.—URL: <http://www.panorama.am/ru/politics/2009/11/04/jamestown-foundation/?sw>.
7. Азербайджан готов присоединиться к «Южному потоку» // Информ. агенство REGNUM.—2010.—25 февр.—URL: <http://www.regnum.ru/news/1257550.html>.
8. Азербайджан поставит в Иран до конца марта-начала апреля 100 млн кубометров газа // Информ. агенство Advis.ru.—2010.—14 янв.—URL: <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?B42DEBEB-4E8B-214D-A14D-C61E3BCB8529>.
9. США озабочены отсутствием соглашения по газу между Азербайджаном и Турцией // Вестник Кавказа.—2010.—29 янв.—<http://www.vestikavkaza.ru/news/politika/geo/14761.html>.
10. Азербайджан Турции продавать газ дешево не будет // Кавказский узел.—2009.—19 окт.—URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/160851/>.
11. ЦИК Азербайджана: за действующего президента Ильхама Алиева проголосовали 88,73% избирателей // Newsru.com. В мире.—2008.—19 окт.—URL: <http://www.newsru.com/world/19oct2008/ali.html>.
12. Наблюдатели ПАСЕ признали референдум в Азербайджане // Взгляд. Деловая газета.—2009.—19 марта.—<http://vz.ru/news/2009/3/19/266627.html>.
13. Миссия наблюдателей от СНГ назвала референдум в Азербайджане свободным и открытым // Day.As.—2009.—19 марта.—URL: www.day.az/print/news/politics/150823.html.
14. Строительство железной дороги Армения–Иран получило первый миллион долларов // Информ. агенство REGNUM.—2009.—28 дек.—URL: <http://www.regnum.ru/news/1239466.html>.
15. Премьер-министр Турции выдвинул ультиматум России и США // Информ. агенство REGNUM.—2009.—5 дек.—URL: <http://www.regnum.ru/news/1232110.html>.
16. Алиев И. Азербайджан никогда не давал согласия на вариант освобождения лишь пяти из семи районов вокруг Нагорного Карабаха // Inews.az. Политика.—2007.—4 мая.—URL: <http://1news.az/politics/20070504033750865.html>.
17. Азербайджан направил ноту протеста странам-членам ОДКБ // Газета.ru.—URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/01/15/n_1445084.shtml.
18. Посол Азербайджана в России занимается подстрекательством к войне: ОДКБ // Информ. агенство REGNUM.—2009.—30 дек.—URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/polit/1240107.html>.
19. Глава МИД Армении озвучил три основных принципа урегулирования карабахского конфликта // Новости — Армения.—2008.—23 июня.—<http://newsarmenia.ru/arm1/20080623/41901524.html>.
20. Барсегов Ю. Г. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Комментарии к документам. Т. II.—М.: Мелихово, 2009.—480 с.

М. А. Магомедова

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В соответствии с поручением главы государства от 4 июня 2008 г. № Пр-1150 межведомственной рабочей группой в рамках Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по проблемам стратегического планирования разработана и утверждена указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. является основным инструментом системы обеспечения национальной безопасности. Она сохраняет преемственность принятых политических установок в области национальной безопасности, в первую очередь Концепции национальной безопасности Российской Федерации, и уточняет государственную политику в области обеспечения национальной безопасности на долгосрочную перспективу, увязанную по целям и задачам социально-экономического развития Российской Федерации.

Развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий.

Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции. Возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз.

В результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация. Формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил.

Российская Федерация обладает достаточным потенциалом для того, чтобы рассчитывать на создание в среднесрочной перспективе условий для ее закрепления в числе государств — лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности национального хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности [1, с. 220–252].

Существенным моментом в «Стратегии» является то, что большое место в документе отводится борьбе с экстремизмом, национализмом, сепаратизмом, ксенофобией, вопросам гуманитарной и информационной безопасности.

Эти проблемы составляют смысловое ядро исследований отечественных ученых. Наиболее остро указанные проблемы встают на Северном Кавказе. Как известно, 19 января 2010 г. было объявлено о создании Северокавказского федерального округа из части регионов, ранее входивших в ЮФО. Александр Хлопонин назначен на должность вице-премьера, полпреда президента в новом округе.

В Северо-Кавказский федеральный округ теперь входит Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика и Ставропольский край с центром федерального округа в городе Пятигорске. В Южном федеральном округе остались Астраханская, Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский край, Республика Адыгея и Республика Калмыкия.

Напомним, что в СССР был предпринят эксперимент по созданию Северо-Кавказского края: в 1929–1934 гг. он существовал как раз в тех границах, в каких создан сейчас новый федеральный округ, только большинство республик тогда были автономными областями.

Новый федеральный округ самый сложный в России. На фоне обостренной криминогенной ситуации уровень безработицы очень высокий. Средняя зарплата в регионе самая высокая в Чечне — около 12 тысяч рублей. В Дагестане — 7,5 тысяч. Здесь проживает 6% населения страны, и регион лидирует по уровню рождаемости: к примеру, в Дагестане родилось 49 тысяч детей в 2008 г., далее следует Чеченская республика и Ставропольский край.

По данным на 2002 г. Северный Кавказ в составе Российской Федерации имеет территорию 475,3 тыс. кв², население — 20,1 млн. человек [2, с. 78–83].

В геополитическом отношении Северный Кавказ — одна из наиболее проблемных и уязвимых частей Российской Федерации. За время после окончания в 1996 г. военного конфликта в Чечне положение здесь стало более сложным, перспективы — менее определенными. Именно на этом направлении РФ сталкивается сегодня и на обозримую перспективу с реальным вызовом территориальной целостности государства. Поэтому здесь велика опасность внутренних вооруженных конфликтов, преимущественно на этнической и религиозной почве, в которые могут быть вовлечены федеральные силы и широкие массы населения. На Северном Кавказе страна впервые столкнулась не только с проблемой вооруженной сепаратизма и длительного наличия мятежного региона, но и с проявлениями международного терроризма — одной из глобальных мировых проблем [3].

В рамках Кавказско-Каспийского региона (ККР) Северный Кавказ занимает особое положение. Во-первых, сохраняя многие общие для всего Кавказа черты, Северный Кавказ является частью России. Во-вторых, регион — в отличие от соседей — не обладает сколько-нибудь значительными запасами полезных ископаемых, в частности, нефти и газа. Основные экономические ресурсы Северного Кавказа — это транспортные пути и коммуникации, рекреационные возможности. В-третьих, на Северном Кавказе существует несколько очагов вооруженных конфликтов.

По одним параметрам Северный Кавказ близок к Африке: слабость аппарата власти, низкая доля налоговых и неналоговых сборов в валовых региональных продуктах (7–13%; РФ в целом — 24%), коррупция и мощный сектор теневой экономики, а как следствие — социальная поляризация и огромная безработица. Но по другим параметрам регион вполне сопоставим со среднеразвитыми странами Европы, Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: средняя продолжительность жизни выше, чем в РФ в целом, на 7–11 лет; крепость семейных уз и культ предков, гражданская активность на уровне муниципалитетов, более выраженная ориентация на социальный успех и высокая предпринимательская

активность (2,5–3 раза выше, чем в РФ в целом), уровень образования и общественная безопасность.

Распад Российской Федерации как продолжение процесса, начавшегося распадом Советского Союза, является целью ряда политических сил в России и за рубежом. Помимо чеченских радикалов, ряд представителей контрэлита в Дагестане, других республиках Северного Кавказа выступают за отделение от России и формирование самостоятельных государств или федераций на этнической или религиозной основе. Эти круги пользуются поддержкой определенных сил в Турции, странах Ближнего и Среднего Востока, рассматривающих Россию как традиционного противника и исторического угнетателя мусульманских народов. В начале 1990-х гг. часть демократической общественности самой России выражала сочувствие делу «национального самоопределения» этнических групп вплоть до их отделения от России — вместе с территорией соответствующих национальных автономий, где эти группы далеко не всегда составляли большинство. После чеченской войны часть населения России готова была признать независимость Чечни, а гораздо меньшая часть выступала за то, чтобы вообще «уйти с Северного Кавказа» и максимально надежно отгородиться от этого постоянного источника угроз, нестабильности и т. п. Всех этих людей объединяет одно — они не приемлют Кавказа таким, каков он есть — с его насыщенной палитрой народов, традиционным обществом, острой политической жизнью, высоким, приобретенным огромной ценой за годы советской модернизации интеллектуальным уровнем значительной части населения и активным сопротивлением процессам социальной и технологической деградации. По этому поводу руководитель рабочей группы Общественной палаты РФ по развитию общественного диалога и институтов гражданского общества на Кавказе М. Л. Шевченко пишет:

«Уберите Кавказ, и Россия останется всего лишь какой-то унылой транзитной равниной, по которой стоит ли строить великую дорогу из Европы к Тихому океану, если древний Шелковый путь проходит южнее, через более приветливые и насыщенные людьми странами?»

Уберите Кавказ, и Россия сожмется до буржуазной шикарной, греховно-вульгарной Москвы и замершей в ожидании новых социальных подачек согбенной страны.

Уберите Кавказ, и почти законной мести его обитателей, как мести кредиторов, векселя которых уже не оплатят, что сможет противопоставить территория, называвшаяся некогда Россией, кроме бегства в объятия Запада — рационально милостивого к коллаборационистам, иррационально беспощадного к врагам и технологично безразличного ко всем остальным? [4].

Затяжное противостояние Москвы и Грозного, чеченская война, этнические конфликты и перманентная социально-экономическая напряженность на Северном Кавказе, коррумпированность и некомпетентность местных властей привлекли в регион сотрудников иностранных спецслужб, различного рода авантюристов и наемников из многих стран. Пограничное положение региона, слабость российских государственных структур, их беспомощность, продажность сделали такое проникновение делом сравнительно легким.

Не все иностранные «специпредставители» имеют задание заниматься подрывной деятельностью против Российской Федерации. В основном против единства

России работают агенты частных фондов и организаций радикального толка из стран Ближнего и Среднего Востока. Подрывная деятельность всех этих иностранных эмиссаров на Северном Кавказе, хотя и не является первопричиной конфликтов, способствует их дальнейшему разжиганию. Подстрекательство к мятежу против федеральной и региональной (местной) власти, обучение и всестороннее обеспечение боевиков и террористов, их идеологическая подготовка в антироссийском духе, непосредственное участие иностранцев в вооруженных нападениях на российские войска и даже организация таких нападений — все это является серьезным фактором, усугубляющим политическую, социальную и военную обстановку на Северном Кавказе.

Проблемам обеспечения национальной безопасности на Северном Кавказе уделяют пристальное внимание видные ученые региона.

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН по вышеуказанным проблемам провел международные, всероссийские, региональные конференции. В работах ученых РЦЭИ подробно рассматриваются различные аспекты обеспечения национальной безопасности на Северном Кавказе.

Повышенный интерес современного российского общества к вопросам обеспечения национальной безопасности выражается в стремлении разобраться в сущности самого социального явления «безопасность», увидеть его связь с повседневной жизнью, с личными целями, ценностями и интересами. При этом возникает множество вопросов о роли и функциях государства в создании безопасных условий жизни гражданского общества, о взаимоотношениях власти и бизнеса в современной России, полномочиях общества в обеспечении безопасности личности и государства. Сегодня вся сложность процесса политических и экономических преобразований в стране сфокусировалась в единой комплексной задаче: обеспечить национальную безопасность Российской Федерации.

Одной из дестабилизирующих факторов обеспечения национальной безопасности России является внешняя угроза. Запад использует разные формы доминирования на постсоветском пространстве. Апробируются новые варианты нового «санитарного кордона» вокруг России: ГУАМ, Балтийско-Черноморско-Каспийский блок стран демократического выбора (СДВ), Содружество демократических государств Балтийского, Черноморского и Каспийского регионов (СДГ). Инициированная серия цветных революций в Грузии и на Украине привела к смене внешнеполитического курса, появлению американского военного присутствия.

Сегодня зоны насилия охватывают практически весь Юг России и сопредельные страны. Контртеррористическая операция в Чечне, теракты (Дагестан, Ингушетия) и масштабные нападения на правоохранительные органы (Ингушетия, Кабардино-Балкария), боестолкновения с незаконными военными формированиями в других регионах Северного Кавказа — крайние проявления системного кризиса, охватившего весь российский Юг.

Специфика нынешнего состояния национальной безопасности России состоит в том, что все же главные угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства исходят изнутри страны и представляют для России гораздо большую опасность, чем внешние угрозы. Расширился круг депрессивных регио-

нов, которые не в состоянии обеспечить воспроизводство за счет собственных ресурсов. Значительно возросла территориальная дифференциация естественного прироста и доходов населения. Региональная политика Центра практически упускает из поля своего внимания этот усиливающийся процесс социально-экономической дифференциации регионов, что служит питательной средой для политического, этнического и правового сепаратизма регионов.

В последнее время широкий размах получило такое социальное явление как антисоциальная деятельность государственных коррупционных чиновников.

Одной из важных проблем на Северном Кавказе является недоверие и отчуждение между властью и гражданами. В Чечне, в Ингушетии, в Дагестане и в Кабардино-Балкарии это отчуждение переросло практически в необъявленную войну. Бездумные, а порой и провокационные действия федерального центра на Кавказе привели к тому, что главный противник сепаратизма — народы Кавказа, кавказское общество останется безучастным наблюдателем грядущих потрясений.

Уже в течение 15 лет на Северном Кавказе, сначала в Чечне, а затем и в Ингушетии, в Дагестане и в Кабардино-Балкарии, отношение власти к гражданам строится по одному и тому же сценарию: все подозреваются в сочувствии к боевикам. Поэтому ведущая роль отведена силовым структурам, и ставка делается на подавление, на внушение страха. Отсюда бессудные убийства на месте и захваты главным образом молодых мужчин, бесследное исчезновение захваченных или их трупы со следами пыток. Результат этой стратегии повсюду один и тот же — непрекращающаяся партизанская война, несмотря на серьезные усилия подавить ее. Это показывает, что к боевикам постоянно поступает пополнение [5].

«Могущество государства определяется отношением власти к обществу и наоборот. В данном случае сепаратистам на Северном Кавказе противостоит, классический тип колоса на глиняных ногах, они прекрасно это поняли и действуют, исходя из трезвого анализа реальности» [6].

Объявив о создании Эмирата Кавказа, сепаратисты сменили и свои лозунги. Теперь вместо идеи более или менее цивилизованного выхода из состава РФ, идеи, понятной для политкорректной Европы и вызывающей у нее некоторое сочувствие, но не поддерживаемой народами Кавказа, что доказали события в Чечне с 1991 г. по декабрь 1994 г. и события в Дагестане в 1999 г., на первый план выдвинута идея джихада против неверных. В связи с этим, одной из важных проблем остается проблема молодежи на Северном Кавказе. По поручению Президента РФ разрабатывается стратегия молодежной политики на Северном Кавказе.

В условиях укоренившегося негативного имиджа Северного Кавказа необходима мощная информационная кампания, нацеленная на формирование стабильного, привлекательного Кавказа с использованием всех возможностей СМИ, включая социальную рекламу. Так, по итогам совещания с руководителями республик Северо-Кавказского федерального округа, территориальных подразделений Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел в Махачкале 1 апреля 2010 г. Президент РФ поручил:

1. Создать в Северо-Кавказском федеральном округе отдельную постоянно действующую оперативную группу по делам антитеррористической направленности.

2. Представить предложения по решению вопроса предоставления жилья членам сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, погибших при исполнении служебного долга.

3. Представить предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации с целью усиления уголовной ответственности лиц, причастных к терроризму (соучастников преступлений).

4. Учесть специфику службы сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа, при планировании и осуществлении мероприятий, связанных с оптимизацией деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

5. Подготовить предложения по созданию программы по борьбе с преступностью и террористическими проявлениями на территории Северо-Кавказского федерального округа [7].

6 сентября 2010 г. глава Правительства России Владимир Путин провел совещание, в ходе которого была рассмотрена и утверждена стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. [8]. По словам премьера, новая программа развития СКФО даст возможность создать не менее 400 тысяч новых рабочих мест. «В социальной сфере главными остаются такие приоритеты, как здравоохранение, образование, культура. Мы также будем оказывать содействие гражданским и молодежным инициативам, укреплять межнациональные и межконфессиональные отношения», — заявил Путин. На совещании полпред в СКФО Александр Хлопонин отметил, что расходы федерального бюджета на создание инфраструктуры туристического кластера на Северном Кавказе могут составить порядка 60 млрд. рублей.

Сегодня поставлена непростая задача со стороны президента страны, председателя правительства сделать так, чтобы Северо-Кавказский федеральный округ стал той территорией, которая бы не ассоциировалась с постоянными боевыми действиями, с криминалом, с коррупцией. Но в современной сложной социокультурной ситуации региона этнонациональные элиты под влиянием внутренних и внешних факторов приобретают такие негативные черты, как иждивенчество, коррумпированность, оторванность от масс населения.

В свете всего этого существует понимание того, что для Северного Кавказа необходимо принятие целого комплекса мер, способных оздоровить ситуацию, снять проявления вражды и антагонизма, направить его развитие на созидательное русло.

Список использованной литературы:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Вестн. Российской нации.—2009.—№ 3 (5).—С. 223–253.
2. Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: история, политика, экономика.—М.: Мысль, 2007.—208 с.
3. Кавказ в геополитическом измерении (дата обращения: 30.06.2010) // Валерий Тишков — личный сайт.—URL: [http:// www.valerytishkov.ru](http://www.valerytishkov.ru).
4. Шевченко М. Последний смысл России // Независимая газета.—2010.—10 июня.
5. Стенографический отчет о встрече лидеров правозащитных организаций Северного Кавказа с президентом России Дмитрием Медведевым и его полномочным представителем в Северо-Кавказском федеральном округе Александром Хлопониним 19 мая 2010 года (да-

- та обращения: 24.05.2010 г.) // Кавказский узел.—2010.—10 мая.—URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru>.
6. Северный Кавказ на пороге большой войны (дата обращения: 12.07.2010 г.).—<http://www.parlamentri.ru/newspublish/home.print.php?>.
 7. Поручения Президента РФ по итогам совещания с руководителями республик Северо-Кавказского федерального округа, территориальных подразделений Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел в Махачкале 1 апреля 2010 г. (дата обращения: 09.04.2010) // Кавказский узел.—2010.—7 апр.—URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/167468/?print=true>.
 8. В СКФО предстоит создать 400 тысяч рабочих мест // Дагестанская правда.—2010.—7 сент.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Однозначно оценить роль религии в современном обществе, ее возможности и перспективы попросту невозможно. Религия — это древнейший феномен человеческого общества. О религиозном факторе в жизни общества говорят и пишут много. Однако, прежде всего за ним стоят лишь представления, скрывающие внешние проявления религии, т. е. взгляды на мир, основанные на вере в Бога.

Весь предыдущий исторический опыт показал несостоятельность односторонних прогнозов относительно религии: либо ее неминуемого или близкого отмирания, либо грядущего возрождения былой мощи. Сегодня очевидно, что религия играет заметную роль в жизни общества и что она претерпевает глубокие изменения. В постсоветский период религия стала неотъемлемым элементом общественной жизни. Межрелигиозное согласие стало важнейшим условием национальной и региональной безопасности. Нельзя допустить, чтобы религиозное возрождение превратилось в политический фактор, стало основанием для экстремистского движения.

Наиболее общей базовой характеристикой религиозной идентичности является состояние религиозности. Оно синтезирует качественно-количественную определенность уровня, степени и характера религиозности в их единстве и устойчивом сочетании с личностным восприятием своей принадлежности к данному мировоззрению.

Религиозную идентичность можно определить через весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) — через колебания в вере (неопределенность отношения к религии, индифферентность) — до неверия и атеизма.

На Северном Кавказе представлены все крупнейшие конфессии мира: христианство, ислам, буддизм и иудаизм. Их взаимодействие и переплетение привели к тому, что духовная культура проживающих здесь народов представляет собой сложнейшее синкретическое явление.

В Южном федеральном округе было зарегистрировано более 3300 религиозных организаций. Конфессиональное пространство региона можно условно разделить на четыре основные части: 40% — религиозные организации Русской православной церкви (РПЦ); 30% — религиозные организации мусульман; 27% — протестантские организации и 3% — буддисты и иудеи.

Уже в течение многих веков ислам является неотъемлемым компонентом духовной и материальной культуры многих кавказских народов. Как пишет А. В. Малашенко, «ислам всегда был и остается не только религией, но и фактором, формирующим этническую идентичность, социальное устройство мусульманской общины, влияющей на ее политические ориентации» [1, с. 169].

Исламские организации преобладали в 5 субъектах ЮФО (Дагестан, Ингушетия, КЧР, КБР и Чечня). На Юге России действуют 11 Духовных управлений мусульман (ДУМ), большинство из которых входят в Координационный центр

мусульман Северного Кавказа (КЦМСК). Самое крупное региональное Духовное управление мусульман зарегистрировано в Дагестане, где действуют 1756 мечетей. ДУМ Чечни объединяет около 300 мечетей, Ингушетии — 85, Северной Осетии — 19, Кабардино-Балкарии — 130, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края — 113, Адыгеи и Краснодарского края — 28, Ростовской области — 17, Калмыкии — 2 [2].

Уровень этноконфессионального сознания на Северном Кавказе определяет состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе, об этом свидетельствуют и результаты проведенного мною социологического исследования, в рамках которого было опрошено 550 человек, представляющих разные социальные, этнические, конфессиональные, возрастные, профессиональные и др. группы¹.

На вопрос: «Как Вы считаете, влияет ли уровень толерантности на состояние межконфессиональных отношений в северокавказском регионе?» — 41% респондентов из разных субъектов ответили «влияет положительно», 42% — «оказывает некоторое воздействие», 3% респондентов посчитали, что не оказывает никакого влияния, 14% — затруднились ответить на данный вопрос. Религия тесно связана с нашим обществом, со всеми его институтами и личностью каждого человека. Играя важную роль в жизни общества, религия сегодня сама претерпевает глубокие изменения. Так, феномен религиозного плюрализма приобрел актуальность, который предполагает терпимость к инаковерию, признание того, что и вне религиозного мировоззрения многие гуманистические движения служат благим целям человеческого сообщества. Способствует этому употребление в более широком смысле понятия секуляризации — процесса освобождения от религиозного влияния различных сфер жизни общества и личности.

В пределах субъектов региона представлен разный уровень религиозности населения. В проведенном социологическом исследовании из опрошенных 550 респондентов 91% отнес себя к представителям одной из предложенных конфессий, 7% назвали себя атеистами, 2% затруднились с выбором своей религиозной принадлежности. Более половины опрошенных (62%) исповедуют ислам, 29% — православие, 8% — буддизм и 1% — иудаизм.

Из общего массива опрошенных 43% отметили, что религия занимает весьма значительное место в их жизни, умеренное выбрали — 37% респондентов, незначительное — 15%, никакого — 5%.

Самый высокий уровень религиозности оказался в Чеченской Республике. 92% опрошенных чеченцев на вопрос: «Какое место занимает религия в Вашей жизни?» — ответили «весьма значительное», на втором месте Республика Ингушетия — 62%, далее Карачаево-Черкесия — 56%, Республика Дагестан — 36%, Ставропольский край — 25%, Ростовская область — 4%. На вопрос: «Способствует ли рост религиозности населения гармонизации межнациональных отношений и формированию толерантности в обществе?» 53% респондентов Чеченской Рес-

¹Исследование проводилось в рамках проекта «Этноконфессиональная толерантность как один из факторов стабильности северокавказского социума» (2006–2008 гг.), Подпрограммы по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе», Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

публики ответили положительно, а 52% респондентов Ростовской области, напротив, считают, что не только не способствуют, но в некоторых случаях даже мешает.

В основном мусульманские народы республик Северного Кавказа исповедуют ислам суннитского толка. Суннизм подразделяется на несколько мазхабов (богословско-правовых школ), из которых на Северном Кавказе действуют ханафитский, шафиитский и ханбалитский. Причем, мусульмане республик северо-западного Кавказа следуют ханифитскому и шафиитскому мазхабам в суннизме; а в Дагестане, Чечне и Ингушетии представлен суфийский ислам в форме накш-бандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов.

Наиболее распространен на Северном Кавказе относительно либеральный ханафитский мазхаб, которого придерживаются большинство мусульман в данном регионе.

Умеренный шафиитский мазхаб преобладает среди дагестанских народов (кроме ногайцев), его придерживаются чеченцы, большинство ингушей. В последнее время получил распространение среди мусульман Чечни, Дагестана и в некоторых других районах страны консервативный ханбалитский мазхаб (точнее, его ваххабитская ветвь).

Ваххабизм превратился в идеологическую оболочку терроризма усилиями тех политиков и религиозных деятелей, которые гипертрофируют заложенные в нем деструктивные идеи.

По мнению К. М. Ханбабаева, на активное распространение идеологии ваххабизма на Северном Кавказе существенное влияние оказали следующие условия:

- социально-экономический кризис, приведший к обнищанию широких масс;
- идеологический, духовно-нравственный и политический кризис;
- обострение межнациональных отношений;
- криминализация различных сторон жизни, коррупция, организованная преступность;
- неопределенность политики федерального Центра в отношении региона и отдельных субъектов;
- геополитические трансформации в регионе;
- низкий авторитет местного духовенства [3].

Поэтому все больше приобретают актуальность вопросы взаимоотношения образования и религии. Во-первых, реализация провозглашенного Конституцией РФ принципа свободы совести в светском государстве осуществляется с помощью введения в образовательный процесс такого предмета, как «религиоведение». Оно должно способствовать воспитанию у молодежи терпимого отношения к различным религиям, что требует «мировоззренческого нейтралитета» в преподавании этой дисциплины.

Один из главных принципов религиоведческого образования заключается в том, что изложение предмета осуществляется на языке толерантности. Осмысливается диалог религиозных и нерелигиозных воззрений о человеке, обществе, мире, в ходе которого внимание подрастающего поколения будет ориентироваться на совпадение взглядов многих религиозных систем [4].

Отметим, что квалифицированное преподавание религиоведения позволяет успешно бороться с порой встречающимися предрассудками и элементарной

неграмотностью относительно любых религий. Религиозная грамотность населения необходима нормальному цивилизованному обществу как залог толерантности во взаимоотношениях представителей разных вероисповеданий, как условие понимания их культуры, традиций и ценностей, а также в качестве защиты от радикальных взглядов.

Список использованной литературы:

1. Малащенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа.—М.: Гендальф, 2001.—180 с.
2. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтноконфессиональном обществе // РИА «Дагестан» 05.06.2007 г.
3. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтноконфессиональном обществе (на примере Северного Кавказа) // РИА «Дагестан» 20.09.2006 г.
4. Колодин А. Поиск взаимных компромиссов // Высшее образование в России.—2000.—№ 2.—С. 66–74.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

На сегодняшний день в политическом лексиконе существуют более или менее устойчивые формулировки для разделения стран бывшего Советского Союза по региональному признаку. Отсюда и определение трех независимых государств как Южный Кавказ, или Закавказье. В самом общем виде Кавказ, как и Уральские горы, считается политически определенной границей между Европой и Азией. Есть и те, кто рассматривает как часть Кавказского региона Северный Иран и восточные части Турции, которые были отторгнуты от Грузии и Армении в соответствии с Карским договором от 1921 г. И потому Кавказ считается как бы продолжением Ближнего Востока. С конца 1990-х гг. Кавказ и Центральная Азия обозначены американскими стратегами северными пределами Большого Ближнего Востока (ББВ) — обширного пространства, традиционно обозначаемого как Ближний и Средний Восток и предполагаемого к трансформации, разумеется, в выгодном для США направлении, что собственно, мы частично наблюдаем на Ближнем Востоке с января нынешнего года. Макрорегион ББВ включает в себя две крупнейшие углеводородные зоны — Персидского залива и Каспийского моря, которые при благоприятном для США развитии событий окажутся (а частично они уже оказались) под их контролем.

Между тем сама *окружающая Южный Кавказ мировая среда стремительно меняется*. В ней традиционные международные отношения, где раньше фигурировали главным образом государства и двусторонние взаимосвязи, все чаще сменяются новым по содержанию международным взаимодействием. Его участниками выступают не только государства и межправительственные организации, но и негосударственные *акторы* — неправительственные организации, ТНК, внутригосударственные регионы и т. п. Западные страны теряют былую экономическую и политическую мощь, а также превосходство перед развивающимися государствами. Установившийся после окончания «холодной войны» «новый мировой порядок» трансформируется. Мир перестает быть однополярным, каким он, казалось, начал становиться после роспуска СССР, когда мировая система подверглась кардинальным изменениям при доминирующей роли атлантистов и США. Формируется и негативное отношение к глобализации, которое, вероятно, будет нарастать. Сделав мир информационно прозрачным и экономически более тесно взаимосвязанным, глобализация породила не только новые возможности, но и новую уязвимость жителей планеты, государств, международных институтов и межгосударственных объединений, которые стремительно слабеют, усугубляя тем самым управляемость мировыми процессами.

Похоже, уходят в прошлое «цветные революции» — выработанная в эпоху наивысшего расцвета однополярного мира и гегемонии США модель для смены режимов, основанная на выборных процессах, когда фальсификация результатов выборов становилась центральным пунктом, вокруг которого могла начать свои манифестации гражданская и политическая оппозиция.

Современному миру угрожают ныне в основном негосударственные субъекты — этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и прикрывающийся, как правило, религиозной личиной транснациональный терроризм. Глобального масштаба достигла и такие угрозы, как неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения и наркобизнес. Значительное место в мировой политике занимают угрозы деградации природной среды — загрязнение воздуха, глобальное потепление, уменьшение лесных массивов и т. п.

Большая часть этих вызовов и угроз актуальна и для Южного Кавказа. Процесс выстраивания государствами этого региона внешней политики и поиска партнеров для взаимодействия подчинен задачам сохранения режимов, поддержания стабильности, укрепления суверенитета, развития выгодных экономических отношений, получения помощи. Свое взаимодействие с внешним миром государства Южного Кавказа осуществляют в условиях, когда они стали центром притяжения различных внешних сил. Такой их интерес к региону обусловлен рядом факторов.

Во-первых, новым статусом расположенных на Южном Кавказе стран, открывшихся после распада СССР всем идеологическим ветрам и влияниям.

Во-вторых, энергетическим фактором. Ведь через Кавказ, который позволяет осуществить стратегическую смычку между Черным и Каспийским морями, пролегал несколько маршрутов транспортировки каспийских энергоносителей. Роли здесь распределены следующим образом: Азербайджан является экспортером каспийских энергоресурсов, а Грузия и потенциально Армения (в том случае если ей удастся нормализовать отношения с Турцией и развить их с Ираном) превращаются в важные транзитные государства, по которым проходят транспортные пути, а также и магистрали по перекачке нефти и газа на мировые рынки. Очевидна заинтересованность России как кавказского и прикаспийского государства в модификации и диверсификации существующей трубопроводной системы. Есть к энергетическому потенциалу Кавказа и несомненный интерес со стороны ЕС и США. Напомню, что еще в 1997 г. США официально объявили Каспийский регион зоной своих стратегических интересов, и центральным элементом американской политики на этом направлении стало формирование новой сети трубопроводов и торгово-транспортных коммуникаций по линии Восток-Запад. Запущенные при прямом содействии США ряд энергетических проектов, а также и те, что запланированы к вводу (Набукко), рассматриваются ими и Евросоюзом не только в качестве важного ресурса мировой экономики, но и как объект геополитики, средство избавления от пресловутой энергетической зависимости от России, один из способов доминирования в Евразии.

В-третьих, Южный Кавказ имеет стратегическое значение. Для России, которая сама является крупной кавказской державой, тесно связанной историей и культурой с народами всего Большого Кавказа, задача в регионе состоит в том, чтобы обеспечить свою безопасность. Россия больше, чем кто-либо, ощущает на себе последствия неблагоприятного развития ситуации в регионе, а любые происходящие там конфликты затрагивают ее напрямую. Потому Россия заинтересована в стабильном и предсказуемом развитии государств региона. Для США одна из главных стратегических целей на Кавказе состоит в стремлении изолировать Иран, сдерживать его или же, используя Южный Кавказ как стратеги-

ский плацдарм, оказывать, если возникнет необходимость, силовое давление на Исламскую Республику Иран (ИРИ), противостояние с которой не снижается. Наконец, по мере того как США и страны-участницы Международных сил содействия безопасности, воюющие в Афганистане, вступают в завершающую фазу военной операции в этой стране (2011–2014 гг.), возрастает значение «северного маршрута» (или, иначе, Северной распределительной сети) тылового обеспечения, который пролегает через Россию, Кавказ и республики Центральной Азии. Уже сегодня по этому маршруту силам коалиции, воюющей в Афганистане, доставляется до 30% военных и гражданских грузов.

Вместе с тем существуют *серьезные ограничители, препятствующие превращению Южного Кавказа во влиятельный сегмент мировой экономики и политики*, наподобие, например, стран АСЕАН или же Персидского залива, являющихся хорошо функционирующими и процветающими глобальными центрами, где сосредоточены интересы многих влиятельных мировых игроков. Первый и главный ограничитель — это экономический потенциал государств региона и фактор географии. Азербайджан — это не второй Персидский залив, где запасы нефти составляют 56% всех мировых запасов, в то время как во всех странах-экспортерах этого энергосырья Каспийского региона (т. е. Азербайджана вместе с Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном) — 3,5%; в Персидском заливе содержится 40% мировых запасов природного газа, в означенных странах только 7%. Иное дело, что нефтегазовые ресурсы Каспийского региона рассматриваются не только как альтернатива российским поставкам углеводородов на мировые рынки, но и как резерв на будущее, которым смогут распорядиться в дальнейшем те, кто закрепиться в этом регионе.

Что касается потенциала Турции, претендующей сегодня на роль главного куратора экономических, энергетических и транзитных процессов на Южном Кавказе, то он несопоставим с возможностями Китая, стимулирующего рост Сингапура и многих государств ЮВА и успешно завоевывающего (экономически) пространство Центральной Азии. Европа, хотя и стремится диверсифицировать энергомаршруты, но все равно, в силу географии, ей выгоднее транспортировать нефть и газ через территорию России, что, собственно, в основном и происходит. Так что от роли своего рода «порубежья» России государствам Южного Кавказа избавиться довольно сложно, в первую очередь, в силу экономической зависимости, а также взаимозависимости от транзита энергоносителей. Нуждаются государства Южного Кавказа в России и для нейтрализации претензий на региональную гегемонию со стороны Турции или Ирана.

Другой ограничитель, препятствующий превращению Южного Кавказа в центр мировой политики, связан с проблемами безопасности. Южный Кавказ остается территорией с различными нерешенными конфликтами, что, с одной стороны, рождает соблазн, в том числе и со стороны нерегиональных сил (США и НАТО в первую очередь) поиграть на такой нестабильности, использовать существующие внутригосударственные и межгосударственные противоречия и споры для продвижения собственных стратегических интересов. Но такая неустойчивость обстановки на Южном Кавказе останавливает серьезные компании, традиционно сторонящиеся нестабильных зон, от массированного вложения в экономику региона своих капиталов — в отличие, например, от стран АСЕАН, где достигнут приемлемый уровень стабильности.

Третье — это избранная государствами региона экономическая и политическая стратегия, строящаяся на огромной зависимости от иностранной помощи, что особенно характерно для Грузии.

Вообще в целом Южный Кавказ — как и Центральная Азия, как и европейское СНГ — остается условно-политическим регионом.

Свои социально-экономические и политические проблемы государства Кавказа решают, как правило, вне региона, поскольку внутри его географической зоны существуют жесткие двусторонние противоречия. Между государствами нет устойчивых трехсторонних экономических связей; различаются и сами векторы их экономического развития. Свою собственную безопасность они стремятся обеспечить не столько через формирование собственных внутрирегиональных институтов или же использование давно функционирующих в СНГ структур, сколько посредством установления связей с крупными игроками извне, в числе которых — НАТО.

Итак, у каждого из государств ЮК есть своя иерархия проблем. Вхождение в мировую политику в качестве полноценных участников рассматривается ими, в том числе, и как возможность с меньшими потерями решить эти проблемы. Это не всегда удается, поскольку эгоистические интересы внешних игроков и местных правящих господствующих групп часто вступают в острое противоречие. Тем не менее открытость внешнему миру стран региона придала ему новое качество. Для расположенных на Южном Кавказе государств оно означает не только новые дополнительные возможности, но и вызовы. Очевидно, что правящим элитам государств региона так или иначе придется приспосабливаться к столь неоднозначной реальности. Судя по всему, одним это удастся лучше, другим хуже.

О месте Южного Кавказа в российской стратегии — при чем ситуация там меняется постоянно и иногда затрудняет саму выработку этой стратегии — речь можно вести только в том случае, если от государств этого региона можно ждать позитивного вклада в развитие этой стратегии. Учитывая тесную связь (экономическую, этническую, социокультурную) Южного Кавказа с российским Северным Кавказом, можно утверждать, что сценарий полного ухода России из Южного Кавказа невозможен, так как в этом случае рост нестабильности и всплеск новых угроз безопасности уже внутри самой России неизбежны. Соответственно российские приоритеты в Южном Кавказе состоят в обеспечении здесь прочной и устойчивой стабильности, а также в содействии становлению в регионе дружественных нашей стране экономически развитых демократических режимов.

И. В. Пащенко

ПРАКТИКА НАСИЛИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА

Общество постоянно находится в развитии, и источником этого развития зачастую становятся конфликты всевозможного характера. Преодоление конфликтной ситуации возможно двумя путями: силовым и ненасильственным. Существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой насилие есть атрибут любого общества на любой стадии развития. При этом насилие может выступать в двух ипостасях: как тождественное злу как таковому, несущее лишь деструктивные изменения; с другой стороны — возможно оправданное насилие как необходимый инструмент реформирования общества. Среди причин насилия называют и природу человека (врожденные склонности, инстинкты), и неравенство различного характера, существующее в обществе (дифференциация общества), и порождение конфликтов.

Политически мотивированное насилие есть терроризм. В России терроризм на протяжении последних двадцати лет прочно связывается с событиями на Северном Кавказе, где идея независимого национального государства на основе Шариата уступила место стремлению создать государство, которое в будущем может стать провинцией «Всемирного исламского халифата».

Однозначно оценить ситуацию достаточно сложно. На Северном Кавказе активно переплелись друг с другом религиозный экстремизм, политический терроризм и чисто криминальная борьба. События под флагом «чистого ислама» занимают большую часть. Какой-то процент занимает общекриминальная борьба за передел власти, собственности. Она хотя и имеет экономическую подоплеку, но проявляется в таких же формах как и терроризм, нанося ущерб безопасности государства, фактически разрушая систему государственной власти на местах.

Уголовный Кодекс РФ определяет терроризм как идеологию насилия и практику «воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [1].

Пространственно-временной банк данных, созданный в ЮНЦ РАН, объединяет в себе насильственные инциденты различного характера, происходящие на территории Южного федерального и Северо-Кавказского федерального округов за последние шесть лет (с 2005 г. — по июнь 2011 г.). В наших исследованиях учитываются не только действия, по которым было возбуждено уголовное дело согласно ст. 205 УК РФ [2], а все действия, которые можно охарактеризовать как террористические¹. К числу таковых на Северном Кавказе можно отнести

¹ Согласно п. 3 в редакции ФЗ от 27.07.2006 г. №153 ФЗ «террористический акт — совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

убийства и покушения на представителей власти, сотрудников правоохранительных органов, мирных жителей; взрывы, обстрелы военных объектов, блокпостов, транспортных средств, жилых помещений; поджоги; боестолкновения силовых структур и бандформирований.

Пространственно-временной анализ количественных данных с применением геоинформационных технологий позволяет выявить определенные закономерности.

С 2000 г. произошла определенная пространственная локализация совершаемых преступлений террористической направленности. Основными очагами криминально-террористической напряженности остаются три республики: Чечня, Ингушетия, Дагестан (начиная с 2006 г. пояс напряженности охватывает самые крупные населенные пункты и тянется от Каспия до Назрани). В 2008 г. на «карте нестабильности» появляется республика Кабардино-Балкария (постепенный накал напряженности на протяжении 3-х последних лет вылился в практически неуправляемую ситуацию 2010 г.). С 2010 г. местом совершения акций террористической направленности также становятся населенные пункты Ставропольского края (Ставрополь, район Кавказских Минеральных вод, Ногайская степь).

Резкий всплеск криминально-террористической активности, наблюдался в 2008 г., он продолжился на более высоком уровне в 2009 г., 2010 г. по сумме насилия показал относительную стабилизацию на уровне 2009 г. (898, 1028, 974 терактов соответственно).

При сохранении достаточно высокого общего уровня напряженности центрами проявления преступлений криминально-террористической направленности в различные годы становились различные территории:

— в 2006–2007 гг. абсолютным «лидером» по числу преступлений террористической направленности была Чеченская республика (370 и 160 терактов соответственно), весной 2010 г. произошло увеличение акций террористического характера по сравнению с двумя предыдущими годами, наряду с проводимыми практически каждый день масштабными спецоперациями, повсеместно происходят открытые противостояния бандгрупп и представителей силовых структур, хотя численный перевес в действиях антитеррористического характера сохраняется здесь вот уже третий год (значительную часть в действиях такого характера занимают задержания, около 60);

— в 2008–2009 гг. наиболее тяжелая ситуация сложилась в Ингушетии (около тысячи терактов за два года), ранее эта республика фигурировала как наиболее неблагоприятная по похищениям, марта 2010 г. принес некоторые положительные изменения: увеличение действий контртеррористического характера при одновременном уменьшении числа терактов.

— к сентябрю 2010 г. республика Дагестан вышла на первое место по числу актов террористической направленности (390 терактов, по сравнению с 2008 г. — увеличение 3 раза), эта тенденция сохранилась и в первом полугодии 2011 г., спецификой республики остаются нападения на представителей различных уровней власти, духовенства и сотрудников силовых ведомств;

— особо напряженная ситуация сложилась в 2010 г. в республике Кабардино-Балкария: общее число терактов составило 159 случаев, что на 73% превышает

уровень 2009 г., когда впервые на территории республики был введен режим контртеррористической операции, с марта 2011 г. стало возможным говорить о некотором улучшении ситуации (наблюдается рост антитеррористических акций).

В республике Карачаево-Черкесия обстановка заметно ухудшилась, что в первую очередь вызвано распространением идей радикальных течений в исламе среди местного населения и свидетельствует о наличии глубоко законспирированного подполья.

На территории республики Северная Осетия-Алания и Ставропольского края не снижается вероятность проведения экстремистами диверсионно-террористических акций. В 2010 г. здесь были совершены самые масштабные и знаковые теракты с большим числом человеческих жертв среди местного населения.

Столицы практически всех субъектов Северо-Кавказского федерального округа оказываются по существу «городами боевых действий», в которых объектами атак являются, в первую очередь, центральные улицы и крупные транспортные узлы, административные здания, места наибольшего скопления людей (площади, стадионы, парки).

Исходя из имеющихся данных, необходимо отметить, что наиболее «кровавым» временем становятся летние месяцы, хотя всегда существует опасность эскалации насилия и другое время, как это было, например, в феврале 2011 г.

Противостояние на Северном Кавказе последних лет подтверждает две основные тенденции вооруженных конфликтов последних десятилетий: первенство скрытых локальных конфликтов перед массовыми открытыми вооруженными столкновениями; все более затяжной характер конфликтов («концепция долгой войны»).

На смену открытым боестолкновениям приходят *подрывы* как наиболее эффективные и резонансные теракты.

Объектами атак в первую очередь оказываются правительственные и административные здания и сооружения (Чеченская республика, нападение на парламент); стратегически важные объекты — ГЭС, ЛЭП, вышки связи, газопроводы, и транспортные узлы («экономический терроризм»). Причем каждая республика имеет свои характерные особенности, так для Ингушетии наиболее частыми являются обстрелы автозаправочных станций, и газопроводов, в Чечне атаки направлены на вышки связи и линии электропередач, а Дагестан стал «лидером» в «железнодорожном терроризме».

Относительно новым методом выступают *теракты комплексного характера*, сопряженные с большим числом жертв как среди сотрудников силовых структур, так и среди мирных жителей.

Особого внимания заслуживают *самоподрывы боевиков*. В 2009 г. это явление было наиболее характерным для Чечни, в 2010 г. на территории этой республики было зарегистрировано лишь 3 самоподрыва из 15. Лидирующее положение и здесь занимает Дагестан, 2011 г. не принес улучшения, на территории республики зарегистрировано уже 4 самоподрыва. Среднее число пострадавших в таких акциях превышает 20 человек убитыми и ранеными.

Представители правоохранительных органов в республиках Северного Кавказа давно стали «живыми мишенями». За полтора года (2010 г.—июнь 2011 г.) потери убитыми и ранеными среди сотрудников различных силовых ведомств на

территории республик Северного Кавказа составили более 1000 человек. Жертвы среди *мирного населения* сопоставимы с потерями сотрудников силовых структур, каждый день на территории Северного Кавказа убитыми и ранеными оказываются два местных жителя. Последние данные за 2010 г. — июнь 2011 г., в сравнении их с аналогичными периодами 2008–2009 гг. свидетельствуют об ухудшении ситуации. Так если в 2008 г. жертвами терактов стали 360 человек, в 2010 г. эта цифра составила 727 человек (рост более чем в два раза), шесть месяцев 2011 г. принесли более 150 жертв (убитыми и ранеными) среди местного населения. Потери же бандгрупп за последние полтора года составили более 600 человек убитыми, практически столько же боевиков и их пособников было задержано.

В 2011 г. отмечено новое направление противоправной деятельности террористов, выразившееся в проведении акций устрашения представителей нетрадиционной медицины и специалистов в области этнографии — тех, кто, по их мнению, враждебен их религии.

Предпосылки процессов, происходящих на Северном Кавказе, возникли при объединении ранее благополучных и достаточно образованных людей, для которых привычный мир разрушен и они вытеснены из жизни общества. Обострение национальных, социальных проблем, обездоленность и маргинализация большей части общества подготовили почву; провоцирующей атмосферой стал повальный нигилизм, разрушение традиций и нравственности, культ насилия в СМИ, безответственность, порочность и коррумпированность правящих слоев.

Главным консолидирующим фактором стала исламская идеология, наиболее эффективным средством — глобальная информационная сеть, которая позволяет доносить до мировой общественности действия и манифесты радикальных групп. Но реальные террористические акты — это, в большинстве своем, преступления одиночек, их используют в своих интересах разнообразные силы: бизнес и политические силы, исламские фундаменталисты, преступные группировки различного характера.

В настоящее время во всем мире, и Северный Кавказ не является исключением, терроризм — это лишь метод достижения разных целей. Это не только и не столько форма политической борьбы как распространенный способ решения межэтнических, межконфессиональных и территориальных споров. Фактором роста напряженности зачастую выступает расхождение между актуальным и желаемым положением различных групп людей в обществе на фоне сравнения с другими странами и регионами. В настоящее время некогда единое культурное и экономическое пространство распалось, наблюдается повсеместная анклавизация общества. Преодоление культурной и экономической закрытости требует воплощения стратегии межкультурного диалога и вписывание в экономическую жизнь всей Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». — URL: <http://www.consultant.ru/popular/terror/>.
2. Уголовный кодекс РФ. Статья 205. Террористический акт. — URL: <http://www.ukru.ru/code/09/205/>.

И. Б. Санаков

**РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В ПРОЦЕССАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ)**

Законодательные органы призваны быть одним из наиболее действенных инструментов в процессах политической модернизации. В странах Западной Европы парламенты по праву являются лидерами модернизации, поскольку представляют интересы всех социальных групп и оказывают реальное воздействие на принятие властных решений. И в этом смысле парламенты являются «своеобразным индикатором, показывающим степень продвижения той или иной страны по пути политической модернизации» [1]. Однако, законодательные органы российских регионов и северокавказских республик в том числе, не играют заметной роли в модернизационных процессах. По признанию исследователей, «региональные парламенты Российской Федерации еще весьма далеки от подобного уровня развития, позволяющего им быть в авангарде процессов политической модернизации» [2].

В связи с этим представляется актуальным вопрос о причинах подобной роли законодательных органов в процессах политической модернизации в российских регионах, и рассмотреть этот вопрос мы попробуем на примере Республики Северная Осетия-Алания, проанализировав различные материалы, включая результаты массовых и экспертных опросов, проводившихся в республике в период 2010–2011 гг.

Под политической модернизацией мы понимаем прежде всего демократизацию политической жизни и политических институтов, которая, безусловно, будет способствовать «возрастанию способности политической системы адаптироваться к новым образцам социальных целей и создавать новые виды институтов, обеспечивающих развитие социальной системы» [3]. Анализ эволюции европейских представительных учреждений позволяет выявить некоторые общие закономерности процесса становления такой системы. С одной стороны, парламент нередко вырастает из традиционных органов сословного представительства. С другой стороны, законодательная власть расширяет свои полномочия по отношению к исполнительной власти до тех пор, пока не устанавливается их оптимальный баланс в рамках утвердившейся модели разделения властей. И, в-третьих, происходит поэтапная демократизация самого парламентского учреждения, а также механизмов его формирования.

Исследователи отмечают, что там, где становление такой системы происходило без вооруженной борьбы, оно, как правило, отличалось постепенностью и мирным характером, как, к примеру, в скандинавских государствах. При этом следует отметить, что данный процесс в этих странах оказался значительно растянут по времени: почти в каждом из них для упрочения парламентских норм и формирования демократических избирательных систем потребовалось около ста

лет. Обратный пример продемонстрировала Франция, где революционный характер преобразований очень тяжело сказался на обществе и который не выдержали ни люди, ни государственные институты: «Потребовались новые исторические циклы, несколько тяжелых революционных кризисов, прежде чем в стране завершился процесс создания устойчивой системы парламентской демократии» [1].

В Российской же Федерации, несмотря на широкие политические декларации руководства страны о необходимости модернизации, процесс этот протекает достаточно вяло, в особенности на уровне регионов. При этом здесь наблюдается значительная политическая пассивность местных законодательных органов. На наш взгляд, это обстоятельство в значительной степени объясняется преимущественно тем, что парламенты на региональном уровне, по-сути, подчинены исполнительной власти. По этому поводу исследователи отмечают, что во всех регионах, включая и те, в которых элиты консолидированы не полностью, «парламенты проявляют полную или почти полную лояльность главам регионов и при этом безынициативны» [2].

Это обстоятельство свидетельствует о доминировании исполнительной власти над властью законодательной, которое осуществляется через полную или почти полную зависимость парламента от главы исполнительной власти регионов. На практике это обычно выражается в том, что значительная часть депутатов находится в прямом или косвенном подчинении у глав регионов. Безусловно, такая вертикальная интегрированность властной пирамиды и нарушение принципа «разделения властей» скорее всего, будут приводить к тому, что вся правящая верхушка будет работать на единственную цель — достижение власти и ее удержание в своих руках.

Подобная картина весьма характерна также и для парламента Республики Северная Осетия-Алания. Как отмечают местные эксперты, североосетинский парламент однозначно подчинен исполнительной власти и для этого есть масса доказательств. К примеру, во время бесланского теракта парламентарии не были в состоянии предпринять ни одного самостоятельного действия, и во время встречи с потерпевшими в ходе теракта им было прямо заявлено: «Вы — карманный парламент», и никто из них особо не возражал против этого. Поэтому «наш парламент полностью подчиняется главе исполнительной власти, и какие-то самостоятельные действия они могут предпринимать по каким-то незначительным эпизодам, но в целом — это не самостоятельный политический институт» [4].

Подобная ситуация объясняется, с одной стороны, отсутствием демократических традиций в обществе и доминированием традиционных представлений в политической сфере. В этом отношении североосетинское общество продолжает оставаться преимущественно консервативным, для которого характерно превалирование коллективного группового поведения в отличие от индустриальных социальных систем с преобладанием личных интересов граждан. Исследователи отмечают, что: «Традиционные структурные отношения неопределимы юридически. В обществе есть понимание того, что это нечестно. Это покровительство «своим» людям. Это изменение в нравах» [5, с. 92]. Поэтому в силу устойчивости традиционализма следует признать, что в обществе не было мощной корневой системы для развития демократии, что является вполне характерным для традиционных обществ Северного Кавказа.

Ряд экспертов при этом считает, что, несмотря на доминирование традиционных представлений, значительная часть элементов традиционализма, оказывающих неоценимую помощь в кризисных ситуациях, в Северной Осетии уже давно не работает: «У нас остались только отголоски традиционализма, когда североосетинское общество давно уже отошло от традиционного уклада, но еще не успело прийти к современному. И те традиции, которые носят, безусловно, положительный характер, как например, ответственность, солидарность, доверие у нас, к сожалению, не работают, тогда как в случае их привнесения в современное модернизированное общество они могли бы только способствовать успеху и развитию» [4].

Другая составляющая политической зависимости парламента от исполнительной власти — это, безусловно, управляемый со стороны исполнительной власти характер голосований на выборах в законодательный орган, когда «отмена выборов в округах резко снизила накал публичной борьбы и превратила выборы в процесс управляемого распределения мест между партиями, согласованного иной раз задолго до даты голосования» [2].

Исследователи, авторы аналитического доклада по Северному Кавказу, подготовленного Центром политических технологий, отмечают в этом плане, что если на федеральных выборах северокавказские республики стремятся оказать максимальную поддержку «Единой России», считая это важным для улучшения отношений с центром, то на выборах региональных парламентав республиканские власти легко манипулируют избирательными технологиями. По мнению авторов доклада, региональные лидеры, обеспечивая на федеральных выборах почти 100-процентную поддержку «Единой России», на региональных выборах столь же легко реализуют сценарий «управляемой многопартийности», проводя в парламенты нужные им партийные списки, составленные из нужных людей, и создавая видимость партийного плюрализма (Чечня, Кабардино-Балкария, Ингушетия при М. Зязикове). Именно благодаря такой практике, «в Северной Осетии Т. Мамсуров без особого труда обеспечил избрание спикером человека из своей команды — Л. Хабицовой» [2].

Одна из наиболее существенных причин политической слабости регионального парламента кроется также в достаточно низком уровне профессионализма его кадрового состава, при этом зачастую в парламент проходят кандидатуры очень далекие от процессов модернизационного развития. По оценкам экспертов: «Косность мышления, которая, безусловно, присутствует в парламенте, однозначно мешает развитию модернизационных процессов в республике» [4].

Эксперты отмечают также, что в условиях новой избирательной системы в региональные парламенты стали внедряться люди, обладающие финансовыми и административными ресурсами и стремящиеся, в первую очередь, решать свои личные проблемы, связанные с карьерой или бизнесом. Именно по этой причине о парламенте РСО-Алания говорится: «Нет таких ярких личностей, которые провели бы модернизацию. Хотя в парламенте есть неглупые и образованные люди, но они играют ограниченную роль. Они, конечно же, поддерживают определенный уровень работы парламента, но многого от них ожидать не стоит» [4]. Эксперты считают: «У кого есть деньги, тот и становится депутатом или членом парламента республики, — о простых людях никто и не думает» [4]. Поэтому

«уровень жизни так и остается низким: как не было рабочих мест, так их нет и сегодня. Партии, которыми руководят местные руководители с их низким кредитом и рейтингом доверия, не вызывают доверия у граждан» [6, с. 145]. Именно поэтому если чьи-то интересы и защищаются, то только самих парламентариев: «Они заняты не отстаиванием интересов населения, а политической борьбой. Когда партии никак не могут поделить власть, — куда им до моих интересов! Я кардинально против содержания депутатской элиты» [6, с. 145].

Давая общую оценку уровню профессионализма североосетинского парламента, эксперты считают: «В нашем парламенте 75 человек, у всех них и образование разное, и мировоззрение и соответственно уровень подготовки тоже разный. Но если брать в процентном соотношении, то хорошо подготовленных в политическом плане депутатов всего лишь порядка 10% и то, наверное, будет завышенной оценкой. Все остальные, может быть, и неплохие профессионалы в своих специальностях: кто в спорте, кто в искусстве, кто в науке, но с точки зрения политической зрелости и компетентности они весьма далеки от требуемого уровня» [4].

Одна из наиболее значительных проблем, с которыми сталкивается парламент РСО-Алании, — это недостаточная развитость своих законодательных функций. В этом плане исследователи отмечают, что эта проблема, характерна для всех регионов Российской Федерации: «Обычно, в республиканских парламентах присутствует явное меньшинство профессиональных законодателей (нередко избирающихся уже по несколько раз), которые «тянут» основную работу. Но при этом ключевые законопроекты, и в целом их большинство, разрабатываются в органах исполнительной власти и вносятся в парламент на утверждение» [2]. Основная функция республиканского парламента сводится к тому, чтобы принимать законодательные акты, которые уже были приняты на федеральном уровне, а вот с законодательной инициативой местного уровня возникают проблемы. Поэтому согласно местным экспертным оценкам: «У нас практически нет своих законов, у нас есть только дубляж федеральных применительно к местным, хотя, конечно же, есть вопросы, которые должны разрабатываться и применяться исключительно на региональном уровне» [4].

Существенно влияет на кадровый состав республиканского парламента также и сохраняющееся влияние клановых связей в осетинском обществе: «В местной политической культуре очень сильное патерналистское начало. Публичная политика зачастую превращается в видимость, ритуал, а выборы лишь легитимируют негласные договоренности» [7]. В этом отношении Республику Северная Осетия-Алания, как и большинство республик Северного Кавказа, отличает развитость неформальных сетей, основанных на традиционных родственных и конфессионально-этнических связях. Эти архаические структуры, семейные и корпоративные, наиболее рельефно в Северной Осетии обнажились в 1990-е гг. Исследователи дают такую оценку: «Эти структуры часто являются основой коррупции, тем, что в экономике называется обменом дарами. То есть я тебе — должность министра, директора, ты мне — деньги или другие блага; я тебе — работу, ты мне — помещение и т. д. Так в определенной мере работает архаическая структура» [5, с. 92].

Эксперты отмечают при этом, что в странах, где успешно осуществляются модернизационные процессы, вопросы клановости и влияния клановых связей на

принятие политических решений как-то решаются: «В управленческой практике многих развитых стран очень щепетильно относятся к вопросу межличностных неформальных связей в управленческих структурах. Малейший намек на использование административного ресурса в той или иной мере в личных интересах выносится через СМИ на суд общественности в виде политического скандала. Во избежание таких скандалов выполняются писанные или неписанные правила во взаимоотношениях близких людей на рабочем месте. Многие политики или чиновники стараются не создавать условия для скандалов такого характера, избегая совместной работы с родственниками» [8, с. 134]. Однако в Российской Федерации проблема клановости остается одной из наиболее актуальных проблем политического развития, поскольку везде идет лоббирование своих кланов, а общество не реагирует в силу отсутствия гражданского общества, способного контролировать власть. Помимо этого ослабление самой властной иерархии в современной России привело «к возможности слияния личных и государственных интересов с превалированием первых над вторыми» [5, с. 93].

Негативные последствия клановой системы проявляются, прежде всего, в том, что она всячески тормозит модернизацию, тормозит новые вливания в плане идей и позиций, мешает формированию новых взглядов и определению новых перспектив. В этой связи опрошенные нами местные эксперты отмечают, что демократия предполагает власть народа, а когда какие-то вопросы решаются кланово, без учета интересов и мнения общества, то это значительно тормозит вопросы модернизации. Отсюда проистекает и пессимизм в народе: «Так как все настолько закрыто, что в такой системе пробиться вперед умному и образованному специалисту практически невозможно. Это, конечно же, самый страшный негативный процесс, и он имеет самые страшные негативные примеры. И с этим, прежде всего, нужно бороться той части общества, которая может консолидироваться и как-то выразить свою позицию» [4].

Очевидно, что в силу этих обстоятельств в обществе зреет понимание того, что в политику должны прийти совершенно другие люди. По оценкам экспертов, народ уже не верит в то, что нынешние политики могут на что-то повлиять, поскольку они озабочены только своими интересами, носящими тотальный характер, независимо от статуса: «Что будет со страной завтра — это их не волнует. В обществе есть мнение, что к власти должна прийти совершенно другая когорта людей — обеспокоенных судьбой государства, своего народа и самое главное — высоконравственных, просвещенных» [4]. По этой причине здесь крайне необходима ротация управленческих кадров. Эксперты считают, что если политик задерживается на одном месте больше восьми лет, то он «просто уже костенеет, не может принимать никаких новых решений, он теряет новизну восприятия и взгляда на проблемы. Ему уже нужна совершенно другая сфера деятельности и другая должность. И в этом, несомненно, присутствует достаточно серьезное рациональное зерно» [4].

По вопросу же о том, каким должен быть представитель народа в парламенте, в обществе зреет убежденность в том, чтобы депутат парламента обладал политической формой мышления и знаниями законотворческого процесса. Эксперты говорят: «Депутаты — это лицо народа, и они обязаны оправдывать его надежды. В любом случае в парламенте должны быть представлены специалисты в обла-

сти юриспруденции, экономисты, управленцы, социологи» [4]. Депутаты также должны быть более профессиональны, чем они являются на сегодняшний момент, более ответственными с точки зрения гражданских позиций, более патриотичными и конечно они должны, прежде всего, думать о своих избирателях. Парламент в целом должен быть открытый, доступный, активно общающийся со своими избирателями, а «не сидящий в кабинетах и не играющий за компьютерами. Он должен быть рядом с народом, знать его чаяния и решать по-возможности все его проблемы. Всех проблем при этом не решишь, но если решишь хотя бы часть этих проблем, то это уже, несомненно, большое достижение» [4].

Существенное влияние на политические активы законодательного органа РСО-Алания оказывает также факт того, что кадровый состав парламента не отражает адекватно социальную структуру осетинского общества, ставя, таким образом, под сомнение легитимность своих представительных функций. Происходит это постольку, поскольку в парламенте РСО-Алания отсутствует широкое представительство различных социальных и национальных групп населения. Согласно экспертным оценкам, «в парламенте РСО-Алания превалирует титульный этнос, хотя если у нас полиэтническая республика, то представительство должно быть более пропорциональным. С точки же зрения социальных стратификаций, у нас больше представлена, конечно, сфера науки и предпринимательства, при этом предприниматели доминируют» [4]. Вот мнение другого эксперта: «Парламент Северной Осетии, как известно, не только законодательный, но и представительный орган власти. Разве можно назвать правильным положение, когда в нынешнем составе парламента почти нет рабочих, учителей, врачей, представителей творческой и научной интеллигенции, а некоторые крупные национальные группы, образующие нашу республику, представлены очень скупо или не представлены вообще. Наш парламент должен обрести большую представительность в отношении различных социальных слоев и национальных групп населения» [4]. Эксперты считают, что главная причина такого положения вещей коренится в социальной пассивности общества, низком уровне политической культуры, отсутствии у избирателей твердой гражданской позиции. Значительное влияние оказывают также и экономические проблемы, и, прежде всего, — низкий уровень жизни большей части населения республики [9].

В силу указанных факторов республиканский парламент играет в политическом процессе слабую и ограниченную роль, когда «региональные парламенты повсеместно играют второстепенные роли, не обеспечивая своих законодательных и представительных функций, а политические партии, как правило, несамостоятельны» [2]. В этом плане исследователи отмечают, что республики Северного Кавказа в целом по-прежнему характеризуются очень слабым развитием институтов парламентаризма, что противоречит принципу разделения властей и баланса сил, являющегося одной из важнейших характеристик демократических систем. И в этом плане РСО-Алания не представляет исключения, поскольку в законодательной сфере республики мы наблюдаем чрезвычайно слабую роль республиканского законодательного органа, который «не обладает реальными полномочиями и политически бессилен» [7, с. 103]. Материалы экспертного опроса также подтверждают, что «республиканский парламент ничтожно слаб в общем раскладе политических институтов и политических сил в республике, и это об-

стоятельство существенно вредит демократическим процессам». Более того, согласно мнению ряда экспертов, «в Северной Осетии в прямом смысле слова нет парламента и нет парламентаризма. Нет и профессионального законодательного органа. Сформирован «клуб» чиновников и олигархов. Проекты законов готовятся аппаратчиками, а депутаты лишь нажимают на кнопки без участия в законотворческой деятельности. Поэтому в нашей республике как не было, так и не будет профессионального, постоянно действующего парламента. Деятельность парламента, в каком бы количестве он не был, исполняющего свои обязанности по совместительству, всегда будет неэффективна» [4].

При этом местные эксперты подчеркивают весьма активную роль республиканского парламента в защите интересов власти: «Несмотря на свою политическую беспомощность, в общем раскладе политических сил республиканский парламент играет достаточно активную роль в защите интересов власти. А то, что касается защиты интересов и прав избирателей, то в этом плане парламент играет весьма и весьма слабую роль. То есть на данный момент функция парламента заключается в защите интересов определенного класса власть имущих и чиновничества» [4].

Очевидно, что в силу перечисленных обстоятельств парламент РСО-А не может стать инициатором и тем более реализатором модернизационных проектов в республике. Эксперты уверены, что парламент не будет брать на себя какие-либо крупные социально-экономические и тем более общественно-политические инициативы, поскольку согласие между исполнительной и законодательной властью — это высшая ценность политического режима в республике. И в этих условиях брать на себя какие-либо инициативы парламент может лишь при условии их всестороннего согласования с исполнительной властью: «В случае же если парламент возьмет на себя какие-то самостоятельные инициативы, то все равно они ни к чему не приведут и не получат продолжения в практическом плане, поскольку у парламента нет реальных механизмов реализации своей политической воли» [4].

При этом эксперты отмечают, что теоретически республиканский парламент мог бы, конечно же, стать инициатором модернизационных проектов в республике, но заявляют: «Нужно ли это ему, нужны ли нашему парламенту процессы модернизации вообще? Если у них и так все нормально, то зачем они им нужны? Следовательно, у них нет ни потребности, ни необходимости выдвигать какие-либо новаторские решения» [4].

Поскольку парламент не в состоянии оказывать существенного влияния на процесс принятия важнейших политических решений, то это обстоятельство объективно способствует складыванию ситуации, когда в республике наблюдается срыв почти всех модернизационных проектов. Так широко пропагандировавшиеся модернизационные программы типа «Горы Осетии», «Нефть Осетии» и ряд других так и остались пустыми декларациями. Социологические исследования показывают также, что 71,0% опрошенных жителей республики в последние 12 месяцев не участвовали в создании новых фирм, 72,4% не участвовали в производстве нового продукта, 72,5% не участвовали в создании новой технологии, 71,3% не участвовали в предложении новых услуг. При этом 29,8% опрошенных на вопрос о качестве жизни в республике ответили, что здесь жизнь останови-

лась, 38,7% ответили, что здесь не любят инициативу, и только 18,2% ответили, что в нашем регионе люди живут лучше [5, с. 132–133].

Более того, деятельность парламента слабо влияет также и на социально-политическое развитие республики в целом. Данные экспертных опросов свидетельствуют, что это влияние практически равно нулю: «Если бы парламент хоть как-то оказывал влияние на социально-политическое развитие республики, то мы бы наблюдали позитивные сдвиги хоть в каком-либо направлении. Помимо законодательной парламент обладает еще и социально-просветительской функцией, просвещающей общество в плане индивидуальных гражданских прав и развития его политической зрелости в целом. Но парламент не исполняет и этой своей функции» [4].

Согласно массовым опросам общественного мнения, на вопрос о том, как, по вашему мнению, деятельность Парламента РСО-А отражается на социально-политической обстановке в Северной Осетии, вариант ответа «останется прежней» является доминирующим для всех рассматриваемых категорий населения (мужского — 37,5%, женского — 46,6%; до 30 лет — 44,4%, старше 30 лет — 43,3%; со средним и средним специальным образованием — 38,6%, с неполным высшим, высшим — 34,2%) [9]. При этом всего 26,5% респондентов видят от избранных кандидатов в Парламент РСО-А позитивные последствия для развития социально-политической и социально-экономической ситуации в республике. Остальные никаких надежд с составом Парламента не связывают (38,0% опрошенных). Значительная часть опрошенных респондентов — 25,8%, считают: «Хочется верить и надеяться на лучшее, но, к сожалению, все останется по-прежнему, если не станет хуже» [9].

Подобное отношение рядовых граждан республики к деятельности парламента свидетельствует о критически низком уровне доверия к власти со стороны общества, что также является весьма существенным препятствием на пути демократизации и модернизационного реформаторства.

Массовые опросы населения республики показывают значительное отчуждение граждан от политики, когда лишь 8,3% граждан доверяют республиканскому законодательному органу [10]. Эксперты свидетельствуют, что большинство членов общества даже не задумывается над своим отношением к парламенту. По их мнению, для того чтобы общество более заинтересованно относилось к деятельности парламента, оно «как минимум должно быть в курсе того, чем занимается парламент вообще и как он работает. Но так как у большинства граждан очень мало информации об этом, то естественно и доверие тоже низкое. Если бы парламент больше влиял на ситуацию в республике по своим конкретным делам, то бы общество соответственно было более о нем информировано, и в таком случае парламент мог бы пользоваться большей популярностью и большим доверием со стороны общества» [4].

В силу этого многие эксперты говорят о росте некоторой общественной напряженности, поскольку общество давно уже не ощущает каких-либо сдвигов в сторону улучшения: «Общество понимает, что дальше вот так жить оно уже не может. Но при этом как-то консолидироваться оно тоже еще не может в силу того, что у него не хватает практики и опыта совместных действий, и поскольку внутри общества ощущается острый дефицит доверия друг к другу» [4].

Очевидно, что подобная ситуация требует кардинальных изменений в политической сфере в русле коренной модернизации политико-правовой системы, однако попытки изменить устоявшуюся систему сопряжены с определенными трудностями и даже рисками. Согласно мнению экспертов, система сдержек и противовесов, «к сожалению, у нас не работает, все три ветви власти у нас слились в одну, и теперь разъединить их можно, наверное, только путем хирургического вмешательства, а это всегда кровь. Поэтому в ближайшей перспективе у нас вряд ли будет разделение властей» [4].

В плане мирного эволюционного решения проблемы общественные эксперты предлагают следующие варианты: «Теоретически эта проблема может быть решена либо снизу, т. е. обществом, либо сверху — самой властью. При этом в обществе должны быть определенные настроения и желания, которые должны в свою очередь достичь определенной черты, чтобы общество было в состоянии сформулировать свои потребности и обозначить свои интересы и потребовать от власти защиты и реализации этих интересов» [4].

Во втором случае инициатором изменений может выступить сама власть, но при этом «власть может что-либо изменить только в том случае, если у нее изменятся приоритеты и появятся какие-либо патриотические чувства и если на это надеяться и рассчитывать, то можно тогда чего-то ожидать. В практическом плане мы можем столкнуться с каким-либо резонансным событием, которое пробудит общественную активность и власть, почувствовав эти настроения, будет вынуждена предпринимать уже какие-то меры. Однако на сегодняшний день все пока находится в режиме ожидания» [4].

Таким образом, проведенный анализ роли законодательного органа в политических процессах в РСО-Алания свидетельствует о явном нарушении принципа разделения властей и баланса сил в республике, что существенно ограничивает возможности республиканского парламента по реализации любых политических и экономических проектов. В связи с этим необходимо максимально поднимать авторитет и влияние региональных парламентов, что будет способствовать уравнению их в статусах с исполнительной властью, установлению баланса сил и созданию, таким образом, реальной системы разделения властей. И лишь эффективное функционирование такой системы сможет, в конечном счете, создать наиболее подходящие условия для дальнейшей модернизации и демократизации общественно-политической жизни.

Список использованной литературы:

1. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России.— URL: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch110_i.html.
2. Федеральный центр и Северный Кавказ: новые политические решения и новые вызовы. Аналитический доклад Центра политических технологий, апрель 2009.—URL: <http://www.izvestia.ru/politic/article3127274/>.
3. Головин Ю. А., Янкевич П. Ф. Основные черты теории политической модернизации и современность.—URL: http://www.pravo.vuzlib.net/book_z2161_page_6.html.
4. Проблемы политической модернизации РСО-Алания. Материалы экспертного опроса. 2011 г. Архив автора.
5. Дзуцев Х. В. Оценка населением эффективности деятельности органов исполнительной власти РСО-Алания СКФО РФ. Монография.—М.: ИПИ РАН, 2010.—179 с.

6. Дзуцев Х. В. Юг России сегодня: трансформация или модернизация. Книга 2. Монография в 5 книгах.—М.: ИСПИ РАН, 2009.—200 с.
7. Медоев Т. С. Реформа региональной избирательной системы и ее влияние на ход выборов 2007 года в РСО-Алания // Вестн. СОГУ.—2008.—№ 4.—С. 101–105.
8. Дзуцев Х. В. Коррупция в органах исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации.—М.: ИСПИ РАН, 2011.—142 с.
9. Дзуцев Х. В. Результаты социологического опроса «О состоявшихся выборах в Парламент РСО-А», проведенного СОЦСИ ИСПИ РАН 15 по 18 июня 2003 г.—URL: <http://www.pocss.ru/projects/9/>.
10. Социальные аспекты жизни населения РСО-Алания. Результаты анкетного опроса Северо-Осетинского центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН. 2010 г. Архив проф. Х. В. Дзуцева.

А. Ю. Скаков

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ И ВЫЗОВЫ 2011 г.

Обращаясь к какой-либо проблеме, мы, как правило, стараемся рассматривать ее на широком фоне, учитывая максимальное количество потенциально возможных действующих лиц или факторов, влияющих на динамику ее развития. Аналогичный подход свойственен и нашему политологическому анализу, привыкшему иметь дело с значительными по размеру регионами — Ближний Восток, Балканы, Кавказ или Южный Кавказ и Северный Кавказ. Такой взгляд, безусловно, имеет свои позитивные стороны, позволяя не замыкаться в узких рамках этноса или республики, тем более, что процессы, идущие в этих крупных регионах, как правило, взаимосвязаны. С другой стороны, в глобализирующемся мире взаимосвязаны, по сути, все значимые процессы, поэтому в любом случае при политологическом анализе необходим учет максимально большего числа внешних факторов. Стремясь рассматривать регион как нечто целостное, обладающее едиными для его элементов особенностями, синхронно изменяющееся путем параллельно идущих процессов, мы впадаем порой в излишние обобщения, упрощающие ситуацию и сводящие ее к прямолинейным схемам. На сегодняшний день не только бассейн Черного моря не является единым и целостным регионом, но и с каждым годом все меньше оснований считать таким целостным регионом Кавказ вообще или Южный и Северный Кавказ. Идущие в регионе процессы во многом становятся все более разнонаправленными и, пусть и относительно, независимыми друг от друга.

Ситуация на Южном Кавказе определяется как столкновением и переплетением интересов мировых игроков (США, ЕС, Россия, Турция, в последние годы все больше Китай, в ограниченной степени Иран), так и общим усложнением обстановки в регионе, где представлены 6 акторов (Армения, Азербайджан, Грузия, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах), интересы которых во многом кардинально расходятся. Различны и внутривосточная ситуация в этих странах, и их внешнеполитические ориентиры, и воздействующие на них факторы. При этом необходимо учитывать, что в географическом и политическом аспектах Абхазия и Южная Осетия относятся к Южному Кавказу, но в социальном и экономическом аспектах их было бы правильнее относить к Северному Кавказу. При этом понятие «Северного Кавказа» также является достаточно условным, об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что северокавказская Республика Адыгея не вошла в состав Северокавказского федерального округа.

На сегодняшний день можно обозначить две узловые проблемы, ставящие под сомнение стабильность в регионе. Первая — это *угроза возобновления военных действий в зоне нагорно-карабахского конфликта*.

Без сомнения, именно Россия занимает сейчас лидирующую роль в процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта. При этом посредническая миссия России в целом идет в рамках усилий и принципов Минской группы, каких-то признаков наличия у Москвы собственных, своекорыстных, идущих

в ущерб другим сторонам процесса целей в настоящее время не прослеживается. Лидирующая роль России в мирном процессе обусловлена рядом факторов - ее исторической вовлеченностью в происходящие в регионе события, ее позитивными отношениями со сторонами конфликта, ее стремлением избежать непредсказуемого развития событий вблизи своих границ. Эти факторы открывают перед Россией очевидные возможности, но ее активная роль в процессе урегулирования таит в себе и очевидные угрозы. Так, вовлеченность США в израильско-палестинское урегулирование, активизация действий Вашингтона в этом направлении в период президентства Обамы, пока не принесли ни каких-либо успехов в переговорном процессе, ни очевидных дивидендов США. Скорее, наоборот, провал американских попыток подтолкнуть безнадежно пробуксовывающее ближневосточное урегулирование негативно сказался на репутации США как потенциального медиатора, посредника между конфликтующими сторонами, да и вообще на имидже США как ведущей мировой державы. Не приведет ли к аналогичным последствиям активизация роли России в нагорно-карабахском урегулировании? Пока что Россия в качестве посредника вызывает у сторон конфликта наибольшее доверие. Но сохранится ли это доверие в случае возможного фиаско переговорного процесса? И какая страна или организация в этом случае станет наилучшим посредником для сторон конфликта? Возникает вопрос: есть ли вообще такая страна или организация?

В Астрахани 27 октября 2010 г. состоялась очередная встреча президентов Армении и Азербайджана при участии Президента РФ Д. А. Медведева, на которой было подписано соглашение по ряду гуманитарных вопросов (обмен военнопленными и возвращение тел погибших). Кроме того, стороны подтвердили положения совместной декларации, подписанной в Москве 2 ноября 2008 г. Столь же малорезультативной оказалась встреча трех президентов в Сочи 5 марта 2011 г. В очередной раз стороны обязались «стремиться решать все спорные вопросы мирными средствами». Следующая встреча трех президентов состоялась 24 июня 2011 г. в Казани, и вновь, несмотря на имевшиеся завышенные ожидания и давление международного сообщества, оказалась безрезультатной. К сожалению, испытывать или надеяться на удовлетворение в этой связи было бы затруднительно. Безусловно, сам факт очередной встречи армянского и азербайджанского президентов нельзя было не приветствовать, сторонам конфликта лучше встречаться за столом переговоров, чем игнорировать друг друга. Тем не менее, подписанный 27 октября документ носил абсолютно рабочий характер. Обращал на себя внимание и тот факт, что сразу после астраханской встречи, 7 и 11 ноября, последовали новые воинственные заявления президента Азербайджана. Таким образом, ничего в армяно-азербайджанских отношениях эти встречи не изменили и изменить не могли.

Поэтому вполне предсказуем оказался провал миротворческих усилий саммита ОБСЕ в Астане 1–2 декабря 2010 г. После ряда демаршей, в том числе, со стороны представителей Армении и Азербайджана, была подписана абсолютно лишенная конкретики итоговая декларация, содержащая лишь, уже в который раз, обязательство сторон воздерживаться от угроз или применения силы в любой форме. Ожидания, что стороны конфликта к астанинскому саммиту выработают какое-то подобие «дорожной карты» или хотя бы продемонстрируют серьез-

ные шаги в этом направлении и реальную заинтересованность, не оправдались. Для выработки чего-либо подобного «дорожной карте» необходимы как минимум два условия. Первое — изменение климата армяно-азербайджанских отношений, отказ от угроз применения силы. Второе — определение взаимоприемлемых принципов урегулирования. Пока что так называемые Пражские и Мадридские принципы Минской группы, по сути, неприемлемы для обеих сторон конфликта, особенно для армянской стороны. Именно поэтому они успешно торпедируются обеими сторонами. Вряд ли в обозримой перспективе могут быть выработаны новые принципы, которые, на этот раз, удовлетворят всех. Непонятно, на какой основе их выбатывать, такой взаимоприемлемой основы на сегодняшний день нет. Тогда остается один путь — давление на стороны конфликта, их принуждение к согласию с принципами, одобренными мировым сообществом. Но пока что стороны конфликта имеют все возможности для того, чтобы торпедировать эти принципы и саботировать их реализацию, пусть и согласившись с ними на словах. Рычаги давления на стороны конфликта опять же не выработаны. Какими могут быть эти рычаги? Назовем для примера хотя бы один — демилитаризация всего южнокавказского региона и максимальное ограничение поставок вооружения в этот регион. Но добиться создания таких рычагов опять же крайне проблематично.

В рамках астанинского саммита ЕС еще раз подтвердил актуальность Мадридских принципов мирного урегулирования, но, что показательно, конкретные предложения выдвинул только по скорейшему возобновлению переговоров об урегулировании в Приднестровье. Тем самым в очередной раз было продемонстрировано, что нагорно-карабахский конфликт, в отличие от приднестровского, не относится к приоритетам ЕС. В свою очередь, США на саммите вновь продемонстрировали свой интерес не к нагорно-карабахскому конфликту, а к поддержке позиции Грузии в конфликте с Россией вокруг Абхазии и Южной Осетии. С чем же связана такая демонстративная отстраненность Запада от поиска путей решения, казалось бы, наиболее взрывоопасного на сегодняшний день конфликта на постсоветском пространстве? Казалось бы, ответ очевиден. С одной стороны, администрация Обамы в условиях продолжающегося экономического кризиса стремится ограничить вовлеченность США в те мировые политические процессы, которые не затрагивают напрямую интересы Вашингтона. Пока что армяно-азербайджанский конфликт их, очевидно, не затрагивает. С другой стороны, США слишком глубоко втянулись в целый ряд других конфликтов или регионов, не имея возможности ни выйти из них, сохранив свое лицо и обеспечив свои интересы, ни решить их по своему сценарию. Тем более, если такой сценарий по объективным причинам зачастую отсутствует. Имеются в виду, в первую очередь, ближневосточное урегулирование, ситуацию в Ираке и Афганистане, северокорейскую и иранскую ядерные программы. В такой ситуации Вашингтон явно максимально абстрагировался как от нагорно-карабахского конфликта, так и от армяно-турецкого переговорного процесса. Очевидно, тем не менее, что полностью пустить на самотек эти проблемы США, оставаясь ведущей мировой державой, не могут. С Евросоюзом ситуация несколько иная. Безусловно, возможное возобновление военной фазы армяно-азербайджанского конфликта несет в себе крайне серьезные угрозы для ЕС, как политические, так и экономические.

В перспективе это чревато потерей ЕС вообще какого-либо влияния на ситуацию как на Южном Кавказе, так и в Центральной Азии. Евросоюзу для активизации своей роли в армяно-азербайджанском мирном процессе необходимо для начала выработать общую и стратегически выверенную внешнюю политику. Пока такой внешней политики нет, и когда она появится — неизвестно. Все сроки уже вышли, чиновники назначены, аппарат создан — а внешней политики нет. В ситуации сохранения противоречий в интересах ряда ведущих европейских стран надеяться на активизацию ЕС в нагорно-карабахском урегулировании не приходится. Да и очевидно, что более первоочередным для Европы является урегулирование приднестровского конфликта, куда в ближайшее время и будут брошены основные силы и ресурсы.

С другой стороны, после войны 8 августа создается впечатление, что мировые центры силы в какой-то степени утратили интерес к Южному Кавказу в целом. Как выяснилось, война и наличие нерешенных конфликтов не мешают бизнесу, трубопроводы продолжают работать. Даже при нынешнем характере российско-грузинских отношений российский бизнес сохраняет прочные позиции в Грузии. С другой стороны, сложившаяся в последние годы ситуация может быть охарактеризована как своего рода «пауза», которую мировые игроки взяли перед началом новой «Битвы за Кавказ». Необходимо также учитывать иранский фактор, так как Иран, по ряду причин, в гораздо большей степени интересуется основных мировых лидеров (к примеру, США, ЕС, Китай), чем Кавказ. То есть в этом случае Кавказ может рассматриваться как своего рода «ключ к Ирану».

За 2010 г. угроза новой войны в регионе Нагорного Карабаха стала более реальной, чем год или два назад. Угрозы военного решения конфликта участились, выросла снайперская активность на линии соприкосновения, увеличилось количество инцидентов с применением оружия. Упования некоторых представителей армянской стороны на опыт предшествующей войны и на реноме армянской армии вызывают все меньшее доверие за пределами Армении. И, самое главное, уроки той войны все меньше принимаются во внимание в Азербайджане. С другой стороны, военный перевес Азербайджана пока не носит решающего характера, хотя и является существенным.

Для Азербайджана сейчас существует два основных вопроса, препятствующих попытке силового решения конфликта. Во-первых, сможет ли азербайджанская армия за 5–7 дней решить основные военные задачи, то есть обеспечить возвращение под свой контроль узловых для Нагорного Карабаха позиций или объектов. Более длительные боевые действия могут быть допустимы для международного сообщества только в том случае, если силовой потенциал сторон окажется практически равноценным, т. е. конфликт не будет иметь абсолютного победителя, а вооруженное противостояние не будет препятствовать в течение длительного времени транспортировке энергоресурсов Каспия. Пока что возможность блицкрига в Баку явно вызывает сомнения, хотя бы потому, что, как отмечалось выше, перевес азербайджанской армии не является решающим.

И второй вопрос: примут ли возможные военные действия характер конфликта между Азербайджаном и Нагорным Карабахом или же превратятся в армяно-азербайджанскую войну по всему потенциальному фронту? В Баку надеются, что Ереван не вмешается в конфликт на территории собственно Нагорного Карабаха

и прилегающих к нему районов. Собственно, на настоящий момент, у Еревана, не признавшего независимость НКР и не намеренного, судя по всему, это делать, нет юридических оснований для такого вмешательства в том случае, если военные действия будут идти на территории, являющейся международно признанной территорией Азербайджана. Но здесь Баку сам загнал себя в ловушку, вычеркнув из списка сторон конфликта сам Нагорный Карабах и сведя мирный процесс вокруг НКР к армяно-азербайджанскому диалогу. Сейчас для Азербайджана, напротив, было бы выгоднее вывести НКР за рамки армяно-азербайджанского диалога. В таком случае решение конфликта стало бы, по сути, внутренним делом Азербайджана. Опять же, если военные действия будут идти только на территории НКР и Азербайджана, у России не будет юридических оснований для решительного вмешательства в конфликт. Другое дело, если в состоянии войны окажется Армения, которую с Россией связывают отношения в рамках ОДКБ. Другими словами, начало войны станет возможным в том случае, если Азербайджан будет уверен, что ни Армения, ни Россия в нее не вмешаются.

Судя по участвовавшим неоднократно заявлениям армянской стороны, в том числе на саммите в Астане, в случае начала вооруженного конфликта вокруг Нагорного Карабаха Ереван признает независимость НКР и вмешается в военные действия на стороне Степанакерта. На конференции «Организация Договора о коллективной безопасности и Южный Кавказ: перспективы мира и безопасности в регионе» 19 мая 2011 г. министр обороны Армении С. Оганян заявил, что Ереван в случае возобновления Азербайджаном военных действий против Нагорного Карабаха будет вынужден «вовлечься в процесс военного принуждения агрессора к отказу от своих намерений». Важно, что в этом случае, как отметил министр, Армения рассчитывает на поддержку союзников по ОДКБ. По сути, это означает, что в Ереване надеются на прямое втягивание России в конфликт между Арменией и Азербайджаном. Очевидно, что невмешательство России в такой конфликт как и отсутствие у нее четкой и однозначной позиции, неизбежно приведет к окончательной переориентации Армении на другие центры силы, к полной утрате Москвой каких-либо рычагов воздействия на Ереван. С другой стороны, Москва, разумеется, не может позволить себе пойти на кардинальное ухудшение отношений с Азербайджаном. Вероятно, лучшим вариантом для российских интересов было бы сохранение статус-кво в вопросе нагорно-карабахского и армяно-азербайджанского конфликта. К сожалению, длительное сохранение положения статус-кво представляется все менее и менее вероятным.

Постановка в парламенте Армении вопроса о возможном признании НКР со стороны Еревана именно в 2010 г. кажется неслучайной. Это связано с общим обострением ситуации вокруг армяно-азербайджанского конфликта и с возрастанием угрозы перехода конфликта в военную фазу. Как уже отмечалось, Армения, не признавая независимости НКР, не имеет никаких правовых оснований для вмешательства в потенциально возможный военный конфликт в том случае, если он будет идти только на территории НКР и окружающих ее азербайджанских районов. В этом плане признание Ереваном независимости НКР имело бы сдерживающий характер, гарантируя, по крайней мере, на какое-то время, невозобновление военных действий. С другой стороны, очевидно, что такое признание нанесет серьезнейший удар по мирному процессу. Тут надо задаться вопросом —

а существует ли на самом деле этот мирный процесс, или есть только его видимость? Является ли он продуктивным, способен ли он привести к взаимоприемлемому решению конфликта. К сожалению, ответ будет отрицательным. В этом случае можно сделать вывод: признание Арменией независимости НКР не нанесет ущерб тому, чего на самом деле нет, а для НКР и Армении такое признание создаст определенную систему гарантий. Но, безусловно, такое признание создало бы Армении множество проблем на международной арене и достаточно дорого бы ей стоило. Поэтому, очевидно, такое признание сейчас не состоится. Хотя на сегодняшний день Армения, не признавая независимость НКР, не может в настоящее время ждать от своих союзников никаких шагов ни по какой-либо поддержке Нагорного Карабаха, ни по поддержке своей позиции в армяно-азербайджанском переговорном процессе. По сути, получается, что Армения, в настоящее время, не признавая независимость НКР, признает Нагорный Карабах частью Азербайджана.

В то же время, в Азербайджане, возможно, есть иллюзия того, что и Россия в любом случае не вмешается в конфликт, так как ее уравнивает турецкий фактор. Якобы, в случае вмешательства России, в конфликт могла бы ввязаться Турция. Это иллюзия, у Турции еще меньше, чем у России, юридических оснований для вмешательства в потенциально возможный армяно-азербайджанский военный конфликт. Тем более, что Турция не будет ради Азербайджана ставить под угрозу свои взаимовыгодные отношения с Россией и свой международный имидж. А в азербайджано-турецких отношениях, как известно, в последние годы отнюдь не все так безоблачно.

Армяно-турецкий переговорный процесс в настоящее время приторможен, что связано как с экономическими (зависимость Анкары от азербайджанских энергоносителей), так и с внутривосточными (наступление в Турции выборного сезона, продляющегося минимум два года) факторами. Тем не менее, очевидно, со временем этот процесс будет снова запущен. В этом заинтересованы и США, и Россия. Растет понимание того, что непродуктивно сваливать все проблемы в одну корзину, нагорно-карабахский вопрос увязывать с армяно-турецкими отношениями или, к примеру, с признанием геноцида армян в Османской империи. Вопросы надо разделить и решать один за другим. Такое разделение соответствует интересам России, Турции, Армении, ЕС и США, но, очевидно, не соответствует интересам непризнанной НКР и Азербайджана. Разделение вопросов, то есть снятие с повестки дня вопросов о блокаде Армении со стороны Турции и о признании геноцида армян подтолкнет стороны конфликта к компромиссам. С одной стороны, поддержка позиции Баку со стороны Анкары станет более сдержанной, а количество рычагов влияния на ситуацию у Азербайджана уменьшится. С другой стороны, Анкара сможет воздействовать на Ереван за столом переговоров, добиваясь размена при решении каких-то вопросов. Конечно, при этом не стоит надеяться, что Армения пойдет на сдачу НКР, но Ереван сочтет целесообразным вести более гибкую политику, идти на уступки, компромиссы, получая что-то взамен. Кроме того, с неизбежностью произойдет дерадикализация армянского общества, у которого исчезнет (со временем, конечно, но довольно быстро) образ врага в лице Турции. Как ни странно, в случае урегулирования армяно-турецких отношений больше всего проиграет Грузия. Она встанет перед перспективой по-

тери своей главной функции — функции страны-транзитера. Российский транзит в Армению будет идти не через Верхний Ларс, который станет просто не нужен, а через Трабзон. И не надо забывать, что основные транспортные коммуникации, идущие через Грузию, сейчас находятся в шаговой доступности от российской военной базы в Южной Осетии и южно-осетинских вооруженных сил.

Стороны нагорно-карабахского конфликта в последние годы однозначно отказались от поиска компромиссов и, соответственно, сделали ставку на силовое решение конфликта. Международные посредники, по крайней мере, кроме России, как мы видели, заняли пассивную позицию, что может быть связано, в том числе, с тем, что все в той или иной степени заинтересованы в начале войны, считая, что в этом случае они смогут решить свои проблемы. Несмотря на нарастающую угрозу военного столкновения между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе НАТО и Евросоюз не делают абсолютно ничего для предотвращения этого сценария. Не потому ли, что начало такой «маленькой войны» в регионе там считают выгодным для себя? Возникает впечатление, что США и ЕС намерены, используя возможный военный конфликт, потеснить Россию, оттеснив ее от нагорно-карабахского урегулирования, выведя из орбиты ее влияния Армению, ослабив ее взаимодействие с Азербайджаном, продиктовав сторонам конфликта свои условия в виде ультиматума и, что крайне важно, получив плацдарм против Ирана. Россия, в свою очередь, была бы не против получить лидирующие позиции в неизбежной миротворческой операции. Но ситуация может начать развиваться и по иному сценарию, упомянем хотя бы фактор Ирана, который вряд ли будет спокойно смотреть на такое развитие событий. Это очень опасная игра и ее последствия могут быть непредсказуемыми. Что же касается плана урегулирования нагорно-карабахского конфликта, вероятно, он в любом случае будет опираться на уже существующий план Минской группы. Есть несколько вопросов, остающихся пока неясными и мешающих реализации этого плана. Во-первых, в случае ввода в регион миротворцев (формат миротворческой операции — это отдельный вопрос, но вполне решаемый), они займут только позиции, занимаемые сейчас вооруженными силами НКР? Не создаст ли это опасную ситуацию и не вызовет ли соблазна прибегнуть к провокациям против миротворцев (такие провокации могут иметь место с любой стороны) или, что имело бы непредсказуемые последствия, не возникнет ли у азербайджанских военных план перехода в наступление на позиции миротворцев? Все это было бы чревато слишком опасными авантюрами и поставило бы миротворцев перед смертельной угрозой. Думается, что миротворцы должны быть введены на позиции не только вооруженных сил НКР, но и на позиции, занимаемые армией Азербайджана на линии соприкосновения. Второй вопрос: после ввода миротворцев последует ли возвращение беженцев во все районы вокруг бывшей НКАО, кроме Лачинского и Кельбаджарского? А какова предполагается дальнейшая судьба этих районов, учитывая их стратегическое положение? В-третьих, что последует за референдумом или плебисцитом, проведение которого предполагается в будущем на территории бывшей НКАО и исход которого, очевидно, предопределен? Есть ли понимание в руководстве и обществе Азербайджана, что в этом случае необходимо будет согласиться с его результатами и допустить возможность независимости Нагорного Карабаха? И, наконец, есть ли понимание того, что

согласие на такую независимость можно будет обставить целым рядом условий (конечно, только тех, которые в принципе могут быть реализуемыми) и идет ли выработка этих условий? Кроме того, продолжает сохраняться ощущение, что обе основные стороны конфликта, Баку и Степанакерт, еще не до конца осознали, что конфликт не имеет больше военного решения.

Конфликты вокруг Абхазии и Южной Осетии хотя и не могут, в первую очередь, из-за позиции Грузии считаться в полной мере решенными, в настоящее время не являются взрывоопасными и не угрожают стабильности в регионе. При этом очевидно, что основными акторами здесь являются не только эти две «частично признанные» республики, но и располагающие значительно большими возможностями Россия и Грузия. В какой степени эти четыре фактора могут являться источниками вызовов безопасности?

Абхазия и Южная Осетия, безусловно, находятся в различном положении. Если Абхазия, чтобы ни заявлялось с высоких трибун в различных странах и организациях, близка к признанию де-юре со стороны международного сообщества и практически полностью признана де-факто, а степень уязвимости Южной Осетии как независимого образования гораздо выше, в том числе благодаря конфигурации внешних границ. Граница между Абхазией и Грузией на значительном протяжении проходит вдоль реки Ингури, установление над ней действенного контроля вполне возможно. Гораздо более важными проблемами, стоящими перед республикой, являются интеграция населения Гальского района и освоение Кодорского ущелья, где предполагается в скором времени проложить шоссейную магистраль Черкесск — Сухум (бывшая Военно-Сухумская дорога), что, очевидно, кардинально изменит геополитическую ситуацию в регионе. Реальное перекрытие грузино-абхазской границы российскими пограничниками создаст новую ситуацию, при которой, с одной стороны, будет облегчена интеграция населения Гальского района в Абхазию, с другой — негативные социальные аспекты ужесточения пограничного режима ухудшат отношение местного населения к российскому фактору.

Грузия в настоящий момент не может считаться серьезным угрожающим или дестабилизирующим фактором, так как не имеет, с одной стороны, необходимого военного потенциала, а с другой, что важнее, фатально не уверена в собственных силах. В Тбилиси есть реалистичное понимание того, что, пока в Южной Осетии и Абхазии стоят российские войска, военный путь решения этих проблем исключен, а другого пути для реинтеграции Грузии просто нет. Поэтому Грузии нет смысла идти на какие-либо серьезные силовые провокации, они ничего ей не дадут. И в самом деле, в последние годы отмечено минимальное количество таких провокаций или «партизанских» акций. Исходя из реалистичного понимания сложившейся ситуации, руководство Грузии может смело заявлять о готовности «отказаться от применения силы». Впрочем, поддержание в регионе некоторого градуса нестабильности, когда незначительные инциденты все же время от времени имеют место, на руку как руководству Грузии, так и его покровителям. Такие инциденты дают основание говорить о неспособности России как страны-гаранта обеспечить стабильность в регионе и о необходимости ввести в конфликтные зоны международные полицейские силы или хотя бы военных наблюдателей.

Вполне очевидно, что России абсолютно не нужно какое-либо военное обострение в регионе. Безусловно, России нужна здесь и политическая, и социально-экономическая стабильность, хотя бы для поддержания собственного имиджа как страны-гаранта. Поэтому Россия обречена пытаться позитивно влиять на ситуацию и в Южной Осетии и в Абхазии. Но у России нет почвы для разговора с Грузией, хотя нет и ресурса для смены власти в Тбилиси. Россия, Абхазия и Южная Осетия могли бы пойти на уступки Грузии, в частности, в вопросе о возвращении беженцев, но ради чего, зачем, что они получают взамен? Тбилиси не может ничего предложить ни России, ни Абхазии или Южной Осетии.

К сожалению, на Западе, как и в Грузии, еще существует иллюзия того, что Россия может отказаться от признания Южной Осетии и Абхазии. Пока Запад продолжает, используя различные механизмы воздействия, рекомендовать России пойти на это, такая позиция ощутимо облегчает задачу Москве. Все получаемые Москвой сигналы свидетельствуют не только о том, что НАТО и ЕС продолжают поддерживать режим Саакашвили, но и об инерционности Запада и неготовности его к компромиссам. Судя по всему, такая ситуация сохранится на длительную перспективу. Таким образом, если Запад не готов учитывать озабоченности России, Москва лишена необходимости идти на уступки и компромиссы, к примеру, в вопросе о работе миссии ОБСЕ на территории Южной Осетии. Очевидно, уступки должны быть двусторонними, а этого не происходит, т. е. любое сотрудничество с ОБСЕ и ЕС (да и с другими организациями) в вопросах, связанных с Южной Осетией, для Москвы и Цхинвала не является самоцелью и может быть обусловлено лишь серьезными шагами навстречу им со стороны этих организаций.

Абсолютно очевидно, что работе на территории Абхазии и Южной Осетии каких либо миссий ОБСЕ, ООН и ЕС препятствует только одно — стремление функционеров этих организаций именовать новые республики территорией Грузии. Представляется, что, если бы у европейских организаций действительно было бы желание работать на благо мира и человечества на территории этих республик, они нашли бы нейтральную формулировку, не означающую признания независимости, но позволяющую всем сохранить лицо и открывающую перед ними возможность на месте отслеживать ситуацию в Абхазии и Южной Осетии. Пока что, очевидно, желания делать что-либо реальное ради мира в Закавказье у этих организаций нет.

На Западе растет понимание того, что историю нельзя переписать с чистого листа и вернуть Южную Осетию и Абхазию в состав Грузии уже не удастся никогда. Ситуация напоминает начало 1920-х гг. и процесс признания Советской России на Западе. Конечно, сложно сравнивать вес Советской России 1920 г. и Южной Осетии 2011 г., но параллели провести можно. События будут на данном этапе развиваться по сценарию «вовлечение без признания», что обусловлено, кроме всего прочего, желанием не допустить «излишне» однозначного вовлечения Абхазии и Южной Осетии в орбиту российского влияния. Подобные надежды имеют под собой некоторые основания, в первую очередь это касается Абхазии, элита которой все более тяготеет своей зависимостью от Москвы. Таким образом, и на этом поле Запад может потеснить Россию, нивелировав последствия ее победы в войне 2008 г.

Самостоятельным фактором для кавказского региона стала предстоящая в 2014 г. *Олимпиада в Сочи*. При этом данный фактор носит преимущественно не внутрироссийский характер, будучи тесно связан с интересами как некоторых стран региона (Грузия, Абхазия), так и ряда внешних игроков, в том числе, заинтересованных в срыве Олимпиады. В последнее время в связи с предстоящей Олимпиадой наметились некоторые проблемы в абхазо-адыгских отношениях, в том числе во взаимоотношениях между абхазской и адыгской диаспорами в Турции и в других странах дальнего зарубежья. Узловым вопросом становится проблема изначальной (до конца XIX в.) принадлежности территории Красной Поляны. Кроме того, адыгские общественные деятели настаивают на принадлежности Абхазии и абхазов к адыгскому этническому миру, что вызывает, нередко, непонимание и неприятие в Абхазии. Считать абхазов и адыгов единым народом большая часть абхазской элиты не готова.

Начавшееся размежевание между черкесскими и абхазскими диаспоральными организациями происходит на фоне попыток этнической консолидации адыгоязычных этносов или субэтносов. Поводом для этих попыток стала недавняя перепись населения РФ. Со стороны национально ориентированной части элиты адыгоязычных народов ставился вопрос о необходимости отказаться от обозначений «адыг», «шапсуг», «кабардинец» и т. д., введя общий этноним «черкес». Не исключено, что инициаторы этих попыток добились обратного результата, непокрытое давление может вызвать консолидацию в рамках адыгоязычных субэтносов или этносов.

Очевидно, дискуссия об изначальной принадлежности Красной Поляны и района Сочи, а также размежевание адыгских и абхазских общественных организаций в России, Турции и других странах углубятся и актуализируются с приближением Сочинской Олимпиады. Эти дискуссии и противоречия с большой долей вероятности будут использованы (и уже используются) как внешними силами (к примеру, руководством Грузии), так и некоторыми бизнес-группами, заинтересованными в переделе финансовых потоков. В частности, на протяжении последнего года имели место неоднократные встречи ряда грузинских политиков с лидерами адыгских диаспор дальнего зарубежья. 19–21 марта 2010 г. в Тбилиси прошла организованная Фондом Джеймстауна конференция «Сокрытые нации, длящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим». В резолюции участников форума грузинскому парламенту предлагалось рассмотреть вопрос о признании геноцида черкесского народа, совершенного Российской империей в XIX столетии. Очередная конференция по «черкесскому» вопросу прошла в Грузии 19–21 ноября 2010 г. Здесь очевидно просматривалась попытка еще глубже расколоть абхазо-адыгский этнический мир, противопоставив лояльных России абхазов и «обиженных» Россией черкесов. Наконец, 20 мая 2011 г. парламент Грузии принял резолюцию о признании «геноцида черкесов», что стало логическим продолжением развернутой широкомасштабной кампании.

Здесь прослеживается также стремление официального Тбилиси если не сорвать, то максимально затруднить проведение Олимпиады 2014 г. в Сочи, который подается мировому общественному мнению как «земля геноцида» под лозунгом «Нет Олимпиаде на костях». Очевидно, что подготовка и проведение Олимпиады позитивно скажется как на экономике близлежащей Абхазии, так

и на ее внешнеполитическом положении, продемонстрировав его стабильность. Не допущение этого соответствует интересам режима Саакашвили и, вероятно, ряда других сил, находящихся за пределами территории Грузии. Настойчиво и на разных уровнях делается акцент на нестабильность обстановки на Северном Кавказе, которая якобы может негативно сказаться на безопасности проведения соревнований.

Такие действия Тбилиси вполне укладываются в прослеживаемую в течении последних лет тенденцию, связанную со стремлением грузинского руководства все активнее влиять на ситуацию как в целом на Кавказе, так и в регионе Северного Кавказа. Изменившаяся в последнее время, и явно в худшую сторону для Тбилиси, геополитическая ситуация вынуждает режим Саакашвили максимально выжать для себя пользу из тех ограниченных внешнеполитических возможностей, которые, по мнению грузинского руководства, все еще остаются у него на Северном и Южном Кавказе. Все соответствующие инициативы тбилисского руководства, при всей своей внешней благопристойности, преследуют очевидную цель — создание нестабильности на Кавказе.

Что же удастся осуществить инициаторам этой кампании? Вероятно, раскол между «черкесскими» и абхазскими национальными движениями будет углубляться и в дальнейшем. Безусловно, такой раскол на руку грузинским правящим кругам, не забывшим, как в войне 1992–1993 гг. адыгский мир пришел на помощь Абхазии. Это объективный процесс, связанный с обретением относительно немногочисленными абхазами реальной независимости и ростом национального самосознания. В то же время, объединение расколотого «черкесского» национального движения и формирование новой общности в лице единого «черкесского» народа вряд ли осуществимо. В течении XX в. на Северном Кавказе наблюдался устойчивый и непрекращающийся процесс формирования новых этнических общностей (последний пример — выделение дигорцев из осетин), а не объединения этносов и субэтносов. Абсолютно неосуществимо и создание единого черкесского государственного образования (в статусе субъекта РФ или независимого), учитывая пестрый национальный состав соответствующих регионов. Также вряд ли реалистично рассчитывать на срыв Сочинской Олимпиады путем создания неких идеологических фантомов и мифов. Единственное, что могут добиться режиссеры этого процесса, — это еще большего ухудшения отношений между Москвой и Тбилиси, что уже само по себе опасно для стабильности в очень обширном регионе.

Другой узловой проблемой для региона является *вопрос легитимности власти*. Именно проблемы с легитимностью власти негативно сказываются на стабильности в регионе, делая его более управляемым для внешних сил, имеющих разнонаправленные интересы. На сегодняшний день этот вопрос наиболее остро стоит перед Арменией, где в кругах достаточно сильной оппозиции существует уверенность в не легитимности действующей власти. Удержится ли руководство этой страны у власти в случае развития событий вокруг Карабаха по катастрофическому сценарию? Таким образом, переплетение двух проблем, стоящих перед регионом, а именно, проблемы урегулирования нагорно-карабахского конфликта и проблемы легитимности власти, вкупе с недальновидной позицией мировых игроков, может взорвать ситуацию на Южном Кавказе.

Более стабильная внутривнутриполитическая ситуация наблюдается в Грузии. Оппозиция в этой стране раздроблена, правящий режим чувствует себя достаточно уверенно, опираясь, в том числе, на лояльные силовые структуры. При этом главным сдерживающим фактором для каких-либо революционных потрясений в Грузии является внешнее воздействие, а именно, сохраняющаяся ставка Вашингтона на режим Саакашвили. Пока в США не будет принято решение о замене режима в Грузии, этому режиму ничего не угрожает. Показательно нежелание М. Саакашвили прямо отвечать на вопрос о своих планах после 2013 г. Конечно, и именно для этого менялась конституция страны, Саакашвили очень хочется стать премьер-министром Грузии с расширенными полномочиями при достаточно декоративном президенте. Но вся проблема в том, что Вашингтон, очевидно, не дает Саакашвили санкции на пожизненное руководство страной. Там по-прежнему хотят видеть в Грузии государство, уверенно идущее в сторону демократии, а с таким образом страны плохо сочетается пожизненный принципат. Тем не менее, видимо, Саакашвили еще не потерял надежды добиться от своих заокеанских покровителей положительного решения. Перспектива распрощаться с властью его, видимо, не прельщает. Вероятно, в ближайшее время в Вашингтоне активизируют свои усилия в вопросе поиска потенциального преемника Саакашвили, который будет призван продолжить, пусть и с небольшими коррективами, его курс.

Наиболее стабильным и легитимным выглядит правящий режим в Азербайджане. Раздробленная и маргинализированная оппозиция не в состоянии предложить какую-либо внятную альтернативу курсу Гейдара — Ильхама Алиевых, подкрепляемому доходами от экспорта энергоресурсов. Угрозы для стабильности в стране могут возникнуть исключительно в случае неудачи в новой войне за Нагорный Карабах или же в случае резкого обострения ситуации в Иране, когда Азербайджан неизбежно захлестнет волна беженцев из Северного Ирана (Южного Азербайджана). Столь же стабильным представляется и правящий режим в Нагорном Карабахе, использующий фактор внешней угрозы для консолидации общества Арцаха.

Наконец, для России крайне важна стабильность и легитимность правящих режимов в новых признанных государствах Южного Кавказа — Абхазии и Южной Осетии. Внутривнутриполитическая ситуация в Южной Осетии перед предстоящими в ноябре 2011 г. президентскими выборами имеет явную тенденцию к усложнению, связанную с отсутствием общепризнанного фаворита грядущей кампании и наличием большого числа влиятельных игроков. При этом угроза нарастания внутривнутриполитической нестабильности в ходе предвыборной кампании накладывается на отсутствие у власти (как у президента, так и у правительства Южной Осетии) какого-либо сценария развития республики. Внутривнутриполитическое обострение возможно и в Абхазии, где после смерти С. Багапш, легитимность избрания которого не вызывала сомнений, предстоят новые президентские выборы. Их исход практически предопределен, победителем окажется нынешний и.о. президента, вице-президент А. Анкваб, но количество недовольных таким поворотом событий и в республике и за ее пределами будет крайне велико.

Россия заинтересована в сохранении статус-кво, но свойственная политике Москвы некоторая инерционность мышления, безынициативность и отсут-

ствие привлекательных предложений для региональных акторов делают позицию Кремля уязвимой. Существует ряд обозначенных выше угроз, которые (в том числе и наловившись друг на друга) могут разрушить существующий статус-кво и взорвать ситуацию в регионе. Россия, одержавшая значимую геополитическую победу в 2008 г. и укрепившая свое влияние не только в Кавказском регионе, может оказаться в той ситуации, в которую она попала после «марша на Приштину» 11 июня 1999 г., когда достигнутый успех не был использован, а полученные в результате рискованной игры возможности оказались бездарно упущены. В случае продолжения существующей сейчас инерционной политики велик риск того, что в новой шахматной партии на доске Большого Кавказа Москва потерпит очень болезненное поражение.

А. Х. Хадикова

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О «ЛИЦАХ КАВКАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»

Поводом к данному сообщению послужили весьма ценные исследования группы ученых, которые в рамках уроков по москвоведению провели опрос этнических русских москвичей-подростков [1]. Им предлагалось ответить на вопросы о том, что нравится или более всего не нравится в родном городе. Результаты опросов должны привлечь внимание специалистов, деятельность которых связана с изучением механизмов урегулирования межэтнической напряженности.

Гордясь своим городом, любя Москву, чувствуя себя ее хозяевами, ребята показали достаточно высокий уровень московского территориально-психологического самосознания и патриотизма, что, безусловно, хорошо. Вполне впечатляющим оказался также и интеллектуальный потенциал московских подростков.

Озадачивает другое — почти единодушное и однозначно негативное восприятие ими факта этнической многоликости Москвы — столицы одного из самых полиэтнических мировых государств. Около 75% молодых москвичей, т. е. большинство, резко отрицательно оценивают факт присутствия в городе представителей различных национальностей. Как следует из результатов исследования, неприязнь усиливается в отношении так называемых «кавказцев». Кавказцы, наряду с плохой экологией, грязью и нищетой, указываются в числе факторов, которые не нравятся более всего. Совершенно очевидно, что подобные представления формируются у большей части молодых русских преимущественно на основе их рыночных и уличных впечатлений, «вдохновителями» коих часто бывают люди малообразованные, плохо или вовсе не знающие русского языка или не освоившие образ жизни, принятый в столице.

Бесспорно, в современных условиях противоречий между зарождающимися и уже сложившимися ценностями, в обстоятельствах поиска новых форм социальной идентичности необходимы меры по снижению уровня любой конфронтационности и в первую очередь межэтнической.

В контексте общей «кавказофобии» обозначаются конкретные аспекты эмоционально-негативного восприятия кавказцев в молодежной русской московской среде. Это:

— страх — «я их боюсь», «не знаешь, чего от них ожидать», «они все ненормальные»;

— обида — «захватили город и занимают места, которые должны занимать русские», «пристают к девушкам, невозможно спокойно ходить», «обдирают русских, обманывают покупателей»;

— возмущение — «хамы, их здесь не должно быть», «кавказцы бандиты, они — вся московская мафия»;

— настороженность — «лезут со своим уставом в чужой монастырь с пугающей наглостью», «держаться друг за друга», «рьяно придерживаются своих обычаев».

На эмпирическом уровне собственных умозаключений школьники подошли к пониманию того, что активность иной культуры может способствовать ослаблению некоторых граней этнокультурной идентичности русских. Заметим, приведены прямые цитаты из сочинений тех, кому предстоит определять межэтническую обстановку в политическом и культурном центре России в обозримом будущем. Из этого следует, что вопросы урегулирования этнопсихологической стабильности должны рассматриваться в ближайшие годы очень серьезно. Необходимо не только зафиксировать ситуационные аспекты, иными словами, найти болевые точки этой серьезной социальной проблемы, но и разработать тактику ее позитивного разрешения. Хотя наиболее существенное влияние здесь оказывает психология (этническая, социальная), требуется деятельное вмешательство целого ряда гуманитарных наук. Весьма актуален, в частности, ретроспективный историко-этнологический анализ проблемы.

Постсоветское пространство — это огромная мультикультурная зона. Падение Советского Союза — многонационального тоталитарного государства — оставило весьма проблемное этнополитическое наследие. Это было предопределено целым рядом объективных факторов, в частности, отсутствием этнологических служб при органах управления. Более того, некоторые социально-этнические эксперименты, к примеру, стремление к созданию невиданной доселе синтетической «новой исторической общности — советский народ», провозглашение культуры национальной только по форме, но социалистической по существу, а также некоторые другие реалии прошлых лет проецировали игнорирование прикладного, экспертного, просветительского значения этнологии, сведение ее к уровню второстепенных, «вспомогательных» исторических дисциплин, преподаваемых только студентам-историкам. Не исключено, что и эти факторы стоят в ряду объективных причин столь широкого распространения этноцентризма, межэтнических конфликтов, насилия, террористической войны в постсоветской России.

Сдерживание национальных потребностей, подавление национальных чувств и исканий, осуществляемое на протяжении многих десятилетий на уровне государственной идеологии, сделало исторической реальностью не только вполне естественное и позитивное стремление к возвращению к национальным ценностям, но также спровоцировало и гипертрофирование национальных запросов и амбиций. Все еще не исчерпавшая конфликтогенный ресурс этнополитическая ситуация на Кавказе может послужить примером тому, что движение за «национальное возрождение», чистоту «национальной идеи» и религии стали все чаще использоваться в политических целях с весьма пагубными последствиями.

В условиях социально-экономических и идеологических катаклизмов межэтнические притязания могут привести к поиску чужака-врага, которым может стать как отдельный этнос, так и весь регион. В данном случае — это Северный Кавказ, точнее «лица кавказских национальностей». В некоторых российских городах это явление может сформировать идентификацию собирательного образа «кавказца» в качестве опасного «внутреннего врага».

Негативный фон житейских представлений о кавказцах последовательно формировался в несколько этапов в течение довольно длительного времени.

Изначально отрицательный образ кавказца в глазах этнополитического российского большинства стал складываться в течение полuveковой Кавказской вой-

ны (1817–1864 гг.). Ее последствия нашли свое отражение не только в публицистике тех лет, да и много позже, когда кавказские сюжеты публиковались не иначе, как в рубриках «В стране абреков и воров», «В диком крае», «Варварские обычаи и нравы» и т. д.

Активизация антикавказских установок в массовом сознании в советское время была связана с развенчанием культа личности кавказца И. В. Сталина и объективным осознанием преступной деятельности опять-таки кавказца Л. Берии. Это весьма действенно способствовало усилению отрицательных обобщений, и не только на повседневном уровне мышления. К примеру, О. Мандельштам в ряду прочих одиозных качеств И. Сталина упоминает «широкую грудь осетина».

Тем не менее, то обстоятельство, что «отцом дружной семьи советских народов» какое-то время был этнический кавказец, достаточно долго предопределяло и поддерживало позитивные стереотипные установки в отношении народов Северного Кавказа и Закавказья. Искусство, доступное массовому потребителю, в частности, советский кинематограф той эпохи, насыщено было положительными образами кавказца-труженика, кавказца-созидателя. Достаточно вспомнить самые яркие из них — «Свинарка и пастух» именитого режиссера Пырьева, «Волгу-Волгу», где звезда первой величины Любовь Орлова вдохновенно и очень умело отплясывала лезгинку, и многое другое.

Стереотипы являются упрощенным восприятием происходящих в обществе этнических и социальных процессов. Именно в этом ракурсе формируются настроения любой этнической предубежденности. Это сказалось и на изменениях в собирательном образе «кавказца». Пожалуй, последний яркий и запоминающийся положительный кавказский персонаж предстал перед советским зрителем в фильме «Отец солдата». Вскоре после этого во всех выразительных средствах массовой культуры, тиражирующих расхожие убеждения, кавказец-труженик уступает место кавказцу-прохиндею и ловкачу. Товарищ Саахов из любимой народной комедии «Кавказская пленница», пожалуй, был первым и далеко не самым одиозным персонажем в галерее новых образов кавказцев-ловкачей и прохиндеев, легко нарушающих закон и общепринятые представления о морали.

Вспомним, что в СССР низким моральным статусом пользовался труд рыночных торговцев. Своей экономической нишей выходцы, преимущественно с Закавказья, избрали торговлю и частную предпринимательскую деятельность, столь позорную в глазах советского человека, за что были прозваны «делягами», «частниками» и «спекулянтами». Известные противоречия торговца, желающего завысить цену, и покупателя с его прямо противоположными намерениями, в данном случае принимали еще и форму этнического противостояния. То, что не все кавказские народы принимали участие в этой деятельности, значения уже не имело и на формирование отрицательных стереотипов в отношении обобщенных «кавказцев» отразиться никак не могло. В 80-х гг. XX в. сформировался анекдотичный персонаж кавказца — незадачливый и неуспешный ухажер, эдакая фуражечно-носатая карикатура на человечество.

Вместе с тем, в индивидуальном и общественном сознании зрел все более аргументированный протест против застойной экономической ситуации кризисного периода советского общества в преддверии его краха. В таких условиях усилилось критическое внимание к материальному благополучию «устроившихся», «умеющих жить», среди которых было достаточно много кавказцев.

Позже повышению критического отношения к «кавказцам» способствовало то, что они отчасти уже заняли некоторые выгодные сферы деятельности в кардинально изменившихся экономических и политических условиях перестроечного или постперестроечного общества.

Всем известны печальные реалии 90-х гг., среди которых — обострение криминогенной обстановки в России, в том числе преступной деятельности самых разнообразных этнических и региональных бандитских группировок. Стихийно появилась новая идентификационная терминология, кстати сказать, вопиюще безграмотная, но мгновенно принятая в официальный оборот. Это, конечно же, незабываемое — «лицо кавказской национальности». Усилению стереотипа врага в лице «кавказцев» вольно или невольно способствовали центральные СМИ тех лет, т. е. потоки информации с резкими оценочными комментариями, не столько описывающими и анализирующими события, сколько акцентирующими и обостряющими проблемы. Настроенность некоторых журналистов на читабельность, а значит, сенсационность, предопределила выхватывание из контекста общей высокой криминогенности именно кавказцев, едва ли превышающих общий процент иных этнических или региональных преступных группировок того времени.

Эту ситуацию в качестве официальной информации озвучил бывший начальник московской милиции В. Пронин (позже печально прославившийся попыткой защитить милиционера-убийцу Евсюкова), который в одной из новостных передач центрального телевидения, анализируя криминогенную Москву, употребил термин «черные», уточнив, что говорит о выходах с Северного Кавказа.

Российские фильмы и сериалы, ставшие чрезвычайно популярными в 90-х гг., редко обходились без образов кавказцев-преступников, коварных и жестоких. Это не могло не повлиять на массовое сознание граждан многонациональной России. Нельзя обойти вниманием еще один нюанс. Корпоративная взаимовыручка подобных бандформирований воспринималась как сугубо национальная характеристика. Далее часто следовало клише «все они такие». Факт, что среди «них» есть и талантливые ученые, художники, музыканты и просто добропорядочные граждане в массовом сознании российских граждан не обретал обобщающей функции.

Стоит вспомнить и о том, что еще в 19 столетии был распуляризован культ силы, отваги, воинственный этнос горцев Северного Кавказа, что отразилось и в творческом наследии величайших классиков русской литературы. Это и «злая пуля осетина», и «черкесы грозные», и «злой чечен» и др. Однако, на бытовательском уровне, на котором и формируются стереотипы, трудно распознать, что это не только не имеет ничего общего с методами ведения террористической войны, но и вступает с ними в прямое и открытое противоречие и противостояние.

Наличие этнического отчуждения в отношении кавказцев во многом спроецировано их внутренней консолидированностью. Известно, что кавказские этнические меньшинства устойчивы и социально мобильны в иноэтнической среде. В российских городах кавказские диаспоры внутренне консолидированы, в течение нескольких поколений сохраняют свою этнокультурную обособленность. Но это можно рассматривать как адаптивную реакцию национального меньшинства, приспособляющегося к жизни в среде этнополитического большинства.

Социология, политология, методы, выработанные в этих науках, а также статистика уже не в состоянии отражать весь спектр социальных и этнических про-

блем экстремально перетрансформированного общества. Недостаточность, а иногда фрагментарность этнических контактов, незнание культуры, традиций других народов, истории межэтнических контактов и, как следствие, ситуативное, сиюминутное, обостренно-негативное их восприятие могут привести и приводят к межнациональному недоверию, настороженности, взаимным антипатиям. Стоит добавить, что на обывательском уровне до этнических конфликтов периода распада СССР народы Северного Кавказа вообще мало кому были известны. Осведомленность большинства сводилась к знанию только крупных закавказских этносов, северокавказские народы дифференцировались весьма слабо.

Для решения подобной ситуации одной из первостепенных задач российской этнологии становится научное исследование:

1. Этнического облика человека, этнокультурных архетипов, фиксирующих как общечеловеческое, так и специфическое в национальной культуре.

2. Национального менталитета, что в полиэтническом регионе имеет как познавательную, так и практическую значимость и не только в формировании позитивных межэтнических отношений и воздействии на массовое сознание, но и в образовании, деятельности учреждений культуры, государственном строительстве и т. д.

3. Этнических стереотипов, их конструирования и воздействия на динамику межнациональных отношений.

В целом, представляется целесообразным изучение особенностей этнокультурных процессов России на примере отдельных регионов, поскольку каждый из них в большей или меньшей степени обладает выраженной локальной спецификой. Это может способствовать сдерживанию этнических конфликтов, что чрезвычайно важно для такого многонационального федеративного государства, как Россия.

Список использованной литературы:

1. Малькова В. К., Остапенко Л. В., Субботина Н. А. Москва многонациональная: конфликт или согласие? // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия. Сост. К. В. Сельченко.—М.: Хорвест, 2004.—С. 363–396.

Л. А. Чибиров

ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Осенью 1988 г. по приглашению Института археологии и этнографии АН Армянской ССР я участвовал на защите докторской диссертации в качестве официального оппонента. Увиденное в Ереване буквально поразило: многочисленные демонстрации, лозунги, карикатуры на Горбачева, антиправительственные материалы, развешенные на театральной площади. Никак не укладывалось в голове, чтобы подобные явления могли произойти в Советском Союзе. Ереван бурлил. Попустительство союзных властей привело к тому, что подобная митинговщина вылилась впоследствии в армяно-азербайджанскую резню и затяжную кровопролитную войну в Нагорном Карабахе. Недальновидная кавказская политика союзных властей и преступное игнорирование ситуации в целом способствовали тому, что конфликт, разгоревшийся в Карабахе, стал первой этнотерриториальной войной на просторах бывшего СССР. После этого был Ош, Тбилиси, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия. Советский Союз затрещал по швам.

С тех памятных событий прошло без малого четверть века. В мире произошли колоссальные перемены. Одним из самых больших потрясений стало крушение некогда могущественной сверхдержавы — СССР.

Тяжкие события, связанные с развалом СССР, коснулись всех сфер внутренней и внешней политики не только России, но и приграничных с ней вновь образованных государств. Никто не оказался в выигрыше. Трагические последствия этого геополитического «поражения» мир пожинает по настоящее время.

Особенно пострадал седой и древний Кавказ, видевший немало страданий, горя и невзгод за всю тысячелетнюю историю.

Последние два десятилетия Кавказ не может оправиться от довольно тяжелых потрясений, которые выпали на его долю вместе с развалом СССР. Это и разрушительные войны, кровавые теракты. В последнее время к ним прибавились еще и архаичные по своей сути расправы с людьми на конфессиональной основе. Все это, называя вещи своими именами, свидетельствует о том, что война на Кавказе еще не окончилась, ситуация только усугубляется.

Горбачевская перестройка и хаотичный распад СССР привели к созданию на юге Кавказа трех независимых республик — Армении, Азербайджана и Грузии. Однако помимо независимости эти государства в наследство от того времени получили еще и имперские амбиции, которые спровоцировали, в свою очередь, межнациональные войны в Карабахе, Южной Осетии и Абхазии.

Первым, как было отмечено выше, разгорелся армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Небольшой, вовремя неурегулированный конфликт сразу же перерос в полномасштабную войну, в результате которой погибли 20 тыс. человек с обеих сторон, около миллиона оказались беженцами. ... Позади уже почти четверть века, однако политическая проблема не решена до сих пор. Довольно тяжелые последствия были и у осетино-ингушского вооруженного противостояния, которое случилось поздней осенью 1992 г.

Продолжительными и кровопролитными были грузино-югоосетинская и грузино-абхазская войны. Они унесли тысячи убитых, десятки тысяч оказались ранеными и искалеченными, привели к разрушению всей инфраструктуры автономной области и республики.

Однако результаты августовской 2008 г. Войны М. Саакашвили против Южной Осетии, которая имела катастрофические последствия, прежде всего, для самой Грузии, стали исторической вехой для народов Абхазии и Южной Осетии. Благодаря своевременным действиям России во время проведения операции по принуждению к миру агрессора, грузинские войска отступили из Южной Осетии, Грузия потерпела поражение, а Россия в итоге признала Абхазию и Южную Осетию как независимые республики.

Между тем историческое значение августовских событий не ограничивается рождением двух независимых государств. С признанием Южной Осетии и Абхазии по существу родилась новая, более могущественная Россия. «Россия набирает вес, набирает стремительно — духовно, политически, экономически, готовится к технологическому рывку и модернизации. После долгих унижений, когда некогда великая страна, как дистрофичный скиталец, играла под чужую дуду, Россия приобретает желание говорить своим голосом», — писал журналист Сергей Лесков [2].

Безусловно, что за прошедшие четверть века кроме этой важной для имиджа страны победы имели место определенные успехи и в других направлениях внешней и внутренней политики Российской Федерации. Страна сегодня развивается поступательно, постепенное повышение материального благосостояния жителей России также является очевидным фактом.

Вместе с другими регионами относительно стабильно развивается Северный Кавказ. Сдвиги в экономическом развитии страны позволили Центру отпускать многомиллиардные средства для развития инфраструктуры Северного Кавказа, предпринимаются шаги по привлечению инвестиций. Все это положительно сказывается на жизненно-бытовых условиях населения Северо-Кавказского региона.

Позитивные экономические перемены в регионе — это, конечно же, хорошо. Но те проблемы, которые получил Кавказ от горбачевско-ельцинского безвременья, еще долго будут сказываться на ситуации в регионе в целом.

К великому сожалению, складывающаяся на Северном Кавказе политическая и межнациональная обстановка не располагает к излишнему оптимизму. Ситуация угрожающая, и это вынужден был признать и президент страны Д. А. Медведев в Послании к Федеральному Собранию в 2009 г. Тогда Дмитрий Анатольевич назвал нестабильность в этом регионе самой крупной внутренней угрозой для России. С тех пор ситуация в регионе только ухудшилась. Согласно статистике, приведенной правоохранными органами, количество терактов на Северном Кавказе в 2010 г. удвоилось по сравнению с предыдущим годом [1]. «Сводки об операциях силовиков на Северном Кавказе напоминают военные. Более семидесяти сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, дислоцированных в СКФО, погибли в текущем году от рук боевиков, совершено 158 преступлений террористической направленности», — заявил министр ВД РФ Нургалиев [6].

Прогресс в борьбе с террористами есть. Ответные удары по ним наносятся. Однако возникает вопрос: насколько они эффективны? На Северном Кавказе создана крупнейшая по плотности группировка войск; из пяти дивизии внутренних войск четыре дислоцированы в этом регионе. И если при такой плотности войск и спецструктур возможны партизанско-диверсионные действия, то это значит, что созданные группировки войск и сил и вся силовая правоохранительная система недееспособна или неизлечима больна — к такому заключению приходит руководитель Центра военного противостояния чл.-корр. Академии военных наук Анатолий Цыганюк: «Увлечшись строительством террористической силовой вертикали в стране особенно на Северном Кавказе, власть в пылу строительства и законотворчества не заметила смены идеологии, упустила время и вновь оказалась неготовой к смене политического противника и переходу террористов к открытым партизанским боевым действиям» [9].

Серьезные вызовы обществу несут и некоторые нездоровые процессы, которые с определенной периодичностью происходят в остальных частях России. К примеру, то, что произошло в декабре прошлого года в Москве на Манежной площади, — далеко не рядовое событие. Это симптом, который заставляет всех глубоко задуматься, проанализировать произошедшее, приостановить шествие по дороге, ведущей к пропасти. Впервые за более чем два столетия жизни в рамках одного государства, где народы Поволжья, Северного Кавказа, Дальнего Востока являются составными частями понятия «российский народ», зазвучали провокационные лозунги и выкрики: с одной стороны — «Власть белым!», «Русские вперед!», «Россия для русских» — с другой — «Долой русских». Внешне неуправляемая, но довольно грамотно организованная толпа нападала на тех, кто хотя бы отдаленно напоминал представителей неславянских народов.

Наша многонациональная страна сегодня больна. Диагноз ее болезни, по мнению Председателя Конституционного суда В. Зоркина, таков: «Межнациональная рознь является следствием господствующих в умах настроений, и это вызывает озабоченность. Помимо акций насилия об этом свидетельствуют и опросы общественного мнения. Два года назад десять процентов опрошенных в многонациональном российском государстве признались, что они испытывают ненависть по отношению к представителям других национальностей. Год спустя их количество увеличилось на один процент, а в этом году о такой позиции заявили уже почти 20%». [7] Комментарии, как говорят, излишни.

Обостряют отношения и различные ультрарадикальные русские «этнонационалисты». Один из руководителей родственного им «Движения против нелегальных иммигрантов» А. Белов требует выделения особых средств, чтобы было больше русских новорожденных, требует применения жестких мер против выходцев с Северного Кавказа, т. е. против тех же российских граждан. Говоря же об основах современного государства, Белов требует создать русскую республику.

Комментируя слова Медведева о том, что в Северо-Кавказский регион переводятся гигантские денежные средства, а взамен Центральная Россия получает взрывы и бандитские вылазки, немецкий журналист Матиас Шепп пишет: «Большая часть русского населения не хочет иметь своими гражданами чеченцев, дагестанцев, ингушей и балкарцев». Это значит, что 20 лет спустя после развала Советского Союза «терроризм ставит под сомнение не только главенство

Москвы на Кавказе; речь также идет о будущем России как многонациональном государстве» [11].

«В последнее время некоторые либеральные СМИ, — пишет В. Т. Кадохов, — под видом заботы о России и русском народе стали в открытую говорить о том, что Северный Кавказ вреден для интересов страны и его нужно отделить от России» [3].

Подобные настроения в умах некоторых «либералов» напомнили мне известную встречу Горбачева с узким кругом интеллигенции, который доказывал ему, что, дескать, союзные республики являются обузой для России и от них лучше освободиться. Именно благодаря подобным «патриотам» случился развал Советского Союза, который по оценке В. В. Путина являлся величайшей геополитической катастрофой XX в., отрицательно сказавшейся не только на народах, проживавших в этой великой стране, но и на весь последующий ход мирового развития. Если же по такому сценарию произойдет и отчуждение Северного Кавказа, то непременно станет и гамлетовский вопрос: «Быть или не быть самой России?». К такому сценарию готовят себя и внутренние экстремистские силы.

Все эти провокационные высказывания и антикавказская риторика не могли не аукнуться в самом Северном Кавказе: ими ловко воспользовались некоторые ультрарадикальные силы, которые умело прикрываются догмами ислама, однако то ли по незнанию, то ли умышленно не вспоминаящие о том, что для истинного мусульманина, равно как и для истинного христианина, заповедь «не убий» является одной из основополагающих догм.

Сегодняшние реалии таковы, что под видом «священной войны с неверными» под зеленым знаменем джихада собираются люди, имеющие весьма смутное, отдаленное представление об истинных, человеческих ценностях ислама как религии и как культуры.

Нам, кавказцам, как истинным патриотам своей большой и малой родины, необходимо давать отпор всем, кто ратует за отрыв Северного Кавказа от России. Мы должны довести до каждого гражданина Северного Кавказа истину: если из роли «успокоителя», арбитра уйдет Россия, то его место займут другие крупные державы, мечтающие расчленив Россию, сделать ее сырьевым придатком тех, кто спит и грезит о российской нефти, газе и других природных богатствах.

Политическому руководству страны необходимо продумать и принять экстренные меры. Складывается опасность, когда ситуация может выйти из-под контроля власти. Ни в коем случае нельзя допустить этого! Необходимо проснуться от летаргического сна, опомниться, сделать соответствующие уроки из происходящего и сохранить в целостности и единстве наш флагман, наш форпост — Российскую Федерацию.

Распатывают положение в стране и экстремистские организации, которых стало предостаточно в большинстве северокавказских республиках. Всего несколько примеров.

Новый радикальный ислам конкурирует в регионе со старыми традициями патриархата и понятиями чести. В декабре 2010 г. был убит как враг ислама, проф. КБГУ, известный этнолог Аслан Ципанов. Его приговорили к казни, цитирую, за «организацию возобновляющих старинные языческие обычаи праздников, за то, что открыто и явно выступал против ислама и пытался совратить мусульманскую молодежь язычеством».

Такая же дикая расправа на религиозной почве произошла месяц назад во Владикавказе, когда мученической смертью был сведен в могилу любимец осетинского народа, его выдающийся сын Ш. Ф. Джикаев. По таким же мотивам (религиозный экстремизм) 8 июня у порога родного дома был убит известный ученый, религиозный деятель и ректор теологического института в Махачкале Максуд Садиков. В январе текущего года 14 общественных организации Кабардино-Балкарии распространили совместное заявление, в котором выражают крайнюю обеспокоенность распространенным слухам «о существовании «черного списка», на основании которого известные в республике люди будут уничтожены физически. После ликвидации ами́ра Кабардино-Балкарской Республики Анзора Астемирова (март 2010 г.) резко увеличилось число убийств тех, кто был не согласен с исламизацией республики [8]. Страх нагнетается. Поездки внутри Северного Кавказа опасны, будто едешь по линии фронта. Сегодня безопасность гарантирована только для тех, кто прячется за спины телохранителей, разъезжает на лимузинах или имеет запасные аэродромы в Лондоне. Знакомый из Нальчика советует: проезжая транзитом через Кабардино-Балкарию, старайтесь не останавливать свое транспортное средство, а если такая необходимость все же появится, то только близ ГИБДД.

Все что происходит на Северном Кавказе, корнями восходит к ельцинской эпохе, к недалековидной, преступной политике по отношению к Кавказу, политике, которой фактически не было. По этой теме существует богатая литература, и останавливаться на ней не будем.

Нынешнее руководство страны многого добилось в деле умиротворения на Кавказе, принимает крутые меры по выправлению ситуации. Тем не менее, остается фактом и то, что с точки зрения социально-экономической ситуации, государственного управления и обеспечения национальной безопасности Северный Кавказ остается самым сложным регионом страны. Руководство страны занимается поисками высшей идеи, которая стала бы лейтмотивом для России в целом, в том числе и в межнациональной политике, но пока эти поиски безрезультатны. Думается, опасность, исходящая оттуда, не получает должной политологической оценки и анализа. Объективности ради надо отметить: исполнительные и законодательные органы порою бывают недостаточно последовательными в своих действиях, допускают промахи (упущения) при оценках событий и возможных последствиях их развития.

Что имеется в виду?

1. За четыре дня до теракта в Домодедово небезызвестный Жириновский, который почему то нарасхват у всех телеканалов страны, выступил в передаче 1-го канала «Поединок» с защитой этнических русских и допустил ряд грубейших выпадов против нацменьшинств, особенно против народов Северного Кавказа. У здравомыслящих граждан страны позиция Жириновского вызвала гнев и возмущение: она правильно была оценена как политическая спекуляция, подрывающая основы многонационального государства. Отреагировали на его выходку региональные парламенты, которые выразили серьезную обеспокоенность складывающейся в сфере межнациональных отношений ситуацией. «Сложные проблемы жизни страны все чаще сводятся к мифическому «русско-кавказскому» или даже «российско-северокавказскому» противостоянию, — отмечено в обращении пар-

ламента РСО-А Председателю Государственной Думы Грызлову В. Б. И далее: «... руководители этой партии провозгласили разрушительные для страны политические цели — губернизация Российской Федерации, ликвидация национальных республик, изменение Конституции в части определения источника власти и носителя суверенитета государства. Лидеры ЛДПР своими заявлениями пытаются внушить людям, что все проблемы, все беды России связаны исключительно с Северным Кавказом, то есть из северокавказских народов формируется образ врага» [4].

Однако, как это ни досадно, политические спекуляции на национальной почве разрушителя многонационального государства Жириновского, его «медвежьи» реверансы России и русскому народу не осудили ни в Государственной Думе, ни в Совете Федерации. К сожалению, провокационным бредням лидера ЛДПР, его попыткам стравливания народов многонациональной страны не дали принципиальной оценки и руководители государства. А молчание может быть расценено как разделение взглядов.

По большому счету призыв к ликвидации национальных республик — это взламывание одного из тех политических институтов, которые скрепляют малочисленные народы с Россией, своим отечеством; уничтожение той исторической формы, которая позволяет российским национальным меньшинствам одновременно сохранить свою самобытность и быть частью великой российской гражданской нации.

В корне опасны и вредны идеи Жириновского о губернизации России. Действующая модель федеральных отношений в России включает в себя важный национальный компонент, о гипертрофированности или устарелости которого говорить сейчас преждевременно. На сегодняшний день северокавказские республики с их устоявшимися границами легитимны и достаточно приемлемы. Изменения статусов и границ в регионе вместо улучшения системы управления и хозяйствования вполне способны взорвать мир и относительную стабильность на Северном Кавказе. Игнорирование этого компонента ради сокращения формального числа субъектов Федерации могло бы обернуться серьезной дополнительной угрозой национальной целостности и безопасности России как многонационального государства.

Таким образом, вся риторика лидера ЛДПР направлена на разжигание межнациональной розни и является долгожданной помощью тем деструктивным силам, которые мечтают о развале России.

2. На наш взгляд, непродуманной была и реакция руководства страны на события на Манежной площади в декабре 2010 г. Народ, в частности граждане России из Северного Кавказа, не услышали принципиальной оценки и осуждения поведения националистически настроенной молодежи в центре Москвы, которое было направлено, прежде всего, на развал страны. Между тем многонациональное российское государство с точки зрения управления требует большей осторожности, так как вопросы сохранения страны как единого непротиворечивого целого напрямую связаны с умением находить компромиссные решения. Этого ждали многие, но и здесь был допущен промах.

3. В связи с событиями на Манеже В. В. Путин выразил сожаление по поводу развалившегося Советского Союза, потому что, как отметил премьер-министр, в

нем — при немалом количестве плохого было и нечто хорошее, а именно — высшие ценности, которые примиряли отношения между различными народностями и концессиями, скрепляя таким образом фундамент. Владимир Владимирович говорил истинную правду. Только возникает вопрос: Да, ответственность за то, что мы лишились этих высших ценностей лежит на совести предшественников нынешних руководителей. Но осознавая, что это было ошибкой, кто нам сегодня мешает вернуть из прошлого нашего быта то, что было ценным, полезным?

4. Уполномоченные властью люди должны стараться сдерживать свои обещания. Из-за бюджетных ограничений Москва на 20% сократила объемы помощи шести из семи республик Северного Кавказа. И вот последствия: «Местные жители, получив вначале щедрые обещания, разочаровались, и повстанческие группировки укрепили свои ряды», — так комментирует ситуацию журналист.

Думается, более вдумчивого похода и скрупулезного анализа требуют и другие действия Москвы по отношению проводимой политики на Северном Кавказе.

Всем ясно, противостояние на Северном Кавказе имеет религиозную и этническую подоплеку. Как отмечено выше, жесткие репрессии и контроль не могут победить терроризм, обеспечить безопасность. Они имеют эффект бумеранга. Ведь насилие лишь расширилось и усугубилось, охватив те районы, в которых до начала прошлого года все было спокойно. При этом правильно пишет Е. М. Примаков: «Главная опасность в том, что против них не настроена большая часть местного населения, а многие втайне им сочувствуют. Без перелома в таких настроениях тщетными будут попытки полностью подавить исламистов-экстремистов» [5]. Необходима более тонкая адресная работа по привлечению всех слоев населения на сторону общества, в том числе в той части верующих мусульман, которые лояльны к российской власти.

В настоящее время главной задачей российской политики на Северном Кавказе эксперты считают модернизацию региона. Руководство страны всерьез взялось за экономическое возрождение региона, правильно считая его главным посулом умиротворения края, важнейшей особенностью которого является низкий уровень жизни и вытекающая из этого социальная и межнациональная напряженность, этносепаратизм. Рассматриваются масштабные инвестиционные планы по преобразованию кавказского края на миллиарды евро, которые должны обеспечить рабочими местами десятки тысяч безработных. Раньше при Советской власти тунеядцев осуждали и высылали, а ныне безработные переполнили наши улицы и стали питательной средой для разных экстремистских организаций.

Не способствуют укреплению многонационального государства и некоторые неосторожные резкие высказывания и угрозы расправы с непокорными (Д. Медведев: «Гнезда этих бандитов, как бы они не назывались, должны быть ликвидированы»). Не способствуют сближению народов многонациональной страны и заявления о необходимости для кавказцев, т. е. для тех же российских граждан кавказского происхождения, новых правил регистрации в больших городах.

На многих встречах на высшем уровне неоднократно ставился вопрос о создании специального ведомства, которое бы занималось выстраиванием и регулированием национальной политики в масштабах всей страны. Эту идею недавно вновь поднял выше цитированный не просто сенатор из Северной Осетии, а пер-

вый заместитель Комитета СФ по делам Федерации и региональной политики доктор экономических наук В. Т. Кадохов. «Россия — уникальное государство. Сколько народов и народностей, сколько разных, не похожих друг на друга менталитетов, традиций, обычаев! До понимания их в политической жизни страны не всегда доходят руки ведомств других направлений. А порою очень важно вовремя объяснить и ту или иную ситуацию, чтобы снять зреющее напряжение. Люди, которые ратуют за отрыв Северного Кавказа от России, «преследуют цель сделать регион местом постоянной межнациональной розни», — говорит сенатор [3]. По логике вещей подобное ведомство, которое бы занималось межнациональными проблемами, востребовано временем и обстоятельствами, и руководители страны обязаны прислушаться к мнению своих граждан.

В России испокон веков сложились свои собственные традиции государственного управления, и подрывать их основы нежелательно. Разумеется, следует присматриваться к другим странам мира и то, что полезно, применительно к нашей действительности, внедрять у себя. Однако идти на поводу Запада во всем нам не следует, как бы это ни было неприятно нашим западным партнерам. Сегодня у нас в стране засилье терроризма, жестокости, немало примеров дикой расправы с людьми. И при таком положении у нас отменена смертная казнь! В США и Китае есть она, а у нас ее отменили. Это же абсурд! Возмущаются миллионы граждан федерации, в том числе видные государственные деятели, требуют восстановления смертной казни, а федеральные законодательные органы стоически молчат. Второй пример. В ответ на наши протесты Западу не поставлять нам зараженные овощи оттуда нам пригрозили непринятием в члены Всемирной торговой организации (ВТО). Так зачем нам ценой здоровья наших граждан понадобилась ВТО; жили же до сих пор без членства в этой международной организации?! Понятно, что западный рынок привлекателен для наших бизнесменов, но не лучше ли на данном этапе приложить совсем иные усилия по развитию внутреннего рынка и поддержать отечественных производителей для улучшения качества производимой ими продукции?

Определенная вина нынешнего напряженного положения падает и на здоровые слои гуманитарной интеллигенции Северного Кавказа. Мы должны работать в направлении большего сплачивания наших народов, восстановления традиционных близких отношений, уделять большее внимания исследованию культурно-исторических взаимоотношений наших народов. Поверьте, общего, объединяющего нас гораздо больше, чем того, что нас разъединят. Необходимо продумывать и осуществлять мероприятия, которые объединяли бы творческие коллективы, разные слои нашего населения. К примеру, недавно по телевидению передавали интервью с кинорежиссером из Осетии К. Кантемировым, который намерен создать студию, где бы обучались киноискусству представители народов Северного Кавказа. Это же прекрасная идея. А в марте этого года мне посчастливилось быть участником одного интересного мероприятия. Владикавказский интеллектуальный клуб «Альбус» пригласил команды своих сверстников (13–14 летних юношей и девочек) со всех республик Северного Кавказа. В течение трех дней юноши и девушки показывали свои знания по Нартовскому эпосу, горячо спорили, но, расставаясь, осознали, как сильно подружились; эти дети никогда не будут враждовать между собой.

Сегодня на Северном Кавказе сложилась весьма сложная и опасная ситуация. Напряжение в кавказском сообществе не спадает, один теракт следует за другим. В последние годы силовые структуры проводят жесткую политику по отношению к организаторам терактов; уничтожены главы оппозиционного подполья в трех республиках и десятки боевиков. Однако, как показывает практика, одних только карательных мер недостаточно. Каковы перспективы, какие еще необходимы меры воздействия для урегулирования ситуации?

В первую очередь, важнейшее условие нормализации обстановки на Северном Кавказе — социально-экономическое развитие отсталых в этом отношении республик. «Необходимо улучшить качество жизни людей на Северном Кавказе», — эти слова проходят лейтмотивом во всех выступлениях президента Д. Медведева, касающихся северокавказского региона. Одно обращение лицом к строительству производственных объектов создало бы благоприятную обстановку в регионе. Наряду со строительством больших производственных объектов необходимо уделить все возрастающее внимание поддержке кавказского духа предпринимательства; создание малых предприятий, сельских сбытовых кооперации. Споры нет. Горнолыжные курорты тоже нужны. Но сегодня отпускаемые Северному Кавказу крупные финансовые средства необходимо направить на развитие аграрного сектора, чтобы меньше зависеть от зарубежья, которое нас снабжает низкокачественной продукцией.

Во-вторых, в регионе не будет ни стабильности, ни гарантии безопасности, если наряду с властями к решению проблемы не подключатся гражданские институты, общественные организации на местах.

В-третьих, нужно, чтобы более эффективно работали секретные службы и государственные органы, необходимо более серьезная борьба с нарушителями закона среди местных властных структур.

В четвертых, поскольку главная опасность дестабилизации идет от религиозного экстремизма, особое значение имеет политическая работа среди мусульман Северного Кавказа. Необходима политическая борьба против интерпретации ислама как идеологии воинствующего экстремизма. Здесь широкое поле деятельности для сторонников умеренного ислама.

В пятых, проблема заключается не в том, чтобы «искоренить» конфликты — сделать это практически невозможно, — а в том, что нужны меры превентивного характера, чтобы их предвидеть, снизить их накал и направить в умеренное русло, избежать их разрушительные последствия.

И наконец, шестое, нужна научно-выверенная государственная программа, нужна идеологическая основа для развития многонационального государства, которая, к сожалению, в нашем огромном государстве по-прежнему отсутствует.

Только с учетом вышеизложенного и осуществлением его, на Северном Кавказе могут воцариться желанный мир и спокойствие, только тогда подрастающее поколение края может смотреть в свое будущее спокойно и уверенно.

Список использованной литературы:

1. Боевики в России бьют прямо в цель // Газ. Телеграф.—2011.—27 янв.
2. Лесков С. Зачем мне Южная Осетия? // Известия.—2008.—28 авг.

3. Кадохов В. Т. Кому нужен «кавказский разлом?» // Российская Федерация сегодня.— № 11.—июнь 2011.
4. Обращение Парламента Республики Северная Осетия-Алания к Председателю Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Б. В. Грызлову // Северная Осетия.—2011.—29 янв.
5. Примаков Е. М. Мысли вслух.—М.: Российская газета, 2011.—207 с.
6. Российская газета.—2011.—16–22 июня.—С. 13.
7. С ножом в кармане // Frankfurter Allgemeine Zeitung.—Германия, 2011.—01 янв.—URL: <http://www.inosmi.ru/social/20110101/165350302.html>.
8. Тлисова Ф. Кавказский джихад: лица и цели // Радио «Войс оф Америка».—14.01 2011.
9. Цыганюк А. Власть должна изменить кавказский вариант антитеррора // Осетия — Свободный взгляд.—2011.—2 июня.
10. Чибиров А. Л. Южная Осетия: тернистый путь к независимости // Вестн. Владикавк. науч. центра.—2009.—Т. 9, № 1.—С. 6–10.
11. Шепп Матиас. Бацилла ненависти // Шпигель.—2011.—27 янв.

Г. И. Юсупова, А. А. Шайдаева

РОЛЬ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Российское многомерное пространство, образовавшееся в результате пространственно-временной стратификации разномасштабных процессов, имеет как конфликтогенные, так и созидательные функции. Причина этого заключается в том, что в многомерном коммуникационном пространстве в результате стратификации разномасштабных процессов в природе и обществе возникают пояса высокой энергетики.

«И в самом деле, в реальном мире «поля природных, политических, экономических, социокультурных, конфессиональных и информационных коммуникаций не совпадают в географическом пространстве и, накладываясь друг на друга, образуют маргинальные зоны, обладающие энергетикой интенсивных взаимодействий. Таким образом, формируется многомерное пространство, коммуникационная природа которого двояка. Его рубежность может служить стратегическим ресурсом материального развития или духовного возрождения или в условиях утраты контактных функций превратиться в непосильное бремя для страны. Тогда коммуникационная природа пространства разрушается, а государство распадается» [1, с. 52].

Как считает В. А. Авксентьев, геополитическая трансформация мира способствовала росту региональных геополитических напряжений. Особое напряжение этнополитической ситуации, межэтнических, межконфессиональных и внутриконфессиональных конфликтов, как показало развитие событий конца прошлого — начала нынешнего столетия, происходит именно в регионах «геополитических разломов», в зонах межкультурного взаимодействия. Этот процесс является частью современной глобализации и становления нового «мирового порядка».

Северный Кавказ занимает особую роль в геополитике России. Возрастание геостратегического значения региона обусловлено серьезными внешними и внутренними причинами. После распада СССР Северный Кавказ оказался вовлеченным в глубокие межнациональные и политические противоречия, возникшие между новыми независимыми государствами Закавказья и Россией. Одновременно усилилась активность традиционных геополитических соперников России на Кавказе.

Геополитическая стратегия России на Каспии, являющаяся важнейшим направлением российской геополитики на Кавказе, претерпела ряд изменений на протяжении 90-х гг. прошлого века. Сегодня она строится на основе следующих принципов: приоритетность для России южного направления ее геостратегии, налаживание и ведение политического диалога между прикаспийскими странами, основанного на полном взаимном доверии, достижении согласованности в разработке запасов Каспийского шельфа, организации совместных действий по

экологической и социальной защите региона. Возрастанию международного престижа и роли России в Каспийском регионе будет способствовать скорейшее заключение и реализация межгосударственного соглашения по демилитаризации Каспийского моря.

В соглашении должно быть указано, что страны-участницы создают свои патрульно-пограничные службы, аналогичные по функциям береговым службам других стран. Подобный договор уравнивает права и позиции стран-участниц: «Его соблюдение обеспечит необходимый уровень общественно-политической безопасности и облегчит решение насущных эколого-экономических проблем этого региона» [2, с. 133].

К. Б. Камилов и Э. М. Эльдаров отмечают особенности проведенных защитных мероприятий на берегу Каспийского моря.

1. Наблюдается значительное отставание объемов и сроков финансирования защитных мероприятий от предусмотренных Постановлениями Правительства РФ. Например, неотложные мероприятия на 1993–1995 гг. по дагестанскому побережью Каспия профинансированы из федерального бюджета лишь в размере 30%. Имело место и нецелевое использование выделяемых средств.

2. Из-за необеспеченности и распыленности финансирования по республике на множество объектов начатое строительство было приостановлено. Вследствие этого разрушительное воздействие моря нанесло значительный ущерб незащищенному побережью моря.

3. Не был достигнут особый режим хозяйственной деятельности в зоне возможных колебаний уровня Каспийского моря и уровней приустьевых участков рек. Продолжается несанкционированная застройка в зоне влияния моря и на устьевых участках рек Сулак, Шураозень, Манасозень, Улучай, Рубас, Самур и др. [3].

Дагестан признается стратегическим регионом с точки зрения богатых энергоносителей и пристально изучается западными исследователями. В последнее десятилетие резко усилилось влияние внешних факторов на этнополитическую и этноконфессиональную ситуацию в республике.

«Характерно, что в течение 90-х гг. западные исследователи пристально изучали регионы Прикаспийского бассейна, в том числе многонациональный Дагестан как стратегический регион с точки зрения прежде всего богатых энергоносителей. В связи с этим политическое спокойствие Республики Дагестан в новой геополитической ситуации нередко связывалось и с внешними факторами» [4].

Геополитические интересы многих стран мира столкнулись в Каспийском регионе. Одна из современных геополитических концепций носит название «Стратегический энергетический эллипс». В нее включены два крупнейших углеводородных источников в мире — Каспийское море и Персидский залив.

Возникшие после распада СССР новые прикаспийские государства стали объектом «нефтяной политики» ведущих держав.

Пристальное внимание к Каспийскому региону внешних источников силы обусловлено его выгодным географическим положением, большими запасами углеводородов, уникальными биологическими ресурсами, в том числе мировыми запасами осетровых, пересечением транспортных путей. Дальнейшее развитие транспортных магистралей, нефтепроводов и газопроводов стало сегодня одним

из ключевых вопросов мировой политики. Дальнейшее развитие их может оказать существенное влияние как на развитие всего региона, так и на ход событий в отдельных странах. Именно этот компонент может стать решающим и в новой геополитической конфигурации различных центров силы в регионе. Поэтому Каспийский регион находится сегодня в центре многих геостратегических и геополитических конструкций.

«Он является важным стратегическим звеном между Севером и Югом — Россией и Персидским заливом, источником снабжения нефтью и газом рынков Европы — на Западе и юго-восточных стран — на Востоке» [5, с. 201].

Стремление России сохранить свои прежние позиции в Каспийском регионе, свое влияние на новые государства Закавказья и Средней Азии на протяжении 90-х гг. прошлого столетия было неудачным.

К сожалению, приходится констатировать, что Россия практически потеряла контроль над Закавказьем в силу не только своих ограниченных экономических и финансовых возможностей, но и в силу причин политического характера и неправильного использования своих политических рычагов в регионе. Ее естественное место заняли западные страны, в первую очередь США и Великобритания. Они главенствуют и в контроле над запасами углеводородов по обе стороны Каспия.

Ведущая роль принадлежит США, которые добывают в Каспийском регионе около 35 тыс. тонн нефти в день. Второе место занимает Великобритания, добывая 18 тыс. тонн нефти в день. Объектом сильнейшей конкуренции между странами Западной Европы и США, с одной стороны, и Россией, с другой, стала транспортировка нефти.

Так называемая «война трубопроводов» стала характерной чертой нефтяной геостратегии в бассейне Каспийского моря. Стратегическая задача России заключалась в том, чтобы заставить прикаспийские государства транспортировать углеводородное сырье через свою территорию. В 90-е гг. Россия упустила естественные преимущества, которые она имела в Каспийском регионе. Российская нефтяная дипломатия тех лет отличалась отсутствием скоординированной четкой политики, серьезными расхождениями во взглядах государственных структур и нефтяного бизнеса на события в регионе.

Причины достаточно инертной энергетической политики России в регионе «объясняются запоздалой реакцией государственных структур на происходящие процессы. После изменения геополитической ситуации в регионе, российская сторона стала увязывать проблему нового статуса Каспийского моря с освоением его ресурсов. Выступая за сохранение принципа «общей воды», который, как представлялось, должен был стать основой при выработке нового правового статуса моря, она предлагала прикаспийским странам условия, на которых они до заключения нового договора не могли бы работать на Каспии без согласования своей деятельности с ней и с Ираном. То есть речь шла о продолжении прежней практики использования Каспия в принципиально новых геополитических условиях» [6, с. 120].

С начала 2000 г. начинается новый этап каспийской геостратегии России. Отличительной чертой ее является использование статуса России как крупного экспортера и транспортировщика углеводородов для укрепления национальной безопасности и обороноспособности страны.

Россия заинтересована в транспортировке каспийской нефти через свою территорию, что гарантирует ей экономическую и политическую выгоду. Ослабление прежних позиций России усилило стремление Запада сделать Каспийский регион зоной своих жизненно важных интересов.

Запад стремится избежать энергетической зависимости от России, в том числе зависимости от транспортировки нефти. Странам Запада сегодня значительно легче вести диалог с государствами Закавказья, которые находятся в фортате их внешней политики. Расширение влияния и позиций НАТО имеет далеко идущие экономические и военно-стратегические цели.

«Позицию Запада по проблеме транспортировки нефти выразил посол США в Азербайджане Р. Вилсон. Он заявил, что «каспийская нефть никогда не потечет через Россию. Именно эту линию стараются проводить западные державы в вопросе транспортировки каспийской нефти» [7].

Пристальное внимание к Каспийскому региону внешних источников силы обусловлено его выгодным географическим положением, большими запасами углеводородов, уникальными биологическими ресурсами, в том числе мировыми запасами осетровых, пересечением транспортных путей. Дальнейшее развитие транспортных магистралей, нефтепроводов и газопроводов стало сегодня одним из ключевых вопросов мировой политики. Дальнейшее развитие их может оказать существенное влияние как на развитие всего региона, так и на ход событий в отдельных странах. Именно этот компонент может стать решающим и в новой геополитической конфигурации различных центров силы в регионе. Поэтому Каспийский регион находится сегодня в центре многих геостратегических и геополитических конструкций.

«Он является важным стратегическим звеном между Севером и Югом — Россией и Персидским заливом, источником снабжения нефтью и газом рынков Европы — на Западе и юго-восточных стран — на Востоке» [5, с. 201].

В качестве важного рычага экономического и политического влияния на ситуацию в Кавказском регионе рассматривался трубопровод Баку — Джейхан. Перекачка нефти из Каспийского моря через Грузию и Турцию позволяет США контролировать большую часть мирового рынка энергоресурсов. По мнению американских политологов, национальные интересы США вынуждают их наращивать свои информационные и аналитические возможности в регионе, наладить диалог с лидерами автономий Северного Кавказа, что гарантировало бы стабильность, взаимопонимание и мир.

«Поэтому нет ничего удивительного в том, что в августе 1999 г. в дагестанском походе чеченских сепаратистов явно проступали интересы США и некоторых других стран Запада, так как они давно рассматривали каспийский бассейн в качестве своего сырьевого придатка, охраняемого марионеточными режимами. Характерно, что американцы в последние десятилетия активно пытались создавать повсюду в мусульманском мире управляемые марионеточные исламские режимы, ориентированные исключительно на выполнение собственной воли и собственного видения логики развития процессов в тех или иных странах и регионах» [8].

Геополитическое сжатие России к границам Российской Федерации снова превращает Кавказский регион, особенно его южную часть в поле соперничества или же сотрудничества прикаспийских и не только государств.

«Современные акценты «Большой игры» на этом поле определяются его расположением на маршрутах транспортировки углеводородного сырья из Каспийского бассейна и перспективами превращения Закавказья в коридор, связывающий Евроатлантику с Центральной Азией, минуя при этом Россию, Иран, Китай или беспокойный Афганистан (и обеспечивая тем самым автономный доступ Евроатлантическому блоку в тыловой театр одного из полюсов «многополярного мира») [9, с. 105].

В начале 21 века в России приняты важнейшие стратегические документы-концепции, нацеленные на обеспечение национально-государственных интересов и безопасности России в новых геополитических условиях, учитывающие и региональные аспекты безопасности. Концепция национальной безопасности РФ уточняет риски внутренней безопасности и основные пути их локализации. В ней подчеркивается, что «необходим комплексный подход к решению правовых, экономических, социальных и этнополитических проблем при сбалансированном соблюдении интересов Российской Федерации и ее субъектов» [10].

Концепция внешней политики Российской Федерации определяет основные направления международных отношений России с акторами мировой политики, участие ее в международных альянсах [11].

«Рассмотренная на Госсовете Российской Федерации программа развития страны на перспективу ввела долговременные ориентиры минимизации внутренних противоречий между Центром и регионами, накопившихся в ходе проводившейся политики «радикализма» в начале и середине 90-х гг. XX в.» [12, с. 431].

Внешние угрозы национальным интересам, национальной и региональной безопасности России, произрастающие на региональной геополитической почве, вызваны деструктивными процессами и явлениями, которые возникли и распространились на постсоветском пространстве после распада бывшего СССР.

Геополитическому потенциалу государства нанесен колоссальный ущерб. Границы остаются открытыми, не решены многие проблемы таможенной политики. Уменьшением территории и сужением выходов к морям смогли воспользоваться страны НАТО, предпринявшие активные попытки и достигшие существенных успехов в расширении границ блока и его военно-политического влияния на многих направлениях постсоветского геополитического пространства, в том числе на южных границах РФ. К угрозам национальной и региональной безопасности можно отнести такие негативные факторы, как зажатость между мощными быстро развивающимися военно-политическими и экономическими группировками, имеющими исторические конфликты с Россией или территориальные претензии к ней, наличие внешнего пояса обостряющихся региональных и локальных конфликтов при одновременном расширении на Восток блока НАТО:

«Перед лицом вероломства Запада Россия, которая внесла главный вклад в окончание холодной войны и конфронтации двухполюсного миропорядка, не важно в силу каких причин, теперь оказалась перед перспективой продвижения к своим границам НАТО и не может не чувствовать себя обманутой. Не случайно в российском общественном сознании возник консенсус по вопросу неприятия расширения Североатлантического альянса. В дальнейшем России ни при каких обстоятельствах не следует предавать забвению этот урок истории» [13, с. 219].

В то же время бесспорные определенные геополитические преимущества России по сравнению с другими государствами СНГ и дальнего зарубежья сохраняют за ней статус одной из ведущих мировых держав. Ее территория охватывает две части света, российское геополитическое пространство способно связать экономически, коммуникационно, культурно ведущие регионы (центры силы) мира.

Список использованной литературы:

1. Дергачев В. А. Цивилизационная геополитика (Геофилософия). Междисциплинарный учебник для вузов.—Киев: ВИРА-Р, 2004.—672 с.
2. Эльдаров Э. М. Некоторые геополитические условия экологической безопасности Каспийского моря // Региональные аспекты социальной политики.—Махачкала: ДГУ, 2004.—Вып. 6.—С. 129–133.
3. Камилов К. Б., Эльдаров Э. М. Защитные мероприятия на дагестанском побережье Каспия // Региональные аспекты социальной политики.—Махачкала: ДГУ, 2004.—Вып. 6.—С. 76–77.
4. Гусаев М. М. Современная общественно-политическая и социально-экономическая ситуация в Республике Дагестан // Народы Дагестана.—1998.—№ 1.—С. 4.
5. Жилцов С. С., Зоин И. С., Ушков А. М. Геополитика Каспийского региона. Монография.—М.: Международные отношения, 2003.—280 с.
6. Жилцов С. С. Ресурсы Северного Каспия и политика России // Центральная Азия и Кавказ.—2003.—№ 6.—С. 118–124.
7. Магомедов Э. Ш. Нефть и политика Великобритании в Закавказье // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сб. науч. трудов. Сев.-Кавк. регионального отделения МНАБ. Вып. 2 (9).—Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2004.
8. Арухов З. С. Республика Дагестан в глобальной геостратегии конца 20 века: религиозный фактор в кавказской геополитике // Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы / Ответ. ред. А. М. Магомедов.—Махачкала, 2004.—С. 25.
9. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004).—М.: Европа, 2006.—128 с.
10. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Собрание законодательства Российской Федерации № 2 от 10 января 2000 г.—С. 699.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета.—2000.—11 июля.—URL: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html.
12. Политология: учебник / под общ. ред. В. С. Комаровского.—М.: Изд-во РАГС, 2004.—520 с.
13. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа.—М.: Междунар. отношения, 2001.—464 с.

РАЗДЕЛ IV

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

В. Ш. Авидзба

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КАВКАЗОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АБХАЗИИ

Приступая к освещению обозначенной темы, считаю нужным предварительно остановиться на двух неожиданных и, на первый взгляд, странных вопросах: первый — что такое кавказоведение, из чего оно состоит, и второй — имеет ли Абхазия отношение к кавказоведению?

Первый вопрос в последнее время актуализирован многими современными исследователями. Делаются попытки уточнить объект и структуру кавказоведения. Один из таких авторов П. А. Кузьминов рассуждает следующим образом: «Одни понимают кавказоведение как историю народов, проживающих на Кавказе, и в этом смысле оно синонимично краеведению или регионоведению. Вторые видят в кавказоведении совокупность исторических дисциплин (этнологию, археологию, источниковедение, историю и др.), занимающихся исследованием различных сторон жизни северокавказского социума. Третьи считают, что это научная литература, анализирующая историю изучения народов Кавказа, и в том смысле кавказоведение — это история исторической мысли, концепции, науки» [1, с. 5].

Мне не представляется продуктивным такое дробление. Поскольку такой путь не способствует охвату всех данных о народах Кавказа: их истории, памятниках материальной и духовной культуры, которые имеются в большом количестве, начиная с древнейших времен. Таким образом, кавказоведение, на мой взгляд, междисциплинарно и представляет собой совокупность всех данных о населявших этот регион, естественно, включая сюда и историю научного осмысления, которая по понятным причинам, возникла позднее и берет свое начало со второй половины XVIII в. [2, с. 149].

Ответ на второй поставленный вопрос будет следующим: абхазы как один из коренных народов Кавказа, чья история в этом регионе мира насчитывает несколько тысячелетий, несомненно, являются объектом существующей кавказоведческой литературы, получившей название абхазоведение. А с того момента, когда абхазские авторы вступили на тропу осмысления кавказоведной проблематики Абхазия становится и субъектом кавказоведения. Безусловно, формирование и становление абхазоведения как части более обширной кавказоведной

области на первых порах испытывала трудности «роста», что легко объясняется низким уровнем просвещения и первоочередной задачей — сбором наличного материала всего культурного наследия народа, которым были заняты пионеры абхазоведения.

Нужно подчеркнуть, что в становлении абхазоведения особая роль принадлежат таким известным исследователям, как К. П. Услар и И. А. Бартоломей, чьи работы по разработке грамматики абхазского языка, алфавита и букваря невозможно переоценить. Заметный след в абхазоведении оставили такие авторы, как И. И. Пантюхов, Ф. А. Заводский, А. Н. Дьячков-Тарасов, В. И. Чернявский, Г. А. Рыбинский, П. С. Уварова, Н. М. Альбов, К. Д. Мачавариани, П. Г. Чарая и многие др. Отдельно следует сказать о самих абхазах, которые оставили ценные свидетельства об этнографических особенностях, о состоянии просвещения и отдельных страницах истории Абхазии — С. Т. Званба, А. М. Эмухвари (Эмхаа), Н. В. Ладария и др. Несмотря на драматическое развитие событий на Кавказе во в XIX в., и особенно во второй ее половине, проводившиеся здесь мероприятия, связанные с распространением просвещения, имели позитивное значение. «Главная особенность российского просвещения, как отмечает Р. Ф. Юсуфов, — выход национальных литератур страны на всечеловеческий уровень через посредство русской литературы» [3, с. 395].

В русле поднятой темы нельзя обойти молчанием и деятельность научно-организационных и культурно-просветительских обществ, которые в разные годы функционировали в Абхазии. Это «Сухумское общество сельского хозяйства» (1898 г.), «Абхазская переводческая комиссия» (1892 г.), «Общество распространения просвещения среди абхазов» (1810 г.), Бзыпский комитет этого общества (1913 г.), «Общество любителей и исследователей природы населения Сухумского округа» и ряд др. [4]. Эти общества в разные годы осуществляли издание журналов «Вестник Сухумского общества сельского хозяйства», «Черноморское сельское хозяйство», «Черноморский селянин», «Хутор», «Труды курортной комиссии», газет — «Сухумский вестник», «Сухумские вести», «Сухумский листок», а также учебная литература на абхазском языке и переводы отдельных богослужебных книг в том числе «Евангелие» [5].

Обращает на себя внимание, что в этот период количество абхазских авторов в русскоязычной прессе увеличивается. Там мы встречаем имена С. П. Басария, Д. И. Гулиа, Н. С. Патеипа, А. И. Чукбара, А. М. Эмухвари, К. Барциц, С. М. Ашхацава, В. Г. Адлейба и др. Таким образом, налицо количественный и профессиональный рост абхазской творческой интеллигенции. А в 1912 г. выходит первый оригинальный сборник поэтических произведений Д. И. Гулиа.

Именно в этот сложный исторический момент абхазская интеллигенция была охвачена энтузиазмом накопления знаний о прошлом своего народа и поиском путей его будущего. Впервые в научный оборот вводится термин «абхазоведение». И связано это с именем академика Н. Я. Марра, чей вклад не только в абхазоведение, но и кавказоведение в целом несомненен, несмотря на все известные ошибки и просчеты, допущенные им в своем «новом учении» в языкознании.

В январе 1916 г. Н. Я. Марр в Сухуме прочел лекцию на тему «Кавказоведение и абхазский язык». Несколько позже данная лекция была опубликована в

«Журнале Министерства народного просвещения» (май 1916 г.). Именно в ней впервые и появился новый термин «абхазоведение».

В первые годы советской власти в Абхазии немало внимания уделялось науке. В 1922 г. на базе Сухумского общества сельского хозяйства создается Абхазское научное общество (АБНО). В состав этого общества входили Г. Барач (председатель), Н. А. Лакоба, С. Я. Чанба, А. М. Чочуа, Д. И. Гулиа, Н. Акиртава, Д. И. Алания и др. Общество издавало свои «Труды» и «Известия». В 1924 г. по инициативе АБНО был проведен I съезд краеведов Черноморского побережья и Западного Кавказа. В 1925 г. опять же по инициативе Н. Я. Марра — отдельное научное учреждение — Академия абхазского языка и литературы. В разные годы работой академии руководили А. М. Чочуа и Д. И. Гулиа. Академия за короткий срок выпустила в свет книги Н. Я. Марра «Русско-абхазский словарь» (1926), сборник К. В. Ковача «101 абхазская песня» (1929) и «Песни кодорских абхазцев» (1930), историко-этнографические работы Д. И. Гулиа [6].

28 мая 1930 г. Наркомпрос Абхазии принял постановление о преобразовании Академии Абхазского языка и литературы в Научно-исследовательский институт абхазского языка и литературы. 5 августа 1931 г. ЦИК Абхазии принимает решение о слиянии Абхазского научного общества с Научно-исследовательским институтом абхазского языка и литературы.

Новое научное учреждение получает название — Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АБНИИК). Руководство института возлагается на новые кадры: А. К. Хашба и В. К. Кукба (ученики Н. Я. Марра). В 1935 г. институт вновь переименован — уже в Институт абхазской культуры — и включен в систему АН СССР, ему присвоено имя Н. Я. Марра.

В 1941 г. после создания АН ГССР институт входит в систему этой академии. В 1950 г. он был переименован в Абхазский институт языка, литературы и истории и перестал носить имя Н. Марра после известной «свободной» дискуссии по вопросам языкознания и выхода в свет брошюры И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С 1960 г. институт носит имя Д. И. Гулиа. В 1994 г. институт был последний раз переименован в Абхазский институт гуманитарных исследований и введен в структуру Академии наук Абхазии.

Конечно же, беглый перечень переименований не передает историю центра абхазоведения, каким является Абхазский институт. У этого научного учреждения были взлеты и падения, вызванные различными объективными историческими причинами. Наиболее тяжелыми, к примеру, были конец 1930-х гг., первая половина 50-х гг. и 90-е гг. прошлого столетия.

В обоих случаях сложности имели один источник — Грузия. В первом случае насаждалась и пропагандировалась мысль об отсутствии этнической самобытности абхазов, навязывалась идея о том, что абхазы не что иное, как одно из грузинских племен, а «язык абхазов, как и язык других грузинских племен: мегрелов, лазов, сванов — является родственным языком грузинского языка» [7, с. 9]. Более того, придумывались всякого рода «новые учения» об истории абхазов, о том, что якобы они только в XVII в. появились на территории Абхазии с Северного Кавказа и тому подобное. Любопытно, но если даже следовать этому фантастическому «открытию», то все равно Абхазия оставалась бы объектом кавказоведения.

Во втором же случае в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. оккупационные силы не нашли ничего лучшего, как сжечь Абхазский институт и Абхазский государственный архив. Несомненно, что эта варварская акция беспрецедентна в том смысле, что преследовала цель — лишить абхазский народ исторической памяти. В огне пожара сгорели фундаментальная научная библиотека, в фондах которой хранились издания XVII в., ценнейшие архивные и экспедиционные материалы, рукописи книг, лексический фонд абхазского языка, документация, содержащая историю самого института. А уничтожение государственного архива не только не поддается какому-либо численному подсчету, но и разумному объяснению.

Как известно, на судьбу не жалуются, ибо это бессмысленно. Несмотря на всякого рода сложности и искусственно чинимые препоны, Абхазский институт в различные периоды своей нелегкой истории в зависимости от обстоятельств выполнял свое предназначение — исследование истории и культуры абхазского народа. Не буду утомлять вас долгим перечислением имен ученых и их работ. Остановлюсь лишь на самых известных. Имена таких ученых, как Г. А. Дзидзария, Ш. Д. Инал-ипа, Х. С. Бгажба, М. М. Трапш, З. В. Анчабадзе, К. С. Шакрыл, Ю. Н. Воронов, Г. К. Шамба и многих других широко известны в научных кругах далеко за пределами Абхазии. Их труды и раньше, и сейчас востребованы и пользуются спросом среди серьезных ученых-кавказоведов.

Это происходит потому, что их исследования не носили локального местного характера, а каждая, в зависимости от тематики, отражала общекавказский контекст. За примерами далеко ходить не нужно. Остановимся на наиболее наглядном. Может ли, скажем, исследование только одной национальной версии эпоса о нартах представлять научную ценность? Возможно, что да, но при этом такое исследование будет страдать национальной ограниченностью и вряд ли автор подобного труда сумеет сделать обобщающие выводы. Известный абхазский фольклорист и эпосовед Ш. Х. Салакая, присутствующий здесь, потому и стал признанным ученым, что он хорошо знаком с образцами мирового фольклора и различными эпическими сказаниями народов Кавказа и, в первую очередь, с различными национальными версиями нартского эпоса.

По аналогии с этим и строятся работы наиболее видных абхазских ученых в области филологических и исторических дисциплин. С другой стороны, есть ученые, чьи исследования напрямую касаются истории других народов Кавказа. Одним из них был воспитанник армянской исторической школы, ученик академика Гагика Хореновича Саркисяна В. Ф. Бутба, жизнь которого, по всей видимости, оборвала война. Он не успел многого, но изданные его диссертация, статьи и тезисы, несомненно, свидетельствуют, что в его лице кавказоведение потеряло талантливого кавказоведа. Другие двое воспитанников армянской исторической школы Р. А. Хонелия и Г. Г. Гумба успешно занимаются разработкой сложных кавказоведческих тем, широко используя армянские письменные источники.

Я понимаю, что вас интересует вопрос: а что же сейчас делается в Абхазском институте?

Тяжелые послевоенные годы для научной интеллигенции и, в особенности, абхазоведов-гуманитариев стали своеобразной проверкой на прочность их преданности к своей профессии. Отсутствие какой-либо исследовательской базы,

архивных материалов, научной библиотеки и, даже здания, а также потеря собственных библиотек и рукописей не сломили их, выдержали все испытания и приступили к работе. Шаг за шагом шел тяжелый восстановительный процесс. Приступили к проведению комплексных фольклорно-этнографических и археологических экспедиций, к изданию книг, начал издаваться печатный орган института «Абхазоведение». Со временем начался процесс налаживания утерянных контактов с коллегами из РФ.

На начальном восстановительном этапе серьезную помощь оказали коллективы аналогичных научных учреждений и учебных заведений Северного Кавказа, Ростова, Москвы, Санкт-Петербурга, которые передавали в дар книги для научной библиотеки.

Поначалу сотрудничество носило эпизодический характер, но с 2001 г., оно стало более системным, осмысленным и взаимовыгодным. По результатам многолетних экспедиций по районам Абхазии А. Б. Крыловым в Институте востоковедения РАН была защищена докторская диссертация на тему «Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.)». Проведенная в Сухуме в 2001 г. международная научная конференция, посвященная 75-летию юбилею института, стала заметным явлением, дав мощный импульс по налаживанию контактов с академическими учреждениями России и ее регионов. Были заключены договора с целым рядом академических институтов и вузов РФ.

В большинстве случаев эти договора носили не формальный характер, а явились основой для совместной плодотворной исследовательской работы. На территории Абхазии начали проводиться регулярные археологические раскопки памятников, принадлежащих различным историческим эпохам. Такие экспедиции проводятся совместно с учеными из Института археологии РАН, Музея Востока, Института востоковедения РАН. Результаты этих экспедиций публиковались в солидных журналах и сборниках. Ряд лет мы проводили совместные экспедиции по Абхазии с учеными из Института этнологии и антропологии. В результате этого сотрудничества издан сборник статей «Послевоенное абхазское село» и капитальный труд «Абхазы» в серии «Народы и культуры». Имеются еще несколько совместных сборников, которые находятся в производстве.

В последние годы в Сухуме, на базе нашего института, были проведены такие научные форумы, как конференции археологов, посвященные памяти Ю. Н. Воронова и М. М. Трапша, конференции, посвященные В. Г. Ардзинба, З. В. Анчабадзе, Иналиповские чтения и ряд др. Практика этих конференций показывает, что, несмотря на все сложности организационного и материального порядка, они дают возможность для обмена опытом, поиска для новых исследовательских и профессиональных взаимоотношений.

В свою очередь, за послевоенное время сотрудниками АБИГИ им. Д. И. Гулиа издано около 300 книг (в числе которых монографии, сборники статей, учебники и учебные пособия для школ и вузов Абхазии, сборники материалов и т. д.).

Конечно, в силу сложившейся ситуации, о которой говорилось выше, особое внимание уделяется нами переизданию абхазоведческих, ставших библиографической редкостью, сборников материалов — архивных, фольклорных и этнографических записей. Естественно, работаем и в плане создания обобщающих работ.

Занимаемся написанием многотомных «Грамматики абхазского языка», «Истории Абхазии», «Истории абхазской литературы» и 12-томного свода текстов «Абхазского народного поэтического творчества». Приступили и к осуществлению проекта «Абхазской энциклопедии».

Новые политические реалии обязывают абхазоведов ко многому. Если совсем недавно Абхазию называли не иначе как самопровозглашенной республикой, то сейчас она, благодаря прежде всего России, вышла на путь признания. Это обстоятельство повышает ответственность абхазских ученых-гуманитариев и требует от их работ соответствующего мировым стандартам качественного наполнения.

Абхазоведческая, а шире кавказоведческая тематика разрабатывается и на кафедрах Абхазского государственного университета. Там полноправно функционируют кафедры истории, археологии и этнологии, языка и литературы, а также ряд общественных кафедр, занимающихся исследованием актуальной абхазоведной проблематики в свете требований сегодняшнего дня.

Список использованной литературы:

1. Кузьминов П. А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы междунар. научн. конф. 13–14 октября 2005 г.—Владикавказ: СОИГСИ, 2006.—С. 5–34.
2. Черноус В. В. Интеграционные традиции и перспективы отечественного кавказоведения // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы междунар. научн. конф. 13–14 октября 2005 г.—Владикавказ: СОИГСИ, 2006.—С. 149.
3. Юсуфов Р. Ф. История литературы в культурфилософском освещении.—М.: Наука, 2005.—432 с.
4. Смыр Л. Г. Сухумское общество сельского хозяйства, 1898–1922 гг.—Абхазский гос. университет, 1996.—99 с.
5. Бебия Е. Г. Периодическая печать Абхазии (1904–1917).—Санкт-Петербург, 1997.
6. Салакая III. X. Центр абхазоведения.—Сухуми, 1982.
7. Делба М. К. К вопросу изучения языка и истории абхазов.—Сухум: Абгиз, 1951.—11 с.

И. Л. Бабич

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

1. Развал СССР и начало формирования ключевых принципов нового государственного образования — Российской Федерации привели к тому, что советская идеология, основанная на гуманистических идеях и принципе интернационализма, которая объединяла многочисленные народы огромной страны, перестала выполнять нравственные и объединяющие функции в обществе. Если в 1960–1980-е гг. ученые стали активно обсуждать возможность формирования единой нации — «советский народ», то в 1990-е гг. появилось множество «идеологий», основанных на разных идеях и ценностях. Значительная дифференциация современного российского общества, возникающая вследствие социально-экономических, политических и иных причин, привела к тому, что в России не стало общей гуманистической идеологии, которая бы объединяла граждан страны. На ее место претендует православная идеология. Во многом российскому духовенству удалось занять доминирующее место в системе ценностей, благодаря тому, что российское государство всемерно поддержало православие как религию и как систему моральных установок. Тем не менее за «бортом» остались народы, которые не придерживаются православия, и в первую очередь, это мусульманские народы, для которых ислам является традиционной религией.

2. Как нам представляется, в жизни современных горских обществ Северного Кавказа наблюдается духовный кризис, кризис моральных ценностей, своего рода «духовный вакуум» или, как подчеркнул председатель телестудии «Черкесск» в Карачаево-Черкесии И. Х. Гапоков, «разруха в душах». Один из крупных писателей КЧР ногаец И. С. Капаев подчеркивает, что народы Северного Кавказа «оказались отрезанными от общества в период так называемой перестройки». В результате этого на Северном Кавказе выросло целое поколение, при воспитании которого не были использованы позитивные идеи и ценности. Причем, как отмечает заведующий по учебной воспитательной работе в Урупской сельской школе Н. Машбашев, сами учителя отвыкли от формулирования идей и ценностей и внедрению их в воспитательный процесс.

3. В этой ситуации исламские лидеры справедливо начали формировать свою идеологию и систему ценностей, основанную на исламе, исламской морали. Тем не менее этот процесс в отличие от становления православной идеологии вместо гуманистического русла постепенно в течение второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. перетек в политический контекст. Особенно наглядно эта тенденция проявилась на Северном Кавказе. Возрождение ислама, воспринятое населением в начале 1990-х гг. и как религия, и как система моральных ценностей, привело к тому, что началось формирование «исламской идеологии». Под этим мы понимаем распространение среди горцев Северного Кавказа ценностей в области морали, социальных и даже экономических отношений, которые формируют современное общество. Мусульманские лидеры активно выступили против открытых «язв», пришедших из советского времени и во многом усилившихся в 1990-е гг., — против пьянства и наркомании.

Верующие мусульмане образовали в северокавказских республиках джамааты — мусульманские общины, члены которых стали активно следить за изменением поведения своих членов в соответствии с ценностями исламской религии. У тех мусульман, которые пришли в исламские общины в 1990-х гг., сформировалось глубокое представление о том, что современное исламское пробуждение во многом меняло нравственный климат. Многие из них признавались, что до принятия ислама вели аморальный, а иногда и криминальный образ жизни. В тех населенных пунктах, где молодежь стала активно посещать мечети, стало происходить меньше краж, драк и других преступлений, свойственных современному северокавказскому и вообще российскому обществу. В мечеть начинали ходить бывшие пьяницы, наркоманы, и некоторые из них действительно меняли свой образ жизни. Если прихожанин мечети продолжал совершать аморальные поступки, то по решению джамаата ему могли запретить посещать мечеть.

Тем не менее мусульманские лидеры в процессе внедрения исламских моральных ценностей «наступили» не только на «язвы» советского общества, но и на национальные культуры, на этнические стереотипы поведения, которые, по их мнению, противоречили исламской идеологии.

В целом, национальные культуры в современных условиях общемировой глобализации во многом утрачивают свои функции, в том числе и функцию регулятора нравственного климата в обществе. Многие традиции уже безвозвратно исчезли, многие модернизировались, и лишь немногие продолжают являться частью жизни горских обществ Северного Кавказа.

Мусульманские лидеры Адыгеи, Кабардино-Балкарии и др. республик Северного Кавказа провели своего рода ревизию национальных компонентов кавказских культур. И первое, что вызывало их неприятие — клановая структура, поскольку по исламским канонам родственный фактор не имеет первостепенного значения во взаимоотношениях внутри исламской общины. Но наибольшему вниманию мусульман подверглись традиции семейного и похоронного цикла — брак и похороны.

На Северном Кавказе до сих пор распространена форма заключения брака путем похищения невесты, к которому прибегают при наличии разногласий между родителями и молодыми. Ислам это отвергает, допуская лишь устройство брака через сватовство. Имамы относятся к этому отрицательно, и если такие пары обращаются к нему с просьбой совершить нечая, то он может и отказаться провести исламский обряд бракосочетания.

На Северном Кавказе употребление алкоголя глубоко вошло в быт и во все застольные процедуры. Молодые мусульмане пытаются ограничить его употребление. Свадьбы молодых мусульман проводятся либо вообще без алкоголя, либо организуется отдельный стол для непьющих мусульман.

Современные мусульмане не поддерживают кавказские традиции, связанные с похоронами и поминками (раздача «сумок», многочисленные поминки, раздача одежды, совершение намаза на кладбище (исключение — джаназа намаз). По мнению адыгских мусульман, следует запретить поминальные мероприятия (угощения в день похорон, 7-и и 40-дневные поминки), оплакивание в день похорон (следует только читать молитву дуа), запретить присутствие сельчан на похоронах в «еврейских» шляпах, запретить превращение процесса обмывания

покойников в мелкий бизнес (в настоящее время в аулах есть специальные люди, которые это делают за деньги).

Ревизия национальных традиций и развитие исламской культуры — не единственный метод формирования новой исламской идеологии. В ее основу были положены следующие аспекты: 1) организация системы исламского образования; 2) организация пропаганды ислама, исламских ценностей в общеобразовательных и спортивных школах; 3) формирование контингента грамотных проповедников, создание мифической истории о бытовании ислама и исламских ценностей на Северном Кавказе в XVII–XIX вв.

4. Формирующаяся исламская идеология была негативно воспринята местной северокавказской интеллигенцией, которая скептически воспринимает становление современной горской идеологии на основе исключительно ислама и исламской культуры, инициировав, в частности, в Адыгее, многочисленные дискуссии о соотношении адыгской и исламской культур, адата и шариата. Наиболее ярко дискуссия между мусульманами и адыгской интеллигенцией проявилась на страницах средств массовой информации, инициированной газетой «Адыгэ Мак», в которой в сентябре 2003 г. была опубликована статья научного сотрудника Адыгейского Института гуманитарных исследований М. Беджанова, бывшего советника Комитета по межнациональным вопросам Правительства Республики Адыгея, «Адыгейские обычаи и обряды». М. Беджанов выступил категорически против замены адыгских традиций исламскими. М. Б. Беджанов открыто выступил против адыгского репатрианта из Сирии Фаиза Аутля, который, по мнению ученого, является «эmissаром-ваххабитом», проповедующим мусульманские идеи, которые «отрицают наши обычаи и традиции». «Обычно под видом благочестивых мусульман (имеются ввиду адыги-эмигранты — И. Б.) возвращались они в родные места и начинали активную работу против адыгейских обычаев и традиции, заставляя жить только по древним мусульманским законам». М. Б. Беджанов не раз предлагал руководству Республики Адыгея следующее: «Нашу исламскую религию надо сохранять и соблюдать в том виде, в каком соблюдали ее наш и отцы и дети. . . Она не нуждается в каких-либо изменениях и подменах». Его поддержал историк Аскер Сохт, руководитель республиканской Адыгэ Хасэ и издатель районной газеты «Наша республика» (Тахтамукаевский район), опубликовав в своей газете статью Р. Гусарука «Исламизм или адыгство, что возьмет верх».

5. В ходе распространения ислама на территории Северо-Западного Кавказа не раз были конфликты между мусульманами из-за некоторых «несоответствий» адыгской и исламской культур. Ислам всегда модернизирует этническую жизнь. Разумеется, ханафитский толк — наиболее толерантный по отношению к этническим культурам, но и при его распространении в ходе истории в адыгском обществе не раз возникали разногласия между пожилыми мусульманами, более консервативным поколением, и молодыми реформаторами. В частности, институт почитания старших и в прежние века вызывал у мусульман неприятие. Интересный материал приводит Крым-Гирей, посетивший одну из мечетей натухайского селения Кудако еще в XIX в. «Полагая, что на молитвах черкесы не так строго соблюдают чинопочитание, как в обыденной жизни, я стал по левую сторону какого-то горца. Мулла помолился, сидя на коленях и приветствовал,

перебирая четки, ангелов — Джибразли и Рахмет, охраняющих, по нашему учению, от поползновений сатаны. В это время он заметил, что я стою не на своем месте. Мулла обратился к моему соседу со словами: Грешный! Аллах не примет твоей молитвы, если будешь так нагло изменять обычаям твоих отцов, как ты изменяешь им в настоящую минуту: ты стоишь по правую сторону человека, который к тебе слишком снисходителен и которого ты должен уважать».

6. В результате того, что процессы исламского возрождения приняли «восточную форму» ислама, горские общества Адыгеи и Кабардино-Балкарии оказались идеологически и организационно расколотыми. Идеологическая ориентация молодежного корпуса мусульман на страны Ближнего Востока стала очевидна уже к концу 1990-х гг. Тогда как остальное мусульманское население Адыгеи и Кабардино-Балкарии по-прежнему придерживалось российской ориентации и активного участия в социально-экономической и политической жизни России в целом.

Подобные негативные процессы, которые появились к концу 1990-х гг., привели к тому, что ислам во многом перестал быть для населения Северного Кавказа «привлекательным» в качестве системы ценностей, общественной морали. В результате борьбы с радикальными исламскими движениями и деятельностью радикальных мусульман ислам в значительной мере потерял свое влияние и авторитет среди населения.

Очень показательна в этом отношении беседа с одним из современных молодых мусульманин А. Х. Ч. из абазинского селения Псыж, которая имели место в 2007 гг. в Карачаево-Черкесии. Селение Псыж — крупное, в нем проживает около 8 тыс. человек. В селении функционирует одна мечеть, строится новая мечеть. В мечеть по пятницам посещает 50 человек, по праздникам — 100 чел. Членами данной мусульманской общины являются 90% молодежи, 10% — стариков. По мнению абазинского мусульманина А. Х. Ч., у современных абазин горский менталитет исчезает, практически отсутствует национальная идеология, поэтому этот вакуум следует заполнить именно исламской идеологией и исламскими ценностями. Единственное, что мешает это сделать — нынешнее российское телевидение, которое «оболванивает массы». Следствием этого оболванивания является то, что «жители нашего селения хотят только одного — развлечений». В результате таких взглядов на жизни мусульмане Псыжа живут изолированно, в семейных и общественных праздниках односельчан не участвуют и чувствуют себя изолированно от большинства населения, которое живет жизнью обычных россиян с отдельными элементами национальных традиций.

В то же время важно отметить, что северокавказская интеллигенция — художники, писатели, композиторы, которые в советские годы были «властителями» дум народов Северного Кавказа, практически не восприняли ислам. Например, известный кабардинский художник Руслан Цримов отводит исламу малую нишу. По его мнению, ислам и исламская культура никак не может оказать достаточно сильного воздействия на формирования современной горской идеологии прежде всего в силу исторической слабости на Северо-Западном Кавказе.

Объясняется это целым рядом причин, среди которых сложность соблюдения основ ислама, в частности, пятикратный ежедневный намаз не так просто делать постоянно, предпочтение исламским ценностям национальных и др. Северокав-

казская интеллигенция, не приняв ислам и не поддержав исламские ценности, в то же время и не начала осуществлять попытки поиска новых идентичностей, нового фундамента, новой идеологии, которая была бы способна объединить людей для строительства нового строя и новой экономики. В основном они по-прежнему, как в советские годы, апеллируют к национальной истории и традициям, к горскому этикету. В результате местная творческая и научная интеллигенция, главным образом среднего и старшего поколения, в течение 1990-х гг. в значительной степени потеряла свой авторитет в обществе и среди «законодателей» морали.

По мнению кабардинского художника Р. Цримова, профессиональная культура вообще не способна сформировать современную горскую идентичность и современную горскую идеологию. В настоящее время не только в Кабардино-Балкарии, но и на всем Северном Кавказе, как считает Р. Цримов, наблюдается этнический хаос, и эпоха культурной и идеологической глобализации практически неизбежна. Художника поддерживает и кабардинский писатель Борис Кагермазов. В ходе личных бесед с автором статьи Б. Кагермазов признает значительное падение интереса читателей к профессиональной культуре (как кабардинской, так и балкарской) вообще и литературы, в частности, и ослабление влияния творческой интеллигенции ее роли в формировании общественной идеологии. Чтение произведений национальных писателей происходит только в рамках школьной программы. Во взрослом состоянии и кабардинцы, и балкарцы практически не читают национальную художественную литературу на национальных языках, в лучшем случае — они обращаются к ним в переводе на русский язык. В настоящее время национальная литература действительно не может соперничать с массовой литературой, популярной во всей России, например, книгой «Кремлевские жены».

Совершенно очевидно, что распространение исламской идеологии и исламских ценностей несколько не противоречит гуманистической идеологии, однако активизация радикальных исламских движений в 1990-х — начала 2000-х гг. способствовала зарождению антироссийских настроений, поскольку в основу данных движений был положен враг в лице России, российских властей и россиян, против которых были направлены теракты, имевшие место в различных регионах Российской Федерации в этот период. Особенно сложным в этом было то, что членами радикальных движений стала молодежь, т. е. та возрастная группа, которая и будет формировать общественное мнение в ближайшие десятилетия.

7. В 2000-х гг. наблюдается и попытка формирования идеологии, основанной на национальных культурах. За основу адыгской национальной идеологии взят горский этикет — так называемый адыгэ хабзэ, адыгагэ, под которым подразумеваются такие институты как уважение к старшим, родителям, скромность, этикет «избегания», определенное поведение родителей по отношению к детям. На Северном Кавказе бытует мнение среди наших информаторов, что «любые нормы общечеловеческого характера можно подвести по адыгэ хабзэ». Главное, с точки зрения информаторов, в адыгэ хабзэ — понятие «стыда», при котором человек что-то неправильно сделал. Интересно мнение об адыгэ хабзэ, об адыгстве педагога из Лазаревского района Краснодарского края Н. А. Боус: «Страна адыгов Черкесия была могущественной и значительной страной Евразии. В середине XV в. Черкесия достигла высокого могущества. . . Что такое адыгагэ? (адыг-

ство) — пример для подражания всех соседних народов: поведение в доме, семье, гостях, в дни торжеств, в случаях траура, отношение к друзьям, родственникам, знакомым, почитание старших, женщин, поступки людей по обстоятельству, вежливость в общении с людьми, храбрость в ситуациях, необычайная естественная скромность, готовность оказывать помощь нуждающемуся в ней, бескорыстное гостеприимство, умение трудиться, вести хозяйство и воспитывая детей. . . »

Все эти моральные нормы собраны в школьном учебнике «Основы адыгского этикета», изданном на адыгейском языке. Данный предмет преподается в школах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и в адыгейских сельских школах Краснодарского края, в частности, в Успенском, Лазаревском и Туапсинском районах как факультативный урок. Предмет очень популярен среди школьников, особенно среди девочек, тем не менее многие из представленных в учебном пособии нормы этикета неприменимы в современном обществе, в частности, по адыгскому этикету муж и жена не могут вместе показываться «на людях», в обществе или супруга не имеет права находиться вместе с матерью своего супруга в одном помещении и т. д. Приведем мнение заведующего по учебной воспитательной работе в сельской школе аула Урупский Успенского района Краснодарского края Нальби Машбишева. Он считает, что в современном обществе вполне могут быть востребованы такие нормы Адыгэ Хабзэ, как сдержанность, уважение к старшим - непрекословие, взвешанность, этикет между мужчинами и женщинами - женщина не имеет права переходить дорогу мужчине и т. д.

8. Для того чтобы показать характер соотношения исламской, национальной и российской идеологии, обратимся к данному мне интервью Исхаком Шумафовичем Машбашем, крупнейшим писателем России, председателем Союза писателей Республики Адыгея. Исхак Машбаш признает, что современные горцы испытывают «неразбериху в общественном мнении». Размышляя о путях выхода из этого духовного кризиса, И. Ш. Машбаш считает, что несмотря на увлечение в современном обществе адыгэ хабзэ, «мы его теряем», в то же время и ислам, исламские ценности большинством общества на Северном Кавказе не принимаются. Поэтому следует опираться и развивать общечеловеческие ценности — любовь к земле, к небу. Один из крупных писателей КЧР ногаец И. С. Капаев придерживается модели гражданского общества с доминированием «общечеловеческих ценностей».

9. Отметим, что в целом формально в регионе существует общественная идеология. На современном Северном Кавказе наблюдается характерная для СССР официальная общественная идеология, поддерживаемая на государственном (республиканском) уровне, которая опирается на девизе «Наш общий дом — Кавказ», «Кавказ и Россия — едины». В настоящее время на Северном Кавказе широко поддерживается на государственном уровне идея интернационализма, дружбы народов, толерантности. В частности, в Карачаево-Черкесии согласно Указу Президента КЧР от 19.09.2003 г. № 63 установлен «День единения народов Карачаево-Черкесской Республики». Президент КЧР М. Батдыев отмечает: «Представители около 100 национальностей, проживающих на территории республики, объединены не только общей землей, вековыми традициями, обычаями, но и общей историей, общей судьбой. Мы гордимся своим прошлым и бережно относимся к наследию, которое досталось от дедов и отцов, завещавших нам вечные

ценности: дружбу и куначество между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Республике важно сохранить прежде всего мир и стабильность...» На Северном Кавказе проходят многочисленные семинары, конференции и других мероприятий по теме «Культура мира и толерантность: диалог культур». Педагог Н. Машбашев подчеркивает, что официальная общественная идеология во многом возрождает отдельные элементы советской идеологии, в том числе и пионерские организации.

Тем не менее в действительности единственная современная общественная идеология, как метко заметил Председатель Российского Радио ВГРТК по КЧР Михаил Накохов, состоит в том, «как выжить». Председатель телестудии «Черкесск» И. Х. Гашоков справедливо подчеркивает, что идея толерантности есть, но самой толерантности в обществе нет. Очевидно, что во многом официальная общественная идеология является скорее декларацией, чем «работающей» моделью поведения людей в обществе.

Между тем в контексте национальных интересов России на Северном Кавказе одним из ключевых факторов успеха их реализации является создание общечеловеческого гуманистического идеологического фундамента, который бы объединял народы региона с остальными россиянами, создавая пророссийски настроенное общество.

ВЕХИ ЕДИНЕНИЯ КУЛЬТУР НАРОДОВ КАВКАЗА

Кавказ с древнейших времен был этнически пестрым регионом. Его знали и посетили знаменитые античные и древневосточные исследователи. С их легкой руки Кавказ вошел в древнюю письменную традицию как «гора языков и народов». Общеизвестно, что кавказские языки — совокупность около сорока древнейших автохтонных, т. е. неиндоевропейских, нетюркских и несемитических языков Кавказа. Они подразделяются на три группы — абхазо-адыгскую, картвельскую и нахско-дагестанскую, внутреннее генетическое единство каждой из которых не вызывает сомнений.

За прошедший XX в. археологами, антропологами, этнографами, лингвистами, представителями других смежных наук на Северном Кавказе выявлены уникальные материалы, заставляющие кавказоведов признать существования определенного культурного единства древнейших местных племен. Последние, в частности, в III тысячелетии до н. э. одновременно заселяли Дагестан, Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию и южные районы Ставропольщины и Краснодарского края. Эта общность имела активные культурно-экономические связи с племенами Юго-Восточной Европы, а на юге — теснейшие контакты с синхронной ей культурой Закавказья и Малой Азии [1, с. 72], [2, 3]. Синкретический характер двух выдающихся археологических культур — куро-аракской и майкопской наиболее ярко прослеживается на примере изучения многих бытовых и погребальных памятников контактного региона [4, с. 365]. Это свидетельствует о том, что развиваясь во взаимоотношениях между собой и с культурами смежных территорий, племена раннебронзового века Закавказья и Северного Кавказа создали оригинальные культуры [4, с. 409], [5].

«Закавказье и Северный Кавказ, — пишет Х. А. Амирханов, — в своем историческом прошлом обладали культурными характеристиками, как объединяющими их с соседними регионами, так и отличающими. Что касается внешних культурных влияний, то в одни эпохи Кавказ (особенно северная ее часть) оказывался больше открытым в сторону Европы, а в другие — Ближнего Востока. Уже в материалах древнего каменного века (палеолита) просматривается соседство на Кавказе культурных проявлений, свойственных как Передней Азии, так и Европы. А в неолите (новом каменном веке) Северный Кавказ становится источником культурных импульсов, достигающих нижнего Поволжья и, возможно, Приазовья.

На раннем этапе периода бронзы Северный Кавказ оказывается в орбите культуры Ближнего Востока и одновременно сам выступает в качестве своеобразного ретранслятора достижений наступившей эпохи металла в сторону предкавказских степей. А вот в эпоху средней бронзы уже элементы степной культуры внедряются достаточно глубоко в горы. В это время прослеживается заметная дезинтеграция культуры, которая к концу эпохи приводит к образованию в горных районах локальных и достаточно замкнутых образований. В такие отрезки

истории культура приобретала черты наибольшей местной специфики, а ее относительная изоляция способствовала существенному замедлению развития» [6, с. 4–5].

Особенно выразительно выступает культурно-историческая общность дагестанских и нахских народов. Более наглядно это прослеживается на примерах гинчинской, каякентско-харацоевской и других археологических культур. Преемственность этого единства не менее наглядно демонстрируют и памятники региона скифо-сарматского и раннесредневекового периодов. Всесторонняя разработка ретроспективного взгляда на конкретные данные из могильников Дагестана и Чечни позволяет воссоздать достаточно объективную картину взаимоотношений между населением гор Чечни и Дагестана и теми, кто проживал в более низменных районах. С другой стороны, с древнейших времен народы Северо-Восточного Кавказа имели постоянные контакты с земледельческими цивилизациями Ближнего Востока и Закавказья, а также с подвижными скотоводческими племенами Юго-Восточной Европы [7, с. 10], что положительно сказалось на местном земледелии, металлургии, металлообработке и ряде отраслей ремесленного производства. Кроме того, генетическое родство нахско-дагестанских языков сегодня безоговорочно признается всеми лингвистами-кавказоведами. При обзоре всех исторических вех древней и средневековой истории народов рассматриваемого региона наиболее ярко высвечиваются страницы той истории, в которой прослеживаются сложные, но в целом положительные связи автохтонов Северного Кавказа с гигантским миром кочевников. Начало этим контактам было положено носителями ямной и катакомбной культур эпохи бронзы, но более выразительными они стали начиная с киммерийцев (IX–VII вв. до н. э.). Обширная территория предгорно-плоскостной зоны Северного Кавказа киммерийцами «была прочно включена в орбиту связи кочевого и оседлого населения Евразии и стала местом выработки оригинального опыта взаимодействия автохтонов и кочевников в рамках сложившейся еще бронзовом веке системы «горы–степь». В этом процессе северокавказские культуры играли роль творческих преобразователей и ретрансляторов культурных импульсов, шедших из центра Закавказья, Малой Азии, Подунавья, восточно-евразийских районов, развивая полученные формы на основе собственного богатого культурного опыта» [8, с. 179].

В последующие века на Северном Кавказе побывали скифы, сираки, аорсы, савроматы, сарматы, аланы, гунны, хазары, кипчаки, монголо-татары, полчища Тимура. Все они в той или иной степени оставили свой след в материальной и духовной культурах местных народов [9].

Невозможно не согласиться с известным кавказоведом М. Р. Гасановым, считающим, что исторические судьбы народов, населяющих Кавказ, оказали влияние и на духовную общность, уходящую в глубь веков. Отсюда признание и оправданность линии на совокупность и целостное осмысление истории и культуры народов Кавказа. Уникальность Кавказа в том, что он лежит на стыке Европы и Азии. Здесь произошла встреча и идет постоянный диалог и взаимопонимание культур Востока и Европы. Народы Кавказа в процессе длительного исторического развития жили не изолированно, а наоборот, поддерживали тесные отношения как между собой, так и с соседними народами. Поэтому нельзя создать научную историю этих народов, не изучив вопросы их взаимоотноше-

ний [12, с. 5–9]. Более того, на основании изучения инородных элементов оружия, украшений, выявляются внешние культурные, экономические, политические связи Северного Кавказа с Византией, сасанидским Ираном, Закавказьем, Центральной и Юго-Восточной Европой и Прикаспийскими степными регионами. Все это свидетельствует о включении древнего населения Северного Кавказа в общеевропейский и Восточный культурные ареалы в древности и в средневековье, особенно в период великого переселения народов [13, с. 4].

Таким образом, исторический опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов Кавказа имеет проверенный веками исток, питавшийся данными материальной и духовной культурами разных этносов.

Многим агрессивным зарубежным силам сегодня не нравится то, что после небывалых кризисных потрясений и локальных войн конца XX в. и первого десятилетия XXI в. народы Северного Кавказа остались в составе Российской Федерации и готовы защищать ее целостность. Последнее есть еще одно доказательство тому, что у народов Северного Кавказа всегда были сильны объединительные тенденции, которые постоянно преобладали над факторами разъединительного характера [12, с. 8], и, следовательно, сила и мощь народов как Кавказа, так и всей России в их единстве.

Список использованной литературы:

1. Крупнов Е. И. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока // Вестн. истории мировой культуры.— М., 1958.—№ 1.—С. 72–82.
2. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА.—1964.—№ 1.—С. 38–39.
3. Багаев М. Х. Истоки общности духовной культуры народов Северного Кавказа // Тез. выступлений на республиканской научно-практической конф. «Великий Октябрь. Социалистические преобразования в Чечено-Ингушетии».—Грозный, 1987.—С. 61–63.
4. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века.—М.: Наука.—415 с.
5. Багаев М. Х. Археологические культуры и проблема этногенеза вайнахов // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докладов.—Орджоникидзе, 1986.—С. 23–24.
6. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры.—Тула, 2003.—С. 4–5.
7. Гаджиев М. Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы).—М.: Наука, 1991.—264 с.
8. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-восточной Европы в предскифскую эпоху (IX—первая половина VII в. до н. э.).—Армавир, 1999.—400 с.
9. Багаев М. Х. Правайнахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.—Махачкала, 1988.—С. 18–19.
10. Багаев М. Х. Место Чечни в древних цивилизациях // Первая археологическая конф. Кавказа: Краткие содержания докл.—Тбилиси, 1998.—С. 55–56.
11. Багаев М. Х. Аборигены Кавказа и кочевники // Вторая археологическая конф. Кавказа. Кавказ и степной мир в древности и в средние века: Материалы междунар. конф.—Махачкала, 1999.—С. 19–20.
12. Гасанов М. Р. Дагестан и народы Кавказа в V–XV вв. (некоторые вопросы этнической общности, расселения и взаимоотношений).—Махачкала, 2008.—С. 5–9.
13. Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV—середине VI в.—М.: ИА РАН, 2009.—С. 4.

ТВОРЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Октябрьская революция 1917 г. завершилась установлением Советской власти, дальнейшее развитие которой зависело от ее способности не только проводить эффективную социально-экономическую политику, но и созидать устойчивую культурно-ценностную базу государства.

Осознание острой необходимости в формировании новых смысловых структур социалистического государства заставило коммунистическую партию мобилизовать всю свою идеологическую силу на решение данной задачи, что и стало катализатором мощной энергии, аккумулированной творческим сознанием 20–30 гг. прошлого столетия. Это ставит нас перед серьезной проблемой, связанной с необходимостью поиска источника этой энергии. Дело в том, что октябрьские события сами не могли стать исходной точкой ее движения, напряженного трансформацией структурно-содержательных смыслов общественного сознания. Они стали ее взрывным моментом, ускорившим процесс коренных преобразований социально-экономических, культурно-идеологических устоев общества. Предпосылками же октябрьского переворота явились те процессы, которые определили общественный ритм российских, в том числе и дагестанских, народов во второй половины XIX в.

Как известно, в XIX в. Дагестан входит в новый социокультурный процесс, заданный потребностью в переориентации смысловых структур общественного бытия горских народов. «В самом начале XIX в., — пишет автор «Истории лакской литературы» С. Х. Ахмедов, — Дагестан оказался в орбите внутренней и внешней политики Российской империи. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г. Персия отказалась от значительной части Кавказа в пользу России. Дагестан официально оказался в составе Российской империи. Однако до реального присоединения Дагестана к России было еще далеко. Только в 1859 г. ... Дагестан окончательно вошел в состав Российской империи» [1, с. 72]. В результате ускоряется развитие капиталистических отношений, которые проникают во все сферы жизнедеятельности горцев. Так, например, «в конце XIX в. в Дагестане возникли крупные предприятия. За короткий период в Петровске возникла хлопчатобумажная фабрика, оснащенная новейшей технологией. В 1903 г. здесь было занято 895 рабочих, а сумма произведенной продукции достигла 750 тыс. руб. В 1905 г. фабрика дала около 681 продукции обрабатывающей промышленности Дагестана. Она заняла видное положение в сбыте грубых тканей в Дагестане, Средней Азии и Иране. В начале XX в. сложилась, хотя и очень слабая, фабрично-заводская промышленность, которая была представлена в 1905 г. 68 предприятиями, вырабатывающими промышленную продукцию на сумму 1 млн. 251 тыс. руб.» [4, с. 16–17].

Переход на капиталистические рельсы развития обнажил необходимость реформирования аграрного хозяйства, судебно-административной системы, которое сопровождалось коренной ломкой веками устоявшихся мировоззренческих ориентиров горских народов. В результате в творческом сознании горцев вырабатывается рефлексия, высвечивающая сомнение в устойчивости собственных культурных ценностей. Это и делало его равнодушным к смыслам средневековой традиционной культуры, в сопричастности к которым оно в течение нескольких столетий реализовало свою субъективность.

К разрыву с традиционной средневековой культурой способствовало и распространение в Дагестане просвещения. Активизировав смысл человеческого разума в гносеологической картине, оно поставило разум выше божественной истины, передало ему значение абсолюта. Известный философ и историк Н. Бердяев увидел в «просвещении» разрушительную для традиционного общества силу. Подчеркивая антиисторичность «просвещения», философ отмечает, что «эпоха «просвещения» есть в жизни каждого народа, когда ограниченный и самонадеянный человеческий разум ставит себя выше тайн бытия, тайн жизни, тех божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов земли. И вот в эпоху «просвещения» начинается постановка человеческого разума вне этих непосредственных тайн жизни над ними. Для этих эпох характерна попытка сделать малый человеческий разум судьей над тайнами мироздания и тайнами человеческой истории. При этом, конечно, человек выпадает из непосредственного пребывания в историческом. Эпоха «просвещения» отрицает тайну «исторического». Она отрицает «историческое» как специфическую реальность. Она его разлагает, производит над ним такие операции, что оно перестает быть той первоначальной целостной реальностью, которая и делает его историческим. Она разобщает человеческий дух и человеческий разум с «историческим»» [2, с. 7].

Но следует отметить, что просвещение за столь короткий период не могло стать доминантной силой творческого мировоззрения горских народов и, естественно, не могло вытеснить веками сложившихся его культурных смыслов. Однако актуализация смысловых установок просвещения, сопровождающаяся расширением буржуазно-капиталистических экономических отношений, напрягает творческую мысль, погруженную в противоречивый ритм собственной неустойчивости. Подчеркивая решающую роль национально-революционной интеллигенции в формировании единого культурно-информационного пространства горских народов начала XX в., исследователь дагестанской публицистики З. К. Магомедова отмечает следующее: «Преемственность дагестанской культурной мысли с арабо-тюркско-персидской общностью продолжает сохраняться, но все более влиятельными оказываются иные каналы, приведенные в действие самим ходом истории. Традиционные литературные и культурные связи накладывались на вновь возникшие, которые оказывались более адекватными в объективной историко-социальной реальности и были связаны не только и не столько с проблемами художественного порядка, но и проблемами просвещения, освоения новых исторических реалий» [7, с. 25].

Обращенная к своему внутреннему драматизму, вызванному переживанием разрыва с ценностными смыслами средневековой традиционной культуры, твор-

ческая энергия лишается источника генерации, в результате ее объективность перестает выдавать смысл культурной идентичности. Автор монографического исследования «Аварский романтизм: конец XIX — начало XX вв.» Ч. С. Юсупова видит национально-художественные предпосылки возникновения и развития аварского романтизма в наметившейся в горах смене феодальных общественных отношений с их узко территориальным, сословным, патриархально-семейным закреплением личности капиталистической системой с ее едиными для всех товарно-денежными отношениями. «Горец, — пишет ученый, — отрывался от своей среды, но не мог войти и в устойчивый контакт с новой жизнью, ибо буржуазные отношения еще больше разъединяли людей, отчуждали человека от общества, не давали ему прочных и надежных связей. На этой неустойчивой, неоднородной, крайне противоречивой общественно-исторической основе складывается в небывалом богатстве интенсивности и разнообразии художественная жизнь. В то время как для периода народно-освободительной борьбы подчинение общества на многие годы одной-единственной цели и задаче сопровождалось явлениями замедления, замирания литературного процесса, взрыв, произошедший после поражения, выплеснул на поверхность волну самых разнообразных поэтических поисков и открытий, где в сложном симбиозе одновременно сосуществовали различные художественные методы и направления: возрожденческие, просветительские, рационалистические, реально-чувственные, лирические, романтические» [9, с. 18–19]. Таким образом, творческое сознание горских народов теряет чувство собственной культурной целостности, в противоречивости которого высвечивалась и напряженность процесса социализации формировавшихся с проникновением в Дагестан буржуазно-капиталистических отношений новых экономических слоев и классов, ставших уже носителями определенных субкультурных элементов. В этом отношении традиционная средневековая культура сохраняет свою существование в качестве субкультуры религиозно ориентированной части населения.

Выход из культурного лона средневековья активизировал индивидуальное сознание, воспринимающее традиционные ценности как непосильное бремя из-за их отчужденности от естественных проявлений человека [8, с. 39].

В индивидуализации творческого сознания горских народов немаловажное значение имело и формирование рабочего класса, которое было связано, в первую очередь, с начавшимся в Дагестане процессом урбанизации. «В трех городах области, — отмечается в «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней», — в начале XX в. (данные за 1903 г.) проживало 47,5 тыс. человек, в том числе в Дербенте — 20,8 тыс., Петровске — 17 тыс., Темир-Хан-Шуре — 9,4 тыс. ... В 1913 г. население городов возросло до 78,5 тыс. человек. Рост городского населения намного опережал рост населения области вообще, что было связано с превращением городов в торгово-промышленные центры.» [4, с. 5]. Развитие промышленности, которая в основном сосредотачивалась в крупных городах, способствовало появлению нового социального слоя, который сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе дагестанских народов. Именно процесс социализации рабочих рождает человека массы (Хренов Н. А.), феномен которого становится объектом пристального исследования многих ученых-культурологов. Ученые связывают активизацию массы с кризисом традиционных институтов и структур.

Так, например, Н. А. Хренов, обращая внимание на факторы, активизировавшие массы в конце XIX — начала XX вв., характеризует рубеж двух столетий как время радикальных общественных изменений и рождения «открытого» общества. Это, по мнению ученого, свидетельствует о кризисе традиционных обществ и соответствующих им социальных институтов, «а следовательно, о бессилии старой элиты разрешить противоречие с помощью традиционных способов. Старую элиту больше никто не слушает. Молчаливое большинство из вedomого элемента превращается в элемент ведущий. Масса демонстрирует анархический инстинкт, оказываясь в оппозиции по отношению к власти» [8, с. 35]. Для нас особый интерес представляют выводы ученого, выделяющие те признаки психологии массы, которые, по его мнению, определяют и контакты массы с искусством, и логику художественного процесса. Наиболее часто отмечаемым признаком массы культуролог считает регресс сознания к архаическим стадиям, являющийся следствием отказа от структурных доминант традиционного общества и возвращения к природной стихии, к ценностным смыслам коллективного сознания.

Наше стремление заострить внимание на феномене коллективного сознания связано и с желанием прояснить причину еще одного явления, характерного для дагестанских литератур второй половины XIX в. Это всплеск интереса к устному народному творчеству.

Творческое сознание горских народов, переживающее внутренний разлом, сталкивается в XIX в., об этом уже было отмечено, с очень серьезной проблемой, ставившей его перед необходимостью реализации собственной ценностной идентичности. Ощущение остроты данной проблемы и вынудило его обратиться к разным методологическим конструкциям: возрожденческой, просветительской, реально-чувственной, романтической (Ч. С. Юсупова). Однако, вырвавшееся на свободу коллективно-творческое сознание не могло проявить свою стихию в застывших логических формах. Предпочитающая культурным традициям природные влечения коллективная энергия возвращается к архаическим формам, равнодушным бытийным проблемам личности. В результате актуализируются смыслы устного народного творчества, отражающие суть коллективного сознания, в объективности которой высветивались происходящие во второй половине XIX в. в социально-экономической жизни Дагестана процессы. Переход на капиталистическое русло развития сопровождался появлением крупных промышленных мануфактур и фабрик, вследствие чего кустарное ремесло вытесняется производством товаров массового употребления. Все большее число населения вовлекается в коллективные формы производственной деятельности, в чем заключается и социальная природа фольклора. «Социальная сущность фольклора, — пишет исследователь эстетической доктрины устного народного творчества В. Е. Гусев, — состоит в том, что он является духовным творчеством производителей материальных ценностей, непосредственным идеологическим обобщением их трудового опыта, их общественной практики, непосредственным выражением их мировоззрения, морали, эстетических вкусов. Именно в потребности у трудящихся непосредственного выражения своей психической жизни и лежат прежде всего стимулы их духовного творчества. Объективным условием этого творчества является общественный характер производства, коллективные формы производственной деятельности самих масс и коллективизм всей народной жизни.

Особенностью этого творчества является его неразрывная (прямая или опосредованная) связь с коллективными формами производственной деятельности масс с их общественным бытом, с обрядами, обычаями, праздниками, традициями» [3, с. 16].

В устном народном творчестве горцев появляются песни, прославляющие героического прошлого горских народов. Обращенность к героическим страницам истории Дагестана активизирует историческую память, содержание которой объективирует сплоченность горцев перед угрозой внешнего врага.

В героических песнях, как и других произведениях народного творчества, в субъективном начале поглощена индивидуальная определенность, потому оно отражает коллективную стихию, в объективности которой мыслится историческая реальность, ставшая ценностным смыслом массового сознания. В активизации этого смысла конструируется поэтическая реальность героических песен, которая и обнаруживает мощь коллективного духа, олицетворяющего уже мужество и героизм защитников Родины.

Но особого расцвета во второй половине XIX в. достигает рабочий фольклор. Это было связано с растущей социальной активностью формирующегося в экономическом пространстве Дагестана рабочего слоя. Вовлеченность общественного сознания горцев в единое культурно-информационное и социальное пространство России обнажила необходимость в проведении очень серьезных экономических реформ, которые и предопределили, как было указано выше, ведущую роль рабочих в социально-политической жизни горских народов.

Однако следует отметить, что социализация этого же класса породила и проблему, связанную с необходимостью объективизации его исторической субъективности. Решением этой проблемы могло быть структурирование некоего субкультурного пространства, которое, поглотив активизировавшуюся энергию коллективного сознания, должно было стать основой нового художественного универсума, уже в культурных границах всего Дагестана. Была ли решена эта задача? Понимая, что ответ на этот вопрос требует более глубокого изучения социально-экономических, политических и культурно-эстетических процессов, происходивших во второй половине XIX в. в Дагестане, — а это не может быть осуществлено в рамках одной статьи — отметим лишь некоторые моменты, которые способствовали к отклонению творческого сознания от логики собственного внутреннего развития.

Общеизвестно, что рабочий класс как социально-экономическое явление не был характерен для хозяйственной жизни средневекового Дагестана. Потому процесс социализации рабочих сопровождался отчуждением от прошлого хозяйственного опыта горских народов, что делало их в качестве социальной группы невосприимчивыми к культурным традициям средних веков. Об этом свидетельствует и анализ рабочего фольклора.

Если в героических произведениях коллективное творческое начало обращено к историческому прошлому, то в основе поэтической реальности, конструированной в информационном пространстве рабочих песен, положено настоящее время. Однако, коллективная сила, обращенная, в первую очередь, к архаическим уровням сознания, не может реализовать свою стихию в настоящем, что делает необходимым индивидуализацию субъектного начала, поэтому исполнителем

песен является или невеста, или жена, или сестра рабочего:

Бакуд кьулал бадамдин тар,

Яд галачиз кьуразава.

Яр Бакудай хкведалди,

Зи рик1 кьене ц1уразава [5, с. 102].

В середине Баку стоит бадановое дерево,

Без воды высыхает.

Пока милый придет из Баку,

Мое сердце растает.

(Подстрочный перевод с лезгинского языка А. М. Ганиевой.)

Исполнительницей этой песни является возлюбленная рабочего, которая тоскует по любимому, потому содержательное поле песни образуют чувственно-эмоциональный мир, характерный ей в настоящее время, т. е. во время исполнения песни. Как отмечает Д. С. Лихачев, «народная песня поет о том, что думает ее исполнитель в момент исполнения о его положении в настоящее время, о том, что он сейчас делает. Вот почему содержанием народной лирической песни так часто бывает само пение песни, плач, жалобы, обращение и даже крик. Исполнитель песни поет о том, что он поет. Это зеркало, отраженное в другом зеркале до бесконечности» [6, с. 22]. Сам поэтический объект (любимый — рабочий) выведен из информационного пространства песни, потому в его объективности снята социальная напряженность, которая и высвечивает суть коллективной стихии, ставшей уже равнодушной к настоящему. Дело в том, что процесс страфикации рабочего класса шел не только с крайне низким уровнем его материальной обеспеченности и защищенности, но и утверждением этого положения в социально-классовой иерархии общества. Это и породило у него крайне негативное отношение к настоящему, которое и отразилось в рабочих произведениях.

Таким образом, и отрешение от прошлого, загруженного тяжестью собственных культурных смыслов, и отчуждение от настоящего, в ценностном поле которого и должна была происходить трансформация канонических символов средневековья в новый культурный универсум, не благоприятствовали к трансцендированию в иное (Г. Л. Тульчинский) сознания вовлеченных в противоречивый, динамичный процесс собственной социализации рабочих масс, в необходимости которого мыслилась потребность во времени, которым, однако, исторический ход событий в Дагестане, ставшим частью единого информационно-содержательного пространства России, уже не располагал. Но, парадокс исторического движения конца XIX в. заключался в том, что именно на рабочий класс была возложена доминирующая роль в революционных преобразованиях политических, социально-экономических, культурно-идеологических устоев общества. А рабочий класс в России, особенно в Дагестане, не был вовлечен, как было уже отмечено, в устойчивый ритм собственного внутреннего развития, потому его социализация генерировала стихийную, неотрефлексированную энергию, «обуздание» которой могло дать взрывной характер историческому процессу. Именно поэтому рабочим была отведена ведущая роль в новом глобальном идеологическом проекте, предложенном основателями марксизма и ленинизма, — коммунизме.

Проявив колоссальную социальную активность, победившее в революции поколение не менее активно взялось за созидание духовных ориентиров перво-

го в мире социалистического государства, в активности которых высвечивался весь драматизм творческого сознания, погруженного в пучину коммунистической идеологии. Оно отвернулось от проблемы собственной бытийной разобщенности; в результате внутренний инстинкт, обнаруживающий раздробленность его сущности, был поглощен напряженностью общественного ритма, заданного масштабностью целей и задач революции. Осуществление этих задач зависело от степени интеграции творческих сил российских, в том числе и дагестанских, народов в единую социокультурную реальность, структурные смыслы которой уже в начале 20-х гг. прошлого столетия были обусловлены сущностными характеристиками матрицы нового культурного универсума.

Список использованной литературы:

1. Ахмедов С. Х. История лакской литературы. Т. 1. Дореволюционная литература.—Махачкала, 2008.—320 с.
2. Бердяев Н. Смысл истории.—М., 1990.—177 с.
3. Гусев В. Е. Эстетика фольклора.—Ленинград, 1967.—318 с.
4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2.—Махачкала, 2005.—627 с.
5. Лезгинский фольклор / Сост. А. Гаджиев.—Махачкала, 2008.—345 с.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.—М., 1976.—303 с.
7. Магомедова З. К. Дагестанская публицистика XX в. Формирование. Развитие. Тенденции.—Махачкала, 2005.—356 с.
8. Хренов Н. А. Искусство в контексте XX в. на фоне повторяющихся флуктуаций в больших длительностях исторического времени // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве.—М., 2004.—621 с.
9. Юсупова Ч. С. Аварский романтизм: конец XIX — начало XX вв.—Махачкала, 2000.—256 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ БРЕНД КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

В современном российском обществе наблюдается значительное усиление этнического фактора и ярко выраженный интерес всех народов к культурно-историческим ценностям, их истокам и перспективам. Ответом на вызовы глобализации стала переоценка традиционной культуры, вновь пришло понимание исключительности и целесообразности, значимости и необходимости традиции для сохранения культурной преемственности. Поэтому культура должна рассматриваться не только как один из институтов общественного сознания, но и как целостная система ценностей, формирующих культурную идентичность нации, единство Российского государства и влияющая на все сферы государственного и гражданского бытия.

Залогом инновационного развития Северного Кавказа как полиэтнического региона должна стать интеграция его народов и культур, укрепление региональной идентичности в рамках общероссийской традиции.

Культурная политика руководства РСО-Алания предусматривает сохранение накопленного культурного потенциала, обеспечение преемственности культурных традиций, а также формирование и эффективное использование архивного, библиотечного, музейного фондов; поддержку кинематографа и художественной культуры, сохранение профессионального образования в области культуры и искусства, поддержку молодых дарований и инноваций, обеспечивающих рост культурного потенциала общества.

Важно отметить, что государственная поддержка оказывается не только осетинской национальной культуре. Республика Северная Осетия-Алания позиционирует себя как многонациональное сообщество, имея на то все основания. В этническую структуру Осетии включено более 100 национальностей, многие из которых сформированы в диаспорные и этнические группы. Осетия исторически складывалась как этноконтактный регион с активным взаимодействием и взаимовлиянием различных культурных традиций, как миграционный ареал для представителей европейских, российских и восточных этносов — русских, казаков, армян, грузин, евреев, немцев, греков, поляков, татар, азербайджанцев, персов и некоторых других народов. Эти группы не только сохранились в условиях различных политических режимов, избежали межнациональных столкновений, но и возродили свою национальную культуру. В октябре 1990 г. в Северной Осетии было создано республиканское межнациональное общественно-политическое движение «Наша Осетия», объединившее все национально-культурные общества. Сегодня стала очевидной конструктивная роль этого общественного движения как в сохранении межэтнического согласия, так и в формировании гражданского общества. По определению известного этнолога, советника Президента РФ, Г. В. Старовойтовой, движение «Наша Осетия» является примером для подражания

и может восприниматься как маленькая лаборатория по урегулированию межнациональных конфликтов»¹. Будучи «горячей точкой» в постсоветском пространстве, Осетия сумела сохранить свои диаспоры, позитивный характер их жизнетворчества, условия для этнокультурного возрождения.

Многоэтнический состав населения, свободное сосуществование и взаимовлияние разных культур и языков придают культурно-цивилизационному потенциалу Осетии особую устойчивость, силу и яркость, создают надежный гуманитарный фундамент для гражданских, надэтнических принципов.

Содействие возрождению национальных культур народов и этнических группы мы рассматриваем как необходимое условие межнационального согласия. Уважение к культурному наследию и одновременная открытость межкультурному взаимодействию являются основой цивилизационных отношений, межнационального согласия и инновационного развития.

Правительство РСО-А оказывает поддержку развитию культуры и межкультурному диалогу, создает законодательную, институциональную, кадровую, финансовую и материально-техническую базу. Государственная поддержка осуществляется также с помощью различных программ и проектов, системы грантов и стипендий, призванной содействовать проектам, направленным на сохранение и развитие культурных ценностей, в том числе проведению региональных, межрегиональных, всероссийских и международных фестивалей, конкурсов, выставок народного творчества, дебютных проектов молодых авторов и исполнителей, обеспечению культурного обмена, внедрению информационных продуктов и технологий.

Сохранение и развитие культурного наследия нуждается в научном и методическом обеспечении, которое отчасти предусмотрено республиканскими целевыми программами. Рассмотрим некоторые из них.

Достаточно перспективной представляется республиканская целевая Программа развития институтов гражданского общества и гармонизации межнациональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания на 2011 г. Она предусматривает реализацию таких магистральных направлений, как сохранение и развитие национально-культурных традиций народов Республики Северная Осетия-Алания, развитие толерантной среды Республики Северная Осетия-Алания средствами массовой информации, разработку системы мер по укреплению толерантности и снижению межэтнической напряженности, научное и организационно-методическое обеспечение реализации системы мер и действий по активизации деятельности институтов гражданского общества, международное и межрегиональное сотрудничество в сфере формирования культуры толерантности и межнационального согласия, возрастание роли национально-культурных объединений в реализации социально значимых проектов; формирование в обществе культуры межнационального взаимодействия, основанной на толерантном отношении к этноконфессиональному многообразию населения республики.

В рамках этих направлений предусмотрено осуществление таких конкретных задач, как оснащение действующих центров национальной культуры и других общественных организаций необходимым оборудованием, техническими средствами, национальными костюмами, музыкальными инструментами и т. д., под-

¹Северная Осетия. 22 марта 2003 г. № 54 (23855)

держка деятельности подведомственных учреждений Министерства общественных и внешних связей РСО-Алания (республиканские государственные учреждения: «Республиканский Дом дружбы и национально-культурных связей» и «Моздокский Дом дружбы»), проведение фестивалей, дней национальной культуры, смотров-конкурсов коллективов самодеятельности национально-культурных обществ, национальных праздников; организация встреч с общественными деятелями, представителями культуры и искусства и т. д., развитие действующих и создание новых центров национальной культуры, поддержка и пропаганда традиционных форм национального художественного творчества и народных промыслов на территории республики, организация выставок-экспозиций произведений национальных культур при проведении республиканских фестивалей и конкурсов, участие национально-культурных центров и других общественных организаций в республиканских мероприятиях.

Программа включает также подготовку постоянно действующих рубрик в республиканских и районных СМИ, посвященных этнокультурной специфике населения Республики Северная Осетия-Алания (история и современность), а также деятельности национальных общественных объединений, активизацию работы средств массовой информации по пропаганде норм толерантного поведения и формированию положительного представления о многонациональности РСО-Алания, содействие укреплению единства жителей республики.

Актуальным становится повышение оперативности в реагировании журналистского профессионального сообщества и общественности на появление в средствах массовой информации, в том числе на сайтах общественных организаций тенденциозных и дискриминирующих высказываний.

Перспективной представляется задача разработки методик формирования у молодежи позитивных установок в отношении представителей всех этнических групп, проживающих в республике, через СМИ. Необходимо и проведение научно-практических конференций, «круглых столов», семинаров, публичных лекториев с целью организации и проведения адаптационной, просветительской и профилактической работы с национально-культурными и другими общественными организациями, укрепления межэтнической и межконфессиональной толерантности в республике.

В части научно-организационного и методического обеспечения Программы особая значимость отведена социологическим исследованиям и мониторингу состояния институтов гражданского общества и межнациональных отношений.

Создание эффективной системы государственной поддержки гражданских, общественных и национально-культурных инициатив требует организации информационно-методических семинаров, совещаний и других мероприятий для муниципальных служащих органов местного самоуправления, государственных служащих исполнительных органов государственной власти республики.

Мероприятия Программы не замыкаются в пределах республики и предусматривают взаимодействие с международными и национальными организациями, создание и реализация совместных проектов. Важно отметить, что Программой предусмотрена государственная финансовая поддержка общественных и национально-культурных объединений в виде субсидий.

Изучение, сохранение и популяризация историко-культурного наследия, национальной идентичности и межэтнических отношений является обязательным условием укрепления государственности, удовлетворения этнокультурных запросов граждан и обеспечения гармоничного развития общества. В этой связи необходима популяризация достоверных научных знаний, истинных ценностей традиционной культуры народов республики. С этой целью правительство республики поддержало республиканскую целевую программу «Историко-культурное наследие и духовные ценности Осетии: изучение, сохранение и актуализация» на 2010 г. В рамках программы осуществлены фундаментальные научные исследования и прикладные разработки по языкознанию, фольклористике, литературоведению и художественной культуре, истории, археологии, этнологии, социальной и культурной антропологии осетин, а также исследования по другим народам Северного Кавказа. Программа включала и проект «Историко-культурное наследие диаспорных групп Осетии». По результатам исследований изданы книги и статьи, введенные в научный оборот и в социально-культурную практику. В частности, полученные материалы легли в основу цикла телепередач «Одна сотая», посвященных истории и культуре народов республики.

Проблема диаспорных групп в Осетии получила также поддержку Российского гуманитарного научного фонда, Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг., в рамках которой проводится мониторинг их современного состояния и прогнозирование.

Заслуживает внимания и проект программы «Государственная поддержка казачьих обществ РСО-Алания на 2011–2012 гг.», главными целями которой являются развитие государственной и иной службы казаков, возрождение и развитие духовно-культурных основ, семейных традиций казачества, военно-патриотическое воспитание казачьей молодежи республики.

Ученые-гуманитарии работают сегодня над созданием современной системы культурных брендов, которая будет способствовать интеграции народов СКФО, формированию позитивного, мультикультурного образа региона. Для этого необходимо выявление и использование этнокультурных образов, общих и понятных для всех народов региона, сложившихся независимо от влияния мировых религий. Таковыми могут стать многие элементы жизнеобеспечивающей, социальной, духовной культуры.

З. В. Канукова,
М. Р. Кулова, Е. В. Федосова

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В контексте современных версий теории модернизации, интегрирующих социально-экономическое развитие, социокультурные изменения и демократизацию в рамках единого процесса человеческого развития, исследование модернизационного потенциала социокультурного пространства территории имеет безусловную научную и практическую значимость. Для Северного Кавказа, как одного из наиболее проблемных российских регионов, данный дискурс особо актуален.

Северный Кавказ — регион со сложной социально-культурной мозаикой. Здесь компактно проживают представители более 40 этнических общностей, которые имеют давние исторические связи между собой и с остальной Россией и сохраняют свою культурную отличительность. В то же время Северный Кавказ (в данном случае понимаются национальные республики Северного Кавказа) — самый сложный регион с точки зрения общественно-политической, социально-экономической ситуации, государственного управления и обеспечения национальной безопасности России. Это задает необходимость междисциплинарного комплексного подхода к формированию модели модернизационных процессов территории, содержащей дескрипции трансформаций в различных сферах жизни, общественно-политической, социально-экономической и социокультурной.

1. Общественно-политический блок. Основная особенность современного периода в политическом отношении, на наш взгляд, в необходимости смены приоритетов во внутренней политике в регионе. Основным приоритетом на современном этапе развития северокавказского общества должны *стать вопросы горизонтальной межреспубликанской интеграции в регионе*. В последнее десятилетие на Северном Кавказе реализовывалась стратегия вертикальной интеграции данного региона в единое политическое пространство Российской Федерации. Однако вертикальное усиление федерального присутствия на Северном Кавказе, до последнего времени, происходило по мере усиления напряженности в том или ином национальном образовании и носило характер «пожарного» разрешения конфликтной ситуации. Создание горизонтальных связей между республиками Северного Кавказа, региональных органов власти, общественных структур, научной и творческой интеллигенции позволит снизить накал политической напряженности в регионе. Эта необходимость должна осознаваться как на уровне федерального центра, так и на уровне региональной элиты. Основные политические процессы, протекающие в различных республиках, несмотря на свои локальные особенности, имеют сходное содержание и направленность, но идут с разной скоростью. Поэтому доминирующими акцентами государственной политики на Северном Кавказе должны стать следующие приоритеты:

— обеспечение территориальной целостности и безопасности;

- обеспечение гражданского равноправия;
- определение действенной миграционной политики, способной если не прекратить, то хотя бы уменьшить масштабы миграции русскоязычного населения из республик Северного Кавказа и тем самым устранить вероятность ее негативных последствий;
- сохранение и развитие культурного многообразия;
- предотвращение и разрешение конфликтов;
- обязательность регулярной смены власти с точным соблюдением действующих конституционных принципов и законов;
- необходимость повышения компетенции и правосознания политиков и населения в вопросах государственного управления, в том числе на путях формирования кросс-этнических политических коалиций (партий), которые призваны обеспечивать избирательный процесс и формирование власти;
- необходимость учета специфики состава населения и традиций при определении местных государственных устройств.

Общеизвестно, что существует устоявшийся общественно-политический дискурс относительно Северного Кавказа. Утвердились определенные ориентации, ценности и установки. Однако в целом формируется искаженная картина происходящего.

Самой существенной особенностью, на наш взгляд, является то, что в республиках сложились довольно специфические общественно-политические институты, обусловленные тем, что обычно называют «этническими особенностями», институты, которые оказывают определенное воздействие на протекающие здесь политические процессы. В общепринятом понимании здесь, так же, как и во всей России, функционирует общая и однородная политико-партийная конструкция. Но следует понимать, что официально функционирующие институты и категории лежат в сфере формально установленного Конституцией и другими законами порядка. Они существуют и непрерывно проговариваются в дискурсе, однако в реальной политической практике часто действуют и другие сущности. Помимо официально установленной институциональной структуры, в республиках Северного Кавказа сложились и функционируют латентные политические структуры большой значимости. В силу особенностей традиционного уклада кавказских обществ здесь сформировались и действуют организованные политико-экономические группировки, основанные на традиционных идентичностях. Поэтому необходимо создание основанной на профессиональной экспертизе системы выработки и принятия политико-государственных решений. Важным элементом этой системы, наряду с ведомственной экспертизой, должен стать независимый, прежде всего от региональных властей, мониторинг этнополитических, социально-экономических и других проблем Северного Кавказа. Необходимо также ставить вопрос о мониторинге и экспертизе реально функционирующего права в регионе (гражданского и политического). Для этого было бы целесообразно инициировать создание Центра мониторинга и прогнозирования общественно-политических, социально-экономических проблем на всем пространстве Северного Кавказа. Сохраняя свободу научного творчества, необходимо повысить гражданскую ответственность региональных обществоведов, занимающихся проблемами Кавказа, утверждать среди них общероссийскую лояльность. Частично это

может быть реализовано через систему заказных исследований и исследовательских грантов из государственных источников на поддержку северокавказской науки.

Результаты анализа общественно-политической и социально-экономической научной экспертизы в Северо-Кавказском федеральном округе позволяют предложить следующую стратегию использования научного потенциала региона для создания постоянно действующей мониторинговой системы.

1. Необходимо поддерживать существующие и вновь создаваемые научные коллективы для сохранения навыков, традиций и престижа научной деятельности, а также для оценки глобальных направлений научного прогресса в интересах социального, экономического и социокультурного развития Северного Кавказа. Для этого, в частности, необходимо:

- вести открытый реестр всех научных исследований, проводимых в регионе, их связей с ведущими российскими и международными исследовательскими центрами;
- оказывать на условиях софинансирования поддержку международным и межрегиональным контактам исследователей и регистрации их прав на достигнутые результаты интеллектуальной деятельности;
- получать от научных коллективов обзоры результатов научных исследований и возможностей их использования в региональном управлении и экономике для органов государственной власти и объединений предпринимателей;
- использовать потенциал высших учебных заведений для мониторинга развития профильных видов экономической деятельности на территории региона.

2. Реализация научного потенциала СКФО требует не только социального и финансового инжиниринга, но и творческого, научного применения методов социального анализа и прогнозирования. В частности, нужно учитывать следующее:

- относительно низкий уровень денежных доходов населения республик Северного Кавказа заставляет поддерживать относительную социальную стабильность в регионе во многом за счет использования административного ресурса и консервации существующей социальной структуры;
- инновационное развитие региона, кроме роста экономической эффективности, потребует изменения существующей социальной структуры и механизмов социального взаимодействия и может привести к потере социального статуса существующих в регионе социальных элит;
- социальный инжиниринг позволяет использовать имеющуюся социальную структуру для запуска инновационной траектории развития и поэтапного перехода к новой социальной структуре без экстремальных проявлений неизбежно возникающих при социальных изменениях конфликтов.

Для того чтобы сформировать прочную основу национальной стратегии России на Северном Кавказе, необходимо, во-первых, определить константы в социально-политическом, экономическом и социокультурном развитии региона на протяжении всего периода его пребывания в составе России, во-вторых, вычленив в текущей ситуации базовые общественные процессы, которые будут определять будущее на достаточно длительный период.

Вопрос о будущем Северного Кавказа упирается в оценку соотношения темпов развития негативных и позитивных тенденций в социально-экономической, культурной и политической сферах. А это значит, что, в конечном счете, судьба региона зависит от того, готово ли государство задействовать ресурсы, достаточные для эффективного направляющего воздействия на идущие в нем социальные процессы и для нейтрализации давления извне. Речь не может идти просто о финансовых средствах и их количественной достаточности. Важно мобилизовать весь набор необходимых ресурсов — политических, административных, финансово-экономических, культурно-идеологических — в соответствии с характером задач и внешних вызовов. А построение эффективной системы их использования само по себе должно рассматриваться в качестве одного из основных ресурсов государственной политики.

Объектами такой государственной политики являются не сами по себе терроризм, сепаратизм, исламский фундаментализм или какая-либо иная проблема и не весь регион Северного Кавказа, где эти проблемы существуют. Ее объектами являются базовые общественные процессы в отдельных республиках, каждая из которых характеризуется своей системой социально-политического равновесия; специфическим укладом хозяйственной жизни, обеспечивающим существование ее населения; особым соотношением контуров официальной властно-управленческой системы и реальной организации социальной жизни ее населения; характерным набором источников и условий межнациональной напряженности.

Равным образом следует понимать, что не существует отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем, — они не просто взаимосвязаны, они взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации. По сути дела, речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные общественные процессы в регионе получили центростремительную и модернизационную направленность. Но даже если окончательно определится одинаковая направленность развития, это еще не гарантирует, что расхождение в уровнях модернизации российского «центра» и северокавказской «периферии» не будет увеличиваться, а дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций в масштабах всей страны и внутри северокавказского региона не будет углубляться. Модернизационный процесс в регионах России неизбежно будет разноскоростным. Чтобы Россия выдерживала единое общенациональное движение в этом направлении, необходимо стимулировать его ускорение на Северном Кавказе с учетом сложившихся социокультурных реалий.

Как показывают эмпирические данные, для масштабных культурных изменений в мире характерно сосуществование с устойчивыми и уникальными культурными традициями [1]. Одной из основных переменных, определяющих кросс-культурные различия и культурное своеобразие, является доверие между людьми.

В широком понимании уровень доверия, присущий данному обществу, формирует качество социального капитала, напрямую влияющее на процессы модернизации. Особенность социального капитала, по словам Ф. Фукуямы, как определенного потенциала общества, возникающего в результате наличия доверия

между его членами, состоит в том, что он создается и передается посредством культурных механизмов, в том числе традиций [2].

Таблица 1

**Вы чувствуете или не чувствуете
свою близость с такими людьми (в %)**

	Есть близость	Нет близости	Трудно сказать / не знаю	
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	84,7	6,7	8,6	100
Жители всего моего региона	59,6	20,1	20,6	100
Жители всей России	27,3	42,6	30,0	100
Жители СНГ	13,7	56,3	29,3	100
Жители всей Земли	7,4	59,6	33,0	100

Взаимосвязь экономической и социокультурной составляющей модернизации в разрезе их региональной специфики позволяет выявить анализ данных исследования социальных аспектов жизни населения РСО-Алания, проведенного отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований в январе–феврале 2010 г., общий объем выборки составил 1600 респондентов, и формализованных интервью с 10 экспертами. Уровень социального доверия в определенной степени может быть оценен посредством анализа ответов на следующий вопрос.

Как видно из табл. 1, наиболее высокую степень близости и, следовательно, доверия респонденты испытывают к жителям своего поселения — 84,7% опрошенных ответили на вопрос положительно на фоне 6,7% респондентов, давших отрицательный ответ. Значительно меньший процент респондентов — 59,6% чувствуют свою близость с жителями всего региона, при том, что 20,1% опрошенных не испытывают подобных чувств, а 20,6% не могут определенно ответить. Достаточно небольшое количество опрошенных — 27,3% подтвердили свою близость с жителями всей России. Самую малую близость респонденты ощущают по отношению к жителям СНГ — 13,7% и мира — 7,4%. Важно отметить, что при оценке своих связей с жителями страны, ближнего и дальнего зарубежья треть респондентов имела затруднения с ответом.

Более детальный анализ ответов респондентов, указавших на степень близости с жителями своего поселения, выявляет интересные тренды. Среди респондентов, отметивших более высокую степень близости, преобладают респонденты 18–35 лет (90%), с высшим образованием (87,2%), русские и русскоговорящие (86,2%), городские жители (88,2%).

Эти ответы в некоторой степени опровергают стереотип о том, что социальная близость и доверие более свойственны сельскому населению и носителям традиционных ценностей. Тем не менее, приведенные данные демонстрируют очевидный потенциал доверия в малых социальных коллективах — семье, поселении. При проведении дополнительных исследований можно будет более обоснованно

определить степень выраженности фамилистических обществ с их доминантой семейных родственных отношений, способности создавать добровольные ассоциации на ином базисе доверия, кроме родства. Семейный бизнес, малые предприятия, традиционно преобладающие в экономиках обществ с низким уровнем доверия, — Тайване, Гонконге, Италии могут быть более органичной структурой для социальной ткани местных сообществ в регионе.

Восприимчивость к инновациям, мощный потенциал саморазвития и ответственность выступают базовыми характеристиками современного общества. В частности, достаточно большой части североосетинского социума свойственно чувство личной ответственности. На вопрос о том, в какой степени улучшение жизни зависит от Вас самих, 79% респондентов ответили «полностью зависит», 13,6% — «пожалуй, зависит» (табл. 2), т. е. практически 83% опрошенных готовы к проектированию личных жизненных стратегий под свою ответственность.

Учет адаптационного потенциала нормативно-ценностных систем и их трансформация как фактора модернизации создают сильное социокультурное «плато» для процессов модернизации. Следует отметить, что отсутствие в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. концепта социокультурной интеграции значительно сужает коридор реальных возможностей реформирования экономики региона.

Северный Кавказ — регион со сложной социально-культурной мозаикой. Здесь компактно проживают представители более 40 этнических общностей, которые имеют давние исторические связи между собой и с остальной Россией и сохраняют свою культурную отличительность. В то же время Северный Кавказ (в данном случае понимаются национальные республики Северного Кавказа) — самый сложный регион с точки зрения общественно-политической, социально-экономической ситуации, государственного управления и обеспечения национальной безопасности России. Это задает необходимость междисциплинарного комплексного подхода к формированию стратегии развития СКФО и выделения в ней общественно-политического, социально-экономического и социокультурного блоков.

2. Социально-экономический блок. Северо-Кавказский федеральный округ характеризуется неоднородностью процессов экономического развития, что предопределяет необходимость выработки комплекса мер и направлений, позволяющих создать экономические условия для относительного выравнивания уровня жизни значительной части населения. Низкий уровень социально-экономического развития региона, недостаточно эффективная система государственного управления, общественно-политические риски являются основными факторами низкой инвестиционной привлекательности субъектов СКФО.

Приоритеты стратегии социально-экономического развития СКФО:

1. Создание системы инвестиционных институтов, ориентированных на привлечение в регионы СКФО долгосрочного частного капитала. Центром данной системы может и должен стать «Инвестиционный Банк Кавказа», который совместно с таким кредитным учреждением, как «Северо-Кавказский банк развития», ориентирован на решение государственных проблем на уровне СКФО. Целевой функцией Инвестиционного Банка Кавказа является привлечение долгосрочного капитала с мировых и отечественных финансовых рынков и их вложение в пер-

спективные направления бизнеса в форме участия в акционерном капитале различных предприятий народного хозяйства. Ключевыми элементами системы инвестиционных институтов выступают инвестиционные фонды (акционерные и паевые), венчурные фонды, финансовые учреждения, целью которых является привлечение средств институциональных и частных инвесторов. Создание данных институтов должно сопровождаться формированием единой системы государственной поддержки ключевых отраслей народного хозяйства региона, в том числе (или прежде всего) путем субсидирования процентных ставок по кредитам в размере 2/3 и выше процентной ставки рефинансирования ЦБ.

2. Использование свободных экономических зон для реализации ключевых проектов развития экономики округа в области инноваций и туристско-рекреационного потенциала. Необходимо усиление международной транзитной роли СКФО путем создания международной экономической зоны на части территории Северной Осетии и Южной Осетии, а также, при возникновении благоприятного политического расклада и проявлении соответствующей заинтересованности со стороны грузинских властей, на части территории Грузии.

3. Формирование институциональной среды, ориентированной на привлечение крупного зарубежного и отечественного капитала в регион. Стимулирование, в том числе на основе государственно-частного партнерства, частных инвесторов к организации новых крупных, средних и малых промышленных предприятий в сфере авто-, мото-, авиапромышленности, которые могут обеспечить занятость в трудоизбыточном регионе.

4. Сосредоточение ключевых проектов социально-экономического развития региона в сфере сельского хозяйства и туристско-рекреационного комплекса. Экспертный анализ показывает, что сравнительные конкурентные преимущества региона могут быть реализованы, в том числе, и посредством развития сельскохозяйственных кластеров со специализацией на производстве продовольственного и кормового зерна и продукции животноводства. Реализация туристско-рекреационного потенциала региона требует формирования не только благоприятной инвестиционной среды, но и с учетом определенных имиджевых рисков региона соответствующего социокультурного сопровождения соответствующих проектов.

5. Создание Северо-Кавказского социального фонда для повышения расширения доступа к занятости и участию в рынке труда, в том числе, общероссийского уровня, усиления социальной включенности модернизации региона.

6. Республики и регионы федерального округа располагают высоким научно-техническим потенциалом, высококвалифицированными научными, инженерными и рабочими кадрами, позволяющими обеспечить технологическую модернизацию базовых отраслей экономики. В этой связи, необходимо обеспечить финансирование разработок и освоения инновационных технологий производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Обеспечение финансовыми ресурсами можно и должно осуществлять посредством широкого применения налоговых инструментов для стимулирования вложения частного капитала в систему венчурных инвестиционных фондов.

3. Социокультурный блок. Залогом инновационного развития Северного Кавказа как полиэтнического региона должна стать интеграция его народов и культур, укрепление региональной идентичности в рамках общероссийской тра-

диции. Ученые-гуманитарии могут предложить власти и бизнес-сообществам создание системы историко-культурных и этнологических брендов, суть которой заключается в культурном осмыслении пространства, насыщенного многочисленными материальными и духовными символами, образами, их выявлении и продвижении с целью укрепления региональной идентичности, формирования позитивного имиджа и оживления экономической жизни региона.

Актуальность нашего предложения подтверждается появлением эпизодов стихийного формирования этнокультурных образов, которое наблюдается в последнее время, и необходимостью придать этому процессу планомерный характер.

Система историко-культурных и этнологических брендов может оказаться весьма продуктивной в процессе реализации Стратегии развития СКФО до 2025 г. В качестве главных объектов туристского кластера всего СКФО обозначены горно-рекреационные комплексы, в их числе «Мамисон». Необходимость этнокультурного сопровождения таких проектов не вызывает сомнений: выявление и популяризация элементов материальной и духовной этнической культуры содействует повышению их инвестиционной привлекательности. Использование этнологических брендов в программе привлечения туристов и инвесторов могут быть апробированы при подготовке и проведении Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. (подобные проекты успешно были осуществлены в Сиднее и в Сياتле в связи с проведением Олимпиад).

По мнению авторов Стратегии, перспективными отраслями являются легкая и пищевая промышленность, ориентированная на переработку продуктов местного сельского хозяйства. В этой связи несомненного внимания заслуживают такие проекты, как национально-культурный конкурсы «Осетинское пиво», «Осетинский сыр», проведенные Министерством культуры РСО-Алания. Кроме оживления элементов традиционной культуры брендирование обеспечивает продвижение продукта на рынке, стимулирует малый бизнес, может внести свой вклад в решение проблемы занятости в сельских районах.

Система историко-культурных и этнологических брендов может способствовать и решению задач, связанных с укреплением региональной идентичности. Для этого необходима популяризация общих для всех северокавказских этносов гуманистических основ традиционной культуры и этнических ценностей, выявление и использование этнокультурных образов, общих и понятных для всех народов региона.

В этой связи представляется перспективным создание в районе Кавказских минеральных вод «этнографической деревни», визуального «общего дома», где будут представлены традиционные дома и подворья всех народов региона, включающие этношопы, этнорестораны, этномастерские и прочее.

Территория этнографической деревни может использоваться для проведения различных фестивалей, форумов, научных, культурных и других мероприятий, способствующих установлению межнационального согласия. Трудно переоценить значимость такой площадки для воспитания подрастающих поколений. С сожалением приходится признать, что на Кавказе выросло поколение, не знакомое с соседствующими культурами.

Продвижение этнокультурных брендов имеет также информационную значимость в общероссийском масштабе, в плане нивелирования негативного имиджа

кавказских народов, сложившегося в последние десятилетия, и создания мультикультурного позитивного образа региона. Таким образом, система этнокультурного брендинга является средством сохранения самобытной культуры, стабилизации межнациональных отношений и формирования позитивного имиджа региона.

Реализация интегральных научных, образовательно-воспитательных и культурологических проектов требует объединения усилий интеллектуальной элиты всего региона. С этой целью предлагается организация постоянно действующего научного форума, место проведения которого может поочередно определяться во всех субъектах региона.

Список использованной литературы:

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия.—М.: Новое издательство, 2011.—464 с.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию.—М.: Аст, 2008.—730 с.

А. Б. Крылов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Необходимость создания Научного общества кавказоведов (НОК) была продиктована ситуацией, которая сложилась в кавказоведении после распада СССР и той ролью, которую играет кавказский фактор в России и в системе современных международных отношений.

Решение о создании НОК было принято на состоявшейся 2–4 октября 2010 г. в Абхазии международной конференции кавказоведов. 6 декабря 2010 г. Министерство юстиции Российской Федерации зарегистрировало НОК как общественное, некоммерческое, независимое, добровольное объединение ученых, специализирующихся на изучении Кавказа и приграничных с ним регионов.

В феврале 2011 г. в столице Армении Ереване состоялась Первая международная конференция Научного общества кавказоведов, соорганизаторами которой выступили Институт Кавказа, Ереванский государственный лингвистический университет им. В. Я. Брюсова и Кавказский Форум НПО. На ней было принято решение о создании Армянского филиала НОК, который был официально зарегистрирован Государственным Регистром юридических лиц РА в апреле 2011 г.

В июле 2011 г. на Второй международной конференции НОК во Владикавказе и Цхинвале, соорганизаторами которой выступили Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева, Юго-Осетинский государственный Университет им. А. Тибилова и Юго-Осетинский Медиацентр «Ир» было принято решение о создании Югоосетинского филиала НОК.

Результаты каждой из конференций были отражены в Итоговых декларациях Первой и Второй конференций НОК.

Согласно Уставу НОК основными целями общества является:

- объединение ученых-кавказоведов для обмена опытом и дальнейшего решения актуальных теоретических и практических проблем в данной области знаний;
- содействие комплексному научному изучению Кавказа в его тесной взаимосвязи с общемировым развитием. Содействие просвещению населения в области культурного и исторического наследия Кавказского региона. Популяризация достижений современного кавказоведения на российском и международном уровне;
- содействие укреплению дружбы народов, борьбе с расовой, религиозной и иными формами дискриминации, воспитание в молодом поколении чувства взаимоуважения ко всем национальностям;
- содействие сплочению народов, проживающих на территории Российской Федерации и в странах СНГ;
- постоянное взаимодействие с органами представительной и исполнительной власти для достижения уставных целей;

- развитие сотрудничества в целях обмена опытом и совершенствования работы с аналогичными или схожими по целям и формам организациями в РФ и за рубежом, в том числе международными;
- проведение конференций, съездов, семинаров;
- подготовка, издание и содействие в обеспечении необходимой литературой научных и учебных заведений, научных конференций и семинаров;
- содействие созданию и поддержке научных центров;
- развитие международных связей;
- создание и поддержка информационных и просветительских интернет-проектов по тематике деятельности НОК, в том числе специализированного сайта общества (www.kavkazoved.info).

После распада СССР в отечественном и международном кавказоведении произошли масштабные изменения, продиктованные целым комплексом причин. Во времена Российской империи общим термином кавказоведение определялась совокупность наук, изучающих историю, языки и диалекты, фольклор, традиции и культуру народов, говорящих на кавказских (иберийско-кавказских) языках. Это «традиционное» направление кавказоведения активно развивается до сих пор, оно продолжает оставаться основным, к примеру, для Европейского общества кавказоведов или Международной ассоциации кавказоведов, созданной в Грузии.

В настоящее время кавказоведение вышло далеко за свои первоначальные рамки, и важнейшей составной частью совокупности изучающих Кавказ наук стали политология, экономика и социология; гораздо большее значение, чем ранее, приобрело религиоведение.

В советский период кавказоведение испытывало на себе сильное идеологическое влияние, многие опубликованные в этот период работы были далеки от науки и представляли собой агитационные материалы по воспеванию достижений социализма, по борьбе с «реакционными» традициями и пережитками.

К счастью, несмотря на постоянный идеологический пресс, большинство ученых нашло возможность продолжать свои исследования и публиковать труды высокого профессионального уровня, именно они стали теперь общепризнанной классикой кавказоведения.

Сильной стороной советского кавказоведения была налаженная система подготовки кадров и высокая степень координации кавказоведческих исследований, причем важнейшую роль в этом играли научные центры Москвы и Ленинграда.

С распадом СССР налаженные связи были разорваны, наука на всем постсоветском пространстве оказалась в чрезвычайно сложном положении. Это в полной мере относится к кавказоведению. В России в начале 1990-х гг. прекратили свое существование Сектор кавказоведения и Ассоциация кавказоведов при Институте востоковедения АН СССР, а также множество других изучавших Кавказ подразделений в разных научных организациях.

В это же время в странах «дальнего зарубежья» наблюдался все возрастающий интерес к Кавказу. В начале 1990-х гг. были созданы десятки институтов и центров по его изучению в разных странах, в том числе в Норвегии, Китае и Японии, прежде далеких от данной проблематики. В настоящее время во Франции число подобных центров намного превосходит число аналогичных центров в России и на самом Кавказе.

Подобного бурного развития кавказоведения пока не наблюдается ни в России, ни в независимых государствах Южного Кавказа. Более того, положение в российском кавказоведении многими до сих пор оценивается крайне пессимистически. Недавно специальная Рабочая группа Общественной палаты РФ по Кавказу заявила: «общий кризис кавказоведческой науки в России привел к тому, что спорные сюжеты истории народов Северного Кавказа стали инструментом политических манипуляций и, в конечном счете, стали использоваться для оправдания этносепаратизма и разжигания межэтнических конфликтов».

И далее: «в Москве, при наличии здесь ведущих академических центров изучения Кавказа, в новейшее время не было проведено ни одной масштабной конференции или круглого стола, резолюция которого имела внятный характер и определяла бы вектор отношения академического сообщества к тем вопросам истории Северного Кавказа, размышления над которыми уже вышли за пределы узкого круга профессионалов и стали постоянно присутствовать в общественном сознании».

Очевидно, что было бы нелепым перекладывать ответственность за все проблемы Кавказа на «академическое сообщество». Но очевидно и то, что для подобных критических оценок есть веские основания: в кавказоведении действительно имеется множество нерешенных проблем. Вот лишь некоторые из них.

1. *Проблема определения кавказоведения как науки.* Что, собственно, представляет собой кавказоведение? Ответы даются разные, наиболее распространены три варианта: это часть всемирной истории, часть европейской истории, либо часть востоковедения. К этому можно добавить и объединенный вариант, то есть определение кавказоведения как составной части каждой из этих наук.

Имеющиеся споры по поводу места и роли кавказоведения могут показаться далекими от реальной жизни, однако их значение не следует преуменьшать, так как от их исхода во многом зависит определение роли и места кавказской цивилизации в мировой истории, а также положения Кавказа на современной геополитической карте мира.

2. *Проблема определения географических границ Кавказского региона.* Кавказский регион (как и соседняя Центральная Азия) входит в число регионов, которые имеют весьма условные границы. Большинство изданий ограничиваются общим и приблизительным определением: «Кавказ — это территория между Черным, Азовским и Каспийским морями от Кумо-Манычской впадины (кстати, по ней многие исследователи проводят границу между Европой и Азией) на севере до южных границ Грузии, Армении, Азербайджана».

В других делается попытка более точного определения границ. К примеру, утверждается, что в состав Северного Кавказа входят Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края; Адыгейская, Дагестанская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Ингушская, Северо-Осетинская (Алания), Кабардино-Балкарская республики. В результате общая площадь региона составляет — 355,1 тыс. кв. км, а население — 17 млн 738 тыс. чел.

Однако в последнее время в состав региона чаще включаются только 2 края и 7 республик: Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский край, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край, Че-

ченская Республика. В этом случае площадь Северного Кавказа составляет 258,3 тыс. км с населением 14 млн 600 тыс. чел. (на 2007 г.). Понятно, что подобная путаница вызвана, прежде всего, созданием вначале Южного Федерального округа, а затем отдельного Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации.

Есть проблемы и с определением границ Южного Кавказа. Некоторые исследователи на основании причин этнокультурного характера включают Абхазию и Южную Осетию в состав Северного Кавказа. Есть мнение, что и южные границы Кавказа лежат намного южнее бывшей границы СССР с Ираном и Турцией. Аргументируется это, в том числе, фактом существования Южного Азербайджана и Западной Армении. Но есть и противоположная точка зрения: Южный Кавказ — это часть Азии, и граница с Европой проходит по Главному Кавказскому хребту, либо еще севернее.

Очевидно, что определение территории Кавказа согласно государственным и административным границам не может решить проблему в силу изменчивости этих границ. Однако и другие принципы (географические, исторические, этнические, культурные, лингвистические и т. п.) также весьма уязвимы. В этой ситуации условность границ Кавказского региона может сохраняться еще долгое время, так как вряд ли в скором будущем будут выработаны приемлемые для всех критерии для их точного определения.

3. *Проблема «распыленности» кавказоведческих исследований.* В России до сих пор нет специального научного центра исследований Кавказа, подобного, к примеру, Институту Кавказа в Ереване. Кавказоведческая тематика как бы распылена по множеству российских институтов и университетов, при этом чаще всего она не имеет самостоятельного значения, а «вписана» в более широкий контекст (СНГ, Евразия, Черноморско-Каспийский регион, Центральная Азия–Кавказ–Урало–Поволжье и т. п.).

4. *Большой проблемой современного кавказоведения* является отсутствие системы, которая обеспечивала бы полноценное введение результатов проведенных исследований в научный оборот и сделала бы их доступными. Система доступных тематических каталогов и пополнения библиотечных фондов распалась вместе с СССР. В настоящее время большинство научных работ о Кавказе так и не вводится в научный оборот, а список использованной многими диссертантами литературы, особенно в провинции, часто заканчивается публикациями конца 1980-х гг.

Большинство работ ученых-кавказоведов издается мизерными тиражами в 100–200 экземпляров и из-за этого они практически не выходят за рамки отдельных институтов. В результате в настоящее время публикации кавказоведов продолжают оставаться неизвестными и труднодоступными даже для их коллег.

5. *Затрудненность научных связей между кавказоведами разных стран*, которые ныне поддерживаются в первую очередь на личном уровне и имеют эпизодический характер. Научные связи между кавказоведами разных стран поддерживаются в основном на личном уровне и имеют эпизодический характер.

6. *Негативным фактором для кавказоведения стала крайняя степень политизированности современных исследований*, большое количество работ агитационно-публицистического, а не научного характера. Такие исследования дают

жесткую черно-белую картину истории, в том числе истории межэтнических отношений на Кавказе. В них все, что относится к собственному народу, безмерно идеализируется, а другие народы, особенно «сложные для совместного проживания соседи», рисуются исключительно в негативном плане. В результате, как справедливо констатировал российский кавказовед В. В. Дегоев, в настоящее время «прошлое народов Кавказа превращено в мозаику воюющих между собой национальных историй».

Приведу еще одно характерное мнение по данной проблеме, высказанное недавно профессором В. В. Трепавловым из Института российской истории РАН: «При анализе событий прошлого желательно пытаться уходить от всяческих пристрастий — политических, этнических и прочих. Пример последних полутора десятилетий показывает, что «этнически ориентированная» наука оставляет убогое впечатление. На этом поприще нет и не может быть научного прогресса, поэтому процветают домыслы и фальсификации. Более-менее понятно, когда авторами таких сочинений движут соображения заработка или карьеры. Но историки, искренне исповедующие этноцентризм, — это жалкое зрелище. За время моей работы в науке я много раз убеждался: чем больше человек зациклен на величии истории исключительно своего народа, тем менее он профессионален как историк».

7. *Массовый выпуск литературы о Кавказе на коммерческой основе.* И здесь возникают две проблемы: дороговизна этой литературы и ее часто крайне сомнительное в научном плане содержание. Причем эта проблема возникает не только у откровенно конъюнктурных и рассчитанных, прежде всего на коммерческий успех проектов. Часто признанные, квалифицированные, но не специализирующиеся на исследовании Кавказа ученые привлекаются к тем или иным коммерческим проектам, но при этом не имеют достаточного времени «вникнуть в тему» и из-за этого выпускают работы настолько низкого качества, что невольно вспоминается классическая «развесистая клюква».

8. *Проблема неудовлетворительного уровня популяризации научных знаний о Кавказе.* В условиях неуклонного падения популярности традиционных печатных изданий важнейшую роль приобретают новые информационные технологии. В Интернете имеется множество «страновых сайтов» разной степени ценности и достоверности. К сожалению, большинство из них служит наглядной иллюстрацией сугубо «национальных версий» истории, господства взаимоисключающих трактовок важнейших событий, которые произошли на Кавказе во времена седой древности, а также в последние века и десятилетия.

Несмотря на сложное положение современного кавказоведения, нельзя не видеть, что по сравнению с кануном и первыми годами после распада СССР эта наука в России и государствах Кавказа находится в куда более благополучном положении. Об этом свидетельствует высокий профессиональный уровень научных докладов, которые были представлены на конференциях НОК представителями разных стран, работа многочисленных экспедиций и обилие выпускаемой о Кавказе литературы. Только в России ежегодно издаются многие десятки, а то и сотни индивидуальных и коллективных монографий о Кавказе. Другой показатель: за 2010 г. было опубликовано 27 монографий только в одном из научных центров Абхазии — в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа.

Понятно, что обилие выпускаемой о Кавказе литературы связано прежде всего с его местом на современной геополитической карте мира и с обилием острых и нерешенных проблем в этом регионе. Но большую роль играет и то, что происходит адаптация науки к новым условиям, проявилась возможность использовать новые технологии в информационной сфере.

В последние годы масштабы исследований Кавказа и их тематика значительно расширились, куда более благополучно обстоит дело и с финансированием этих исследований, в том числе за счет финансовой поддержки со стороны отечественных и зарубежных фондов. В результате отечественное кавказоведение сумело выйти из того бедственного положения, в котором оно оказалось из-за распада СССР. Это дает надежду, что в будущем удастся найти и решение многочисленных сложных проблем, которые ныне стоят перед этой наукой.

А. Дж. Магомедов

НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА
ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКИХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Народная художественная культура, как и другие сферы экономики и культуры общества, существенно трансформировались в условиях постсоветских (ранее и перестроечных) преобразований. Частью этих преобразований стала «открытость» российского общества, упрощение выезда и въезда в страну и последовавшая за этим экономическая и культурная глобализация.

Сегодня достаточно много написано о роли рынка и демократизации социальной сферы в обновлении российского общества в постсоветское время. Вместе с тем конкретные особенности приспособления культуры «к новым правилам», процесс формирования этих правил в сфере традиционной художественной культуры, например, остаются малоизученными. Такое знание позволит ее потенциал для развития художественной культуры России.

Сегодня трудно найти оппонента, который был бы не согласен с тем, что изделия дагестанских художественных ремесел (украшения, клинковое оружие из серебра, золота, ковры, различные сувениры) завоевали устойчивую нишу на рынке товаров России. Активно развиваются сценические формы (танцы, музыка, песенное творчество) традиционной хореографической культуры. Велико их значение как своеобразных знаков дагестанской этнокультуры. В условиях усиления террористической активности в крае, роста миграции населения республики в центральные регионы, формирования негативного образа Дагестана, рядовое население страны через прилавки магазинов и концертные программы знакомится с художественной культурой республики, созданной на основе исторического наследия. Это влияние, безусловно, способствует снятию межэтнических напряжений, формированию положительного образа Дагестана. Кроме того все это стало важной частью экономики и культуры России, феноменом российского масштаба.

Ко времени перехода России на рыночные отношения (начало 1990-х гг.) зачатки новых отношений уже явно давали о себе знать. Особенно это было характерно для малой, «народной» экономики. Наиболее яркие проявления новых тенденций стали заметны тогда в такой сфере, как традиционные художественные промыслы Дагестана. На рынок работали кооперативы, индивидуальные мастера (первые законы, активизирующие развитие частных форм производства, были приняты в СССР еще в 1986 г.). Нам, как историку традиционной культуры, изучавшему реалии развития традиционных ремесел конца XIX — начала XX вв. было интересно в те годы наблюдать, как чуть ли не «один к одному» в 1990-е гг. возрождались те же процессы развития мелкого бизнеса в сфере традиционного ремесла. Эти процессы выражались в развитии таких форм предприимчивости,

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

как активные поиски для рынка «ходового ассортимента», широкое использование кооперационных связей, возрождение забытых художественных технологий, развитие традиций семейного художественного и трудового воспитания и др. В том же ювелирном деле в прошлом, например, сложились такие формы кооперации, когда литейным делом, связанным с подготовкой материала-серебра, с монтажом форм посуды, кинжалов, женских украшений, с первичной или отделочной гравировкой, с чернением, с полировкой, с изготовлением клинков, работ с эмалью, филигранью, насечкой, реставрационными работами, выполнением работ с редкой технологией занимались разные мастера. Собственником готовых изделий, организатором «процесса», как правило, выступал состоятельный мастер, имеющий опыт и навыки такой работы. В 1990-е гг. такая кооперация в промыслах Дагестана получает широкое развитие.

Появляется и разделение на мастеров-производителей и мастеров-торговцев. Отдельные мастера, забросив ремесло, переключились на торговлю художественными изделиями, становясь посредниками между магазинами и промыслами. Со временем они превратились в хорошо известных из истории мелкого производства и малого бизнеса скупщиков товаров и организаторов производства рассеянного типа. Часто такой торговлей занимались лица, не имеющие прямого отношения к центрам народных промыслов. Это были люди, имеющие родственные, товарищеские связи в различных городах, опыт торговой деятельности и просто энергичные, предприимчивые люди, потерявшие работу во время кризиса. В их числе были не только дагестанцы, но и жители других регионов, имевших родственников, товарищей в Дагестане. Челночные поездки для продажи изделий дагестанского художественного ремесла (чаще ювелирных украшений) во все концы России и даже СССР (Прибалтика, Украина, Азербайджан и др.), вывоз изделий художественного ремесла в Турцию, Объединенные Арабские Эмираты (при челночных поездках за товаром), в Саудовскую Аравию (во время поездок на Хадж) стали обычным делом.

Многие скупщики со временем составили основную часть индивидуально работающих предпринимателей, зарегистрированных в Прикаспийской госинспекции пробирного надзора (ПГИПН). Дело в том, что не все мастера могли «осилить» сложные процедуры оформления документов на индивидуальное предпринимательство, постановку на учет в той же инспекции, особенности финансового и налогового законодательства в этой области. При сохранении в стране и в новое время госмонополии по контролю за пробой драгметаллов (впервые такая монополия была введена еще Петром I) все мастера-предприниматели обязаны «до магазина» клеймить свои изделия в таких инспекциях.

В новое время происходит и расширение законодательной базы индивидуального предпринимательства и трудовой деятельности. Так, например, если, действовавший до 1994 г. федеральный закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» прямо запрещал применение наемного труда гражданином-предпринимателем, то Гражданский кодекс РФ, принятый в этом году, такого прямого запрета уже не содержал [1].

Развитие рынков, связанных с реализацией изделий традиционных промыслов, наряду с созданием законодательной базы предпринимательства, стало ключевым звеном активизации возрожденческих процессов в художественных ремес-

лах Дагестана. А «всероссийский» рынок стал катализатором новых тенденций. Так было в конце XIX в., по такой же схеме развивались дагестанские промыслы и в 1990-е гг.

Яркие примеры роли торговли в возрождении народных ремесел дает сегодня столица Махачкала, где сформировалась достаточно развитая сеть торговли изделиями художественных ремесел. На «пяточке» города, примыкающем к углу улиц Р. Гамзатова и М. Дахадаева, расположено более 15 магазинов и художественных салонов («Дагестан», «Умельцы Дагестана», «Серебряный мир», «999» и др.), торгующих изделиями народных промыслов Дагестана, особенно ювелирными изделиями из серебра. Всего же в Махачкале число таких магазинов, по приблизительным нашим оценкам, может достигать 30–40, если не более. Для сравнения отметим, что в середине 1980-х гг., в той же Махачкале таких магазинов было всего несколько. При этом, один из них, магазин «Умельцы Дагестана» на ул. Ленина (ныне Р. Гамзатова) открылся в 1986 г. Немало магазинов, торгующих ювелирными изделиями и другими работами народных умельцев и в других городах Дагестана.

Наряду с магазинами и салонами, в торговле изделиями художественного ремесла сегодня занято и большое число индивидуально торгующих лиц. Это, как правило, женщины. Они торгуют в павильонах городских «восточных рынков», на дому. Только в павильонах «восточного рынка» г. Махачкалы работают более сотни женщин.

Нам приходилось наблюдать витрины многих ювелирных и сувенирных магазинов и в Москве, и в ряде областных столиц. Такую же информацию о других регионах мы собирали и от челноков, выезжавших в города страны. Наблюдения однозначны: по всей России дагестанские изделия на торговых прилавках ювелирных и сувенирных магазинов занимают значительное место. Изделия из Дагестана легко узнаваемы, привлекают внимание (особенно серебряная посуда и холодное оружие) яркостью и разнообразием декоративных техник, обилием ассортимента. Таким образом, за последние десятилетия ювелирные промыслы Дагестана стали явлением российского масштаба. И все это несмотря на то, что в том же Дагестане за последние 5–7 лет (пример тому Махачкала) появился десяток торговых точек с яркими вывесками, связанными с популярными российскими брендами ювелирного дела — «московское золото», «петербургское золото», «якуталмазы», «бронницкие цепи», где представлена продукция крупных ювелирных заводов России.

Тот же Кубачи сегодня стал своеобразным монополистом производства посуды и различных сувениров из серебра. В области посудных форм из серебра в России известен только один конкурент — ювелирный завод г. Великий Устюг. Однако изделия этого завода отличаются не только декором, но и дороговизной (вероятно, сказываются промышленные технологии, большие затраты на дизайнеров-художников и др.). Дагестанские изделия намного дешевле, декоративно «ярче» и разнообразнее по ассортименту.

Нередко можно услышать рассуждения о том, является ли искусством все то, что предлагают народные мастера Дагестана. Думается, что это легковесное суждение, так как перед нами исторически сложившиеся художественные формы (кинжалы, сабли, шашки и др.), декоративные техники, вещи, отражаю-

щие эстетику народной культуры, которая, конечно же, отличается от эстетики произведения профессионального художника. В каждой области искусства формируется своя эстетика.

Безусловно, в области развития традиционного искусства Дагестана есть и серьезные проблемы. Глобализация культуры с интенсивным распространением евродизайна костюмов, украшений, сувениров все более нарушает размеренный ритм развития народных ремесел Дагестана. Особенно это становится заметным в кризисные и посткризисные годы. Вступление России во Всемирную торговую организацию еще более осложнит ситуацию, еще больше сузить рыночную нишу изделий традиционной художественной культуры, место традиционной культуры в российском обществе в целом.

Один из наиболее ярких примеров новейших трансформаций в области народной художественной культуры — традиционная свадьба Дагестана. Хотя исторически он всегда менялся, но интенсивность изменений сегодня резко возрастает. Так, в прошлом в свадебных обычаях и обрядах набор изделий народных мастеров составлял значительное место. Сегодня роль таких вещей в приданом, в свадебных подарках резко сужен. В прошлом обязательным и важным элементом приданого выступал большой дагестанский ковер-сумах, сегодня же он заменен импортными ворсовыми коврами. Меняется сегодня и хореографическая, и обрядовая сторона свадебного торжества. Возрастает хаотичность свадьбы, происходит унификация, формализация многих ритуалов и т. д.

Опасны для сохранения традиций народной свадьбы распространяющаяся традиция играть религиозные свадьбы (мавлиды). Такие свадьбы играют без песен, музыки, игрового веселья. Свадьбы-мавлиды — явление последних десятилетий, и их появление связано с распространением фундаментальных исламских идей в республике, это своеобразное последствие восточной глобализации исламского типа [2].

Современная глобализация нивелирует культуру, придает ей черты универсализма. Но было бы наивно полагать, что это результат только последних десятилетий. Советская глобализация в свое время нанесла национальным культурам не меньший урон. В этой ситуации выход видится только в одном — надо всемерно поддерживать сохраняющиеся «островки» традиционной культуры, создавать сценическую, «витринную» субкультуру этого типа культуры и более активно пропагандировать исторические ценности народной музыки, танцев, светского досуга².

Список использованной литературы:

1. <http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=076df57659bd49b8>. Дата обращения 10.06.2011.
2. Магомедов А. Дж. Современная дагестанская свадьба как феномен культурной глобализации // Искусство и наука в современном мире. Сб. материалов междунар. науч. конф. (11–13 ноября 2011 г.)—М., 2011.

²При написании статьи автором использованы полевые материалы.

Д. Б. Малышева

ПОСТСОВЕТСКОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ:
СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ.
АНАЛИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР
РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение. Отечественное русскоязычное кавказоведение как самостоятельное научное направление начало формироваться еще в XVIII — первой половине XIX вв.: тогда кавказский вопрос наряду с восточным стал важнейшей проблемой международных отношений и острейшим узлом противоречий между ведущими государствами мира — Российской империей, Англией, Францией, Османской империей и Персией. В этот период появляются первые русские историки, лингвисты, этнологи и географы, занимающиеся проблемами Кавказа. С Кавказом связывают свое творчество многие знаменитые русские писатели и поэты (Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и др.), художники и композиторы. Об интересе, которое проявляло русское государство и общество к Кавказу, свидетельствуют дореволюционные библиографии по Кавказу, составлявшиеся часто по заданию властей. Эти библиографии насчитывали более 8 тыс. наименований книг и статей [1–3].

В советский период в кавказоведении сложились целые научные школы во главе с известными крупными учеными, представлявшими практически все народы Советского Союза. Достаточно назвать такие имена, как З. В. Анчабадзе, З. М. Буниятов, Н. Марр, Б. Б. Пиотровский, А. И. Робакидзе, Г. Х. Саркисян и многие другие¹. Отдавая дань обязательной для тех лет жесткой идеологической заданности, советское кавказоведение, тем не менее, сумело дать мощный толчок комплексному и подлинно научному изучению Кавказа — особенно в таких областях, как естествознание, этнология, антропология, языкознание. К недостаткам кавказоведения того периода можно отнести оторванность отечественных ученых (справедливости ради, уточним, что вовсе не по их вине, а по причине мощнейшего идеологического и политического заслона в виде «железного занавеса») и от зарубежных научных центров, занимавшихся проблемами Кавказа, и от многих серьезных публикаций, выходивших на Западе.

На время становления в 90-е годы XX в. современного российского кавказоведения пришлось многие события, кардинальным образом изменившие жизнь и судьбы народов в прошлом единой страны: исчез СССР, и на его месте образовалось 12 новых независимых государств, составивших Содружество Независимых Государств (СНГ); усилились центробежные и сепаратистские тенденции внутри многих из них; распалось некогда единое экономическое и информационное пространство. Но именно в этот период происходит накопление знаний о

¹История, персоналии и работы известных советских кавказоведов, а также обзор основных направлений в области изучения культуры и языка народов Кавказа, их этнокультурного развития и межнациональных отношений, рассмотрены в серьезном труде Института этнологии и антропологии РАН «Страницы отечественного кавказоведения», изданном в Москве в 1992 г.

происшедших в государствах Закавказья изменениях, о различных аспектах их социально-политического, экономического и геополитического развития, о связанных с этим развитием тенденциями и т. п. Быстрые и резкие социальные и политические перемены истекшего десятилетия поставили исследователей также и перед необходимостью искать ответы на вопросы, которые раньше не только не ставились, но и вообще не существовали. Многие научные проблемы предстоит еще переосмыслить.

Цели, задачи и общая характеристика библиографического обзора.

Ввиду того что поток кавказоведческих исследований в России стремительно нарастает и в этой области научного знания уже накоплен определенный качественный потенциал, давно назрела необходимость в своего рода «инвентаризации» всего, что было написано в постсоветский период по проблематике закавказских государств после обретения ими независимости. Потребность в таком библиографическом мониторинге российских публикаций по Закавказью определяется и тем, что отношения России с государствами Закавказья приобрели большую актуальность (в немалой степени из-за событий в Чечне и в собственно российско-кавказском регионе), а значит и возрос интерес к их научному осмыслению. Кроме того, децентрализация в самой России, разрыв научных контактов российских ученых со своими коллегами в странах так называемого «ближнего зарубежья» привели к тому, что возникла проблема доступа не только к самим научным публикациям, но даже и к сведениям о них.

В России уже выпущено несколько специализированных библиографий, в которых можно найти выборочную библиографию и по Закавказью. Наиболее репрезентативными являются аннотированные библиографические указатели Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам»: они содержат сведения о публикациях, в том числе и по Закавказью, в различных областях общественной науки — экономики, социологии, истории, этнологии, религиоведения.

Данные об основных этнических сообществах Закавказья и о соответствующей литературе (относящейся, правда, по большей части к дореволюционному и советскому периоду) содержатся в энциклопедии «Народы России» (М., 1994), а также в словаре-справочнике Р. А. Агеевой «Какого мы роду-племени?» (М., 2000).

Сведения о специалистах в области гуманитарных проблем Кавказа имеются в биобиблиографическом словаре-справочнике «Кто есть кто в кавказоведении» (он издан Центром языков и культур Северной Евразии им. кн. Н. С. Трубецкого в Москве в 2000 г.), а также в справочнике персоналий «Современное кавказоведение», который издан Северо-Кавказским научным центром высшей школы, Научно-исследовательским институтом Кавказа и Северо-Кавказской Академией государственной службы (Ростов-на-Дону, 1999).

В библиографии научных публикаций по миграции населения («Миграция населения в постсоветских государствах. Аннотированная библиография российских изданий 1992–1997». Москва, Московский Центр Карнеги, 1998) можно найти отрывочную информацию о российских публикациях, посвященных политическим, социальным и миграционным процессам в Закавказье. Частич-

но библиографию, связанную с проблемами народонаселения и миграции в Закавказье, с географией политической культуры и новыми экономическими процессами, происходящими в регионе, вмещает в себя первый и наиболее полный из имеющихся по этой тематике аналитико-библиографических справочников — «СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география. 1985–1996» (Москва, 2001). Но в нем дается обзор публикаций только в области географии населения и социальной географии.

Все вышеперечисленные издания, имеющие несомненные достоинства, не свободны от недостатков. В них в силу специфики формирования российских научных фондов (в том же ИНИОН, например, хронически не хватает средств ни на приобретение литературы, ни на ее отслеживание) представлены далеко не все вышедшие в России серьезные публикации по Закавказью, в том числе монографического характера. Помимо неполноты охвата, в имеющихся библиографических обзорах не представлены такие ключевые, определяющие развитие современной общественной науки о Закавказье тематические блоки, как «национально-государственное строительство», «политические системы», «политические партии», «внешняя политика», «геополитика», «проблемы безопасности», «макроэкономика», «экология» и др.

В данной статье делается попытка восполнить существующий в российской науке пробел путем проведения библиографического обзора изданной в России и опубликованной преимущественно в научных и информационных изданиях литературы по различным направлениям общественного развития постсоветского Закавказья.

Проведенный в статье библиографический анализ не претендует на охват абсолютно всей имеющейся литературы по проблемам постсоветского Закавказья.

Во-первых, он включает в себя только те работы, которые изданы в России (соответственно публикации журнала «Центральная Азия и Кавказ», например, выходящего на русском языке, но издающегося в Стокгольме, не вошли в нашу подборку).

Во-вторых, в библиографию включены работы, увидевшие свет только в период суверенного существования России и закавказских государств — с 1991 по 2001 гг. Хотя преимущественное внимание в библиографии уделяется изданным в России работам именно о постсоветском Закавказье, некоторые заметные публикации по истории региона также включены в анализ.

В-третьих, круг представленных работ ограничивается только крупными и заметными публикациями — книгами, разделами и главами книг, аналитическими статьями. Охвачены по возможности и справочные издания, материалы конференций, авторефераты диссертаций, сборники документов. В библиографическом анализе учтены также некоторые работы общего характера, охватывающие, наряду с проблематикой по СНГ в целом, и закавказские сюжеты. Есть и исследования «пограничного» характера, находящиеся на стыке различных научных дисциплин.

В библиографию не были включены (лишь за небольшим исключением) научно-популярные издания, а также статьи, опубликованные в средствах массовой информации и периодических изданиях (типа журналов «Эксперт», «Новое время», «Итоги», «Эхо планеты» и др.).

В работе над данной библиографией были использованы: 30 журналов; картотеки библиотек; «Библиографические указатели» Института научной информации по общественным наукам РАН «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам» за 1991–2001 гг.; библиографические данные, которые содержатся на информационно-аналитических серверах ИНИОН РАН (<http://www.inion.ru>), а также Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН (<http://www.imemoran.ru>); информация о публикациях ведущих институтов и исследовательских центров; некоторые другие источники (в их числе — личная картотека автора).

Статья содержит три таблицы и два приложения: первое включает в себя перечисление в алфавитном порядке всех книг и статей, вошедших в библиографическую подборку; второе разбивает исследуемую литературу на рубрики, в которых отражены наиболее актуальные для данного направления исследований темы. Эта рубрикация в значительной мере условна, поскольку зачастую одна работа включает в себя несколько тем. Поэтому-то некоторые работы представлены сразу в нескольких рубриках. Сборники статей и материалы конференций проаннотированы как в целом, так и постатейно. Главы некоторых коллективных монографий — там, где они не персонализированы (например, в монографии «Россия-Закавказье: реалии независимости и новое партнерство») — отдельно не представлены.

Научные центры и авторы. Основной массив фундаментальных исследований по проблемам Закавказья по-прежнему приходится в России на академические институты и действующие в системе РАН исследовательские центры. Несомненным лидером в публикациях по Закавказью остается Институт этнологии и антропологии РАН. Но если здесь Кавказу традиционно уделялось внимание на протяжении всех лет существования института, то ныне к проблемам Кавказского региона стали проявлять интерес и другие научные подразделения РАН, которые в советские времена специализировались совсем на иных проблемах: Институт мировой экономики и международных отношений, Институт востоковедения, Институт Европы, Институт США и Канады, Институт народнохозяйственного прогнозирования и даже Институт Африки.

В недрах Академии наук в постсоветский период зародились и новые неправительственные, некоммерческие объединения: например, Центр стратегических и политических исследований, Центр исследований проблем мира и развития «Форум», возглавляемая Ж. Зайончковской лаборатория миграции населения. Основные направления их работы включают как фундаментальные, так и научно-практические исследования. Не занимаясь напрямую кавказоведением, эти центры изучают проблемы, имеющие актуальность для закавказских государств: безопасность, предотвращение и разрешение конфликтов, миграции и беженцы, роль ислама и пр.

Из неакадемических научных центров, в которых работают и ученые-кавказоведы, следует назвать Институт стран СНГ, Институт политических исследований, Российский институт стратегических исследований. Все они занимаются в основном прикладными исследованиями. Наиболее заметными среди них являются выпущенные Российским институтом стратегических исследований объемные тома по Армении и Азербайджану (см. мою «Библиографию»).

На сегодняшний день это единственные в России комплексные монографические работы такого рода. Готовится Институтом и такое же издание по Грузии.

Заметный вклад в развитие в России обществоведческой науки о Кавказе вносит московский Центр кавказских исследований (директор — А. М. Искандарян). Он осуществляет аналитические разработки таких важных проблем, как политические системы и общество в современных государствах Закавказья, межэтнические отношения, проблемы национальной и этнической идентичности, конфликты и конфликтный потенциал Кавказа, миграционные процессы и др. Во включенных в данную библиографию книгах и сборниках, издаваемых Центром (часто по результатам научных конференций), приоритет отдается углубленному, непредвзятому научному анализу, что выгодно отличает работы Центра от многих вышедших в России конъюнктурных публикаций, в которых зачастую отдается дань стереотипам и политическим пристрастиям.

Наиболее публикуемыми *авторами* остаются, пожалуй, исследователи Российской Академии Наук (на их долю приходится примерно 50% публикаций). Следующие по числу публикаций (около 30%) — ученые-кавказеды, работающие в неакадемических научных центрах, исследовательских организациях, фондах и объединениях. 10% авторов, пишущих по различным проблемам Кавказа, — журналисты. Остальные — политики, парламентарии, представители бизнес-элиты.

В обзоре отражены происшедшие в постсоветской России *изменения в издательской сфере*, связанные с отменой цензуры, либерализацией информационного поля и книгоиздания, а также отменой государственной монополии на издание печатной продукции. Последнее имело и другое последствие: отказ государства поддерживать научную книжную продукцию в тех формах, какие существовали в советские времена, привел к тому, что такие крупные издательства, как «Наука» и «Мысль», издававшие в предшествующие десятилетия большую часть фундаментальных исследований по социально-политической проблематике, свели число таких публикаций до минимума. Теперь они стали отдавать предпочтение литературе, востребованной «рынком» — исторической, по искусству, изобразительной, художественной. Издание же серьезных публикаций силами Академии наук, ее институтов и научных центров оказалось затруднено вследствие изношенности и устарелости принадлежащей им полиграфической базы, оставшейся от советских времен. В последние годы в России появились издательства, специализирующиеся на выпуске книг определенного тематического профиля (например, экономические, философские или филологические). Однако инициатива в поддержке социально-политической проблематики по-прежнему принадлежит частично отечественным научным фондам (Российскому фонду фундаментальных исследований, Российскому гуманитарному научному фонду и др.), а частично западным фондам (Фонду Карнеги за международный мир, Фонду Мак-Картуров, Фонду имени Фридриха Эберта, Фонду Фридриха Науманна, Институту «Открытое общество» Фонда Сороса и др.). Благодаря им и стало возможным издание большинства серьезных публикаций по Кавказу (см. Библиографический обзор).

Приведенный в табл. 1 анализ географии исследований по Закавказью свидетельствует о сохранении традиционно лидирующих позиций московских и пе-

тербургских изданий. Работ, выпущенных «периферийными» изданиями, по-прежнему очень мало, но там, где это возможно, в обзоре была учтена новая география публикаций, вклад «нестоличных» исследовательских центров России в развитие тех или иных направлений кавказоведения. Таковы сравнительно недавно заявившие о себе и динамично развивающиеся издания Юга России — Ростова-на-Дону, Ставрополя, Майкопа, Нальчика и других. В этих городах идет восстановление и формирование новых кавказоведческих центров, заявляет о себе новая генерация ученых-кавказоведов, выпускается периодика. Например, использованный для составления данной библиографии журнал «Научная мысль Кавказа», издаваемый в Ростове-на-Дону, известен и в России, и за ее пределами. Результаты подсчета работ, опубликованных в 1991–2001 гг. и попавших в поле нашего зрения, сведены в табл. 2.

Таблица 1

**География публикаций, представленных
в библиографическом обзоре**

Место публикаций	% в общем числе публикаций
Всего	100
Москва	93
Санкт-Петербург	3
Ростов-на-Дону	2
Саратов	1
Майкоп	0.8
Другие	0.2

Таблица 2

**Распределение работ, представленных в библиографии,
по типу издания и году выпуска, 1991–2001 гг.**

Год	Всего	Книги и главы	Стать в журналах и сборниках	Материалы конференций	Авторефераты
1991	3	2	1		
1992	8	7	1		
1993	14	9	4		1
1994	15	11	3	1	
1995	26	15	8	2	1
1996	27	14	7	1	5
1997	50	25	10	12	3
1998	65	41	23	1	
1999	100	37	52	11	
2000	41	22	18	1	
2001	10	4	6		

Таблица высвечивает несколько моментов: малое число публикаций всех типов в 1991–1994 гг.; неуклонное, начиная с 1995 г., количественное увеличение книг, сборников и журнальных статей; резкий подъем таких публикаций в 1999 г.,

за которым следует некоторый спад в 2000 г. Обращает на себя внимание снижение публикаций тезисов и конференций в 1998–2000 гг., несмотря на стабилизацию числа других типов изданий. Всплеск количества публикаций объясняется изменившимися условиями в сфере издательской деятельности: финансово-экономической ситуацией, редакционно-издательским уровнем, конкуренцией. Связан он и с активностью проведения научных исследований, появлением новых данных.

Тематика исследований варьируется в самых различных пределах и охватывает все стороны общественно-политической жизни постсоветских государств Закавказья (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение публикаций, представленных
в библиографии, по темам**

Комплексные, обобщающие	4.5
История	7
Национально-государственное строительство	7
Политические системы	0.5
Военно-политические проблемы	0.5
Миграция	2.5
Конфликты	22
Проблемы безопасности	1.5
Национальные и этнические проблемы	9
Макроэкономические реформы	7
Экология	1
Внешнеэкономические связи	4
Внешняя политика	18
Геополитика Кавказа	2.5
Религия как социально-политический фактор	5.5
Культурно-цивилизационные процессы	0,7
Сравнительные исследования	2
Персоналии	0.8
Всего	100

Как видно из таблицы, наиболее динамично развивается в российском кавказоведении конфликтологическое (по преимуществу этноконфликтологическое) направление. Оно намного обогнало все другие и по широте охвата, и по методологическому разнообразию, и по глубине и количеству исследований. Отличающиеся в целом сбалансированностью и взвешенностью оценок, российские конфликтологические исследования ставят своей целью объективно осмыслить истоки и причины сохраняющегося в государствах Закавказья трагического противостояния, предлагают различные варианты мирного урегулирования существующих конфликтов.

Что касается работ, посвященных проблемам внешней политики, — их оказалось на удивление много, — то они в массе своей носят конъюнктурный характер: во внешней политике закавказских государств высвечиваются лишь те аспекты, которые интересны самой России. Приоритет в них отдается анализу отношений

с Турцией, США, НАТО, меньше уделяется внимания контактам Закавказья со странами Европейского Союза, с Ираном, Китаем, Японией. Отсутствуют концептуальные исследования внешней политики закавказских государств в рамках современных международных отношений. На сегодняшний день только в одной работе (К. Гаджиев. «Геополитика Кавказа». М., 2001) предпринята попытка проанализировать такую важную и актуальную проблему, как роль Кавказа в глобальных процессах.

Стабильный интерес в российской науке сохраняется к истории Кавказа и его народов, к национально-этническим проблемам в целом: в процентном отношении данная тематика занимает второе место после конфликтологической и внешнеполитической. Это связано с тем, что за истекшее десятилетие именно для этноисторических исследований сложились наиболее благоприятные условия. Ведь в этой отрасли кавказоведения — в отличие от других его направлений, где многие проблемы приходится начинать «с чистого листа», — сохранилась преемственность: сформировавшиеся научные школы, опытные кадры, база данных, накопленных во время проведения полевых исследований.

В исследованиях по этническим проблемам, а также по вопросам культуры и социально-политической роли религии обращают на себя внимание значительное число работ, выполненных в связке — «культура и религия», «религия и традиции», «этнос, религия и идентичность». Интерес к этим вопросам резко обострился в связи с развитием этнических и территориальных конфликтов, «легализацией» проблемы этнических меньшинств, формированием новых «идентичностей» (армянской, азербайджанской, грузинской, абхазской, осетинской, лезгинской и многих других). В то же время в России нет фундаментальных работ ни по основным религиям народов Закавказья, ни по модификации их религиозных верований и представлений в постсоветскую эпоху (работы А. Крылова, исследующего традиционные культы и верования абхазов, — исключение).

Что касается вопросов национально-государственного строительства, а также развития политических систем и партий в постсоветском Закавказье, то здесь имеются действительно глубокие наработки (см. публикации Центра кавказских исследований и Центра Форум в соответствующих разделах Библиографии). Приходится только сожалеть, что работ такого уровня в российских изданиях до обидного мало.

Если в целом по России удельный вес работ, посвященных миграциям населения в СНГ, относительно высок, то в плане специального изучения миграций в Закавказье наблюдается отставание. Центральной Азии уделяется в этом плане значительно больше внимания, несмотря на то, что для Закавказья проблема занятости и миграции населения — одна из наиболее «горячих», выдвинутых самой жизнью тем. В центре внимания исследований по тематике миграций — изменившаяся природа этого явления после распада СССР и движения государств Закавказья к рынку. Делается упор на то, что миграция приобрела ярко выраженную этническую и вынужденную окраску (в отличие от советских времен, когда имело место преимущественно территориальное перераспределение населения), набрала обороты эмиграция. Основное направление исследований — проблемы беженцев и вынужденных мигрантов, влияние на миграции вооруженных конфликтов, положение представителей «нетитульных наций», включая русскоязычное насе-

ление. Вместе с тем, следуя часто на поводу «горячих» тем (этнонациональных конфликтов, например), тематика миграционных исследований больше становится подверженной конъюнктуре. Многие важные проблемы (миграция в условиях урбанизации, миграция из села в город, методика и теория изучения миграций) просто не отражены в исследованиях. Как и в советские времена, недостаточно разработано в российской науке такое направление, как проблема географии занятости населения в целом и в Закавказье, в частности.

Слабо развитым направлением остается исследование макроэкономических реформ, да и в целом при анализе социально-экономических проблем закавказских государств преобладает неглубокий, подчас дилетантский анализ ситуации — без должного осмысления цифр и фактов и их последующего анализа. Остаются неразработанными и такие серьезные вопросы, как экономическая и политическая интеграция, возрастающая зависимость от иностранного капитала, проблема адаптации закавказских государств к глобальным экономическим процессам. Нет серьезных исследований социальных и демографических проблем закавказских обществ, претерпевших за годы независимости кардинальные изменения.

Экологические проблемы Закавказья практически не получили освещения в российских исследованиях. Приоритет здесь по-прежнему за Центральной Азией, хотя и там нельзя особенно похвастаться наличием серьезных глубоких исследований. Вообще эта проблематика для постсоветской и российской науки в целом нова: в Советском Союзе она вообще отсутствовала, имелись лишь незначительные публицистические исключения (опять же применительно к проблемам среднеазиатских республик — Аралу, Семипалатинскому полигону и пр.). Проблемы экологии Закавказья, начинавшие звучать в начале 90-х гг. (публикации по проблемам атомной электростанции в Армении, например), практически не затрагиваются сейчас. Они оттеснены такими будоражающими российское общество проблемами и больше затрагивающими его, как конфликты, миграция, беженцы, каспийская нефть и отношение государств Закавказья с Турцией, Ираном, США и НАТО.

Если отвлечься от заявленных наименований работ и коснуться содержательной стороны публикаций в целом, то возникает ряд серьезных критических замечаний. Первое — это несоответствие глубины рассмотрения отдельных социально-политических процессов в теоретико-методологическом плане на «столичном» (Москва и Петербург) уровне с исследованием этих же вопросов на уровне российских регионов, где преобладают описательность, поверхностность, отсутствие внимания к теоретическому и информационному наследию, словом, к уже существующим и известным специалистам публикациям. Отсюда — повторение азбучных истин и тиражирование данных, малоубедительных с точки зрения их целесообразности. Одним из наиболее заметных сдвигов в исследованиях — отход от идеологизированной схоластики к исследованиям, насыщенным статистической и социологической информацией, базирующимся на полевых исследованиях.

Есть надежда, что наметившееся за последнее время увеличение числа российских публикаций по Закавказью будет подкреплено соответствующим качеством. Они тогда окажутся способными ответить на новые и сложные вызовы времени.

Список использованной литературы:

1. Минасаров М. М. *Bibliographia Caucasica et Transcaucasica*. Опыт справочного систематического каталога печатных сочинений о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих Т. 1.—Спб., 1876.—849 с.
2. Пагирев Д. Д. Кавказ: географические названия и объекты. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края.—Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1913.—530 с.
3. Жданов Ю. А. Введение // Современное кавказоведение. Справочник персоналий.—Ростов-на-Дону, 1999.—С. 4–5.

Приложение

**БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ И НАУЧНЫХ СТАТЕЙ,
ИЗДАНЫХ В РОССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ
ЗАКАВКАЗЬЯ С 1991 ПО 2001 гг.**

1. Абашидзе А. Х. Аджария. История, дипломатия, международное право.—М., 1998.—326 с.
2. Абхазский узел. Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии.—М., 1995.—371 с.
3. Абхазия: хроника необъявленной войны.—М., 1992.—334 с.
4. Абдурагимов Г. А. Кавказская Албания — Лезгистан. История и современность.—Спб., 1995.—607 с.
5. Авакян Г. Влияние карабахского фактора на формирование политической идентичности в Армении // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 166–180.
6. Авакян Г. Проблемы становления систем национальной безопасности государств Закавказья // Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М., 1999.—С. 9–19.
7. Авакян Г. Эволюция внешней политики Республики Армения в контексте карабахской проблемы и вне его // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М., 1999.—С. 50–65.
8. Аваков Р. М., Малышева Д. Б. Россия и новые развивающиеся государства.—М.: ИМЭМО РАН, 1993.—47 с.
9. Аветисян Г. К вопросу о «Кавказском доме» и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ (ред. А. М. Малашенко, Б. Коппелтерс, Д. Тренин).—М.: Весь мир, 1997.—С. 130–158.
10. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология. В 2 частях.—Ставрополь, 1996.
11. Авраменко А. М., Матвеев О. В., Матющенко П. П., Ратушняк В. Н. Россия и Кавказ в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории: сб. науч. тр.—Краснодар, 1995.
12. Агаянц Ц. П. Россия в судьбах армян и Армении.—М., 1994.—317 с.
13. Агаянц Ц. П. Армяне в Турции.—М., 1994.—58 с.
14. Агаянц Ц. П. Андраник и его эпоха.—М., 1997.—495 с.
15. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник.—М.: Academia, 2000.—424 с.
16. Айвазян С. М. История России: армянский след.—М., 1997.—497 с.
17. Айрапетян М. С. Тактика и стратегия национальной и транснационального экономического развития.—М.: Ереван, 1992.—83 с.
18. Азербайджанская Республика на пути социально-экономических преобразований // Общество и экономика.—М., 2000.—№ 5–6.—С. 7–98.

19. Акаба Н. Опыт Швейцарии и перспективы абхазо-грузинского мирного урегулирования // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии (ред. Б. Копштерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба).—М.: Весь мир, 1999.—С. 88–106.
20. Активизация международных организаций в процессе постконфликтного миростроительства в Абхазии. Семинар в Пицунде, 1996.—Майкоп, 1997.
21. Аланы и Кавказ.—Владикавказ, 1992.—244 с.
22. Алескеров А. Экономические реформы и социально-экономические сдвиги в Азербайджане // Общество и экономика.—М., 1999.—№ 10–11.—С. 186–198.
23. Алиев Р. «Кавказский дом»: взгляд из Азербайджана // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ (ред. А. М. Малащенко, Б. Копштерс, Д. Тренин).—М.: Весь мир, 1997.—С. 159–169.
24. Алиев Ф. Ш. Озера Апшеронского полуострова и их геоэкологические проблемы // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов.—М.: ВИНТИ, 1997.—№ 8.—С. 53–66.
25. Алиев Ф. Ш., Исмаилов Т. А., Тагиев И. И. Подземные воды Азербайджанской Республики, их ресурсы, состояние использования и проблемы охраны от загрязнения и истощения // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. М.: ВИНТИ, 1996.—№ 6.—С. 28–65.
26. Алирзаев А. Финансово-налоговая политика Азербайджана: ее социальные последствия и пути совершенствования // Общество и экономика.—1999.—№ 10–11.—С. 211–215.
27. Амелин В. В. Этнополитические конфликты в границах советской и постсоветской государственности, вторая половина 80-х — середина 90-х гг. (опыт исторического исследования): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.—М., 1995.—42 с.
28. Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ.—М., 1994.
29. Анчабадзе Ю. Грузия-Абхазия: уроки войны // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 134–143.
30. Анчабадзе Ю. Политические институты Грузии // Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М., 1999.—С. 147–155.
31. Анчабадзе Ю. Д. Грузия-Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы. Путь к примирению.—М.: Изд-во «Весь мир», 1998.—С. 108–121.
32. Анчабадзе Ю. Д. Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советских и постсоветских государствах.—М., 1999.—С. 161–178.
33. Армения: проблемы независимого развития (под ред. Е. М. Кожокина).—М.: Российский институт стратегических исследований, 1998.—591 с.
34. Армения в мыслях и сердцах: высказывания видных ученых, писателей, общественных деятелей об Армении.—М., 1993.—288 с.
35. Армяне и евреи. Цифры. Даты. Имена.—М.: Ной, 1995.—267 с.
36. Армяно-григорианская церковь в политике императора Николая I.—Ростов н/Д., 1999.—74 с.
37. Арутюнян Г. Актуальные проблемы совершенствования системы конституционного правосудия в Армении // Общество и экономика.—М., 1999.—№ 6.—С. 26–39.
38. Арутюнян Г. Конституционно-правовой статус Президента Республики Армении: Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук.—М., 1997.—38 с.
39. Арутюнян Л. А. Новые тенденции миграции в Армении // Миграционная ситуация в странах СНГ.—М., 1999.
40. Бабанов И., Воеводский К. Карабахский кризис.—СПб, 1992.—63 с.

41. Бабичев Н. Военно-грузинская труба. Мятеж в Западной Грузии подавлен // Коммерсантъ-власть.—1998.—№ 4.—С. 2.
42. Бадурашвили И. Н., Гугуашвили Т. Вынужденная миграция в Грузии // Миграционная ситуация в странах СНГ.—М., 1999.
43. Балаян З. Между адом и раем. Карабахские этюды.—М., 1995.—414 с.
44. Баратов Б. Разоренный рай: путешествие в Карабах.—М., 1998.—181 с.
45. Барсегов Ю. Г. Народ Нагорного Карабаха — субъект права на самоопределение.—М., 1993.—56 с.
46. Барсегов Ю. Г. О миротворческом потенциале США в армяно-азербайджанском конфликте // США. Экономика, политика, история.—М., 1995.—№ 2.—С. 20–32.
47. Барсегов Ю. Г. Каспий в международном праве и мировой политике.—М.: ИМ-ЭМО РАН, 1998.—64 с.
48. Бганба-Церера В. Р. Экология души (ненасилие — путь в будущее).—Спб., 1994.—28 с. (об абхазо-грузинском конфликте).
49. Беджанов М. Б. Общественный кризис и проблемы национального возрождения.—Майкоп, 1995.—47 с. (об абхазо-грузинском конфликте).
50. Белая книга Абхазии: документы, материалы, свидетельства.—М., 1993.—229 с.
51. Белокреницкий В. Я., Скляр Л. Е. Современная ситуация в Центральной Азии и на Кавказе. Взгляд из Ирана // Восток.—М., 1996.—№ 4.—С. 142–146.
52. Березовский В. Н., Игнатенко А. А., Червяков В. В. Азербайджан: политические партии и организации. Краткий справочник.—М.: Остромир, 1993.—39 с.
53. Бехбудов Т. Р. Влияние Компартии Азербайджана на работу органов внутренних дел республики в 1970–1985 гг. // Отечественный архив.—М., 1995.—№ 6.—С. 68–71.
54. Бжезинский З. Великая шахматная доска.—М.: Международные отношения, 1998.—256 с.
55. Бибииков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа.—Спб., 1999.—314 с.
56. Бибикова О. Кавказ-Центральная Азия: феномен «ваххабизма» // Азия и Африка сегодня.—М., 1999.—№ 8.—С. 48–52.
57. Брагина Е. Новые государства Закавказья: поиск стратегии экономического развития // Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменившемся мире. Материалы Круглого стола.—М.: ИМЭМО РАН, 1999.—С. 17–23.
58. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е гг.).—М.: ИНСАН, 1998.—365 с.
59. Буторина Е. В. О некоторых причинах обострения межнациональных отношений в СНГ.—Омск, 1994.—10 с.
60. Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации.—М., 1993.
61. Васютович В. П. Место Армении в геополитике США // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 369–382.
62. Велехов Л. Эдуард Шеварднадзе — наш друг и враг // Итоги.—1999.—С. 32–36.
63. Вердиев А. Аграрные реформы в Азербайджанской Республике // Общество и экономика.—М., 1999.—№ 10–11.—С. 254–263.
64. Вереземский С. Добро пожаловать в «Кавказский газовый коридор» // Нефть и капитал.—М., 1997.—№ 10.
65. Вермишев М. Состояние экономики Армении // Диалог.—М., 1996.—№ 2.
66. Веселов В. Т., Хазанов А. М. Отношения России со странами Центральной Азии и Закавказья // Восток.—М., 1997.—№ 5.—С. 167–172.
67. Вишняков В. Г. Российско-иранские отношения и их влияние на региональные проблемы республик Средней Азии и Закавказья // Докл. российских участников 5-ой

конф. «круглого стола» по российско-иранским отношениям. Тегеран, 17–18 февраля 1999 г.—М.: Центр стратегических и политических исследований, 1999.—С. 14–19.

68. Власов С. Политика Украины в регионе Кавказа // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 88–97.

69. Воркунова О. Политика России в конфликтах на Кавказе // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы международной конференции.—М., 1997.—С. 18–26.

70. Воробьева Л. М. Трагедия армянского народа: страницы истории // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 167–218.

71. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа.—М.: Международные отношения, 2001.—462 с.

72. Гаджиев К. С. Геополитические перспективы Кавказа в стратегии России // Мировая экономика и международные отношения.—М., 1993.—№ 2.—С. 20–37.

73. Ганнушкина С., Клазен Б. Отчет о совместной экспедиции в Армению, Азербайджан и Нагорный Карабах, август 1995 г.—М.: Мемориал, 1996.—43 с.

74. Гаспарян А. Армения-Россия: стабильный курс стратегического партнерства // Полис.—М., 1998.—№ 6.—С. 182–184.

75. Гатагова Л. С. Россия и Кавказ: проблемы этнокультурного взаимодействия // Контактные зоны в истории Восточной Европы.—М.: Институт российской истории РАН, 1995.—С. 119–127.

76. Гачечиладзе Р. Географический фон решения конфликта в Абхазии // Грузины и абхазы. Путь к примирению.—М., 1998.—С. 86–107.

77. Гваришвили Г. Л. Проблемы и перспективы развития грузино-российских отношений на современном этапе (1991–1999).—М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 1999.—46 с.

78. Геворгян К. Каспийская нефть как политический фактор // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 77–87.

79. Геворгян К. Нефть как связующее звено между Черноморским и Каспийским регионами // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М., 1999.—С. 77–89.

80. Геворкян М. А. К анализу экономики переходного периода (на примере Армении) // Проблемы прогнозирования.—М., 1995.—№ 3.

81. Геноцид — преступление против человечества. Материалы 1 Московского междунар. симпозиума 18–19 апреля 1995 г.—М., 1995.—231 с. (о геноциде армян).

82. Гнатовская Н. Деиндустриализация стран Закавказья как следствие рыночных реформ // Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменившемся мире. Материалы Круглого стола.—М.: ИМЭМО РАН, 1999.—С. 10–16.

83. Гогсадзе Г. Грузия: этнополитические конфликты и вопросы государственного строительства // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 113–122.

84. Гогсадзе Г. Региональное и международное сотрудничество — важный фактор государственного строительства Грузии // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М., 1999.—С. 65–76.

85. Голунов С. В. Исламский фактор в СНГ.—М.: Институт востоковедения РАН, 1999.—С. 172–177.

86. Гольц А. Покусанная «рука Москвы» // Итоги.—1998.—С. 39.

87. Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века.—Санкт-Петербург: Журн. «Звезда», 2000.—463 с.

88. Грузины и абхазы. Путь к примирению (под ред. Б. Коппитерса, Г. Нодиа, Ю. Анчабадзе).—М.: Изд-во «Весь мир», 1998.—248 с.
89. Гурбанов И. Г. Особенности развития типологической структуры азербайджанской печати в условиях реформирования общества // Вестн. Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика.—М., 1999.—№ 2.—С. 29–40.
90. Гусейнова М. Эволюция подходов США и России к Закавказью и Центральной Азии // Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М., 1999.—С. 193–203.
91. Гушер А. Аджария: между Грузией и Россией // Азия и Африка сегодня.—М., 1999.—№ 11.—С. 9–14.
92. Гушер А. Азербайджан: смена стратегических координат // Азия и Африка сегодня.—М., 1999.—№ 8.—С. 34–39.
93. Гушер А. Кавказский узел // Азия и Африка сегодня.—М., 2000.—№ 2.—С. 2–6.
94. Дадиани Л. Я., Шумихин А. Ю. «Ливанизация» как модель этносоциальности и положение в зоне Кавказа: сопоставительный анализ. Научный доклад.—М.: Российский научный фонд, 1994.—57 с.
95. Данилов Д. Россия в Закавказье: в поисках международной легитимации // Спорные границы на Кавказе (под ред. Б. Коппитерса и др.).—М.: Изд-во «Весь мир», 1996.—С. 155–170.
96. Дарчиашвили Д. Швейцарский федерализм: уроки для грузино-абхазских взаимоотношений // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии (ред. Б. Коппитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба).—М.: Изд-во «Весь мир», 1999.—С. 72–87.
97. Дашдамиров А. Национальная идея и этничность: азербайджанская идея в этнокультурном интервью.—М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. И. Миклухо-Маклая, 1996.—54 с.
98. Деметрадзе М. Р. Кавказский узел: межэтническая дистанция как теоретическая и политическая проблема.—М., 1998.—191 с.
99. Джемаль Г. Азербайджан: этническая химера или ключ к «Большой Евразии» // Тюрк дуньясы (Тюркский мир).—М., 1998.—№ 2.—С. 34–35.
100. Дзапшба Ф. З. Суверенизация абхазского народа. Политологический анализ.—Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1996.—97 с.
101. Дзапшба Ф. З. Процесс политической суверенизации абхазского народа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.—Саратов: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 1996.—16 с.
102. Думанов Х. М. Вдали от Родины.—Нальчик, 1994 (горцы в Османской империи).
103. Дунаева Е. В. Экспорт каспийской нефти: взгляд из Тегерана // Ближний Восток и современность. Вып. 7.—М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.—С. 260–273.
104. Духоборы и молокане в Закавказье.—М., 1992.
105. Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии.—Майкоп, 1999 (геополитическая роль Кавказа).
106. Жидков С. Бросок малой империи.—Майкоп, 1996.—376 с. (о грузино-абхазском конфликте).
107. Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия.—М.: Научная книга, 1999.—396 с.
108. Жизнин С. З., Родионов П. И. Энергетическая дипломатия в Каспийско-Черноморском регионе (газовые аспекты) // Дипломатический вестник.—2000.—№ 6.
109. Журавлев А. Л., Султанов А. Ш. Сравнительный анализ статуса президентов Азербайджанской республики и Российской Федерации.—М.: Манускрипт, 1997.—117 с.

110. Загашвили В. Взаимные экономические интересы России и государств Закавказья // Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменившемся мире. Материалы Круглого стола.—М.: ИМЭМО РАН, 1999.—С. 24–29.
111. Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты.—М.: ИВАН РАН, 1995.—304 с.
112. Зарахович Ю. Американская пресса о перспективах «исламского возрождения» в Средней Азии и Азербайджане // Россия и мусульманский мир.—М., 1997.—№ 11.—С. 74–82.
113. Зверев А. Значение опыта Татарстана для Грузии и Абхазии // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии.—М., 1999.—С. 107–132.
114. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе.—М., 1996.
115. Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия и Закавказье).—М.: Российский Центр стратегических и междунар. исследований, 1999.—67 с.
116. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве.—М., 1999.—286 с.
117. Зойдзе О. Постсоветская Грузия: проблемы национального единства и становления государственности // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 123–132.
118. Зонн И. С. Триста лет на Каспии (Хронология основных исторических событий XVIII–XX вв.). 2-е доп. и испр. издание.—М., 2001.—96 с.
119. Иванов Э. М. Роль России во внешней торговле Азербайджана // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 7–20.
120. Иванов Э. М. Экономическое сотрудничество Армении с Россией // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 291–312.
121. Игнатенко А., Салмин А. Конфедерация народов Кавказа в политическом контексте Кавказского региона // Мировая экономика и международные отношения.—М., 1993.—№ 9.—С. 97–98.
122. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Сб. статей под ред. М. Олкотт, В. Тишкова, А. Малащенко.—М.: Московский центр Карнеги, 1997.—490 с.
123. Искандарян А. Армения: «карабахизация» национальной истории // Национальные истории в советских и постсоветских государствах.—М., 1999.—С. 147–160.
124. Искандарян А. Армения после похорон // Итоги.—1999.—С. 36–40.
125. Искандарян А. Армения — проблемы национальной и государственной идентификации // Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М., 1999.—С. 204–209.
126. Искандарян А. Между морем, нефтью и стабильностью. Решение президента Левона Тер-Петросяна уйти в отставку стало неожиданностью // Итоги.—1998.—С. 35–37.
127. Искандарян А. Миграции и процесс этнополитической консолидации на Кавказе // Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М., 1999.—С. 34–44.
128. Искандарян А. Новые государства Закавказья: поиски геополитической идентичности // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М., 1999.—С. 21–34.
129. Искандарян А. Реабилитированная колбаса. Для Карена Демирчяна выборы уже обернулись // Новое время.—М., 1997.—№ 12.—С. 20–21.
130. Искандарян А. Становление политических систем в странах Закавказья // Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменившемся мире. Материалы Круглого стола.—М., ИМЭМО РАН, 1999.—С. 30–34.

131. Искандарян А. Становление политических систем в странах Закавказья: постсоветский синдром и политическая культура // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы международной конференции.—М., 1997.—С. 5–17.
132. Ислам в СНГ.—М.: Институт востоковедения РАН, 1998.—180 с.
133. История и этнография горских евреев Кавказа. Материалы семинара 15–17 сентября 1997 г.—Нальчик, 1998.—86 с.
134. Кавказ: проблемы геополитики и национальные интересы России. Научные чтения к 70-летию академика Е. С. Троицкого (24 апреля 1998 г.).—Ростов н/Дону, 1999.—44 с.
135. Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. Доклады и сообщения. Всероссийская научно-практическая конф.—Ростов н/Д., 2000.
136. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конф. (Краснодар, 16–18 мая 1994 г.).—Краснодар, 1995.
137. Казимиров В. Гуманитарная катастрофа в зоне Карабаха была, может быть, больше, чем ныне вокруг Косово // Международная жизнь.—М., 1999.—№ 5.—С. 8–20.
138. Казимиров В. О карабахском кризисе // Международная жизнь.—М., 2000.—№ 6.—С. 79–87.
139. Камкия Б. А. Проблема легитимности власти в полиэтническом государстве. Опыт политологической интерпретации общественно-государственных отношений в Грузии и Абхазии в конце 80-х — начале 90-х гг.—М., 1997.—91 с.
140. Карабахская проблема как составная часть армянского вопроса // Армянский вестник.—М., 1998.—№ 1.—С. 3–12.
141. Карапетян А. Р. Политический и социально-экономический кризис в Армении. Анализ ситуации и пути выхода.—М., 1998.—200 с.
142. Карапетян А. Р., Карапетян С. Тайны Гандзака (Кировобада) и Северного Арцаха.—М., 1998.—148 с.
143. Каргаа Р. И. Социальная реабилитация населения в постсоветский период: управленческий аспект. На примере абхазо-грузинской войны 1992–1993 гг.: Автореф. дисс. ... канд. социологич. наук.—М., 1996.—22 с.
144. Касаев А. Закавказский фактор в северокавказском политическом контексте // Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М., 1999.—С. 56–73.
145. Касаев А. К вопросу о новом единстве Большого Кавказа: ослабление позиций России в государствах Закавказья и на Северном Кавказе // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М., 1999.—С. 35–49.
146. Квациани Д. Д. Грузино-российские отношения: проблемы и перспективы // Научная мысль Кавказа.—Ростов н/Д., 1998.—№ 1.—С. 48–50.
147. Клапцов В. М. Проблемы охраны окружающей среды в Азербайджане // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 1.—С. 397–421.
148. Клапцов В. М. Экологические проблемы в Армении // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 275–288.
149. Колбая Г. Грузино-абхазское противостояние // Азия и Африка сегодня.—М., 1995.—№ 3.—С. 24–25.
150. Колесников Л. Ф. Государственная политика в отношении религии и верующих в Азербайджанской Республике // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 1.—С. 203–238.
151. Колесников Л. Ф. Роль церкви в становлении государственности Армении // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 139–160.

152. Комиссина И. Н. Азербайджан-Япония: первые шаги сотрудничества // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 279–290.
153. Комиссина И. Н. Армения и Западная Европа: экономическая помощь как стимул политического диалога // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 313–344.
154. Комиссина И. Н. Сотрудничество Азербайджана с западноевропейскими организациями и государствами // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 137–172.
155. Конопляник А., Лобжанидзе А. Каспийская нефть на евразийском перекрестке.—М.: ИМЭМО РАН и др., 1998.—110 с.
156. Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве. Армения и Азербайджан // Национальные истории в советском и постсоветских государствах.—М., 1998.—С. 74–103.
157. Кошпитерс Б. Грузия в Европе. Идея периферии в международных отношениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов.—М., 1997.—С. 181–206.
158. Крылов А. Абхазское святилище Аергь-Лапыр-ныха (по материалам полевых исследований) // Восток.—М., 2001.—№ 1.—С. 35–41.
159. Крылов А. Абхазское святилище Дыдрышш: прошлое, настоящее и устная традиция // Этнографическое обозрение.—М., 1998.—№ 6.—С. 16–28.
160. Крылов А. Абхазия: осетинское святилище в Пицунде // Азия и Африка сегодня.—М., 2000.—№ 3.—С. 62–64.
161. Крылов А. Возрождение святилища // Азия и Африка сегодня.—М., 1999.—№ 4.—С. 70–73 (абхазское святилище в селе Лдзаа).
162. Крылов А. Дыдрышш-ныха святилище абхазов // Азия и Африка сегодня.—М., 1998.—№ 7.—С. 54–55.
163. Крылов А. Постсоветская Абхазия (Традиции. Религии. Люди).—М., 1999.
164. Крылов А. Традиционные институты абхазов: прошлое и современность // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Сборник статей.—М.: Московский центр Карнеги, 1997.—С. 184–201.
165. Кто есть кто в кавказоведении. Биобиблиографический словарь-справочник.—М.: Academia, 2000.—193 с.
166. Кузнецов В. А. Очерки истории алан.—Владикавказ, 1992.—390 с.
167. Кулагина Л. М., Дунаева Е. В. Граница России с Ираном (история формирования).—М.: Институт востоковедения РАН, 1998.—121 с.
168. Кургиян С. Е. При продолжении нынешней политики Армению ждет катастрофа // Армянский вестник.—М., 1993.—№ 3.
169. Куртов А. А. Азербайджан-Иран: пока проблем в отношениях соседей больше, чем решений // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 189–278.
170. Куртов А. А. Армяно-иранские отношения // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 383–448.
171. Куртов А. А. Каспийский спор: отношения Азербайджана с Туркменистаном // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 57–96.
172. Куртов А. А. Конституционное устройство Республики Армения // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 9–72.
173. Куртов А. А. Турция и тюркоязычные государства Центральной Азии: любовь по расчету? // Россия и Турция на пороге XXI в.: на пути в Европу или в Евразию?—М., 1997.—С. 22–45.

174. Куртов А. А., Халмухамедов А. М. Армения-Турция: противостояние или сотрудничество? // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 449–464.
175. Кухианидзе А. Армянские и азербайджанские меньшинства в Грузии. О национальной и внешней политике Грузии // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ (ред. Малащенко А., Коппитерс Б. и др.).—М.: Изд-во «Весь мир», 1997.—С. 170–182.
176. Лебедева Н. М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ.—М., 1997.—333 с.
177. Лебедева Н. М. Психологические проблемы миграции из «нового зарубежья» // Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве.—М., 1997.—С. 54–68.
178. Левин З. И. Ислам и национализм в СНГ.—М.: Институт востоковедения РАН, 1999.—С. 43–60.
179. Лежава Г. П. Абхазия: анатомия межнациональной напряженности.—М., 1999.—271 с.
180. Лежава Г. П. Основные этапы и этнополитические факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.—М., 1996.—39 с.
181. Лордкипанидзе Г. Сегментация и интеграция. Предложения по федерализации внешней политики Грузии // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии (ред. Б. Коппитрес, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба).—М.: Изд-во «Весь мир», 1999.—С. 272–283.
182. Лурье С. В. Историческая этнология. Учебное пособие.—М.: Аспект Пресс, 1997.—445 с.: Глава 18. Взаимодействие этноса и его диаспора. Армянская диаспора. Карабахский конфликт; Глава 19. Межкультурное взаимодействие. Русско-армянская ситуация в Закавказье.
183. Лурье С. В. Русские и армяне в Закавказье: динамика контактной ситуации (этнопсихологический подход).—СПб., 1994.
184. Мазаева З. Положение беженцев из Чечни // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 30.—2000.—С. 84–87.
185. Макаренко В. Политика России в Средней Азии и Закавказье в свете новой экономико-географической реальности // Рубежи.—М., 1998.—№ 1.—С. 106–119.
186. Маклина О. Геополитика и кровь Карабаха // Азия и Африка сегодня.—М., 1994.—№ 12.—С. 19–22.
187. Максимов В. Армения без президента // Эксперт.—1998.—№ 5.—С. 66–68.
188. Максоев М. Ш. Безопасность экономической стратегии на Кавказе // Научная мысль Кавказа.—Ростов н/Д., 2000.—№ 3.—С. 49–55.
189. Ислам и исламоведение в СНГ // Ислам в СНГ.—М.: Институт востоковедения РАН, 1999.—С. 5–23.
190. Малащенко А. Постсоветские государства Юга и интересы Москвы // Pro et Contra.—Т. 5, № 3.—С. 34–47.
191. Малащенко А. В. Мусульманский мир СНГ.—М., 1996.—182 с.
192. Малышева Д. Государство-власть и общество в Азербайджане // Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменившемся мире. Материалы Круглого стола.—М.: ИМЭМО РАН, 1999.—С. 52–56.
193. Малышева Д. Б. Конфликты на Кавказе: региональное и международное измерение.—М.: ИМЭМО РАН, 1996.—37 с.
194. Малышева Д. Б. Конфликты в развивающемся мире, России и Содружестве Независимых Государств: религиозный и этнический аспекты.—М.: ИМЭМО РАН, 1997.—122 с.

195. Малышева Д. Б. Конфликты на Юге СНГ и на Ближнем и Среднем Востоке (сравнительный анализ) // *Мировая экономика и международные отношения*.—М., 1995.—№ 10.—С. 32–45.
196. Малышева Д. Б. Конфликты у южных рубежей России // *Pro et contra*.—М., 2000.—№ 3.—С. 7–33.
197. Малышева Д. Невоенные аспекты национальной безопасности в современном Азербайджане // *Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе*.—М., 1999.—С. 221–238.
198. Малышева Д. Б. Иран и проблемы региональной безопасности Закавказья // *Ближний Восток и современность. Сборник статей*.—М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.—М., 2000.—С. 351–359.
199. Малышева Д. Проблемы стабильности на Кавказе и международный опыт урегулирования и разрешения конфликтов // *Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы международной конференции*.—М., 1997.—С. 27–44.
200. Малышева Д. Турция и Иран в борьбе за влияние в Закавказье // *Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменившемся мире. Материалы Круглого стола*.—М.: ИМЭМО РАН, 1999.—С. 43–48.
201. Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом. На примере лица «кавказской национальности» // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*.—М., 1999.—С. 104–114.
202. Мамулов С. С. Армяне в Грузии.—М., 1995.—278 с.
203. Мамулов С. С. Удивительный народ из страны чудес (Армения и армяне — уникальный феномен цивилизаций мира). Книга 2.—М., 1997.—427 с.; Книга 3.—М., 2000.—427 с.
204. Мартин Т. События марта в Абхазии // *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 30*.—2000.—С. 87–89.
205. Мартиросян Г. А. Мои телеграммы Горбачеву о трагедии легендарного села Чардахлы, Нагорного Карабаха, Геташена. Рязанское Армянское культурное общество «Аракс».—Рязань, 1995.—233 с.
206. Матвеев В. А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // *Научная мысль Кавказа*.—Ростов н/Д., 1999.—№ 4.—С. 34–45.
207. Мгеладзе Н. В. Аджарцы и ингилойцы: этнографические группы грузинского народа (краткий историко-географический очерк) // *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник 1992. Вып. 22. Институт этнологии и антропологии РАН*.—М., 1993.—С. 197–210; 218–219.
208. Медоев Д. Южная Осетия // *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 35*.—2001.—С. 78–79.
209. Меликишвили Л. Втянет ли Россия Грузию в чеченскую войну? // *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 35*.—2001.—С. 77–78.
210. Мещеряков В. Армения: стратегия выживания // *Азия и Африка сегодня*.—М., 1998.—№ 4.—С. 7–16.
211. Миграция населения в постсоветских государствах. Аннотированная библиография российских изданий 1992–1997.—М.: Московский Центр Карнеги, 1998.—185 с.
212. Миграционная ситуация в странах СНГ.—М., 1999.—287 с.
213. Митяев В. Г. Внутриполитические процессы в независимой Армении // *Армения: проблемы независимого развития*.—М., 1998.—С. 73–138.

214. Митяев В. Г. Внутривосточное развитие независимого Азербайджана в свете его геополитического положения // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 1.—С. 11–180.
215. Митяев В. Г., Закалинский М. М. Грузино-абхазский конфликт и роль России в его урегулировании // Новая Евразия: отношения России со странами Ближнего зарубежья. Сборник статей № 3.—М.: Российский институт стратегических исследований, 1995.—С. 6–46.
216. Митяева Е. В. Проблема Каспия в российско-американских отношениях. Научный доклад. Институт США И Канады РАН.—М., 1999.—43 с.
217. Москва-Кавказ: диалог культур (по материалам «круглого стола» Культурный диалог народов Кавказа, Москва, 1998). Приложение к журналу «Этносфера».—М., 1999.—159 с.
218. Московское эхо Кавказа (по материалам «круглых столов». «Культурный диалог народов Кавказа», Москва, 1996–1997 гг.). Приложение к журналу «Этносфера».—М., 1997.—123 с.
219. Мустафаев Р., Самедов И. Политика — это судьба: эскизы к портрету народного лидера [о Г. Алиеве].—Спб., 1998.—63 с.
220. Мустафаев Ш. Гейдар шагает впереди // Коммерсантъ-власть.—1998.—№ 27.—С. 36–39.
221. Надеин-Раевский В. Влияние нефтяного фактора на развитие конфликтной ситуации в Черноморско-Каспийском регионе // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М., 1999.—С. 90.
222. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм: миф или реальность.—М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1995.—208 с. (Часть III. Тюркоязычные народы и пантюркизм в постсоветский период).
223. Надилов А., Алескеров А. Социально-экономические сдвиги в ходе экономических реформ в Азербайджане // Общество и экономика.—2000.—№ 5–6.—С. 7–36.
224. Накопия Б. Т. Грузино-абхазский конфликт: поиск путей урегулирования: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук.—М., 1997.—24 с.
225. Народы России. Энциклопедия (Ред. В. А. Тишков).—М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994.
226. Наумкин В. В. Россия и Иран в Центральной Азии и Закавказье в региональном и глобальном контексте // Докл. российских участников 5-ой конф. «круглого стола» по российско-иранским отношениям. Тегеран, 17–18 февраля 1999 г.—М.: Центр стратегических и политических исследований, 1999.—С. 20–30.
227. Национальные интересы стран Прикаспийского региона и «Большая игра» за нефть (Сводный реферат) // Россия и ее соседи: соотношение национальных интересов внутри СНГ. Проблемно-тематический сборник.—М.: ИНИОН РАН, 1999.—С. 51–70.
228. Национальные истории в советском и постсоветских государствах (под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова).—М.: «АИРО-XX», 1999.—445 с.
229. Национальный курс и политическая доктрина Азербайджана после провозглашения независимости // Россия и ее соседи. Соотношение национальных интересов внутри СНГ. Проблемно-тематический сборник.—М.: ИНИОН РАН, 1999.—С. 94–102.
230. Наша сила — в единстве. Первый всемирный конгресс абхазо-абазинского (абхаза) народа (7–8 октября 1992 г.).—М., 1993.—81 с.
231. «Не допустим критики Сталина». События в Грузии: март 1956 г. // Источник.—М., 1995.—№ 6.—С. 62–68.
232. Независимый Азербайджан: новые ориентиры (под ред. Е. М. Кожокина).—М.: Российский институт стратегических исследований, 2000.—Т. 1–2.

233. Новикова Г. Палестинский и Нагорно-карабахский конфликт — в поисках выхода // Проблемы национального самоопределения на современном этапе. Сборник статей. ИВ РАН. Центр стратег. и полит. исследований.—М., 2000.—С. 45–66.
234. Новрузов С. Г. Азербайджан в постсоветском пространстве: стратегия социально-политического развития государства.—М., 1999.—287 с.
235. Новрузов С. Г. Азербайджанская Республика: некоторые проблемы социально-политического развития государства.—М., 1997.—112 с.
236. Нодиа Г. Конфликт в Абхазии. Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению.—М.: Изд-во «Весь мир», 1998.—С. 19–67.
237. Нодиа Г. Образ Запада в грузинском сознании // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов.—М., 1997.—С. 150–180.
238. Нодиа Г. Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии // Спорные границы на Кавказе (под ред. Б. Коппитерса и др.).—М.: Изд-во «Весь мир», 1996.
239. Орешкова С. Ф., Ульянов Н. Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ).—М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999.—230 с.
240. Папава В., Беридзе Т. Проблемы стабилизации и реформирования грузинской экономики // Российский экономический журнал.—М., 1994.—№ 3.
241. Паин Э. Политика России в конфликтных зонах СНГ: этапы становления // Социальный конфликт.—Калуга, 2000.—№ 1.—С. 35–44.
242. Панарин С. Конфликты в Закавказье: позиции сторон, перспективы урегулирования, возможный вклад России // Вестн. Евразии.—М., 1999.—№ 1–2 (6–7).—С. 113–126.
243. Папуашвили Т. Государство и религия: опыт Грузии и США // США и Канада. Экономика, политика, культура.—М., 1999.—№ 5.—С. 70–75.
244. Перепелица Г. Украина между Кавказом и Западной Европой // Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М.: Центр исследований проблем мира и развития «Форум», 1999.—С. 74–96.
245. Перепелкин Л. С. Типология этнических конфликтов (на примере Кавказского региона) // Ближний Восток и современность.—М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997.—С. 125–138.
246. Петров И. Огонь на трассе. Покушение на президента Грузии Э. Шеварднадзе // Коммерсантъ-власть.—1998.—№ 5.—С. 28–30.
247. Петросян Г. С. Армянский вопрос и армяно-русские отношения в начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.—М., 1996.—32 с.
248. Петросян Д. Где оппозиция // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 35.—2001.—С. 70–72.
249. Петросян Д. Новые лица, старые проблемы // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 30.—2000.—С. 72–78.
250. Пирухалава Н. Интеллектуалы и национальная принадлежность. Являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ (под ред. Малашенко А., Коппитерс Б. и др.).—М.: Изд-во «Весь мир», 1997.—С. 183–196.
251. Пичков Б. П. Проекты технической помощи Евросоюза Армении по программе ТАСИС за период 1991–1997 гг. // Армения: проблемы независимого развития.— М., 1998.—С. 357–366.
252. Погосян Г. Глобальные тенденции мирового развития и перспективы Кавказа // Общество и экономика.—М., 1999.—№ 10–11.—С. 226–229.

253. Поляков Н. Россия-Армения: состояние и перспективы развития торгово-экономических отношений // Внешняя торговля.—М., 1996.—№ 10/11.
254. Постсоветское мусульманское пространство. Религия, политика, идеология.—М.: Российский центр стратегических и междунар. исследований, 1994.
255. Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии (под ред. Б. Коппитрес, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба).—М.: Изд-во «Весь мир», 1999.—448 с.
256. Прокофьев И. В. Нефтегазовый комплекс Азербайджана // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 1.—С. 283–330.
257. Пузанов Ю. Е. Вопросы экономического развития Армении // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 227–252.
258. Пузанов Ю. Е. Проблемы общего экономического развития страны // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 1.—С. 255–282.
259. Пути мира на Северном Кавказе (под ред. В. А. Тишкова).—М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.—184 с.: Глава 11. Кавказ в геополитическом измерении.
260. Рамазанов К. Н., Заридзе Н. М. Основные направления энергетической политики Азербайджанской Республики // Эконом. ТЭК России.—М., 1994.—№ 4.—С. 10–14.
261. Распятая Грузия. Сборник.—Спб., 1995.—287 с.
262. Региональная безопасность и сотрудничество в Центральной Азии и на Кавказе.—М.: Центр Форум, 1999.—300 с.
263. Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М.: Центр Форум, 1999.—300 с.
264. Республика Армения: проблемы социально-экономического развития // Общество и государство.—М., 1999.—№ 6.—С. 5–172.
265. Рондели А. Грузия в постсоветском пространстве // Кавказские региональные исследования.—М., 1996.—№ 1.—С. 94–100.
266. Россия на Кавказе // Родина. Российский исторический иллюстрированный журн. (Спец. выпуск).—М., 2000.—№ 1–2.—224 с.
267. Российская диаспора и проблемы недобровольной миграции на постсоветском пространстве.—М., 1997.
268. Россия и Закавказье: поиски новой модели общения и развития в изменившемся мире. Материалы Круглого стола.—Москва, ИМЭМО РАН, 1999.—56 с.
269. Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство (под ред. Р. М. Авакова).—М.: Финстатинформ, 2000.—224 с.
270. Россия и ее соседи. Соотнесение национальных интересов внутри СНГ. Проблемно-тематический сб.—М.: ИНИОН РАН, 1999.—203 с.
271. Русские на Кавказе: исторический очерк // Власть.—М., 1995.—№ 6.—С. 63–67.
272. Сабов Д. Зачистка парламента // Итоги.—1999.—С. 28–30 (в Армении).
273. Савченко С. Д., Шиловский С. Мусульманский аспект евразийской геополитики // Безопасность.—М., 1999.—№ 9/10.—С. 91–100. (Кавказ и Закавказье).
274. Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—181 с.
275. Сейранян П. А. Карабах и Россия: страницы истории.—М., 1997.—154 с.
276. Серебриан О. Балканы и Кавказ: феномен геополитического синхронизма // Региональная безопасность и сотрудничество на Северо-Западе и Юге России.—М., 1999.—С. 7–20.
277. Скаков А. Ю., Гузенкова Т. С., Шилова Р. А., Белов С. Ф. Азербайджан в составе ГУУАМ (Грузия, Узбекистан, Украина, Азербайджан, Молдавия): особые отношения в рамках СНГ // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 21–56.

278. Смолянский В. Г. Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985–1992 гг.).—Улан-Удэ, 1996.—187 с.
279. Современное кавказоведение. Справочник персоналий (под ред. Игнатова В. Г.). Изд. 2-е, доп.—Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999.—200 с.
280. Содружество Независимых Государств. Статистический бюллетень. Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств.
281. Содружество Независимых Государств. Статистический справочник. Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств.
282. Специальное приложение «Азербайджан» // Нефть и капитал.—М., 2000.—№ 5.—С. 16–45.
283. Спорные границы на Кавказе (под ред. Б. Коппитерса и др.).—М.: Изд-во «Весь мир», 1996.
284. СССР — СНГ — Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор.—М.: Эдиториал УРСС, 2001.—600 с.
285. Становление новых государств в Закавказье // Россия и ее соседи. Соотнесение национальных интересов внутри СНГ. Проблемно-тематический сборник.—М.: ИНИОН РАН, 1999.—С. 82–93.
286. Статус Каспийского моря и перспективы его использования. Материалы международной конференции.—М.: Фонд внешней политики России, 1995.
287. Старченков Г. Страсти вокруг Каспия // Азия и Африка сегодня.—М., 1999.—№ 1.—С. 2–9.
288. Страницы отечественного кавказоведения.—М.: Наука, 1992.—221 с.
289. Строкань С. Одинокие пальмы всесоюзной здравницы // Итоги.—1998.—С. 20–27 (об Аджарии).
290. Струговец В., Попов В. Мы вернемся домой, но только с оружием в руках. В грузино-абхазском конфликте все громче заявляет о себе третья сила // Итоги.—1998.—С. 28–31.
291. Ступишин В. Геополитические фальсификаторы и национальный вопрос // Армянский вестник.—М., 1999.—№ 1–2.—С. 7–14 (о карабахском конфликте).
292. Сулицкая Т. И. Грузино-абхазский конфликт // Восток.—М., 1996.—№ 6.—С. 40–51.
293. Сулицкая Т. И. Грузино-абхазский конфликт // Региональные конфликты в Азии и Северной Африке.—М.: ИВАН РАН и др., 1997.—С. 283–299.
294. Сулицкая Т. И. Закавказье и Россия: взгляд в XXI век // Восток и Россия на рубеже XXI в.—М.: ИВ РАН и др., 1998.—С. 47–57.
295. Тархан-Моурави Г. Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте // Грузии и абхазы. Путь к примирению.—М., 1998.—С. 121–153.
296. Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 гг. В 3-х книгах.—М., 1993.
297. Теперман В. А. Прогноз развития стран Закавказья и интересы России // Восток и Россия на рубеже XXI в.—М.: ИВ РАН и др., 1998.—С. 57–71.
298. Тер-Саркисянц А. Е. Армяне: история и этнокультурные традиции.—М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998.—397 с.
299. Титов В. П. Конфликтный потенциал постсоветского Закавказья: цели сторон, проблемы урегулирования и перспективы для России в Нагорном Карабахе // Региональные конфликты в Азии и Северной Африке.—М.: ИВАН РАН и др., 1997.—С. 300–310.
300. Тищенко Г. Г. Военно-политический курс и Вооруженные силы Азербайджана // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 1.—С. 239–252.

301. Тищенко Г. Г. Вооруженные силы и военно-политический курс Армении // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 555–566.
302. Тоганян В. Социально-политические и экономические аспекты армяно-российских отношений (1991–2000 гг.).—М.: Ин-т социально-полит. исследования РАН, 2000.—177 с.
303. Тодуа З. Азербайджан сегодня.—М., 1995.
304. Тораманян А. Х. Из истории строительной деятельности армян в Молдавии.—М., 1991.—207 с.
305. Тренин Д. Предотвращение, управление и урегулирование конфликтов на территории бывшего СССР: насколько расходятся интересы России и Запада? // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 3. Международный опыт разрешения этических конфликтов.—М., 1997.—С. 118–138.
306. Тренин Д. Интересы безопасности и политика России в Кавказском регионе // Спорные границы на Кавказе.—М., 1996.—С. 102–115.
307. Третьякова В. Я. Становление многопартийности в условиях формирования гражданского общества (на материалах Азербайджана): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.—М., 1993.
308. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX в.—М.: ИВ РАН, 2001.—532 с. (в том числе об экономических и политических связях Турции и Закавказья).
309. Умнов А. Россия в Средней Азии и на Кавказе: мифы, проблемы, решения // Ближний Восток и современность. Институт изуч. Израиля и Ближнего Востока.—М., 1996.
310. Умнов А. Ю. К югу от России // Русский исторический журнал.—М., 1998.—Т. 1, № 2.—С. 181–191 (отношения России со странами Средней Азии и Закавказья).
311. Федоров Ю. Е. Правовой статус Каспийского моря.—М.: МГИМО МИД, 1996.—38 с.
312. Фейгин М. Закавказский узел // Армянский вестник.—М., 1990.—№ 1–2.—С. 121–135.
313. Фурман Д. Возвращение в Третий мир. Грустная история про азербайджанскую демократию // Свободная мысль.—М., 1993.—№ 11.—С. 19–22.
314. Хаиндрава И. Конфликт в Абхазии и возможный путь его урегулирования // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии.—М., 1999.—С. 353–365.
315. Халмухамедов А. М. Армянская диаспора как социокультурный и политический феномен // Социологические исследования.—М., 1999.—№ 2.—С. 54–59.
316. Харабуа Р. З. Политические конфликты: сущность, пути и особенности их урегулирования на Кавказе: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук.—М., 1996.
317. Ходжабекян В. Миграционные процессы в Армении // Миграция.—М., 1997.—№ 4.
318. Ходжабекян В. Формирование рыночных отношений и роль государства в республике Армения // Общество и экономика.—М., 1999.—№ 10–11.—С. 163–175.
319. Хромов Ю. С., Каратаев С. В. Роль международных финансовых организаций в экономике Азербайджана // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 99–116.
320. Худавердян К. Армения после внеочередных президентских выборов // Армянский вестн.—М., 1998.—№ 2.—С. 26–30.
321. Цулая Г. В. Из грузино-абхазской антропонимики // Этнографическое обозрение.—М., 1999.—№ 1.—С. 121–125.

322. Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей. Московский исследовательский центр абхазоведения.—М., 1999.—162 с.
323. Челеби Ф. Образ Кероглу в традиционной культуре азербайджанского народа // Судьбы традиционной культуры.—Спб., 1998.—С. 220–256.
324. Червонная С. М. Абхазия — 1992: посткоммунистическая грузинская Вандея.—М., 1993.—190 с.
325. Черкезия Л. Д. Война в Абхазии.—М., 1995.—127 с.
326. Чернявский С. И. Азербайджан и Турция — стратегическое партнерство // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 173–188.
327. Чернявский С. Балканский ответ в Закавказье // Международная жизнь.—М., 1999.—№ 7.—С. 84–92.
328. Чернявский С. Закавказье в планах Вашингтона // Свободная мысль.—М., 1999.—№ 7.—С. 56–61.
329. Чернявский С. Западная активность в Закавказье // Международная жизнь.—М., 1998.—№ 6.—С. 68–76.
330. Чернявский С. Кавказские стратегии Вашингтона // Международная жизнь.—М., 1999.—№ 1.—С. 22–28.
331. Чернявский С. И. Политика США по укреплению своего влияния в Азербайджане // Независимый Азербайджан: новые ориентиры.—М., 2000.—Т. 2.—С. 117–136.
332. Чернявский С. Россия готова сотрудничать с Азербайджаном // Международная жизнь.—М., 2001.—№ 2.—С. 63–72.
333. Чернявский С. Южный Кавказ в планах НАТО // Международная жизнь.—М., 1998.—№ 9.
334. Чернявский С. Экспортные маршруты каспийской нефти // Мировая экономика и международные отношения.—М., 1999.—№ 12.—С. 64–68.
335. Чикава Л. О социальной ориентированности национальной экономики Грузии // Общество и экономика.—М., 1999.—№ 10–11.—С. 139–151.
336. Чирикба В. Грузия и Абхазия: предложения к конституционной модели // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии.—М., 1999.—С. 387–440.
337. Чирикба В. Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода // Грузины и абхазы. Путь к примирению.—М., 1998.—С. 68–85.
338. Шария В. Абхазская трагедия. Сборник.—Сочи, 1994.—140 с.
339. Шилова Р. А. Армения-Грузия: добрососедство и связь с внешним миром // Армения: проблемы независимого развития.—М., 1998.—С. 465–486.
340. Шмелев Н. П. Страны Каспия и Закавказья — государства СНГ: перспективы устойчивого роста // Европа и Россия: проблемы южного направления.—М., 1999.
341. Шорохов В. Нефть и политика Азербайджана. Исследования ЦМИ МГИМО. № 9.—М., 1997.
342. Шорохов В. Политика Турции в Закавказье и национальные интересы России // Россия и Турция на пороге XXI в.: на пути в Европу или в Евразию?—М., 1997.
343. Шперлинг Д. Конфликты на Кавказе: политика разрядки — выход из нестабильности // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 63–76.
344. Шумилин А. Убийство в парламенте // Эксперт.—М., 1999.—№ 41.—С. 61 (расстрел в армянском парламенте).
345. Шушеци А. Процесс урегулирования карабахско-азербайджанского конфликта под эгидой ОБСЕ // Армянский вестн.—М., 1998.—№ 1.—С. 16–19.
346. Эбаноидзе А. Трудные усилия возрождения: из опыта Грузии в минувшем десятилетии (1989–1999).—М.: Ключ, 1999.—128 с.

347. Эмба Н. Б., Эмба З. Н. Историко-культурная и языковая общность народов абхазо-адыгской группы.—Черкесск, 1997.—200 с.
348. Энергетика и геостратегия в Каспийском регионе — участники, интересы, возможности конфликтов. 113-я конф. Бергдорфского форума. Баку, Азербайджан, 1998 г. // Международная жизнь.—М., 1999.—№ 4.—С. 43–127.
349. Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ (под ред. А. Малащенко, Б. Коппитерс, Д. Тренин).—М.: Изд-во «Весь мир», 1997.—203 с.
350. Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов (под ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев).—М.: Изд-во «Весь мир», 1997.—304 с.
351. Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос (1981 — начало 1992 гг.). Очерки. Документы.—М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.—384 с.
352. Юданов Ю. Закавказье: оценки инвестиционной привлекательности // Мировая экономика и международные отношения.— М., 1999.—№ 11.—С. 101–112.
353. Юнусов А. Азербайджан в постсоветский период: проблемы и возможные пути развития // Северный Кавказ-Закавказье: проблемы стабильности и перспективы развития. Материалы междунар. конф.—М., 1997.—С. 144–165.
354. Юнусов А. Бакинский социум на пороге XXI в. // Мировая экономика и международные отношения.—М., 2000.—№ 2.—С. 73–81.
355. Юнусов А. Посткоммунистический Азербайджан: проблемы и возможные пути развития // Мировая экономика и международные отношения.—М., 1998.—№ 11.—С. 100–111.
356. Юнусов А. Прозападные настроения слабеют // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 35.—2001.—С. 68–70 (внутриполитическая ситуация в Азербайджане).
357. Яговитин В. А. Очерки истории Абхазии. Учебное пособие для средних и высших учебных заведений СНГ.—Майкоп, 1995.—123 с.
358. Язькова А. А. Государства Закавказья и Россия. Научный доклад.—М.: Институт международных экономических и политических исследований РАН, 1998.
359. Язькова А. Против кого хочет дружить Грузия? // Открытая политика.—М., 1999.—№ 11/12.—С. 64–71.
360. Ямсков А. Н. Межнациональные конфликты в Закавказье: предпосылки возникновения и тенденции развития // Политические исследования.—М., 1991.—№ 2.
361. Ямсков А. Н. Нагорный Карабах: анализ причин и путей решения межнационального конфликта // Национальные процессы в СССР.—М.: Наука, 1991.—С. 165–186.
362. Ямсков А. Н. Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе (под ред. М. Б. Олкотт и А. Малащенко).—М.: Московский центр Карнеги, 1998.—С. 168–197.

РАЗВИТИЕ НАУКИ В АБХАЗИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Абхазская наука, как и вся национальная профессиональная культура абхазов, сравнительно молода. Хотя традиционная культура этого народа, и материальная и духовная, отмечена чертами глубокой древности и самобытности, профессиональная культура, включая сюда в широком смысле слова и науку, и литературу, и искусство, стала развиваться лишь в последние полтора-два столетия, что, в первую очередь, связано с вхождением края в российское историко-культурное пространство (1810 г.). Именно в эти годы зародилась и абхазская письменность, без которой говорить всерьез о развитии профессиональной культуры, к высшей форме которой принадлежит и наука, вряд ли возможно.

Думается, уместно здесь вспомнить о том, что науке известны небезынтересные гипотезы относительно наличия у древних абхазов своей оригинальной письменности. Речь идет о дешифровке известным ленинградским (питерским) ученым, профессором Г. Ф. Турчаниновым, надписи на небольшой каменной плите, случайно найденной при строительстве частного дома в пригороде Майкопа в начале 60-х гг. прошлого столетия и датируемой им XIII–XII вв. до н. э.

Правда, дешифровка эта не получила единодушного признания в научном мире: она имеет как своих сторонников, так и оппонентов. Конечно, было бы весьма лестно, если бы предположение ученого получило неопровержимое подтверждение: в таком случае письмо это оказалось бы самым древним на всем постсоветском пространстве. Однако мы хорошо понимаем, что данная дешифровка не что иное, как гипотеза, пусть и научная, тем не менее гипотеза. А вот реальная, доподлинно известная нам абхазская письменность на русской графической основе возникла, как сказано выше, лишь в начале 60-х гг. XIX столетия (алфавит П. К. Услара, Тифлис, 1862 г.).

Наука как определенная система знаний об окружающей действительности в целом и об отдельных ее отраслях в условиях Абхазии складывается сравнительно поздно, уже в советские годы. Однако задолго до этого, начиная еще с 30–40-х гг. XIX вв., зарождаются зачатки научных знаний, связанные как с подвижнической деятельностью местных краеведов, любителей-энтузиастов, так и с неизменным интересом, проявляемым заезжими именитыми учеными и путешественниками к этому экзотическому краю и к его древнему аборигенному населению. К первой категории относятся такие местные интеллигенты-краеведы как, С. Званба, К. Мачавариани, П. Чарая, Д. Гулиа, А. Чочуа, С. Чанба и др., ставшие известными своей просветительской и краеведческой деятельностью еще до революции, а некоторые из них (например, Д. Гулиа, А. Чочуа, С. Чанба) в советские годы выросли в крупных научных, культурных и общественных деятелей. А ко второй категории мы причислили бы таких русских ученых, как П. К. Услар, И. А. Бартоломей, Н. Я. Марр, Н. М. Альбов и др., которые активно содействовали становлению абхазоведения как науки не только непосредственными своими исследованиями, но и неутомимой научно-организационной деятельностью.

В этом отношении особое место в истории науки и общественной мысли Абхазии принадлежит славному роду Вороновых, насчитывающему уже несколько поколений знаменитых ученых и общественных деятелей, начиная от старшего среди них Н. И. Воронова, ученого-обществоведа, сподвижника А. Герцена, Н. Огарева, Н. Чернышевского, организатора издательского дела на Кавказе («Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник статистических сведений о Кавказе», газета «Кавказ» и др.), обосновавшего имение «Ясочка» в горном историческом абхазском селе Цабал (Цебельда) еще во второй половине XIX в. (1874 г.). Традиции отца достойно продолжил его сын Ю. Н. Воронов, ученый-биолог, отдавший много сил и энергии изучению флоры Абхазии. А уже в наше время представителем этого славного рода, перенявшим эстафету от знаменитых предков, выступил их не менее знаменитый праправнук Ю. Н. Воронов — крупный ученый-археолог, обогативший абхазскую (да не только абхазскую, но и всю кавказскую) историческую науку рядом фундаментальных исследований и отдавший свою жизнь непримиримой борьбе за освобождение родной для него Абхазии от национальной и колониальной независимости.

XIX — начало XX вв. в истории абхазской науки был периодом зарождения и становления, периодом накопления фактического банка, сбора и публикации полевого этнологического, археологического, лингвистического, фольклорного материала, приобретающего впоследствии характер ценнейшего первоисточника. С этой точки зрения, наибольший интерес представляют этнографические этюды С. Званба, фольклорно-этнографические и лингвистические материалы А. Иоакимова, В. Гарцкия, Н. Джанашия, К. Мачавариани, П. Чарая, Д. Гулиа, и, конечно же, богатая коллекция фольклорных записей, произведенных так называемым «Бзыпским комитетом» по поручению и под непосредственным методическим руководством академика Н. Я. Марра в 10-х гг. XX столетия, ныне хранящихся в Санкт-Петербургском отделении архива Российской Академии наук (частично они были опубликованы лишь в 60-х гг. молодым тогда фольклористом, ныне академиком АНА С. Л. Зухба).

После установления советской власти в Абхазии абхазская наука (и гуманитарная, и естественная), как и все другие отрасли экономики и культуры, встала на путь наиболее интенсивного и планомерного развития. Создаются первые научные организации: Абхазское научное общество (АБНО, 1922 г.) и Академия абхазского языка и литературы (1925 г.). Последняя — по инициативе академика Н. Я. Марра. Ее председателями попеременно были А. М. Чочуа и Д. И. Гулиа.

Правда, эти первые научные организации не были еще в достаточной степени обеспечены соответствующими теоретически подготовленными кадрами. В них были объединены главным образом любители-энтузиасты, краеведы, педагоги-практики, хозяйственные руководители. Привлекались специалисты и из других республик и областей.

Развернулась в широких по тем временам масштабах экспедиционно-собираательская, научно-исследовательская и издательская деятельность. Изучались не только проблемы истории и культуры, но не в меньшей степени и состояние экономики, природных условий, производительных сил, флоры и фауны Абхазии. Материалы публиковались в «Известиях» и «Трудах» АБНО. А также в специальных тематических сборниках и в виде монографических исследований. Тако-

вы, например, труды Д. И. Гулиа «История Абхазии», «Абхазский общественно-терминологический словарь», «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» и др. В 20-х гг. опубликованы первые профессиональные нотные записи абхазских народных песен, включенные в сборники композитора-этнографа К. Ковача «101 абхазская песня» и «Песни кодорских абхазов» и т. д.

Все это было очень важно и нужно, но все-таки деятельность любителей-энтузиастов не могла подменить собой профессиональную науку. Нехватка профессиональных кадров особенно остро чувствовалась в области общественных наук. Необходимо было в спешном порядке воспитать научные кадры с основательной академической подготовкой. В этом отношении неоценимой оказалась помощь, безвозмездно оказанная академиком Н. Я. Марром Республике Абхазия. Под его руководством двое молодых, талантливых выпускников Ленинградского института востоковедения (Арсений Хашба и Виктор Кукба) прошли полный курс аспирантской подготовки, защитили первыми среди абхазов кандидатские диссертации в области абхазской филологии, а в начале 30-х гг. вернулись в родную республику и возглавили научную абхазоведческую работу в республике.

Уже с 30-х гг. в коллективе Абхазского института работают такие ученые, как А. Фадеев, А. Олонецкий, И. Аджинджал, И. Антелава, К. Шакрыл, Х. Бгажба, Г. Дзидзария и др., многие из которых впоследствии стали ведущими специалистами в различных отраслях науки. Их имена широко известны не только в Республике Абхазия, но и далеко за ее пределами.

Несмотря на тяжелые военные и послевоенные годы, исследовательская работа в стенах этого института никогда не затухала. В эти годы коллектив института пополнился такими учеными-абхазоведами, как Ш. Инал-ипа, З. Анчабадзе, Б. Шинкуба, М. Трапш, Л. Акаба, Ц. Бжания, А. Куправа и др.

Подготовка профессиональных кадров-абхазоведов значительно усилилась, начиная со второй половины 50-х и 60-х гг. XX столетия. Кадры готовились, главным образом, в Москве, Тбилиси, Ленинграде и других научных центрах бывшей Страны Советов. Именно воспитанники этих научных центров составили основной костяк коллективов и Абхазского института, и Сухумского госпединститута (ныне Абхазского госуниверситета). К ним относятся языковеды: Ш. Арстаа, Л. Чкадуа, сестры Е. и Т. Шакрыл, сестры В. и С. Амичба, Р. Гублия, Н. Аршба, В. Конджария, В. Кварчия, Л. Хагба, А. Хециа; литературоведы и фольклористы: С. Зухба, М. Ласурия, В. Цвинария, З. Джапуа, Дж. Адлейба, В. Бигуаа, В. Дарсалия, А. Аншба, Г. Гублия, В. Авидзба, В. Когония, Р. Капба, Д. Аджинджал, А. Ашуба; историки, этнографы, археологи: Б. Сагария, О. Бгажба, Г. Шамба, В. Ардзинба, Ю. Воронов, Л. Шервашидзе, Л. Хрушкова, Х. Аргун, С. Шамба, Г. Лежава, Г. Амичба, С. Лакоба, М. Гунба, Е. Малия, Ю. Аргун, Т. Ачугба; искусствоведы: А. Аргун, А. Кация; экономисты: Б. Ашуба, Р. Лагвилава, О. Шамба, А. Гулиа, З. Шалашаа, В. Кварчия; юристы: Т. Шамба, Г. Колбая, С. Смыр и др.

Многие из названных ученых, к сожалению, уже ушли из жизни, другие продолжают плодотворно работать в стенах АБИГИ, АГУ, на ответственных государственных постах в Республике Абхазия и за ее пределами.

Во всех отраслях абхазоведения имеются значительные успехи. Созданы обобщающие коллективные труды, а также индивидуальные фундаментальные моно-

графические исследования. Однако, далеко не все проблемы еще исчерпаны. Из публикаций в области абхазоведения в первую очередь должны быть названы такие обобщающие труды, как «Грамматика абхазского языка», «Русско-абхазский словарь», «Толковый словарь абхазского языка» в 2 томах, «Очерки истории абхазской литературы», «Очерки истории абхазской АССР» в 2 томах; «История Абхазии» (учебник), а также такие монографии крупнейших абхазоведов: Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX в.», Ш. Д. Инал-ипа «Абхазы», З. В. Анчабадзе «История и культура древней Абхазии», «Из истории средневековой Абхазии», Х. С. Бгажба «Бзыбский диалект абхазского языка», М. М. Трапш «Труды» (в 4 томах), Ш. К. Арстаа и Л. П. Чкадуа «Грамматика абхазского литературного языка» и многие др.

Картина абхазской науки была бы, несомненно, однобокой, ущербной, если бы ее ограничили только рамками гуманитарных дисциплин. В Абхазии успешно развиваются и естественные науки: медико-биологические, сельскохозяйственные, физико-математические и технические науки. Основы некоторых из них были заложены еще в XIX в., как, например, знаменитый Сухумский ботанический сад (1840 г.), на базе которого впоследствии вырос ныне успешно функционирующий Институт ботаники АНА.

В советские годы в Республике Абхазия был основан ряд крупных научных институтов всесоюзного или республиканского значения: Институт экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук СССР (на базе Сухумского обезьяньего питомника), Сухумский физико-технический институт, Институт акустики (ныне Гидрофизический институт), Институт курортологии, Всесоюзный научно-исследовательский институт чая и субтропических культур (ВНИИЧисК), Сухумская опытная станция Всесоюзного института растениеводства и др.

Каждый из этих институтов функционировал как самостоятельное научное учреждение, подведомственное всесоюзному или грузинскому республиканскому отраслевому министерству или головному научному центру в Москве, Тбилиси, Ленинграде, Краснодаре и т. д. В них работали или продолжают работать десятки и сотни крупных ученых: Б. Лапин, А. Колаковский, В. Старцев, М. Максимов, Г. Айба, Р. Швангеридзе, Л. Айба, С. Бебия, А. Марколия, Ш. Джалагония, З. Шевцова и др. Широкой известностью и за пределами республики пользуется имя абхазского математика, ректора Абхазского госуниверситета, академика А. А. Гварамия.

После распада СССР положение в науке, как и во всех других областях экономической, политической и духовной жизни Абхазии, резко изменилось. С одной стороны, долгожданная и желанная национальная и социальная свобода, за которую отчаянно и самоотверженно боролся народ и в годы меньшевистского господства в крае (1918–1921 гг.), и практически непрерывно в течение всех советских лет, а с другой стороны, страшная экономическая разруха и политическая неопределенность, усугубленные продолжавшейся годами экономической, идеологической, информационной блокадой со стороны окружающего мира, создали в стране нестабильное, напряженное социально-экономическое и политическое положение, которое, конечно, сказывалось отрицательно на всех сферах жизни, в том числе и на науке.

После фактического отложения Абхазии от Грузии в результате грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., научные учреждения Абхазии, ранее принадлежавшие всесоюзным или республиканским ведомствам, оказались разобщенными, разрозненными, представленными самим себе, так сказать, без ведомственной крыши над головой. Необходимо было, прежде всего, сохранить эти коллективы, их богатую исследовательскую материально-техническую базу и научный потенциал, что нелегко было осуществить в условиях страшной экономической разрухи и объявленной молодой республике экономической и политической блокады.

Наиболее оптимальным, если не единственным, выходом из сложившегося положения, было признано создание Академии наук, которая объединила бы под своей крышей все научные учреждения республики. И буквально через два месяца с небольшим после окончания грузино-абхазской войны Верховный Совет Республики Абхазия принимает Постановление о создании Академии наук (12 декабря 1993 г.). Однако в тех тяжелых экономических, финансовых условиях быстро решить вопрос этот не удалось, пришлось несколько отодвинуть сроки его исполнения. И тем не менее в марте 1997 г. Президент Республики Абхазия издает указ «Об образовании Академии наук Республики Абхазия». Был создан Оргкомитет, который провел необходимую работу по подготовке и проведению учредительного собрания Академии. Объединенным Ученым советом разового функционирования с участием членов отраслевых академий наук Российской Федерации 30 октября 1997 г. был избран первый состав действительных членов (академиков), членов-корреспондентов и иностранных почетных членов Академии наук Абхазии. Первым президентом Академии стал известный ученый языковед Ш. К. Арстаа, вице-президентом Г. Г. Айба, ботаник по специальности. После учредительного собрания еще дважды проводились выборы в Академию наук.

В настоящее время Академия состоит из 3 отделений: 1) Отделение гуманитарных и социальных наук, 2) Отделение физико-математических и технических наук, 3) Отделение биологических, сельскохозяйственных наук и наук о Земле. Академия издает свой ежегодный печатный орган «Вестник АНА».

В последние годы науке уделяется больше внимания и со стороны руководства Республики Абхазия. Принят «Закон о науке и научно-технической политике» (август 2005 г.), учреждена Государственная премия Республики Абхазия им. Г. А. Дзидзария в области науки. Ее лауреатами стали ведущие ученые Абхазии: Ш. К. Арстаа, Л. П. Чкадуа, Г. К. Шамба, С. М. Бебия, В. Е. Кварчия, В. Ш. Авидзба, Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун, Е. М. Малиа, Я. А. Эмба, Р. С. Дбар.

Знаковым событием в научной жизни республики было признано заключение «Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Российской Академией наук и Академией наук Абхазии», подписанное президентом РАН С.Ю. Осиповым и президентом АНА Ш. К. Арстаа в ноябре 2005 г. На базе этого соглашения значительно расширяется сотрудничество научных учреждений Академии наук Абхазии с головными научными институтами России, особенно республик Северного Кавказа и стран СНГ, в том числе и с Республикой Армения.

Список использованной литературы:

1. Авидзба В. Ш. Абхазский институт гуманитарных исследований: прошлое и настоящее // Новая Евразия: Россия и страны ближнего Зарубежья.—2002.—№ 13.—С. 40–49.
2. Арстаа Ш. К., Салакая Ш. Х. Академия наук Абхазии: История, структура, деятельность // Кавказские научные записки.—2009.—№ 1.—С. 16–20.
3. Бгажба Х. С. К истории Абхазского института // Тр. Абхазского институтата ЯЛИ им. Д. И. Гулиа.—Сухуми, 1961.—Вып. 32.—С. 197–204.
4. Вестник АНА.—Сухум, 2005.—№ 1.—С. 7–50.
5. Дзидзария Г. А. Расцвет науки // Абхазская АССР в братской семье советских народов.—Сухум, 1972.—С. 119–132.
6. Салакая Ш. Х. Центр абхазоведения.—Сухум. 1982.
7. Салакая Ш. Х. К истории создания Академии наук Абхазии // Вестн. АНА.—2005.—№ 1.—С. 7–11.
8. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы.—Л., 1971.—С. 11–34.

А. А. Умняшкин

АНАЛИЗ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ ТАТСКОГО И ЕВРЕЙСКО-ТАТСКОГО ЯЗЫКОВ

Многочисленные лексические единицы иранских языков, приведенные ведущими лингвистами начала прошлого столетия, в значительной степени потеряли свою значимость сегодня и вышли из бытового обихода носителей татского языка, распространенного на территории Кавказа [6, 14]. Следует отметить, что выбранная нами тема является актуальной как с научной, так и с практической точки зрения для изучения современного состояния языков иранской группы [2, 7]. С проникновением новых бытовых предметов происходит обновление лексического фонда языка, то есть с освоением новых явлений сужается круг употребления традиционно-бытовых предметов и пополняется число неологизмов и заимствованного пласта лексики. Номинативные единицы предметно-бытовой сферы по своему составу и происхождению неоднородны. В качестве составных компонентов наблюдаются как заимствованные единицы, так и исконные. Во многих составных номинативных единицах употребление заимствованного компонента является ситуативным случаем, тогда как в других случаях используется его исконный синоним.

Большое количество славянизмов, тюркизмов и семито-хамитских заимствований в татском языке указывает на раннее и ярко выраженное влияние данных языковых семей, а также этнографических и религиозных факторов на татский язык, что привело к ограничению сферы употребления исконных номинативных единиц. По мере распространения и усвоения тюркских и славянских языков среди ираноязычного населения Кавказа широко стали использоваться заимствованные синонимичные пары, адаптированные и приобретшие закономерности татского языка, что в последствие ограничивало сферу дальнейшего бытования исконных номинативных единиц. Анализ номинативных единиц в этнолингвистическом освещении показал, что этнографические особенности наиболее выражены в лексике, связанной с жильем и пищей, отдельно взятые номинативные единицы отражены в составе фразеологических и устойчивых языковых оборотов [1, 5, 9, 17, 19].

Горские евреи Кавказа — Дагестана, Азербайджана, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ставрополя — говорят на языке, известном как татский. Под названием «татский язык» науке известны не одна, а две самостоятельные языковые единицы: собственно татская и «еврейско-татская», на которой говорят так называемые горские евреи. Генетически обе они входят в иранскую группу индоевропейской семьи языков. По историко-диалектологической классификации собственно татская и «еврейско-татская» формы речи относятся к юго-западным иранским языкам и наиболее близки персидскому и таджикскому. В литературе указывается на разную степень этой близости: собственно татский язык обрисовывается как язык, весьма близкий персидскому, тогда как грамматическая структура «еврейско-татской» формы речи сохраняет некоторые черты, утраченные современным персидским, и представляется, в целом, более архаичной. Лексические ее отличия от персидского также представляются большими,

чем у собственно татских говоров Абшерона. При очевидной материальной и структурной близости между собственно татской и «еврейско-татской» формами речи существуют значительные языковые различия [3, 8, 13]. Они исключают полное взаимопонимание между их носителями — представителями двух разных этносов. Отмечается большая тюркизованность собственно татских говоров, сильное влияние на фонетику, лексику и грамматику которых оказывает азербайджанский язык. В то же время «еврейско-татские» говоры испытали влияние иврита, что выразилось в наличии значительного слоя лексических заимствований и большей распространенности верхнефарингальных согласных. Собственно татская и «еврейско-татская» языковые единицы различаются и по функциональным, социально-культурным характеристикам. Этнические таты — ее носители — используют в функции литературно-письменного азербайджанский язык, что связано с исторически выработавшейся культурной общностью татского и азербайджанского народов и с давней распространенностью азербайджанско-татского двуязычия. «Еврейско-татская» языковая единица характеризуется наличием письменности и литературного языка, которыми пользуются исключительно горские евреи. Лингвистическая граница между собственно татскими и «еврейско-татскими» говорами проходит не только по структурно-лингвистическим и социально-культурным признакам, они различаются и по социально-этническим параметрам.

Носители данных языковых единиц, будучи представителями разных народов, имеют различное этническое самосознание, и при этом каждый этнос имеет собственное самоназвание и не отождествляет себя с другим [4, 10, 18]. На протяжении изучения татских говоров, начиная с первых работ конца XIX—начала XX в., в научной литературе во избежание терминологической путаницы систематически проводилось терминологическое разграничение данных языковых единиц, в основном в соответствии с традиционным этническим принципом. Образующие языковую общность говоры этнических татов назывались собственно татским, мусульманско-татским языком и языком североазербайджанских татов. Представляющие другую языковую общность говоры горских евреев определялись «еврейско-татским» языком (наречием), татским языком (наречием) горских евреев и еврейским диалектом татского языка. В качестве названий собственно татской и «еврейско-татской» формы речи в этих работах условно использовалась следующая пара соотносительных терминов: «южный диалект татского языка», «северный диалект татского языка» соответственно.

В начале 90-х гг. в научном обиходе иранистики восстановлено традиционное название языка горских евреев [11, 15]. Несмотря на имеющиеся очерки фонетики и морфологии «еврейско-татского» языка В. Ф. Миллера и небольшой словарь, данный в его «Материалах по изучению еврейско-татского языка», звуковой строй, грамматика и лексика этого языка не исследованы систематически. Не было ни одной специальной работы, посвященной квалификации языковых особенностей, отличающих эту языковую единицу от собственно татской, персидского, таджикского и других юго- и западно-иранских языков, определению ее языкового статуса и классификационного места в этой группе. Общее самоназвание носителей «еврейско-татских» говоров — «джугур» (мн. ч. «джугургь»), более традиционное, употребляемое представителями старших поколений, — «гьивр».

Определенная часть горских евреев в 30-е гг. XX в. начала употреблять в качестве официального самоназвания термин «тат», который, как известно, не является этническим [12, 16]. Возникшая на основании близости языка горских евреев с языком этнических татов тенденция использования термина «таты» усилилась в СССР в послевоенные и особенно в 80-е гг., несмотря на то, что для носителей «еврейско-татских» говоров он является псевдоэтнонимом, образцом этнического камуфляжа. Официально зарегистрировавшиеся как «таты», носители этого языка в живой разговорной речи так же, как и другие называют себя джугтур. У соседних народов носители «еврейско-татских» говоров издавна известны как кумыкское жугтут, лезгинское ччувудар, табасаранское жуггуд, даргинское жуггугти. В прошлом употреблялось и другое, описательное название этого народа: даг-чифут. В середине XIX в. в Дагестане появилось еще по крайней мере два названия носителей данного языка: «еврей-горцы» и «горские евреи» — русские кальки с упомянутого выше дагестанского названия «даг-чифут». Один из этих терминов — «горские евреи», введенный в обиход русской, а затем и местной администрацией для отграничения данной субэтнической группы евреев Восточного Кавказа от другой — ашкенази, так называемых европейских евреев, закрепился впоследствии в русской этнографической и лингвистической литературе и в официальной номенклатуре в качестве внешнего этнонима. С 30-х гг. XX в. носителей татского языка стали называть также и татами, татами-евреями.

Носители «еврейско-татских» говоров проживают в Дагестане в основном в городах Дербент, Махачкала, Хасавюрт, а также в с. Нюгди Дербентского района. Определить относительно точное количество говорящих на «еврейско-татском» языке представляется довольно затруднительным. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., они зарегистрировались под тремя этнонимами: евреи, горские евреи, таты и их общая оценочная численность составила около 23 тыс. человек. Значительные группы горских евреев проживают также в ряде городов Северного Кавказа, а также в Москве, Санкт-Петербурге, в Азербайджане (Куба, Баку, Огуз, Хачмас), за пределами СНГ — в Израиле, США, Канаде.

Язык горских евреев членится на диалекты и говоры. Особо заметные различия, в основном в фонетике и лексике, наблюдаются между тремя диалектами: северным, или кайтагским (к которому относятся махачкалинский, грозненский, нальчикский, моздокский говоры), средним — дербентским и южным — кубинским. Что же касается говоров огузских и ширванских евреев, то они практически не изучены. Первые печатные тексты на татском языке с использованием еврейской графики появились в первом десятилетии XX в. Это были переводы с иврита Э. И. Пинхасова книги И. Сапира «Сионизм» (Вильна, 1908) и молитвенника «Кол тфила» (Вильна, 1909). В 20-е гг. на этой графической основе издавались различные учебные пособия: книги для чтения, буквари и др. С 1928 по 1938 г. горские евреи, как и носители ряда других языков, пользовались алфавитом на латинской графической основе, а с 1938 г. перешли на систему письма, основанную на русской графике, которая функционирует и в настоящее время. Литературный татский язык горских евреев начал складываться и продолжает развиваться на основе дербентского диалекта. Как один из литературных языков Дагестана, он выполняет в настоящее время лишь часть функций, обслуживая культурные потребности горских евреев: на этом языке издается учебно-

методическая, художественная и общественно-политическая литература, выходит республиканская газета «Ватан», ведется радиовещание, ставятся спектакли в Народном татском театре. С 1991 учебного года введено преподавание этого языка в начальных классах отдельных школ г. Дербента, Махачкалы, Хасавюрта, в Дербентском педучилище открыто отделение по подготовке преподавателей «еврейско-татского» языка.

Горские евреи Азербайджана называют свой язык «зуһун джуһури» (zuhun çuhuri) или просто «джуһури» (çuhuri) от самоназвания горских евреев «джуһур» (çuhur). Язык горских евреев Азербайджана относится к числу слабо изученных, и для него характерна большая раздробленность по говорам с существенными расхождениями в области фонетики (балаханский, сураханский, дивичинский и гонагкентский говоры, а также шемахинский диалект).

Таты в настоящее время интенсивно ассимилируются с азербайджанцами. Родным языком они пользуются только в пределах своего селения, дети учатся в азербайджанских школах. Наиболее сильно тюркское влияние выражено в промышленных районах (Абшеронский полуостров) и менее — в районах сельскохозяйственных, где татские селения составляют более или менее компактную массу. Значительные колебания языковых норм наблюдаются и внутри одного селения между старшим и младшим поколениями и между разными слоями населения по степени приобщения к азербайджанскому языку.

В результате проведенного исследования нами было обнаружено, что множественное число имен существительных образуется с помощью суффикса «-а», присоединяемого к существительным, заканчивающимся на согласные (например, рэг — рэга — вены) и принимающего на себя ударение. Образование множественного числа имен существительных, заканчивающихся на гласные «а», «е», «и», так же как и в Тегеранском диалекте персидского языка, производится за счет суффикса «-һа» (например, «муһа» — волосы). Однако, в некоторых селениях мы столкнулись с превращением суффикса множественного числа «һа» в «һо» (например, «рыриһо» — кишки). Интересно, что жители Лахыча для образования множественного числа существительных используют суффиксы «-һон» и «-ун» (например, «одомиһон» — люди). Множественное число одушевленных предметов чаще образуется с помощью суффикса «-ун» (например, «гуспандун» — овцы, «јәлун» — дети). Причем в речевой практике, при высокой скорости произнесения звуков многие информанты опускают последний согласный звук и в конце множественного числа существительных звучит долгое «у» («әсу» — лошади, «сәку» — собаки, «гуспанду» — овцы). Таким образом, слова специфичные для кубинского диалекта азербайджанского языка и перешедшие в него из татского языка занимают важное место в его лексической структуре, и в частности, среди них выявлено большое количество соматизмов: «галл» — сторона, бок, ягодица, «ганда» — старый, «сияпур» — наглец, «сирт» — темя, «ситал» — ленивец, «джяспяр» — граница, «шятял» — стопа, «шинк» — корм. Вышеприведенные примеры дают представлять образцы тесного взаимовлияния и взаимопроникновения этих языков. Таким образом, часть лексем бакинского и кубинского диалектов азербайджанского языка является или исконно татской по происхождению или перешла через посредство татского языка из других иранских языков.

С уверенностью можно сказать, что существует серьезная потребность углубленного исследования этого ареала диалектологии. Основу лексики татского языка образует специфическая для всей группы иранских языков словарная база. Нам удалось выявить, хотя и небольшое количество арабизмов, попавших в татский язык с помощью фарси и азербайджанского языка. После захвата Кавказа арабами и насильственного принятия татами ислама определенное количество арабизмов перешло в татский язык непосредственно из арабского языка. Заимствованные в татский язык арабские слова более или менее четко выделяются своим значением; как правило это либо имена с отвлеченным значением, либо религиозные термины и слова, так или иначе связанные с мусульманской культурой: *jænnæt* — рай, *bærækæt* — благодать, *tæzar* — гробница, *qismæt* — судьба, *xeir* — добро, *faidæ* — польза, *ræhmæt* — милость, *istifadæ* — использование, *adæt* — адат, обычай, *tajir* — купец.

Нами было выявлено большое количество тюркизмов в татском языке, появление которых обусловлено реципрокными экономическими, общественными и культурными связями. Например, «дирсэк» — локоть, «бургу» — рожок, «дабан» — пятка, «чәнгә» — клочок волос, «гучә» — старый, «гәри» — старуха, «пий» — жир (авестийское «*privaḥ*»), «кюк» — толстый человек, «синихчи» — костоправ, «агджийяр» — легкие, «яралу» — раненый, «дамар» — сосуд, вена, «чичәк» — краснуха.

Необходимо отметить, что процесс заимствования слов является взаимным как из азербайджанского языка в татский, так и из татского языка в некоторые диалекты азербайджанского языка. Это влияние наиболее ярко проявляется в кубинском и бакинском диалектах азербайджанского языка. Вероятно, что абшеронские таты, приняв азербайджанский язык, постепенно привнесли в него ряд элементов и лексем татского языка. Это влияние заметнее проявляется в лексикологии по сравнению с другими уровнями языка. В бакинский диалект азербайджанского языка перешли как собственно татские лексемы, так и слова, заимствованные татским из других языков, например, «сайхаш» — спокойствие, безветрие (крызский язык). Эту лексику мы выявили среди жителей Кубинского района Азербайджана, где основную массу составляли лица татской национальности. В кубинском диалекте азербайджанского языка, в отличие от других азербайджанских диалектов, есть ряд слов и языковых явлений, которые встречаются в татском языке, и они специфичны для всех его диалектов. Именно из-за этого явления те или иные находки в кубинском диалекте азербайджанского языка мы имеем право оценить как влияние татского языка. Ядро татской лексики составляют исконно иранские слова: названия частей тела, многие названия животных, растений, обозначения простейших географических и астрономических понятий, основные термины родства, иранской же является терминология некоторых ремесел, например, ковроткацкого.

Татский словарь, несомненно, включает в себя большое количество персидских слов. Их заимствование могло происходить непосредственно и в разное время, поскольку таты на протяжении сотен лет находились в контакте с персидской языковой средой. Однако поскольку этимологически общие слова имеют в большинстве случаев в обоих языках — персидском и татском — в силу их близости — сходный фонетический облик, то выделить персидские заимствования в

татской лексике представляется делом весьма затруднительным. Лишь об очень небольшом количестве иранских слов мы можем с уверенностью говорить как о персидских заимствованиях. В частности, это слова с поствокальным *d* (в исконно татских словах ему соответствует *g*), например: *piyadæ* — пеший (ср. *reigæ* с тем же значением), *xuda* — бог, *jadu* — колдовство.

Азербайджанские слова — количественно наиболее значительный слой иноязычных заимствований. Азербайджанские слова проникают в глубь татской лексики, в том числе и в семантические разряды, выше обозначенные как иранские, и вытесняют во многих случаях соответствующие по значению иранские слова. Этим можно объяснить такие заимствования, как *qeyinata* — тесть, свекор, *yağa* — рана, *bulut* — туча, *dag* — гора, и наличие таких пар и в татском словаре, как *xærguʃ/douʃan* — заяц; *ruvi/tylki* — лисица, *tou dæraen/aldatmiʃ sæxtæn* — обманывать.

Через азербайджанский же язык в основном происходит заимствование русских и интернациональных слов, связанных с новым бытом, культурой, с колхозным строем и советской властью: *qamsamol* — комсомол, *malatinkæ* — молотилка, *payiz* — поезд, *balniskæ* — больница, *ispalkom* — исполком, *savqiz* — совхоз, *qamunist* — коммунист, *partiya* — партия и т. п.

Очень интересным является также анализ влияния лексики кавказско-иберийских языков (таких, как крызский язык и гымыгский говор лезгинского языка) на словарный состав татского языка, причем наиболее ярко это влияние проявляется в диалектах татского языка носителей, проживающих по соседству с крызами (Кубинский район) и лезгинами, использующих гымыгский говор (Хачмазский район). Несмотря на принадлежность этих языков к разным языковым семьям, их влияние друг на друга естественно. Так, показателем изафета глагола в татском языке является конечное «ə», которое также образует определение. Являясь абсолютно не характерным для дагестанских языков, это явление присутствует в крызском языке и существует не в форме «ə», а в форме гласного звука «а». Например, «дагаара кул» — каменный дом, в татском языке «дəнгə дахар» — каменная скала, «кəлə хун» — большой дом, «дура ди» — дальняя деревня. В татском языке частица «а» является одним из образователей множественного числа, в крызском языке она также образует множественное число имен существительных, например «адмия» — люди.

В крызский язык из татского перешло значительное количество слов, причем ряд из них чисто татского происхождения, а некоторые перешли опосредовано из других языков. Например, «тов» — очаг, «дагар» — камень, скала, «пачча» — падишах, «гайел» — ребенок, «эдəми» — человек, «кумиш» — буйвол, «чике» — место. Через крызский язык ряд татских слов перешли и в гымыгский диалект лезгинского языка. Интересно, что некоторые из этих слов используются активно и в крызском языке. Например, «губи» — впадина, лунка, «чал» — чальный, «каф» — слово, «дар» — дерево, «маст» — кефир, «кукрум» — молния, «акəндəн» — вытаскивать, «гарт» — точило, «бə'ли» — ковер, «дуг» — айран (отсюда, вероятно, «авдуг» — суп из кислого молока; интересно, что в азербайджанском языке «овдуг» — это крошка на кислом молоке, а суп из кислого молока, риса и зелени называется «довга»), «гəрдəн» — шея.

Языковые факты подтверждают также и влияние татского языка на удинский, однако это влияние пока углубленно не изучено. Как показывают вышепри-

веденные примеры, имеется выраженное фонетическое, грамматическое и лексическое влияние татского языка на принадлежащие к кавказско-иберийской семье языков лезгинский язык и его гымылский говор, а также на крызский язык, и проведение углубленной научно-исследовательской работы представило бы большой интерес. Очень интересным является обнаруженное прямое и опосредованное влияние русского языка на татский. Так, в татский язык опосредовано через азербайджанский попал ряд русизмов, например, «истакан» — стакан, «хефтенбил» — автомобиль, «сувет» — совет, «гэрэвул» — охрана. Интересно, что помимо русизмов, перешедших в татский язык с помощью азербайджанского, мы обнаружили ряд слов, перешедших непосредственно из русского языка. Очень интересные метаморфозы произошли с лексемой «пирвоји», имеющей в татском языке значение «очень хорошо», «отлично», «прекрасно». И лишь в гонагкяндсом говоре у очень пожилого информанта мы обнаружили значение «пирвоји» как «первый», например, «дэр деһ пирвоји мэрд» — «первый человек на селе», что позволило выявить этимологическое происхождение данной лексемы. В татском языке в значении «прогонять», «ссылать», «переселять» используется слово «вэсилкэ», имеющее, несомненно, происхождение от русского «высылка». Нам удалось обнаружить значительное количество русизмов в разных говорах татского языка «агушкэ» — окошко, «балницкэ» — больница, «гарават» — кровать, «ахатно» — выходной, «иштираб» — штраф, «люткэ» — лодка, «куришкэ» — кружка, «дуррэк» — дурак.

Конечно же, основную, базовую лексику татского языка составляют слова общие не для всех языков, относящихся к иранской семье, а лишь к ряду из них. Например, татское «бобосил» — геморрой, «хари» — место, «чум» — глаз, «кэләһә» — большой, «гәј» — очень, «лэкмин» — вдруг, «дирикн» — пустой, «гәжгун» — кастрюля, казан, «тюнюк» — еда, обед, «дахар» — гора, «пейсяр» — затылок, «вир бирән» — растение, «астаран» — брат, «бирар» — брат, «тәлю» — колючка, игла.

Известно, что появление большинства слов в словарном составе каждого языка не случайно, а появляются они при описании определенных особенностей предметов, их признаков. Из входящих в ряд таких слов групповых лексем наиболее стабильными и неизменными являются бытовые, в том числе соматические, топонимические названия. В связи с тем, что сбор лексического материала татского языка осуществлялся нами в широком аспекте и не ограничивался бытовой терминологией, при анализе собранного глоссария была выявлена масса интересных находок. Анализируя этимологию собранных лексем (включая лексемы, используемые единичными информантами, и поэтому не вошедшие в основной глоссарий) мы распределили весь собранный материал на несколько групп, основываясь на их генетической принадлежности к той или иной языковой группе (необходимо отметить, что большинство представленных соматизмов удалось обнаружить в лексиконе единичных информантов, в связи с чем они не включены в состав глоссария):

а) *иранизмы*: «səg» — голова, «gərdən» — шея, «düş» — плечо, «püşt» — спина, «kun» — зад, «işqəm» — живот, «dül» — сердце, «guru» — кишечник, «расә» — нога, ступня (азерб. промежность), «əngüşt» — палец («ангушламаг» — апплодировать), «gunə» — щека, «müzə» — ресница, «müx» — затылок, «muy» — воло-

сы, «titək» — зрачок, «sanə» — подбородок, «azu» — коренной зуб, «lüput» — губа, «xliz» — слюна, «cülğ» — гной, «ustana» — беременная, «şah» — matka, «üstüqun» — кость, «gijgah» — висок, «dəmru» — лишай, «sinə» — грудь, «kəmə» — поясница (азерб. пояс, ремень), «ləng» — хромо́й («Timur-ləng» — Чингисхан), «qurt» — глотка (азерб. «глото́к»), «qilat» — мизинец, «qultuq» — подмышка, «qəbəq» — лоб (азерб. перед), «qamağ» — жила, «büq» — усы, «yara» — рана, «ilik», «bein» — мозг, «məmə» — грудь женщины (курдское «məmik», пехлевийское «mamak»);

б) арабизмы: «adəm» — человек, «bevasir» — геморрой («бабасил» азерб.), «bəyaz» — белковая оболочка глаза, «bəlqəm» — мокрота, «bəna» — палец, «vəgəm» — туберкулез, опухоль, «vərid» — аорта, «gabiz» — запор, «əlil» — больной, инвалид, «zilzəl» — озноб, судорога («zəlzələ» — землетрясение азерб.), «işkənbə» — желудок, живот, «nəbz» — пульс, кровеносный сосуд, «pürxal» — веснушчатый, пятнистый (оригинальная этимология — персидский «rūr» и арабский «xal» корни), «gəhim» — matka, «taun» — холера, «tədavi» — лечение, лечебный, «jərahət» — язва, рана («jərrah» — хирург азерб.), «şəfəxane» — больница (араб. «şəfa» — выздоровление и персидское «xane» — место, дом);

в) тюркизмы: «alın» — лоб, «qaş» бровь, «burun» — нос (интересно, что в ряде тюркских языков слово имеет еще перевод как «раньше», «прежде» и оба основных значения, вероятно, связаны между собой через пространственное наречие со значением «впереди», выступающая вперед часть чего-либо);

г) славянизмы: «чухутке» — туберкулез, «vərşuk» — голова, верхушка, «zoxut» — туалет, отхожее место, «qaz» — кишечные газы, «qrip» — грипп, «lint» — бинт, «mişuk» — полость, емкость, «pijoniskəi» — пьянство, «pufdədi» — мочевого пузыря (звукоподражательное «puf» — дуновение).

В данной работе мы хотели бы также остановиться и на собранной нами топонимической лексике в связи с оригинальностью и большим научным и практическим интересом, который представляет анализ этой лексики. Географические названия бывают тесно связаны с предметами и явлениями, местной природой и ее особенностями, и первое время эти названия бывают понятны всем, их значение сохраняет свою смысловую нагрузку. Но с течением времени в связи с меняющимися историческими, общественными условиями и в соответствии с эволюцией языка, эти названия выходят из повседневного употребления, изменяются, заменяются другими, более современными лексемами, или же, в соответствии с языковыми требованиями, претерпевают фонетические изменения и постепенно для будущего поколения переходят в разряд слов, потерявших свое смысловое значение. На территории Азербайджана ряд географических названий тесно связан с другими народами, в определенный исторический период сыгравшими определенную роль в прошлом страны. Так, захват страны арабами, привел не только к выраженному влиянию арабского языка на разговорный и литературный татский язык, но и к появлению арабизмов среди географических названий — например, существование деревень с названиями Ханараб, Арабшахверди, Арабшалабаш, Арабджабирли, Арабхандан. Топонимы, возникшие на основе языкового материала татского языка, занимают важное место в топонимике Кубинского района. Так, например, топоним Нюгяди переводится с татского как «новая деревня» — «нюк» — новый, «ди» — деревня. Вероятно, во времена образования

этой деревни население окружающих татских деревень так называли это место и этимологическое значение слова — «новая деревня». Название деревни «Нора» в татском языке означает «озера» («нохур» — озеро, а «а» — суффикс множественного числа). И, действительно, деревню окружает 7–8 небольших озер. Этимологический анализ вышеперечисленных топонимов показывает, что при изучении происхождения географических терминов необходимо учитывать язык этнических групп, проживающих на этой территории. К сожалению, происхождение географических названий Азербайджана, связанных с татским языком, не изучено полноценно.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало большое диалектологическое разнообразие татского языка, плодотворность сравнительного анализа татской бытовой лексики с другими иранскими языками, наличие огромного слоя слов и элементов, происходящих из древних языков различных семей и исчезнувших в других современных иранских языках, но сохранившихся в татском.

Список использованной литературы:

1. Грюнберг А. Л. О месте татского среди иранских языков // Вопросы языкознания.—1961.—№ 1.—С. 106–114.
2. Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки.—М., 1982.—С. 231–286.
3. Грюнберг А. Л. К вопросу о языковом взаимодействии (на материале языка североазербайджанских татов) // Краткие сообщения Института народов Азии. Языкознание.—М., 1961.—Т. 40.—С. 11–23.
4. Миллер В. Ф. Очерк фонетики еврейско-татского наречия.—М., 1900.—206 с.
5. Миллер В. Ф. О семитском элементе в татском наречии горских евреев // Древности восточные: Тр. Восточной комиссии Московского археологического общества.—М., 1903.—Т. 2, вып. 3.—С. 160–168.
6. Шор Р. О. О спорных вопросах в консонантизме говора татов-евреев // Языки Северного Кавказа и Дагестана.—М.—Л., 1949.—Вып. 2.—С. 127–139.
7. Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов.—Л.: АН СССР, 1963.—213 с.
8. Мусаханова Г. Б. Татская литература: Очерк истории. 1917–1990.—Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1993.—356 с.
9. Давыдова Л. Х. К вопросу о простых гласных фонемах современного татского языка (На материале языка татов Северного Кавказа) // Исследования по адыгским языкам.—Нальчик, 1977.—Вып. 1.—С. 122–127.
10. Давыдова Л. Х. Язык татов Северного Кавказа: Автореф. дисс. . . канд. филол. наук.—М., 1982.
11. Назарова Е. М. О конструкции изафетного типа в еврейско-татском языке в сравнении с другими иранскими языками // Вопросы иранистики и алановедения: Тез. докл.—Владикавказ, 1990.—С. 15–16.
12. Назарова Е. М. О дифференциации атрибутивных признаков в определительных словосочетаниях еврейско-татского языка // Семантика.—М., 1991.—С. 65–67.
13. Beresin I. Recherches sur les dialectes Persans.—Casan, 1853.
14. Clifton J. M., Deckinga G., Lucht L., Tiessen C. Sociolinguistic situation of the Tat and Mountain Jews in Azerbaijan.—Azerbaijan: SIL International, 2005.—54 p.
15. Курдов К. М. Таты Дагестана // Русский антропологический журнал.—1907.—№ 3–4.
16. Миллер В. Ф. Татские этюды. Ч. II. Опыт грамматики татского языка.—М., 1907.—(Тр. Лазаревского ин-та вост. языков. Вып. 26.)
17. Грюнберг А. Л. Система глагола в татском языке // Иранский сборник.—М., 1963.—С. 121–149.
18. Миллер В. Ф. Очерк морфологии еврейско-татского наречия.—М., 1901.—65 с.
19. Миллер В. Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты, словарь.—СПб., 1892.

АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Никто не может отрицать важности археологии для такого мультикультурного и мультиэтнического региона мира, как Кавказ. Однако, на Кавказе, являющемся плавильным котлом языков и этносов, наука о древности становится часто орудием в руках политиков, поэтому для всех специалистов, занимающихся древностью Кавказа, необходима чрезвычайная объективность, аргументированность, взвешенность в их суждениях и выводах.

Поскольку уважаемый Александр Борисович Крылов предложил мне сделать сообщение на тему о современных проблемах археологического кавказоведения, я не буду отступать от нее и постараюсь осветить лишь некоторые, на мой взгляд, наиболее значимые, проблемы нашей науки.

Первая проблема чрезвычайно важная проблема — это проблема фальсификации данных археологии и древней истории Кавказа в угоду национальной и политической конъюнктуры. Это попытки доказать, что тот или иной народ древнее, что у него уже в третьем тысячелетии существовала государственность, что он упомянут в ассирийских хрониках и т. д. Эта проблема возникла не сегодня. Она вызревала еще историографии поздних застойных лет, но получала, естественно, квалифицированный отпор. Я прекрасно помню, например, как получила достойную отповедь на страницах журнала Советская археология откровенно пантюркистская книга балкарского археолога Исмаила Мизиева «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа», опубликованная еще в 1981 г. Здесь целый ряд имен, встречавшихся в ассирийских хрониках, переводился с тюркских языков, постулировалась государственность у тюрков еще в эпоху бронзы, тюркоговорящими были объявлены носители археологических культур Центрального Кавказа, начиная с эпохи энеолита. Но в те годы это был единичный случай, получивший достаточно жесткий отпор научного сообщества.

Следует сказать, что официальная академическая ранняя история Северного Кавказа тех лет, отраженная в частности в коллективной монографии под редакцией Нарочницкого и Пиотровского, никогда не проводила прямых линий между древними культурами и современными северокавказскими народами.

Однако в перестроечные годы после объявленного Ельциным лозунга на самоопределение плотина была прорвана. В поисках национальной самоидентичности в северокавказских республиках появилось огромное количество работ, большей частью паранаучных, либо написанных в духе «фолк-истори», в основе которых лежали этногенетические мифы. Понятно, что здоровые силы сначала пытались бороться с подобными работами методами квалифицированной критики. Неоднократно на самую известную и представительную конференцию археологов-кавказоведов — «Крупновские чтения» — выносились доклады о научных фальсификациях древней истории. Но, как было отмечено Виктором Шнирельманом на одной из таких конференций, «наивно было бы верить, что археологическую

пара-науку можно искоренить лишь методами квалифицированной научной критики. Ведь научная полемика с создателями этногенетических мифов автоматически вводит их конструкции в круг научных гипотез и придает им научный статус. Между тем этногенетический миф по своим задачам, источникам и методам создания кардинально отличается от научных построений. В основе этногенетического мифотворчества лежат, прежде всего, эмоции, его идейная нагрузка определяется конкретной этнополитической обстановкой, а его творцы руководствуются целями, которые весьма далеки от научных».

Упомянутый мной Виктор Шнирельман и вступил наиболее последовательным борцом с этногенетическими мифами, существующими на Кавказе. Я могу отослать к двум его работам, где рассматриваются этногенетические мифы. Это книга «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», в которой разбирается, например, и проблема «Албанизации армянского наследия». И вторая книга «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в.». Здесь исследуется история этногенетических мифов Центрального Кавказа, в частности этногенеза осетин, ингушей и карачаевцев.

Самой страшной проблемой является проникновение этногенетических мифологем в школьные учебники. Несколько лет назад в семинаре при отделе раннего железного века Института археологии РАН мы с моим коллегой Скаковым попытались проанализировать школьные учебники, полученные в Институте национальных школ и рекомендованные в республиках Северного Кавказа по так называемой «региональной составляющей» образования. К сожалению, мы так и не опубликовали эти аналитические доклады. Впечатление от чтения этих учебников осталось удручающими.

Так, например, если следовать адыгейскому учебнику, написанному археологом Нурбием Ловпаче, то в эпоху ранней бронзы (майкопская культура) на территории Адыгеи процветало мощное государство адыгов-Хаттов со столицей Хатуспа на территории современного Майкопа. Здесь существовала мощная городская цивилизация, имелась письменность, храмовое строительство и т. д. По Ловпаче, именно адыгские хаты создали свою Хатуссу в районе Богазкея. В осетинском учебнике Бзарова и Блиева объявляется о ираноязычности носителей кобанской культуры, а в балкарском учебном пособии Исмаила Мизиева об тюркоязычности этой же культуры. Тюркоязычными были и скифы, тесно контактирующие с кобанцами, имена скифских царей, упомянутых Геродотом, автор переводит с тюрских языков.

Зерна национального превосходства, исключительной древности своего народа на Кавказе, посеянные подобными мифотворцами в этих учебниках, безусловно, прорастают в сознании кавказской молодежи. Чтобы убедиться в этом, достаточно зайти и посмотреть, на то, что они пишут о происхождении своих народов на многочисленных кавказских форумах.

Пути решения этой группы проблем этногенетического мифотворчества в современном кавказоведении видятся в следующем. Это широкое обсуждение проявлений мифотворчества не только в научной среде, на научных форумах, но и в массовой печати. В конечном итоге здоровые силы археологов-кавказоведов из разных, даже враждебно относящихся друг другу республик и государств Кавказа, в состоянии договориться и написать совместно объективную, основанную

строго на научных фактах древнюю историю Кавказа. Возможно, следует предложить вновь созданному научному обществу кавказоведов одним из направлений своей деятельности избрать работу по координации создания такого труда.

Другая не менее важная проблема — исчезающее в результате нелегальных раскопок археологическое наследие Кавказа. Если еще 1981 г. адыгейский тракторист выпалхал на пашне у аула Уляп бронзовый котел, передал его школьному учителю, а последний привез его в музей, и таким образом были открыты знаменитые Уляпские святилища, давшие миру и науке множество предметов искусства из драгоценных металлов, которые сейчас хранятся в нашем музее, то сейчас подобная ситуация просто невозможна.

С перестройкой наступила эпоха тотального разграбления археологических памятников, которые стимулировал небывалый рост черного рынка древностей. Нельзя сказать, что не было коллекционирования предметов археологии при Советском Союзе. Оно было, но сейчас это выросло в разы при бездействии если не сказать при сотрудничестве с органами, которые должны этому противодействовать. Основная причина этого, мне кажется, в том, что высшие чиновники на постсоветском пространстве сами являются коллекционерами древностей. Достаточно вспомнить господина Ющенко с его коллекцией Триполья, по непроверенным данным коллекционером является Ткачев, губернатор Краснодарского края. В настоящее время наиболее удручающей является ситуация на Северо-Западном Кавказе (Краснодарский край и республика Адыгея) и в Карачаево-Черкессии, где практически не осталось не одного целого памятника археологии. Здесь действуют целая сеть, внизу которой стоят вооруженные металлодетекторами и георадарами — так называемые «черные археологи», т. е. грабители, над ними существуют скупщики, еще выше артдилеры, которые непосредственно работают с богатыми клиентами — отечественными и зарубежными коллекционерами.

Два года назад в Лондоне вышел каталог с шедеврами из частных коллекций, незаконно добытых и незаконно вывезенных на пределы страны. В основном это вещи с территории Северо-Западного Кавказа прежде всего Краснодарского края. Мне хорошо известно, что эти же грабители орудуют на территории Абхазии и, используя коррупционные схемы, вывозят награбленное в Россию и далее. Так, например, полностью ограблен могильник позднеаримского времени и эпохи раннего средневековья в районе с. Ачмарда над Гаграми. Страшные грабежи памятников археологии происходят в Дагестане. Грабители добрались до родовых святилищ в высокогорных районах, куда еще в эпоху средневековья приносились жертвенные вещи, в том числе и специально изготовленные бронзовые антропоморфные фигурки. Так, например, полностью уничтожено с помощью бульдозеров и металлодетекторов известнейшее святилище в Цумтинском районе — Кидилишайни — «Кукольная гора».

Формально Россия присоединилась ко всем международным конвенциям по охране культурного наследия, в том числе и последней, принятой в Валетте на Мальте, существует в России и 73-й федеральный Закон об охране наследия. Однако все это, к сожалению, пока остается только на бумаге.

Разумеется, здоровые некоррупцированные силы археологов и музейного сообщества как могут сопротивляться этому явлению, но и здесь также нужна ко-

ординация с археологами и музейщиками Южного Кавказа. К нам в музей неоднократно приносились на продажу вещи и из Армении, в том числе и урартские. Я как эксперт всегда выступаю против покупки музеями вещей, не имеющих провенанса, полагая, что они заведомо происходят из грабительских раскопок. Подобные покупки только стимулируют грабителей на новые грабежи. Грабежи идут и в Грузии, однако, как рассказывают коллеги, хозяева участков в селах часто сами запрещают проводить нелегальные раскопки и сами сдают «черных копателей» полиции.

Есть еще одна проблема современной археологии Кавказа, как и Кавказоведения в целом, — информационная. Если раньше был единый ВАК и мы получали информацию о диссертациях, защищенных в республиках Кавказа, в библиотеки Москвы и столиц республик Кавказа централизованно; из Книжной палаты приходили все издаваемые книги по кавказоведению, было множество международных конференций, то теперь эти связи значительно ослабли. Если для Северного Кавказа эту проблему в значительной степени решают постоянно действующие Крупновские чтения по археологии Кавказа, то конференций, которые могли бы собрать археологов всего Кавказа, практически нет. Есть ежегодная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа», которая сейчас проводится фондом Кавказа в Тбилиси, туда могут приехать как армянские, так и азербайджанские ученые, но абхазские уже не могут. В прошлом году устраивались конференции по определенным периодам древности Кавказа в Турции (Тире) и Германии — Виттенберг. Если на турецкой конференции были представители всех стран Кавказа, то в Германию, в силу опять же каких-то не вполне понятных причин, не были приглашены представители Армении и Абхазии.

Мне кажется, что вновь создаваемое научное общество кавказоведов, прежде всего, благодаря своему интернет порталу, сможет послужить и центром для обмена информацией археологов Кавказа. В дальнейшем, очевидно, возможны будут возможны и общекавказские археологические конференции, которые, вероятно, надо проводить на Северном Кавказе, куда смогут приехать и представители всех стран Южного Кавказа.

РЕЗОЛЮЦИЯ
НАУЧНОГО ФОРУМА «КАВКАЗ 20 ЛЕТ СПУСТЯ:
ГЕОПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ»

20–30 июня 2011 г. во Владикавказе состоялся научный форум «Кавказ 20 лет спустя: геополитика и проблемы безопасности».

Участники обсудили актуальные проблемы кавказоведения и проблемы современного Кавказа, роль внешних и внутренних факторов в развитии региона, проблемы безопасности, особенности этнополитических процессов и межконфессиональных отношений.

В ходе конференции состоялось всестороннее обсуждение проблем, которые представляют угрозу миру и безопасности в регионе, препятствуют его успешному социально-экономическому развитию.

Особое внимание было уделено российской политике на Кавказе, историческому опыту взаимоотношений между русским народом и народами Кавказа, состоянию и перспективам развития отношений между Российской Федерацией и современными государствами Кавказа.

Участники конференции считают необходимым отметить следующее:

- существует объективная общность интересов народов региона, в одинаковой степени заинтересованных в мире и долгосрочной стабильности в Кавказском регионе;

- считать недопустимой любую поддержку деструктивных сил, которые способствуют разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни;

- успешное развитие России по пути модернизации и совершенствования демократии является залогом и важнейшим условием стабилизации ситуации на Кавказе;

- признать негативную роль вмешательства политики в научные исследования, считать крайне опасными для народов Кавказа фальсификации и антиисторические трактовки событий прошлого;

- установить практику проведения постоянно действующего форума по проблемам геополитики и безопасности;

- считать целесообразным публикацию материалов научного форума.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
РАЗДЕЛ I	
ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА ТАБОЛОВА	
Последнее интервью Сергея Таболова	5
Бзаров Р. В память о С. П. Таболове	15
Дзасохты М. Ёнусмæ мысинаг	18
Дзугаев К. С. П. Таболов: жизнь как служение	20
Чеджемов С. Р. С. П. Таболов: сын народа, ученый и педагог	23
Чибиров Л. А. Личность общенационального масштаба	25
РАЗДЕЛ II	
ИСТОКИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	
Арешев А. Г. Джавахк в армяно-грузинских отношениях и в контексте региональной политики	29
Бзаров Р. С. Осетинское посольство 1749 г. и современность	36
Гарсаев Л. М. Несколько тезисов о древних русско-чеченских связях	45
Дикиева П. Э. Страницы истории Чечни в двадцатые годы XX столетия	50
Елифанцев А. А. Разные трактовки истории кавказской войны на западном Кавказе и их влияние на современность	54
Захаров В. А. Документы Хан-Гирея о деятельности европейских агентов среди черкесских племен	58
Кобахидзе Е. И. К проблеме интеграции Осетии в администра- тивную систему Российской империи	65
Нагиева М. К. Материалы ЦГА РД о культурных связях республик Северного Кавказа и Дагестана (1921–1990 гг.)	72

Натаев С. А. Чеченский тайп: история и современность	82
Цориева И. Т. К вопросу о культурном взаимодействии казаков и осетин в процессе освоения Владикавказской равнины в XIX в.	89
Шорова М. Б. Русскоязычное население Кабардино-Балкарии в условиях этнической мобилизации на рубеже 1980–1990-х гг.	93

РАЗДЕЛ III

ГЕОПОЛИТИКА. УГРОЗЫ И РИСКИ

Арешев А. Г. Современный Кавказ: некоторые итоги пост- советского развития	97
Вермишев М. К. Экономическое развитие Армении за 20 лет. Итоги и перспективы	101
Дзайнукова М. И. К вопросу о конфессиональной ситуации на Северном Кавказе в конце XX — начале XXI вв.	106
Дзакоев З. Л. К вопросу о стратегии безопасности региона	116
Дзидзоев В. Д. Геостратегия Российской Федерации: приоритет национальных интересов на Кавказе	122
Добаев И. П. Северо-Кавказский федеральный округ: проблемы региональной идентичности на юге России	128
Ибрагимов Х. А. Представления дагестанских подростков о месте и перспективе России в мировом сообществе (на примере учащихся образовательных учреждений Махачкалы)	134
Кулова М. Р. Дотационность республик Северного Кавказа в контексте их политико-экономической субъектности	139
Кривенюк А. Взгляд на Кавказ и российско-абхазские отношения в абхазских СМИ	144
Крылов А. Б. Южный Кавказ: некоторые итоги постсоветского развития	149
Магомедова М. А. Северный Кавказ в системе обеспечения национальной безопасности России	168
Магомедова М. З. Религиозный фактор в этнополитической жизни Республик Северного Кавказа	175
Малышева Д. Б. Южный Кавказ в мировой политике	179
Пашенко И. В. Практика насилия на Северном Кавказе в начале XXI в.: формы проявления и динамика	183
Санакоев И. Б. Роль законодательных органов в процессах политической модернизации в российских регионах (на примере Республики Северная Осетия-Алания)	187

Скаков А. Ю. Политика России на Южном Кавказе и вызовы 2011 г.	197
Хадикова А. Х. Этносоциальный аспект межэтнической интолерантности, или еще раз о «лицах кавказской национальности»	210
Чибиров Л. А. Постперестроечный Северный Кавказ: проблемы и перспективы	215
Юсупова Г. И., Шайдаева А. А. Роль Северного Кавказа в современной российской геополитике	225
РАЗДЕЛ IV	
ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО РАЗВИТИЯ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ	
Авидзба В. Ш. Основные направления кавказоведческих исследований в Абхазии	231
Бабич И. Л. Формирование современной горской идеологии на Северном Кавказе	237
Багаев М. Х., Тангиев М. А. Вехи единения культур народов Кавказа	244
Бедирханов С. А. Творческое сознание дагестанских народов в социокультурном контексте второй половины XIX — начала XX веков	247
Гутиева Э. Ш. Этнокультурный бренд как ресурс иннова- ционного развития и межнационального согласия	254
Канукова З. В., Кулова М. Р., Федосова Е. В. Социокультур- ное пространство как фактор модернизационных изменений на Северном Кавказе	258
Крылов А. Б. Актуальные проблемы современного кавказоведения	267
Магомедов А. Дж. Народная художественная культура Дагестана в контексте постсоветских преобразований и глобализации	273
Малышева Д. Б. Постсоветское Закавказье: социальные и полити- ческие проблемы развития. Аналитико-библиографический обзор российских исследований	277
Салакая Ш. Х. Развитие науки в Абхазии: прошлое и настоящее	303
Умняшкин А. А. Анализ бытовой лексики татского и еврейско-татского языков	309
Эрлих В. Р. Археология Кавказа: проблемы и пути их решения	318
Резолюция научного форума «Кавказ 20 лет спустя: геополитика и проблемы безопасности»	322

Научное издание

**КАВКАЗ СПУСТЯ 20 ЛЕТ:
ГЕОПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ**

Ответственные редакторы:

З. В. Канукова, А. Б. Крылов, А. Г. Кусраев

Компьютерная верстка *В. В. Кибизова*
Корректор *Е. М. Лыга*

Подписано в печать 13.12.2011. Формат бумаги 70×100¹/₁₆.
Усл. п. л. 26,28. Тираж 200 экз. Заказ № 182.

Южный математический институт ВНЦ РАН и РСО-А
362027, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 22.

Отпечатано ИП Цопановой А. Ю.
362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3.

ISBN 978-5-904695-10-1

9 785904 695101